

Ольга Романовская

Пикантные обстоятельства

— Кофе, свежие газеты, почту и свою голову, — пронеслось мимо начальство, обдав сладким парфюмом.

Вздрыгнула и едва не поперхнулась чаем — как и многие в нэвильской Карательной инспекции я начинала день со второго, а кто-то — с первого завтрака. Вот Эмиль Лотеску, с недавних пор уже не «ишт», дворянин, точно не успел поесть. Он опоздал почти на час. Глава Карательной инспекции и прежде не отличался пунктуальностью, но сегодняшнее — явно перебор. Обычно я только-только успевала подправить макияж, а тут вторую чашку пью, потому как все дела переделала, а новых пока нет. Думала покопаться в чужих магических почерках, нагло использовать рабочее время для собственного обогащения, но не срослось. Начальник мигом найдет занятие. Раз небритый, то злобный, загрузит секретаря по полной. Ладно, не привыкать, признаться, немногие бы стерпели Эмиля Лотеску и не шлепнули заявление в тот же день. Умел он допекать!

Легкая щетина, как всем брюнетам, Лотеску идет, другое дело, в министерстве не оценят. Все-таки высшее должностное лицо, обязан выглядеть с иголки. Ладно, на работе побреется, главное, костюм свежий, чистый, не мятый.

Тяжко вздохнула и покосилась на чашку в цветочек. Допить или не допить?

Эх, а я грешным делом решила, Лотеску не придет. Не звонил, не предупреждал — что прикажете думать? В итоге на свой страх и риск отменила совещание, иначе бы в приемной сейчас было не протолкнуться, и все донимали меня, Магдалену ишт Мазеру, куда запропастился Эмиль Лотеску. Можно подумать, он перед секретарем отчитывается! Ладно, положим, у нас хорошие отношения, остались с прежних времен, когда бегала к тогда еще первому заму за персональными заданиями.

Мы в чем-то похожи: Лотеску тоже из мещан, но родители благородных профессий. Отец — архитектор, мать — женский врачеватель. Начальник болезненно честолюбив, не мог смириться с приставкой «ишт», которую носили представители второго сословия. В итоге добился своего, сменил документы на «хассаби», то есть стал дворянином. А восемь месяцев назад занял кресло главы Карательной инспекции. Ровно столько же заведовала бумажками в приемной.

Помнится, когда приехала в столицу Вертавейна, одной из провинций королевства Амбростен, я мечтала совсем о другой доли, да что там, не подозревала, что когда-то окажусь в приемной Карательной. Дочери ремесленников приходилось отрабатывать учебу в университете, то есть смиренно принять место по распределению.

О, ту школу запомню надолго! Особенно завуча, которая считала своим долгом унижить молодых подчиненных — типичное поведение при психических расстройствах, когда человек компенсирует низкую самооценку слезами других. Об этом узнала позже, а тогда... Словом, продержалась недолго, ушла в никуда и увидела объявление о наборе в Карательную инспекцию. Сюда не стремились: работа опасная, а мне было плевать, лишь бы платили. В итоге восемь лет протрудилась на благо государства в Отделе по работе с магией. Потом влюбилась в некрманта и расплатилась за глупость прогулкой по лезвию ножа, судом и крушением надежд. Теперь секретарь Лотеску. Спасибо ему, взял девицу с сомнительной репутацией. И с адвокатом помог, запрет на работу в органах снял.

Нас с Лотеску связывали особые отношения. Не любовные, пусть в минуту опасности и переспала с начальником. В оправдание, оба напились, а мне грозила смерть от ножа разъяренного некрманта.

Шайтан, никогда не забуду той ночи! Мир казался огромной ловушкой, страх душил. Если бы Лотеску тогда отмахнулся, угодила бы в руки Тайрона — главной ошибки моей жизни. Думать не хочу, сколько людей он убил во имя безумной идеи! Новый вид людей, видите ли, хотел вывести! Обаятельный богатый мужчина, воспитанный, чуткий — чересчур для Магдалены ишт Мазеры.

Словом, близкое знакомство состоялось. Жалела ли? Нет. Южане темпераменты, а

хороший секс — лучшее лекарство от нервов. Думаю, Лотеску тоже остался доволен. Пусть я не опытная куртизанка, но девушка аппетитная, с формами, брюнетка — в его вкусе.

После никто о той ночи не вспоминал. Вопреки стереотипам, Лотеску не сделал любовницей, на работу взял как надежного человека и хорошего работника, а не как аксессуар для спальни. Тут у него другие. К примеру, сейчас актриса, и завтра мне выбирать ей подарок к премьере. Может, ограничиться розами и конфетами? Начальник конкретных распоряжений не давал, придется напомнить.

— Голову как, отрезать, отпилить или замариновать? — шутливо поинтересовалась, захлопнув ящик с досье, той самой подработкой.

Хранить подобные вещи в столе не боялась: Лотеску в курсе, сам подsunул проверить «творчество» одного из сотрудников. Ошибок нашла немерено, тут и без восходящих алевов, которые подвели с Тайроном, дашь ориентировку на другого. Вот сидела, исправляла, заодно просматривала рекламные проспекты одного пансиона. Не для родителей — для себя. Очень уж отдохнуть хотелось после ударов судьбы. И все под чашечку чая. Ее оставила на столе, вряд ли кто-то захочет подсыпать яду.

Минул почти год с тех пор, как не стало некроманта. Моего некроманта. Баронета Тайрона Эламара, владельца заводов, яхты... и принца моей мечты. Иногда видела во сне его ореховые глаза. Знаю, подонок, но иногда мелькала шальная мысль: а если бы все сложилось иначе, и я согласилась понять и принять? Он ведь до последнего прощал, значит, любил. Однако здравый смысл быстро унимал глупое женское сердце. Полюбила садиста? Забудь! Что я практически сделала, хотя, каюсь, принесла тайком цветы на могилу.

Под дождем попросилась с прошлым. Странно, но после ореховые глаза оставили в покое. Поневоле поверишь в эзотерическую чушь о душах. Так или иначе, больше не вздрагивала по ночам, во многом благодаря таблеткам. Сколько же их выпила! И, главное, сколько денег потратила на лечение. Расстройства психики — болезнь для богатых.

В инспекции перестали напоминать о фатальной ошибке, хотя в первые месяцы то и дело ловила подозрительные взгляды, слышала шепотки о месте, полученном через постель. Наглая ложь! Между нами с начальником ничего, самое большее — танцы на праздновании дня рождения. Впрочем, тут сама спровоцировала, не рассчитала градуса и пригласила на спор. Ляпнула девочкам, будто уведу самого красивого и богатого кавалера. Им оказался Лотеску. Начальник не послал, только хмыкнул, скользнув взглядом по платью. Я надела коротенькое: тридцать лет бывает раз в жизни, молодость нужно провожать с помпой, а именно в лучшем клубе с морем выпивки.

Не знаю, считать ли преступлением сползшие на попу пальцы начальника, но мне они не мешали, даже тайком язык Алине показала. Она утверждала, будто Лотеску в лучшем случае меня проигнорирует. Понимаю, у Алины обида, ее тогда еще первый зам уволил, очень нехорошо, доведя до слез — некогда подружка трудилась на моем нынешнем месте.

Компания на дне рождения собралась знатная, славно повеселились, даже по Адруну покатались. Там, само собой, еще выпили, дошло до поцелуев под каждым мостом, но даже ту ночь провела одна. Видимо, после Тайрона переклинило. Мужчины, конечно, пробовали ухаживать, но не тянуло. Хватит! Я потратила достаточно времени на попытки выйти замуж и по любви, и по расчету, в итоге заработала одни проблемы. В общем, пора хорошенько отдохнуть, а из сложившейся ситуации извлечь пользу — заняться карьерой. Любовники любовниками, поправлю здоровье, заведу, а о будущем надо сейчас заботиться, сорокалетняя секретарша — приговор.

Периодически навещала Марка ишт Нару — ликвидатора, который пострадал от рук некроманта. Вот зачем поделилась догадками по поводу Тайрона? В итоге Марк полез разбираться и едва не погиб. Сейчас он проходил курс реабилитации. Врачи совершили невозможное, фактически оживили, только беднягу после выписки ждало увольнение. Он и так жил на пособие. Попробую через Лотеску найти ему место. Парень хороший, крепкий, пригодится в качестве того же аналитика.

— Типун вам на язык! — донеслось из приоткрытой двери кабинета. — Только второго некроманта мне не хватало! Голову, Магдалена, нести на шее. Желательно, не пустую. Доброго утра.

Так со мной здороваются, когда его сиятельство изволит опаздывать, а случается это с завидной регулярностью. Уже привыкла к традиционному звонку в восемь пятьдесят девять, сопровождаемому попыткой прожевать кусок: «Магдалена, перенесите то-то, попросите того-то зайти после обеда».

Убедившись, что срочных поручений нет, отправилась варить кофе. Пока крутила мельницу, засыпала порошок в специальный отсек последнего чуда бытовой техники — это я по старинке пользуюсь джезвой, — думала о предстоящих выходных. Планировала вылазку на природу. Боязно после Тайрона, но надо бороться со страхами. Начинается сезон пикников, неужели стану сидеть в душном городе?

Постучавшись, водрузила на стол поднос с кофе и зацокала за письмами и газетами.

— Магдалена, задержитесь, — окликнул Лотеску.

Он рылся в ящике стола — явно что-то искал. Попутно, не глядя, потянулся за чашкой и отхлебнул. В глаза бросилась характерная краснота под воротничком и несвежий галстук. У кого-то выдалась бурная бессонная ночь. Южане, они такие. Запомнишь одну любовницу, а уже другая. И все довольны, разумеется, если не рассчитывали на «долго и счастливо». Лотеску с пассиями щедр, разумеется, в разумных пределах. Я сама успела прикоснуться к миру богатства, представляю, что перепало на долю любовниц. Хотя секретарь иногда видит больше пташки на пару ночей. Я, к примеру, успела изучить расположение комнат в квартире начальника, запросто здоровалась с его домработницей Гретой, которая тайком кормила булочками с корицей. Хозяйскими, между прочим — хассаби обожал сладкое. Знаю, секретарю полагалось приносить и уносить бумаги, а не сплетничать на кухне, поедая вкусности, но пока Лотеску не видит, можно. Словом, несмотря на формальный шагок назад по карьерной лестнице, я стала гораздо ближе к аристократии, чем прежде.

— Да, хассаби? — постаралась изобразить заинтересованность, хотя мыслями витала в отложенном чужом отчете.

— За новостями следите?

Лотеску наконец выпрямился и потянулся за печеньем. Делала сама, принесла на работу, чтобы угостить начальство. Хассаби никогда не отказывался от домашней стряпни, а уж сколько нервов спасло имбирное печенье, когда я числилась в Отделе по работе с магией! Скучала ли по тем временам? Иногда. Сидение на месте отупляло, зато не приходилось отчитываться перед начальником-идиотом. С Лотеску хорошо. Нет, он не идеален, иногда взбеленится так, что поседеешь, но в итоге мы всегда находили общий язык.

Новости, значит? Слежу, по должности положено.

— Какими именно? — мало ли, что Лотеску заинтересовало?

Съездов, слетов не намечается, король не развелся и не женился снова. Вроде, все спокойно. Каждое утро просматривала газеты, выписывала важные события. В папке — подборка из вырезок: вдруг пригодится?

— Обычными, светскими. Слушайте, когда вы готовить успеваете? — Лотеску с удовольствием отправил в рот очередной кусочек печенья, даже зажмурился.

Расплылась в улыбке, польщенная комплиментом. Приятно, когда человеку действительно нравится. Вдвойне приятно, если это твой начальник. Доказано, спасение от выговора кроется в желудке, говорят, у мужчин это главный орган. У Лотеску таковых два, но я бы ставила на еду. Придется купить поваренную книгу, чтобы спасти чужие карьеры. Разумеется, не за спасибо — буду брать деньги за каждый тортик.

— Что еще делать холодными долгими вечерами? — картинно вздохнула я. — Только читать, какое колье надела примадонна и вздыхать по изобразительной карточке обворожительного аристократа.

— Такими уж долгими и холодными? — В глазах Лотеску плясали смешинки. — Вроде, отопление добралось даже до рабочих кварталов.

— Ем много, — активно включилась в игру. — Да и уголь дорогой, жалования не хватает.

— Отопление у вас паровое, включено в квартплату. Заверяю, за те деньги, которые я вам плачу, можно умереть от удушья.

Не верил. Вот жук, а! Но ничего, изображала раньше девственницу-недотрогу, теперь поиграю в старую деву, благо формально многие меня в нее записали. Надо соответствовать. Тридцать лет — самый возраст, чтобы вязать носки и присматривать место на кладбище. Кожа обвисла, мужчины больше не взглянут.

— Отопление отключили, а темнеет рано, — для пущей достоверности хлюпнула носом.

Начальник чуть не подавился кофе. Взбодрился, чуть не плачет от смеха. Надеюсь, стол не зальет, а то пятна выводить тяжело.

— Ну Магдалена, ну насмешили! Еще скажите, будто печете сладости на продажу, — Лотеску хрюкнул в последний раз и сделал большой глоток кофе. — Нет, действительно, готовите отменно, — покачал он головой. — Нынешние женщины редко умеют.

— Женщины вашего круга, — поправила я. — У нас все хорошо стряпают, потому что покупать готовый хлеб дорого. Я по сравнению с матерью неумеха.

— Это с какой стороны посмотреть, — философски заметил начальник. — Вы многого добились, Магдалена, и не обязаны стоять у плиты, нянча выводок сопливых ребятишек, считать каждый медный дарх.

Промолчала.

Что такое бедность, знала очень хорошо. И мама... Лотеску говорил о подобных ей с легким пренебрежением, будто низ второго и третье сословие виноваты в собственной нищете. Насчет детей, если на то пошло, у родителей начальника тоже выводок — пятеро. Сомневаюсь, будто он попрекал мать братьями и сестрами. Ну да, они не ремесленники, им можно.

— И зачем-то кормите меня, — укоризненно глянул хассаби. К счастью, он не умел читать мысли. — Зачем, Магдалена? Хотите раскормить на убой?

Пожала плечами и предложила перестать носить печенье, если начальник так печется о фигуре. Отказался и пододвинул ближе тарелку: вдруг отберу?

Сердиться на него? Глупо, Магдалена. Вы из разных миров, забудь!

— Не знаю, как остальные, а пару нескучных вечеров обещаю, — загадочно обещал Лотеску и проглядел письма. — Собственно, о светской хронике. Намечается прием с участием его величества.

— Заказать гостиницу? — высказала логичное предположение. — Ваши предпочтения, хассаби?

Начальник покачал головой и, откинувшись на спинку кресла, заложил руки за голову. Да что же ему нужно?!

— Вы ведь едете в столицу?

Право слово, зачем тогда говорить, если начальник проигнорирует торжество. Немыслимо! Лотеску — карьерист и честолюбец, скорее умрет, чем пропустит такое мероприятие.

— Еду, — кивнул начальник и потянулся за газетами. На меня пахло свежей типографской краской. — Вместе с вами. Составите компанию, развлечетесь за государственный счет. Билеты на поезд первого класса. Оба, — он выразительно глянул на меня. — Я предпочитаю не бегать по вагонам в поисках секретаря. Гостиница высшего класса, номера либо на одном, либо на смежных этажах. Мне люкс, вам —

повышенной комфортности.

— Но...

А как же работа? И откуда у меня украшения, платья?

С другой стороны, так соблазнительно! Прием — отличный способ завязать полезные знакомства. Сколько там времени на подготовку? И как, как я могла пропустить подобное событие!? Зуб даю, в газетах о подобном не писали, значит, частное приглашение.

Взгляд метнулся к столу, на горку писем. Нахмурилась, силясь припомнить, было ли среди них нужное. Определенно, нет. Может, я непрофессиональный секретарь, но к работе подхожу ответственно.

— Без всяких «но»! — пригрозил Лотеску, хрустя печеньем. — Вы секретарь главы Карательной инспекции, а не продавщица. Можете и полулюкс взять. Что еще? — Начальник задумался. — Письма. Подготовлю, отправите сегодня же. Рассчитывайте на двухнедельную поездку и захватите вечернее платье. Отсиживаться в номере не позволю, сыграете роль спутницы. И деньги не забудьте, Штайт — город не дешевый.

Кивнула, гадая, насколько недешевый. Спросить бы, но это уже за гранью.

— Что-нибудь еще?

— Пока нет. Ах да! — спохватился Лотеску. — Через час руководителей отделов в мой кабинет. Сопровождение нужно провести, — выразительный взгляд в мою сторону.

Поджала губы. Можно подумать, я виновата в чужом опоздании! Подавив раздражение, осведомилась:

— Приготовить зал?

— Не нужно. Обычная летучка, раздача заданий.

— Когда поездка? — самое главное Лотеску не соизволил сказать.

— В конце месяца, — закопавшись в газеты, ответил начальник и, порывшись в кармане, достал приглашение. Так и знала, хассаби узнал не из газет! — Вот детали, ознакомьтесь.

Кивнула и убрала в ежедневник.

— Почитайте подборку «Вестника Штайта», полагаю, пригодится. Новый номер уже принесли? Там как раз о приеме.

Лотеску перебирал письма, откладывая важные. Внезапно начальник напрягся, быстрым движением открыл ящик письменного стола и засунул туда конверт. Оставалось только гадать, что в нем.

Настроение хассаби резко испортилось. Хмурясь, он потребовал убрать грязную посуду.

— Пошевеливайтесь, Магдалена! Пора работать, а не бить баклуши за государственный счет. И покажите, наконец, уборщице, как надо протирать шкафы! — раздраженно добавил начальник и с тихим звоном поставил чашку на блюде.

Перевела задумчивый взгляд на библиотеку хассаби. Имперские фолианты с кожаными переплетами так и манили потрогать. Пыли нет, стекла тоже не в разводах. Что не устраивает хассаби? Подошла ближе. Не вижу, но, если начальнику так хочется, попрошу уборщицу протирать тщательнее и не дышать на мебель.

Забрала грязную посуду и тяжело вздохнула. Не завидую начальникам отделов, хассаби с них шкуру спустит! Хорошо бы мне не досталось, а то накроется полулюкс медным тазом.

Странно, Лотеску — не барышня далеко «за», чтобы под влиянием физиологических причин мгновенно переходить от довольства к раздражительности. Дело в письме.

Непонятное оно, нужно узнать, кто передал и почему в обход меня. Хассаби отродясь ничего не прятал, даже любовные послания пассий, знал, личное все равно не вскрою, наоборот, аккуратно отложу.

Вымыв посуду, бросила быстрый взгляд в зеркало: не потекла ли тушь, не расстегнулась ли блузка? Не желаю попасть под горячую руку и лишиться премии. Если уборщице досталось за мифическую грязь, то секретарю и подавно влетит за фривольный вид. Уфф, пуговицы на месте, макияж — тоже, даже прическа не растрепалась. Волосы я отныне не заплетала в косу, а носила распущенными. Знакомые в один голос твердили — так лучше, привлекательнее. М-да, лучше бы сейчас стать «серой мышью». Обычно я придерживаюсь иной стратегии, но слишком хорошо знаю начальника. Нет, он не злой, просто срывает дурное настроение на подчиненных. В таком состоянии Лотеску особенно нетерпим, хуже только во время мигрени. К счастью, она случается редко, а в столе всегда лежат нужные таблетки.

Собиралась приоткрыть плечом дверь: руки заняты, и замерла, прислушиваясь. Похоже, лучше повременить с возвращением в приемную. В кабинет начальника — тем более.

Лотеску отдавал распоряжения Синглеру, начальнику службы безопасности. Ишт Синглеру, разумеется, во всей инспекции только два аристократа: Лотеску и вечный второй зам Леонар Алард, и они не ладят. Нынешний «Большой босс» злопамятный, а Алард славится дурным характером и презрением к людям. Само собой, он свысока смотрел на выскочку, забравшегося столь высоко, теперь расплачивался.

Начальник беседовал с Синглером не по диктину — лично. Сквозь щелочку я видела его плотную фигуру. Синглер стоял спиной ко мне, неподалеку от стола, Лотеску — лицом, нервно барабанил пальцами по книге записи посетителей. На всякий случай отпрынула от двери: вдруг хассаби заметит? Он может. Да и нехорошо: скоро подтянутся люди на совещание, что они подумают, застав секретаршу в пикантной позе?

Перехватив удобнее поднос, напряженно прислушалась. Лотеску просил что-то выяснить, причём срочно. Ага, отправителя письма. Само послание передать в лабораторию.

Нахмурилась. Неужели у Эмиля Лотеску завелся личный некромант?

Под ложечкой засосало от нахлынувших воспоминаний.

Стоп, какой некромант? Скорее всего, обычный недоброжелатель. Должность хассаби обязывает, ему периодически посылали разные гадости, которые прямиком отправлялись в мусорное ведро. Обиженные на власть преступники и их родственники грозили жуткими карами, но Лотеску никогда не обращал внимания и тут вдруг...

— Магдалена!

Вздрогнула, когда дверь в коридор распахнулась, явив раздраженного начальника.

— Где вас носит? — окрысился он. — Сколько можно ждать кофе!

Недоуменно подняла брови, хотела напомнить о выпитой полчаса назад чашке, но не стала.

— Сейчас принесу, хассаби, простите.

В некоторых случаях лучше не спорить.

Бочком проскользнула мимо подозрительно поглядывавшего Лотеску — не иначе догадался, что подслушивала, — поздоровалась с Синглером и загремела посудой. Не вмешивайся в чужие дела, Магдалена, больше получишь и дольше проживешь.

— Вот! — с гордостью положила на стол отчет о проделанной работе, то есть раскрытое дело.

Какими правдами и неправдами забралась в тот салон, лучше промолчу. Чего только не сделаешь ради любимой работы! Мне, к примеру, пришлось пожертвовать растительностью на теле.

Лотеску поднял голову и мельком глянул на папку, из которой торчал кончик изобразительной карточки мошенницы. В последнее время он на редкость рассеянный, вечно погружен в свои мысли.

Меня терзало любопытство. Что в желтом пакете, который передали начальнику из лаборатории? Эксперты надежно запечатали, вскрывать побоялась. Полагала, хассаби даст поручение, проливающее свет на содержимое, но увы! Пришлось с головой погрузиться в расследование и задушить любопытство в зародыше.

Хм, занятно! Начальник с ловкостью фокусника сунул в карман очередной конверт. И как — чтобы не заметила. Выудил из-под стопки бумаг. Значит, секретное. Обидно, хассаби обычно посвящал в личные дела, доверял. Как раз закончила писать вежливый отказ его сестре, которая звала на очередной благотворительный вечер. Начальник их терпеть не мог: «Не то чтобы я ненавижу детей или бедных, но жертвовать временем и деньгами не готов». Черновик валялся в папке текущей корреспонденции, осталось отредактировать и отдать хассаби, чтобы переписал своей рукой.

А еще его подруга. Звонки нынешней, Розалинды, порядком достали. Она женщина красивая, но глупая. Вечно надутые губки, мысли только о развлечениях. Актриса, что с нее возьмешь! Посредственная наверняка. Афиши, разумеется, твердили иное, а Лотеску отбил ее у другого аристократа, но, руку даю на отсечение, дольше месяца красotka в его в жизни не задержится. Сегодня она трижды рвалась поговорить с Лотеску, и трижды я ее отшивала.

Любовницы... Сколько их там было? Подозреваю, счет шел на десятки. И в конце отношений каждая жаждала переговорить с хассаби с глазу на глаз, приходилось вежливо выпроваживать, стойко снося оскорбления. Лотеску не терпел все, что причиняло неудобства, а я, как хороший работник, тщательно охраняла его покой. Ну, и получала премиальные вместо выговоров. Словом, хотела бы, такой компромат на начальника собрала, мог бы письмо показать.

Лотеску рассеянно пробежал глазами отчет и кивнул. Создавалось впечатление, будто не видел ни слова. Может, опять голова болит, шарфик достать? Трогательная забота о начальнике! Мне несложно, даже приятно. При всех недостатках — перечислять долго! — Лотеску хороший руководитель. И паршивый мужчина, никогда бы не завела с таким роман. Вспомнить хотя бы несчастную девчущку из ведомства, которая со слезами на глазах просила о встрече, вспоминала, что хассаби шептал во время...хм... совещаний в узких кругах. Теперь доподлинно знала, чем Лотеску занимается ведомстве. Все достало — значит, там. Знакомые, выпивка, девочки — стандартный мужской набор. Прямо бесплатный бордель!

— Хорошо, — наконец отмер Лотеску и вернул бумаги, — отдайте начальнику отдела, пусть оформит. Оплата после проверки, стандартная.

Определенно, его что-то тревожило — хассаби смотрел мимо меня и хмурился.

— Сегодня поедете со мной в ведомство.

Вздрогнула и часто-часто заморгала.

— Зачем?

Действительно, я не отношусь ни к старинным друзьям, ни к выпивке, ни к девочкам, мое место в приемной, стеречь пустой кабинет. Шучу, конечно. Когда Лотеску нет, я либо работаю, либо читаю. Сегодня как раз новый журнал принесла, о модных новинках.

— Странный вопрос, Магдалена, — Лотеску барабанил пальцами по столу. — Работать, наверное.

— А разве вы?..

Стоп, язык прикуси, а то едва не лягнула: «Разве вы туда не новеньких секретарш пользоваться едете?»

— Что — я? — нахмурился начальник.

Для сходства с шайтаном ему не хватало огненных глаз и сдвоенного хвоста. Кто же успел испортить ему настроение? Очередная анонимка? Ха, да это не Лотеску, а отправителю впору бояться кары. Горе-злоумышленники полагали, написали, позвонили и все? Угу, а им экспертизу почерка, повестка в суд. Нет, определенно, не анонимка, чихать Лотеску хотел на угрозы.

Скосила глаза, сиюсь разглядеть краешек бумажного пакета, заманчиво торчавшего из ящичка. Начальник мгновенно захлопнул и запер ящик — почувствовал нездоровый интерес.

— Ну, что я? — хмуро повторил он, убрав ключ в карман пиджака.

В кабинете запахло грозой, пришлось на ходу врать.

— Занимаетесь важными секретными делами, обсуждаете план развития инспекции, просматриваете циркуляры.

Лотеску хмыкнул и покачал головой.

— Вторая попытка.

Прозорливый, зараза! Только не признаюсь.

— Магдалена, вас выдают глаза, — начальник откинулся на спинку кресла и заложил руки за голову. — Не пытайтесь взломать замок и поделитесь, наконец, правдой. Что думают обо мне подчиненные?

Виновато потупилась и неохотно призналась:

— Ну, все знают, зачем вы в ведомство ездите. Сегодня, наверное, тоже в инспекцию не вернетесь, если, — глубокий вдох, — мрачнее тучи и перестали доверять собственному секретарю.

— Даже так? — цокнул языком Лотеску. Глаза зло прищурились. — И кто кроме вас сделал сие гениальное открытие?

Напряженно молчала, в полной мере осознав смысл пословицы: язык — враг мой. Вот кто просил открывать рот! В итоге мнусь, как школьница в кабинете директора, только покрасневших щек не хватает. Интересно, хассаби лично оформит увольнительный лист или ограничится лаконичным: «Вон!»

— М-да, — взгляд Лотеску чуть потеплел, пальцы расцепились, — если бы не личные качества, стали бы начальником отдела! Наблюдательность и умение делать выводы на высоте.

— Откуда вы знаете, что мы сделали одни и те же выводы? — вновь ступила на скользкую дорожку.

Не могу сидеть тихо, пусть буду ругать себя, но скажу. Да и какое удовольствие — подобные беседы! Пока не поставят на место, разумеется. Я любила болтать с Лотеску на разные темы, когда у обеих выдавалась свободная минутка. Начальник — мужик умный, начитанный, остроумный. Помню, мы даже модный роман обсуждали, хассаби растолковал, что автор имел в виду.

По губам Лотеску скользнула лукавая улыбка. Он подался вперед, нагнулся ко мне и интимным шепотом предложил:

— Так поделитесь и сравним.

— На мне узкая юбка, — патетически вздохнула и закатила глаза, пытаюсь шуткой отделаться от наказания.

— И чем же вам мешает юбка? — начальник критично осмотрел предмет гардероба, задержав взгляд на филейной части. — Если мешает, всегда можно снять, — игриво добавил он.

Старые игры и старые ответы! Помнится, я выбила не одно разрешение на экспертизу, флиртуя с бывшим первым замом. Мы ходили по краю, бывает, Лотеску мог хлопнуть ниже спины, но не более. Вот и теперь не сомневалась, ни о каких домогательствах речи не шло.

Хлопая ресницами, словно юная барышня, проверила носком туфельки прочность паркета и томно вздохнула.

— Боюсь, у меня чулки без подвязок.

— Кому нужен этот архаизм! — фыркнул Лотеску и тут же сменил тон: — Так чем вам мешает юбка? Хватит шуточек, надоели.

— Бегать неудобно, — ответила предельно честно.

— Зачем — бегать?

Похоже, я поставила его в тупик.

— Вам не понравится ответ, может, в сердцах запустите чем-то, — сегодня я сама откровенность.

Лотеску засопел, постукивая пальцами о столешницу из цельного вишневого дерева. Хассаби любил дорогие элегантные вещи.

— Госпожа ишт Мазера... — начал Лотеску, но договорить не позволила, сыграла на опережение.

— Знаю, молчу, поеду.

И подобострастно добавила:

— Может, кофе?

— Может, штраф? — тем же вкрадчивым голосом предложил начальник.

— За что? — изобразила обиженного ребенка, хотя прекрасно знала причину.

— Сколько, сколько раз, Магдалена, — он метнул на меня сердитый взгляд, — я говорил: нарушение дисциплины недопустимо? Не-до-пус-ти-мо! — по слогам повторил Лотеску. — Вы же... А, без толку!

Начальник махнул рукой и сухо приказал:

— закажите служебный паромобиль на два часа. С собой — ежедневник, пару чистых кристаллов. И, Магдалена, — грозный взгляд заставил втянуть голову в плечи, — либо вы выучите деловой этикет, либо я перейду к наказаниям. Вполне реальным. Ясно?

Послушно закивала и попыталась хоть немного прояснить ситуацию:

— Что мне там делать? Я ничего не знаю, хотя бы введите в курс дела. И не могу ли я чем-то помочь с письмами? Квалификация никуда не делась, сами видите.

— Вижу, — Лотеску встал, заставив отступить на шаг, — беспросветную наглость.

— Хотя бы о ведомстве, хассаби! — взмолилась я.

Не желаю стать посмешищем, да и начальнику самому лучше, репутация инспекции не

пострадает.

— Позже! — отмахнулся хассаби и направился к бару.

Открыв шкафчик, он задумчиво скользнул взглядом по ряду бутылок и выбрал самый крепкий алкоголь. Плеснув немного в стакан, Лотеску убрал напиток обратно и обернулся ко мне.

— Не лезьте, Магдалена, — посоветовал начальник. — И не из-за моего недовольства.

— Хассаби, — смело шагнула к нему, — я не боюсь и могу помочь. Очередной некромант?

Сердце екнуло, память воскресила послания, которые оставлял Тайрон. Он проявил завидную изобретательность, побаловал даже головой кузины в коробке. Не хотелось бы, чтобы Лотеску пережил подобное, именно поэтому не отстану, помогу. Одному не справиться, даже главе Карательной инспекции.

Хассаби покачал головой и хлебнул виски. Характерный солодовый запах ударил в нос.

— Не по вашему профилю. А ведомство... Ладно, в первый раз поедем вместе. Жду в гараже. Пока свободны, что-нибудь потребуется, позову.

Странно было ожидать иного, с секретаршами не делятся секретами. Хорошо бы действительно не некромант! Сидела и не могла думать ни о чем другом, буквы прыгали перед глазами. Все вспоминала конверты, папку... Стоп, а я ведь могу выяснить, достаточно спуститься в лабораторию. Герт не откажет, посвятит в тайну чужой экспертизы, разумеется, на условиях полной анонимности.

Придавив бумаги пресс-папье, покосилась на дверь кабинета и выскользнула из приемной. словно вор, направилась к подъемнику и нажала кнопку. Кабина двигалась чересчур медленно. Если Лотеску застукать... Обошлось.

За оцинкованной дверью бурлила жизнь, пахло нашатырем. Не иначе откачивали очередного сотрудника, которому демонстрировали улики.

Взгляд заметался по сторонам, выискивая среди металлических шкафов, столов и аскетичных стульев нужного человека.

— Формы сюда! — не оборачиваясь, лысый мужчина указал нужное направление. — Ходят тут всякие, работать не дают! — недовольно буркнул он.

Некогда и я заполняла Форму № 11 о сдаче вещей на анализ.

Улыбнулась и застучала каблуками по плиткам пола. Обойдусь без чужих указаний.

Герт, как всегда, работал. Вооружившись специальными очками, он склонился над микроскопом.

Закашлялась, привлекая внимание.

Лаборант неохотно снял очки с выпуклыми стеклами и обернулся. Недовольная гримаса сменилась улыбкой, стоило ему увидеть, кто пожаловал. Герт всегда делал мне экспертизы вне очереди.

— О, не ожидал!

Приятель снял перчатки и предложил пройти за один из столов, где выдавали результаты.

Противно заскрипел отодвигаемый железный стул. Он неприятно холодил сквозь юбку.

— Слушай, — замявшись, не знала, как начать, — в лаборатории ведь хранятся копии заключений?

Герт, нахмурившись, кивнул.

— Пожалуйста, — пустила в ход все свое обаяние, — не в службу, а в дружбу. Я никому не скажу, честно! Речь о вещдоках начальника. Понимаешь, потеряла папку и боюсь выговора. Что там было?

Лаборант хмыкнул и покачал головой.

— Ничего ты не теряла.

— Ну, Герт! — усиленно захлопала ресницами.

— Ладно, — неохотно согласился приятель и, наклонившись, прошептал: — Волос и бумаги. Остальное ушло аналитикам. Кажется, банковские счета. Только, — предупредил Герт, — я ничего не говорил!

Усиленно закивала и поблагодарила за помощь. О волосе расспрашивать не стала, чувствовала, Герт промолчит. Ладно, зацепок хватает, пора тряхнуть стариной.

Волос, счета... Подозреваю, первый принадлежал отправителю писем — логичное желание узнать, кто отравляет жизнь. А вот банки, ума не приложу, как они связаны с анонимками.

Обратный путь затянулся. Вертела в голове скупые факты, строила версии — не выходило ничего путного.

В приемной поджидал сюрприз — Лотеску прознал о моем исчезновении. Он стоял у стола и крутил в руках забытый диктино. Шайтан!

— Не похоже на поход в дамскую комнату. В следующий раз берите с собой.

Начальник положил прибор на стол; на руке блеснул собственный. Лотеску носил дорогой, похожий на часы, на блестящем металлическом браслете, а я довольствовалась старой моделью, карманной с «усиками».

Бросила быстрый взгляд на часы: прошло полчаса.

— Вам что-нибудь нужно, хассаби?

Боюсь, вложила в голос слишком много подобострастия: начальник застал врасплох.

Лотеску покачал головой и вернулся в кабинет.

Плюхнулась в кресло и провела рукой по лбу. Пронесло? Ладно, потом узнаю.

В условленное время ждала хассаби в гараже. Нервничала, сжимая в пальцах ручку. Из головы не шли события последних дней. Вот зачем лезу? Но не могу остаться в стороне: профессия брала свое. Пусть сейчас я работаю секретарем, мое призвание — сыск, пусть не полицейский. Детоскоп по-прежнему в сумочке, восьмилетний опыт — в голове.

Начальник задерживался: говорил со столицей. Долго, уже час — значит, дело серьезное. Чтобы не терзаться сомнениями и не мерить шагами площадку у подъемника, решила проверить, в каком состоянии служебный паромобиль. Странно, отчего Лотеску не поехал на своем огнемобиле? Неужели вместе с нами едет кто-то еще? Наверняка один из замов. Лишь бы не Алард! Не люблю его.

Паромобиль оказался в порядке, насколько может быть в порядке машина, которой по очереди пользовались разные сотрудники инспекции. Потертый, окрашенный в зеленый цвет, он стоял с краю. Одного зеркала не хватало, зато обивка целая, недавно перетягивали.

Наконец показался Лотеску. Он шагал быстро, размашисто. Выражение лица жесткое, колючее.

Водитель, как по команде, распахнул дверцу переднего сиденья и оживил мотор.

— Ишт Мазера, на минуточку, — начальник поманил к себе.

Предчувствуя неладное, поплелась к нему. Идея с походом в лабораторию уже не

казалась светлой, похоже, наступила расплата.

Лотеску отвел в сторону, к пожарной лестнице, пару минут молчал, потом скупой извинился:

— Вы попались под руку. День с утра не заладился, и вы очень меня обяжете, если поедете в Ведомство магии одна. Справитесь?

Пожала плечами. Надо, поеду. Только по какому вопросу?

— Не бойтесь, ничего сложного, — слабо улыбнувшись, успокоил начальник. — Отчитаетесь по статистике, заберете новые формы.

— А?..

Данные я откуда возьму, и о чем отчитываться? Формы опять же, слышала о них мельком, не занималась. Вот начальники отделов... Вздохнула. Тайрон лишил долгожданного повышения. Знаю, Лотеску собирался назначить.

— Вот, — хассаби вручили пухлую папку. — Формы полугодовые, секретари подсказут. Статистика и прочее внутри, почитаете по дороге.

Скривилась.

Конечно, всю сложную работу свалил на хрупкие женские плечи. По-мужски!

— С меня коробка конфет, — шепнул Лотеску. — За вредность.

Усмехнулась. И так ведь, без взятки, съезжу, спасу начальственную задницу.

— И отгул, — мстительно добавила я.

Раз предлагают, нужно пользоваться.

— Нет, — начальник не поддался и разрушил иллюзии: — Я в курсе, куда вы ходили. К счастью, в лаборатории работают профессионалы, не придется никого увольнять.

Понурившись, попросила дать инструкции.

Интересно, Герту влетело? Теперь он точно не станет помогать.

— Инструкции? — Лотеску задумался. — Не говорите: «Не знаю», а бодро обещайте: «Исправим». Вкратце вы ситуацию знаете, не «утонете». Если совсем туго, наберите, подскажу. Ступайте. За любопытство надо платить. И, — вот и угроза, — если я говорю не вмешиваться, нужно читать журналы, а не копаться в чужих делах. Мое терпение не безгранично.

Хассаби легонько подтолкнул к паромобилю и, набирая чей-то код, быстро зашагал к своему стальному красавцу-огнемобилю. Проводила его взглядом и хлопнула дверцей. Впереди сложные полтора часа — или на сколько затянется отчет в ведомстве?

Тяжко вздохнула и пристегнулась — новая привычка после езды с некоторыми. Теми самыми, которые переложили работу на чужие плечи. Лотеску лихачил так, что без ремня оставишь бесплатную магическую карточку на лобовом стекле. Начальник иногда подвозил, если по пути, поэтому рефлекс закрепился. Безусловно, штатный водитель осторожен, да и не разовьет паромобиль такую скорость.

Машины в Амбростене делились на два класса: условно для бедных и богатых, по факту — для умелых и всех остальных. Паромобиль — вещь относительно несложная в управлении, выучи рычажки, правила движения и вперед. Огнемобили — другое дело, без специального разрешения за вождение сажали в тюрьму. Оно и понятно: под капотом самое настоящее укрощенное пламя. Подобные игрушки, стоившие как чья-то квартира, покупали люди состоятельные, частенько маги. Лотеску тоже не без дара, в этом году не помню, а в том году был третий уровень магического потенциала, даже ближе ко второму. Всего их четыре, самый высокий — первый. У меня, к примеру, способностей нет вовсе, без усилителя под кожей не способна чаровать.

Словом, привилегированным — особые машины, остальным — медлительные паромобили, этикие рабочие лошадки. Марк, безусловно, бы поспорил, он любил свою машину, купленную незадолго до трагических событий. Да, паромобиль красивый, блестящий, нового поколения, развивает приличную скорость, но только если не сравнивать с огнемобилем. Вот и теперь, вырвав из подземного гаража, мы неторопливо набирали скорость, когда как стальной красавец начальника, словно норвистый жеребец, стартовал практически мгновенно. Только я предпочитала наслаждаться пейзажем, а не гадать, успею ли затормозить, пропуская пешеходов.

В служебном паромобиле изрядно трясло — не в порядке подвеска. Читать неудобно, но иного времени ознакомиться с содержимым папки не представится. Дурочка — не мое амплу, поэтому пристально всматривалась в графики и пояснительные записки. Ага, вот план отчета, основные тезисы. Начальник писал разборчиво, чем немало помог.

К концу поездки в голове сложилась определенная картина. Помог опыт работы на бывшей должности и умение достраивать фактические цепочки на основе пары звеньев.

Захлопнув папку, нацепила на лицо улыбку и уставилась на монументальное здание из песчаника, во двор которого мы как раз въезжали. В отличие от Карательной инспекции, руководящие работники устроились в отдалении от Адрона. То ли не любили воду, то ли боялись запаха цветущих водорослей. Местное представительство Ведомства магии занимало целый квадрант рядом с мостом Единения — следующего выше по течению после Моста короля Эстефана, ближнего к инспекции и моей съемной квартире. Монументальный комплекс тяжеловесных строений с главным корпусом, над которым реял королевский штандарт. Без чужой помощи не разберешься. С мольбой посмотрела на водителя. Тот улыбнулся и заверил: доставит к нужному подъезду. Хотелось бы! Дворы большие, метаться туда-сюда на каблуках — удовольствие ниже среднего, да и зрелище потешное. Вдруг журналисты подстерегут и напечатают назавтра карикатуру или снимок с подписью в духе: «Подвыпившая служащая Карательной инспекции не могла вспомнить, куда идти». С них станется.

Двор полнился другими паромобилями. Они поджидали пассажиров, либо пристроились к очереди в гараж.

Показалось, или мелькнуло стальное крыло? Да нет, Лотеску ясно выразился: не поедет. Тем не менее, проверила — ничего. Однако сомнения не развеялись. Зрение редко подводило, галлюцинациями не страдала, огнемобиль начальника узнала бы из сотен. Только вот не может машина испариться.

Притормозив, водитель достал удостоверение личности и карточку пропуска. Меланхоличный полицейский с бляхой младшего состава проверил по базе, сличил голографическое изображение с оригиналом и кивнул. Следующей документ протянула я — в ведомстве строго с безопасностью, мы собрались не в архив, не в корпус с клерками, а к центральному подъезду.

Проверка прошла успешно, шлагбаум подняли, и паромобиль въехал на охраняемую территорию.

Нервно оправив воротник блузки, гадала, не слишком ли обтягивающую и короткую юбку надела. Министерские — консерваторы, у них все строго по протоколу. Пока водитель парковался, достала зеркальце и наскоро поправила макияж. Уфф, кажется, все в порядке.

Холл по размерам мог соперничать с фойе театра, но не произвел впечатления: наш не хуже.

Ага, секретарь имеется, система та же, значит, нужно заказывать пропуск.

Уверенно, словно каждый день наносила визит местному начальству, направилась к крашенной блондинке и уже через минуту поднималась по лестнице, оставив позади мигающий круг, на который становились посетители для очередной проверки.

Второй этаж, направо, прямо по коридору, кабинет двести четыре.

Сердце ухало в груди, но пройденный курс психотерапии помог справиться с волнением.

Лучшая защита — излучать уверенность, напирать и не сомневаться в собственной компетентности.

Мимо, смеясь, порхнули сотрудницы в светлых костюмах. Симпатичные. Интересно, знакомы ли с Лотеску? Как он вообще выбирает девочек для мимолетных приключений? Зато укромных местечек навалом, можно снять стресс, не привлекая ненужного внимания.

— ...да, понимаю, — донеслись приглушенные голоса сверху. — Мне плевать, как, но это нужно сделать.

— Полагаете, стоит? Все же может выйти скандал.

Хлопок двери, и тишина.

Нахмурилась, пытаюсь переварить услышанное.

Значит, не показалось, Лотеску в ведомстве. Хоть режьте, но именно он раздраженно требовал неких действий. Очевидно, куда более важных, чем рутинный отчет.

Любопытство и азарт охотника — приговор суда не вытравил его из крови — заставили снять туфли: они громко цокали. Птицей взлетела по лестнице и, кусая губы, заметалась между дверьми. Целых три! Мне на этаж ниже, но подождут.

Наверное, дело в обиде на начальника, иначе зачем пытаться раскрыть его тайны? Просто он никогда не обманывал, доверял, а тут... Урок — не привязываться к руководству и помнить, вы не друзья, даже не приятели, а посторонние люди.

Восстановила в памяти звуки и, поколебавшись, приоткрыла ближнюю к лестнице дверь. Если все верно рассчитала, вошли именно в нее. За дверью оказался небольшой коридор с банкетками и еще одна дверь, которая отворилась, чтобы с потрохами сдать любительницу шпионажа.

Лотеску нахмурился. Он безмолвствовал, сжимая белый конверт с тиснением — в таких обычно посылали приглашения.

Ладно, выкручусь.

— Ой, — надеюсь, удивление вышло естественным, — хассаби? Вы же сказали, что не сможете...

— А вы что тут делаете? — «тут» начальник выделил особо, тоном дав понять, что в актерскую игру не поверил.

— Кабинет ищу, — как еще выкручиваться?

— Секретарь дала четкие указания, сомневаюсь, что вы не умеете считать до двух.

Открыла и закрыла рот.

Откуда он знал?! Видел на кристаллах? Запись в текущем времени, без изъятия, доступна только охране, Лотеску физически не мог ее забрать.

— Закончили? — Сглотнув, кивнула, понимая, на что он намекает. — Тогда вперед, совещание начнется через пять минут, не вздумайте опаздывать. После забрать формы — и на ковер. Нам, — кровожадная улыбка, — нужно многое обсудить. Не надейтесь, будто изображу слепоту.

М-да, окончание рабочего дня обещало вылиться в череду неприятных минут, ради которых неплохо бы откупорить дома белое натское, благо бутылка завалилась в ледовом шкафу.

Положила на стол обе папки: с тезисами отчета и новыми формами, — и замерла, ожидая «проработки». Взгляд выцепил краешек газетного разворота. Броский заголовок сообщал о покушении на некоего чиновника, имя мешал разглядеть край блокнота, столь неудачно положенный поверх фамилии. Зато изобразительную карточку ничего не заслоняло. На ней полицейские осматривали ступени, судя по двери, не аристократического особняка, где полагалось жить сановнику, а многоквартирного дома, вроде того, в котором сама снимала квартиру. Рядом в овальной рамке — чиновник, уже немолодой мужчина с импозантной бородкой. Кто же он? Наверное, военный: штатские предпочитают бриться.

Лотеску кинул брелок от огнемобиля поверх газеты и остановился против меня.

Потупилась, стараясь изобразить раскаянье. Мысли неизменно возвращались к подслушанному разговору, а тут еще заметка... Начальник читал ее перед отъездом, может, делал пометки, раз не убрал блокнот.

— И как это понимать, госпожа ишт Мазера?

Продолжала молчать и думать. По опыту знаю, лучше дать выговориться, меньше влетит. Может, повезет, хассаби отойдет. Не уволил же до сих пор, хотя, помнится, однажды наорал так, что мысленно лишилась гражданства Амбростена.

— Магдалена? — Моя тактика Лотеску явно не устраивала. — Долго собираетесь изображать ребенка? Не прокатит. Я поймал вас на шпионаже.

— Случайно, хассаби.

— Что — случайно? Поймал или шпионили?

Начальник наконец перестал нависать над нашкодившей подчиненной и отошел к окну. Глядя на огни набережной, стоя спиной ко мне, он продолжил отчитывать в том же мрачном тоне, который неизменно заканчивался выговором или взысканием:

— Если первое, то не надейтесь. Я вас видел.

— И решили поймать в ловушку? — сокрушенно озвучила напрашивавшийся вывод и подняла голову.

Что толку любоваться полом, если в стыд и обещание «Я больше не буду!» здесь никто не верит.

Лотеску не ответил и выдвинул новые обвинения:

— С какой целью вы подстрекали лаборанта нарушить инструкцию?

— Герта лишили премии?

Шайтан! Теперь он трижды подумает перед тем, как поздороваться, а помогать и вовсе перестанет. Герт — хороший малый, я не хотела его подставлять, но Лотеску... У него везде уши? Или очередная крыса донесла? Их в управлении полно, многим не давало покоя чужое благополучие или чужое место.

— Решать его начальнику, сейчас речь о вас. Магдалена, — хассаби обернулся, — вы сознаете всю тяжесть проступка? Сказать, как с точки зрения права именуется ваше деяние?

Покачала головой. Спасибо, уже догадалась, да и Лотеску потрудились, озвучил с самого начала — шпионаж. Шутки шутками, а можно обвинение выдвинуть. Инструкцию точно нарушила, конфиденциальными сведениями интересовалась, опять-таки за начальником с неизвестными целями следила.

— Так оправдывайтесь.

Хассаби сложил руки на груди и приподнял брови: мол, я жду.

— Вы меня знаете, я бы никогда!.. Словом, обычное профессиональное любопытство и, — глубокий вздох, — желание понять причину недоверия.

— Недоверия? — округлил глаза Лотеску и задернул шторы.

Щелчок, и кабинет наполнился мягким свечением шаров под потолком.

Начальник потер виски и сел за стол. Терпеливо ждала, пока он заговорит.

— Госпожа ишт Мазера, вы не ребенок, работаете в серьезном учреждении, какое любопытство? — голос звучал глухо, устало.

— Придадите огласке? Скажите сразу, хассаби, паковать вещи?

— Нет, — махнул рукой Лотеску. — Надеюсь, — он выразительно глянул на меня, — не пожалею. Премию ко дню министерства урежу. И, — Лотеску мстительно улыбнулся, стряхнув уныние, — бесплатно обучите нового сотрудника. Свободных людей нет, вам заняться нечем, поработайте. Теперь к насущному. Что в ведомстве? Итоги, замечания?

— Вы в курсе, — даже не сомневалась.

— Докладывайте, — углубившись в чтение газеты, упрямо повторил начальник.

Воздев очи горе, словно на уроке риторики, отбарабанила отчет. В целом все прошло неплохо, никаких серьезных нареканий, так, по мелочи. Терзали мало, благо глава ведомства куда-то торопился. Единственное, немного дрожали колени, когда беседовала со столицей по изопроктору. С кем, без понятия, но мужчина представительный. Наверное, из министерства.

Выслушав, Лотеску кивнул, велел подготовить список выявленных недостатков и размножить формы.

— Так, следующее, — похоже, рабочий день никогда не закончится, а ведь уже шесть. — Розалинде некогда ходить по магазинам, купите ей туфли. Портативную голограмму платья она пришлет, размер напишет. Там нужен особый оттенок, я не вникал. Не подойдут, обменяете.

Туфли нынешней пассии наверняка для приема.

— Полагаю, у госпожи имеется горничная, — заартачилась, не желая обслуживать чужих любовниц.

— Хоть галстук вы в состоянии подобрать? — Кивнула, сбитая с толку. — Костюм заберете у портного, — в руки легла визитка с адресом. — Скажете, от меня.

— А?..

Вместо ответа Лотеску вытащил из кармана знакомый конверт. Ясно, действительно приглашение на прием в честь дня рождения мэра, на котором соберутся сливки общества. Я бывала на одном великосветском приеме, но этот явно лучше — не чествование лауреата, а веселье и танцы.

— Что тоскуем? — Не заметила, как вздохнула. — Тоже хочется похвастаться жемчугами?

— Мещанкам там не место.

Какая разница, хочется или нет, мэр точно не пригласит секретаря, пусть даже такого высокопоставленного человека.

Начальник загадочно улыбнулся и закинул блесну:

— Нет ничего невозможного.

Вопросительно уставилась на него.

Ну вот, уже не сердится, нашел другое развлечение — издевательство над секретарем.

Понял, хочу попасть, теперь извлечет выгоду. Лотеску мог бы устроить, всего один звонок — и курьер вручит приглашение. Они с мэром в хороших отношениях. Однако вопреки ожиданиям хассаби не спешил перечислять условия исполнения мечты, наоборот, погрузился в прострацию, словно на время забыл о моем существовании.

— Доверие, значит? — Вздрогнула, услышав его голос. — Способны соблюдать подписку о неразглашении?

Кивнула и напомнила: всегда свято чтит. Сущая правда!

— А как же любопытство, подружки?

Засосало под ложечкой. Вот оно, неужели сейчас расскажет?

Ладони вспотели и зачесались.

— Хассаби может полностью мне доверять, унесу тайну в могилу, — без запинки отчеканила я и вкрадчиво, рискуя вызвать новую вспышку ярости, поинтересовалась: — Темный маг? Я видела кусочки записки в мусорном ведре...

Действительно, на днях я нашла пару занятных обрывков, когда по ошибке выбросила нужный черновик. Лотеску настоятельно советовали ничего не предпринимать. Может, обычное баловство подозреваемых или бывших осужденных, но в свете недавних событий начала сомневаться.

— Вы уже роетесь в мусоре? — приподнял уголок рта начальник. — Это удел полицейских. И никаких некромантов, ишт Мазера, спите спокойно.

Тогда кто? Чей волос хассаби отдавал на исследование, чье разоблачение повлечет скандал?

— Я покажу одно место, — Лотеску говорил загадками и смотрел поверх моей головы; краем глаза уловила, как он активировал чары на двери — не желал, чтобы слышали посторонние. — Прихватите детоскоп. Затем поделитесь наблюдениями. Сразу оговорюсь, полиция там побывала, трупы и кровь отсутствуют.

— Там кого-то убили?

— Неважно. Все хранить в тайне, лаборантов не привлекать. Нужно, сам отдам на анализ. Хорошо потрудитесь, пойдете на вечер. Как с билетами, гостиницей? Шутки шутками, а время идет. И вот еще что... — начальник поморщился и потер лоб тыльной стороной ладони. — Как дела с Неделей просвещения, будь она неладна! Приедет министр, платье подлиннее наденьте.

— Я и так не короткие ношу.

— По протоколу нужно на ладонь ниже колена, — взгляд хассаби выразительно остановился на крае подола. — И чулки обычные, желательно телесные.

Черные, по-моему, лучше подходят к деловым костюмам, но начальству видней.

— Вероятно, существует протокол...

— Существует, — подтвердил догадки Лотеску. — Дипломатический, строгий. Изучите и приведите гардероб в порядок. Только уродства в виде платьев учительницы не надо!

— Мне отныне так всегда одеваться? — уточнила на всякий случай.

— Нет, конечно. Меня устраивают любые блузки, лишь бы грудь наружу не вываливалась. Так что с гостиницей?

— Забронировала отель «Чарлах» и места в экспрессе первого класса.

— Перенесите на неделю назад: увеселительная командировка превращается в рабочую. Прием по-прежнему намечается, наряды брать. Напоминаю, едете со мной. Публика самая серьезная, поэтому постарайтесь.

— Поняла, — оборвала Лотеску на полуслове. — Строгость и еще раз строгость. Что-то еще, хассаби?

— Идите уж домой! — милостиво отпустил начальник. — Потом обсудим, какие материалы подготовить для Штайта.

В недоумении стояла посреди забитого пустыми ящиками проулка в одном из рабочих квадрантов. Пока добиралась сюда, успела проклясть Лотеску. Сначала на парчелле — общественном паромобиле с рядами скамеек на восьмерых, затем — на конке. Она еле-еле плелась по рельсам, проложенным между заводами. Лошади часто останавливались, пропуская грузовые паромобили, один раз и вовсе состав. Пыхтя, небольшой паровоз тянул по узкоколейке вагоны через дорогу. Смотрела на него, едва ли не открыв рот от изумления, а местным ничего, сидят, курят, жуют.

Пассажиры частенько впрыгивали в вагон на ходу, не дожидаясь остановок. Чувствовала себя «белой вороной» среди косынок, клетчатых юбок и промасленных курток. А ведь когда только приехала в Нэвиль, снимала угол в похожем квадранте, только паровозы под окнами не ходили. Теперь отвыкла, не смогла бы тут жить. К комфорту быстро привыкаешь.

Конка медленно, но верно отдалялась от Адрона. Ряды пассажиров редели; потянулись склады. Пышущие жаром трубы и котельные остались справа, стало легче дышать.

Злилась на начальника. Мог бы служебный паромобиль выделить! Но Лотеску дал не задание — провел показательную порку, сунул в руки карту с крестом на нужном месте и вперед.

Прошагав пару перекрестков по известковой пыли, очутилась в начале проулка, гадая, туда ли меня занесло. Вокруг ничего примечательного, из интересностей — оборванная афиша на глухой кирпичной стене. Тут вообще все кирпичное, на штукатурку в рабочих кварталах не тратились.

Вытащила карту и подняла глаза на проржавевший жестяной прямоугольник. Да нет, место правильное. Ладно, поглядим, чем взволновали хассаби задворки Нэвиля, какое преступление тут произошло. По мне — обычный разбой, не наш профиль.

Порадовалась, что надела крепкие ботинки, сохранившиеся с прежних времен. С местной мостовой в иной обуви продырявишь подошву. Чего здесь только нет! И осколки стекла, и битый кирпич, и гравий.

Обошла проулок. Он выходил на очередную складскую улицу, в конце которой маячили массивные ворота — завод.

«Бум-бум-бум!» — стучало в ушах эхо от далекого пресса. Ладно, не мешает.

Открыла сумку и извлекла детоскоп. Маленький приборчик, с ладонь, помогал отыскать частички магии, восстановить почерк мага, узнать его «цвет» — словом, в умелых руках выносил приговор преступникам. Не бывает чар без следов, даже Тайрон не сумел все подчистить. Щелкнула рычажком, включая прибор, и медленно двинулась по периметру. Звуки постепенно стихали — сознание научилось от них отрешаться.

Ни на что особо не надеялась, поэтому удивилась, когда детоскоп пиликнул.

Золотистое сияние!

Словно гончая, взяв след, подлетела к одному из ящиков.

Всплеска энергии нет, ритуалов не проводили, зато магическое воздействие, определенно, имеется. Попытаемся установить его силу, отыскать звенья цепочки чар — по ним, уже в блокноте, восстановлю почерк волшебника.

Ага, механическое. Собственный уровень третий. С усилителем или нет? Жаль, детоскоп не скажет.

Повертевшись, определила, где стояли преступник и жертва. Крови нет, но я ее и не ждала, пометила в блокноте: парцилен. Страшное оружие! Оно пришло на смену

кремневым пистолетам, впрочем, до сих пор бытовавшим среди криминальных элементов. К счастью, ношение парцилена требовало прохождения специальных курсов и получения лицензии, без них можно безвоздушную камеру схлопотать. У этого оружия два режима: поражения и причинения вреда. Парцилен стрелял особыми световыми вспышками, расщепляя частицы человеческого организма. По сути, та же магия, только доработанная учеными, именно поэтому детоскоп засек отголоски. Они не имели личных колец, сложной структуры, на рисунке — обычная прерывистая линия. Другое дело — владелец парцилена. Он отчего-то пожелал колдовать.

Вздыхнув, извлекла из кармана усилитель магического потенциала и ввела под кожу запястья. Пара минут, и я немного волшебница. Существуют еще кристаллы, но они не столь эффективны и уж точно болезненнее. Хотя каждый раз царапать кожу и ждать, пока жидкость из вскрытой ампулы впитается тоже неприятно. Не только женщинам — мужчины морщатся.

Отныне мир виделся немного иначе — сработало так называемое магическое зрение. Я очень долго училась его вызывать: сказывалось отсутствие дара.

Ничего нового, то же свечение, легкое, остаточное.

Задумчиво пожевала губы. Никак не избавлюсь от вредной привычки!

Преступление старое, не вчерашнее. Полагаю, маг наведалься в проулок дня три-четыре назад. Примерно тогда же Лотеску отдал на анализ некий волос. Совпадение? Не думаю.

С удвоенным энтузиазмом продолжила поиски и сумела собрать для лаборатории немного индивидуальных частичек. Не сомневаюсь, полиция провела необходимые экспертизы, но лучше подстраховаться.

Так и не поняла, зачем колдовать, если есть парцилен. Я бы спряталась за углом и спокойно отправила недруга на кладбище. Значит, логика есть, неплохо бы ее найти, только Лотеску велел осмотреть место, а не провести расследование. Раз так, не беги впереди паровоза.

Детоскоп полетел в сумку. Я быстро зарисовала целые кольца и пыталась достроить недостающие звенья цепочки.

Облик мага постепенно вырисовывался. Мужчина, от тридцати до сорока, третий уровень, но ближе к четвертому. Шатен, глаза карие. Заклинаниями владеет плохо: много ошибается. Значит, либо самоучка, либо неважно учился в университете. Телосложение стандартное.

Довольно улыбнулась. Неплохой вышел портрет, достаточно подробный. По нему можно сконструировать портативную голограмму и раздать постовым.

Проверив записи, с чистой совестью застегнула сумку и побрела назад. Судя по положению солнца, возилась долго, часа два. И никто не потревожил... Понимаю преступника, место выбрал идеальное. О подробностях случившегося старалась не думать, хватит черной экранации смерти, насмотрелась уже. Странно, думала, не выдержат нервы, а спокойно отработала.

На обратном пути решила заглянуть в банк, проверить счет. Сбережения хранила в Имперском — уж такое солидное учреждение не развалится. В Купеческом проценты больше, зато репутация иная. Имперскому доверяла элита, Купеческому — мещане и рабочие.

По дороге купила у мальчишки-газетчика новый выпуск последних сплетен — найдется, что почитать в очереди. Конец рабочего дня, посетителей много. Однако раскрыть не успела, да что там — пройти сквозь вращающиеся двери. Диктино в сумочке настойчиво требовал внимания, пришлось достать, вытащить «усик» и ответить.

— Ну? — Лотеску не отличался вежливостью и терпением.

Право слово, кого могли убить в проулке, чтобы начальник изнывал от нетерпения? В газетах ничего не писали, не сомневаюсь, никакие запреты не удержали бы журналистов от печати сенсационного репортажа. Хронику криминальных новостей я

пролистывала, но там обычно одной строкой сообщали о горестях обывателей: женщину ограбили, рабочий упал со стапеля, мошенники со страховкой попались в руки полиции. Мелко!

— Описание подготавливала. Убийство, магия и парцилен, — отрапортовала, предчувствуя, чем закончится разговор.

Не хочу обратно в инспекцию, до ночи сидеть в кабинете начальника! Мы с Алиной собирались устроить вечер домашних развлечений. Приятельница раздобыла занятные карточки, поглядели бы на моем изопроекторе, посплетничали, выпили. Может, после потанцевали, благо клубов в Нэвиле хватало, во многих до полуночи девушек пускали бесплатно.

Опасения подтвердились, правда, Лотеску посулил вождеденную награду:

— Получите приглашение на день рождения мэра.

С одной стороны, Алина, с другой — высший свет и море возможностей. О, хассаби умел выбирать пряник!

Попрошавшись с начальником, набрала подругу и извинилась. Может, успеем встретиться в восемь, может, нет.

Вопреки ожиданиям, Лотеску ждал в холле, забрал блокнот и махнул на входные двери. Покорно поплелась за ним к припаркованному у входа огнемобилю. Служащие обтекали его, словно хрустальную вазу. Каждый в Карательной инспекции знал, кому принадлежал стальной красавец и чем чревата попытка воззвать к совести владельца. По мне, пусть хассаби его хоть в коридоре ставит, лишь бы не лютовал, однако начальник редко нарушал правила парковки, обычно загонял огнемобиль в гараж. Значит, недавно приехал и не желал терять время. Так и есть, огонь приглушенно ревел, вхолостую крутя шестеренки мотора.

— Садитесь!

Хассаби снял охранные чары и отпер машину. Она, словно верный пес, отозвалась на едва заметное касание брелока.

— Эмм, а, может, лучше в кабинете?

С тоской покосилась на здание Карательной инспекции. Закончится когда-нибудь рабочий день! С утра рутина, затем шефство над новичком, потом беготня с детоскопом. В обычные дни могу вертеться пчелкой, но подготовка к Неделе просвещения доконала. Десятки раз переделывала проспекты, писала речь, обзванивала журналистов, чтобы все прошло, как надо. Сейчас очень хотелось к Алине и вину, только сосредоточенное лицо хассаби ставило жирный крест на планах.

Щелкнула ремнем и бросила короткий взгляд на Лотеску. Он замешкался, прикрыл коробку на заднем сиденье. Ужели любовница сподобилась сама купить туфли? Сомневаюсь, будто начальник вместо дивы бродил по магазинам. Хассаби отродясь женщинам не покупал ничего, кроме драгоценностей, духов и сладкого, для всего остального существовали курьеры, консьержи и секретарши.

— Держите!

В руки ткнулся знакомый белый конверт с тиснением. Его брат-близнец некогда привлек внимание в ведомстве. Аккуратно вскрыла глянцевую бумагу и извлекла плотный лист картона. «Госпожа Магдалена ишт Мазера со спутником/спутницей». Ниже место, дата и подпись.

Глупая улыбка тронула губы. Подумать только, некогда меня именовали сопровождающей, теперь я сама могла провести кого-то на вечер к мэру.

— Не стоило, хассаби, — смущенно пробормотала, наблюдая за тем, как оживает приборная панель. — Право слово, лишнее.

— Пустяки! — отмахнулся Лотеску и вырулил на дорогу. — Вы хотели.

Удивленно подняла брови. Очередной способ мотивации? Еще вчера хассаби размазывал тонким слоем по полу, а сегодня делал щедрые подарки.

— Хассаби, — убрала конверт в сумочку и решила поговорить начистоту, — что взамен?

— Информация. Ну, что там? Записи отдайте.

Достала блокнот, но отдавать не спешила. Чутье подсказывало, Лотеску обманывал, пытался облапошить, и некто из проулка стоял дорожке входного билета на вечеринку избранных.

— Магдалена!

Крутой вираж, и мы свернули прочь от набережной по направлению к Парку королевы. За ним селились аристократы, значит, хассаби направлялся к сестре, хотя вполне мог заехать по дороге к себе, в один из элитных многоквартирных домов.

— Хорошо, вот, — сдавшись, положила блокнот на колени. — Только взамен расскажите хоть что-нибудь, не люблю теневые игры.

— А пора бы привыкнуть!

Одной рукой держа руль, другой Лотеску забрал бумаги. Стало чуточку обидно: он даже не раскрыл блокнот.

— В проулке произошло убийство, — монотонно излагала подробности осмотра и перебирала в голове платя. Сойдет красное или нет? Наверное, лучше купить новое и взять потом в Штайт. Я не настолько богата, чтобы надевать наряды один раз в жизни. — Судя по всему, жертву парализовали парциленом, затем наложили некое заклинание. Увы, мои познания в магии не столь велики, чтобы по остаточному рисунку определить его назначение.

— Не надо, о сути я догадываюсь, — ошаршил начальник.

Нахмурилась.

Стоп, он в курсе событий? Тогда зачем посылал копать в пустых коробках?

— Я знаю род деятельности убитого, видел полицейский отчет, — приоткрыл завесу тайны Лотеску. — Волос принадлежал убийце. Сняли с одежды жертвы.

Измученно открыла и закрыла рот. Шестое чувство подсказывало, хассаби втягивал в дурно пахнущее дело. С другой стороны, я сама в него влезла, добровольно.

— И кто же погиб, хассаби? — спросила осторожно, не надеясь на ответ.

— Фальшивомонетчик, — после легкой запинки вторично ошеломил Лотеску.

В огнемобиле повисло молчание. Наконец я поинтересовалась:

— А Карательная инспекция каким боком с ним связана? Мы такие дела не ведем.

— Никак, — пожал плечами начальник и чуть резче, чем требовалось, приказал: — Забудьте, я ничего не говорил!

Кусая губы, обдумывала новые факты. Пару раз порывалась спросить, отчего хассаби волнуется смерть фальшивомонетчика, но не решилась. Хватит одной выволочки за неделю! Только письма... Вряд ли Лотеску угрожали криминальные круги Нэвиля, они воевали с полицией, а не с органом, контролировавшим магическую практику. Или фальшивомонетчик чеканил монеты при помощи чар? Но тогда детоскоп уловил бы его почерк — сомневаюсь, будто чародей согласился бы умереть без борьбы.

— Описание преступника составила, уровень способностей определила. Больше магии нет, ритуалы не проводили, — скомкано закончила рассказ.

Начальник кивнул и, сделав крюк, вернулся к Карательной инспекции, остановившись у фасада, выходящего на набережную: не желал, чтобы сотрудники видели, пусть

считают, будто уехал домой. Поэтому и машину столь демонстративно у входа поставил.

Колесики в голове пришли в движение, сердце на миг обдало холодком. Повеяло опасностью.

— Хассаби, — сама не знаю, зачем предложила, — если нужно, только скажите. Могу справки по убийце навести. Маги проходят обязательное ежегодное освидетельствование, он попадетсЯ.

— Не нужно, — улыбнулся Лотеску и на мгновение коснулся моей руки. — Ничего серьезного, обычное любопытство.

Покачала головой и отказалась выходить из огнемобиля, хотя начальник активно намекал взглядом: пора.

— Ладно, — судя по тону, хассаби делал большое одолжение, — подвезу до дома. Мэру купите открытку. Подпишите и положите на поднос в вестибюле, — Лотеску ловко ушел от ответа, лишь укрепив подозрения. — Форма одежды вечерняя, то есть платье в пол, без разрезов. Да вы в курсе, бывали уже.

Угу, целый один раз!

— О проулке забыть?

— Соскучились по былым временам? — усмехнулся начальник.

За разговорами мы проделали половину пути до моего многоквартирного дома. Еще минута — водил Лотеску быстро, — и окажусь у подъезда. Пешком тот же путь преодолевала за полчаса.

Кивнула. Сомневаюсь, будто кто-то променяет вечный адреналин в крови на кофеварку.

— Может быть, может быть... — туманно пообещал хассаби и затормозил. — Доброго вечера, Магдалена. Наставничество снимаю.

Стальной огнемобиль затерялся в духоте июльского вечера, оставив острое чувство, что меня использовали для подковерных интриг.

Щелкнула зеркальцем, подправляя макияж. Извозчик терпеливо ждал, пока закончу. С другой стороны, раз плачу, могу хоть час торчать в паромобиле.

На день рождения мэра приехала одна, спутников не нашлось. Пробовала уговорить Алину, но она то ли испугалась, то ли не простила Лотеску. А, может, и вовсе мы уже из разных миров. Пусть я не стала частью элиты, но в силу должности и отношения начальника шапочно познакомилась с верхушкой Нэвиля. Лучше всего знала судей, частенько заглядывала в кабинеты, справлялась о делах. Кое-кто даже предлагал кофе. Догадываюсь, из-за Лотеску, чтобы помягче донесла неприятные новости. Так или иначе, подкатила к светящемуся огнями концертному залу в гордом одиночестве.

Платье покупать не стала, явилась в алом, в котором блистала в прошлом году. Зато туфли и украшения обновила, чтобы соответствовать публике. Жемчуг подходит к любому наряду, неустаревающая классика. Безусловно, у аристократок в ушах целое состояние, но лучше скромное благородное украшение, чем бижутерия.

Подправив макияж, глубоко вздохнула и распахнула дверцу. У ног заплясали голограммы в виде звезд. Казалось, будто идешь сквозь созвездия, которые бриллиантовой пылью осыпаются на оголенные руки. Мэр праздновал с размахом, завтра о событии напишут все нэвильские газеты.

Краем глаза заметила парочку репортеров. Они дежурили у высоких стеклянных дверей и снимали гостей. Один пытался прорваться внутрь, но охрана не пускала — отсутствовало разрешение. Праздник нужно освещать правильно, не сомневаюсь, помощники мэра тщательно просмотрят текст и изобразительные карточки перед публикацией.

Придав лицу выражение легкой надменности, ступила на алую дорожку, кожей ощущая чужое внимание. Оно пугало, но я шла так, словно каждый день давала интервью.

Громадину на полторы тысячи мест сняли ради дня рождения одного человека. По слухам, на сцене выступят примы и ведущие артисты театров. Интересно, Розалинда окажется за столиком или на сцене? Еще обещали магические иллюзии, концерт столичного любимца публики, чей голос сводил с ума юных дев, и грандиозный фейерверк.

Вздрогнула, когда рядом издала короткий высокий звук вспышка изображателя, и протянула приглашение охране.

М-да, похоже, я одна без спутника и на извозчике. Остальные подкатывали на огнемобилях, шли, вцепившись в локоть спутника так, словно желали показать: мужчина занят до гробовой доски.

Охранник кивнул и вернул приглашение. Удостоверение личности не потребовалось, хотя, на всякий случай, положила его в сумочку — еще одну обновку.

Швейцар с легким поклоном распахнул двери, и я погрузилась в мир роскоши.

Шампанского? Пожалуй, нужно чем-то занять руки.

Цедя любимый «Эсканьол», приятным холодком растекавшийся по желудку, неспешно гуляла по залам, осматриваясь.

В фойе устроили буфет. Желаящие могли подкрепиться за фуршетными столами, между которыми сновали официанты. Большой концертный зал переделали под ресторан, чтобы, сидя на уютных диванах, гости могли насладиться общением и развлекательной программой. В малом зале гремел оркестр, кружились пары. Настоящая ярмарка тщеславия!

Осталось выяснить план рассадки — на подобных мероприятиях действовал строгий протокол. Не бегать же между столами в поисках таблички с собственным именем!

Судьба улыбнулась, послав навстречу распорядителя.

«О, не беспокойтесь, хассаби, вас проводят», — заверил он.

«Хассаби» в данном случае вежливое обращение.

Допив шампанское — испортил, испортил начальник, привил вкус к дорогому игристому, — отправилась искать компанию на вечер. Не стоять же у стеночки! Решила начать с танцев.

Концертный зал — здание с историей. Построили его сто лет назад, когда еще не слышали о новых материалах и не гонялись за простотой. Отсюда витражи, стрельчатые окна, не плиты, а кирпичная кладка. Любили в те времена делать так называемые кабинеты — отгороженные от соседнего помещения закутки с диванчиками, где могли уединиться парочки. Проходя мимо одного из них, притормозила, услышав обрывок занятого разговора. Почему занятого? Он велся не на амбростенском.

Чем хорошо образование учительницы, так широтой знаний. Я худо-бедно владела тремя языками, на одном из которых по счастливому стечению обстоятельств беседовали мужчины.

Полы в Концертном зале отменные, не скрипят, парочка не подозревала, что их подслушивали.

Прижавшись к холодному искусственному мрамору, мысленно переводила фразы. Беспокойство нарастало. Внутренний голос настойчиво твердил: светские беседы на сорнейском не ведутся, особенно на увеселительных вечерах. С чего вдруг?

Осторожно разглядела мужчин из-за послужившего укрытием четырехгранного столба. Оба в сдержанных черных тройках, такие вальяжные хищники. Кажется, одного я где-то видела. Память услужливо подсказала: в газетах. Пусть Нэвиль не дыра, но с официальными визитами его посещают редко, а тут господин посол решил осмотреть Вертавейн, насладиться знаменитыми озерами. Мэр областной столицы, разумеется, принял важного гостя, организовал досуг, на праздник пригласил. Теперь понятно, отчего сорнейский: посол мог беседовать с подчиненным. И я бы отошла, окунулась в водоворот танцев, если бы не вычлененная из беседы фраза: «Могу поспособствовать, благо нет ничего невозможного, дело в цене».

Нормальные студенты давно похоронили знания, в моей голове они задержались. Как я жалела, что не вызубрила сорнейский на «отлично»!

Затаив дыхание, молилась, чтобы мимо не прошел слуга или гости. В моем распоряжении максимум пара минут, после придется уйти.

Зато парочке нечего бояться, наверняка заранее придумали «легенду». Посол вызывал интерес у знати, многие жаждали расспросить о Сорнее, вот и его собеседник, шатен с короткими усиками, жаждал пополнить багаж знаний. На деле речь шла о странных вещах.

— Условия стандартные, но мне нужны гарантии, — цокнул языком посол.

— Взаимно. Прекрасное вино, не находите? — собеседник на просвет оценил оттенки напитка в бокале. — Тринадцать лет назад выдалось солнечное лето. Рекомендую приобрести.

— Увы, боюсь подделок.

— Не беспокойтесь, я посоветую надежного поставщика. Ему доверяет сам король.

Шатен бросил выразительный взгляд на посла, породив в душе сомнения. У беседы явно имелся подтекст, вряд ли гость выразительным молчанием побуждал купить ящик вина у стороннего человека.

— Хорошо, но я бы предпочел вино этого года. Люблю все свежее, — улыбнулся посол и поднялся, оставив бокал на небольшом овальном столике.

— Это сложнее, — нахмурился второй участник разговора и, последовав его примеру, тоже встал.

— Вы утверждали, дело только в цене, поэтому постарайтесь, — резко ответил сорнеец, не считая нужным скрывать раздражение. — Я щедро оплачиваю маленькие слабости.

Сейчас они меня увидят!

Отскочила, изобразив, будто только что вышла из соседней комнаты. Сердце гулко колотилось в груди, руки тянулись к диктино. Может, кто-то перечитал детективных романов, но речь шла вовсе не о вине! Ни один ценитель не променяет марочное на «зеленое».

Посол прошел так близко, что разглядела его запонки. В нос ударил легкий аромат парфюма. Не удостоил взгляда. Еще бы, всего лишь некая девица. Зато шатен пристально оглядел с головы до пят, будто подозревал. Ничего, служащие Карательной инспекции умеют держать лицо.

Я уверенно направилась к Малому залу, лениво скользнула взглядом по шатену и забрала бокал с подноса столь вовремя появившегося слуги. Вот так, пусть сверлит спину, ничем не выдам себя, усыплю бдительность легкомысленным поведением. Найду кавалера, посмеюсь над глупыми шутками и только тогда...

Зачесались кончики пальцев.

Вот бы Лотеску найти! Тогда можно, не привлекая внимания, поделиться услышанным, пусть решает, стоит ли тревожиться.

Обычная ситуация: секретарь встретила начальника, отвела в сторону, чтобы поблагодарить за приглашение, не подкопаешься.

Удача не подмигивает дважды, хассаби среди танцующих не попался, зато партнер нашелся. Мы с ним покружились под звуки старомодного вальса, столь любимого женой мэра, выпили по бокальчику, и я удалилась припудрить носик.

В дамской комнате оказалось многолюдно, с трудом отыскала укромное местечко и вытащила диктино.

Влетит, не влетит? Начальник пришел развлекаться, а тут я. В итоге таки набрала и, прислонившись пятой точкой к подоконнику, напряженно вслушивалась в тихое потрескивание. Наконец Лотеску ответил. На заднем плане слышался женский смех и звон бокалов.

— Можно вас на пару минут, хассаби? Простите, что отвлекаю, но это важно, — кусая губы, выпалила я.

— Как всегда, Магдалена! — тяжело вздохнул начальник. — Запри вас в архиве и то не уйметесь. Ну, чего?

— В холле у третьей колонны через пятнадцать минут, хассаби.

Режима приватной связи на моем диктино нет, а без него поделиться увиденным и услышанным могу только лично.

Нервничая, выпила еще бокал шампанского. Если дальше так пойдет, превращусь в алкоголика. Поймала себя на мысли, что выискиваю глазами шатена. Вроде, не увязался следом, но на всякий случай нужно проявить осторожность.

До холла добралась раньше начальника и, подпирая столб, наблюдала за опоздавшими гостями. Пальцы теребили браслет — третье украшение, купленное вчера у ювелира в комплекте с сережками.

Вдруг Лотеску не придет? Гости разойдутся, слуги закроют двери и что? Правильно, только слепой не обратит внимания на одинокую женщину у столба. К счастью, дурные опасения не сбылись, хассаби объявился, но опоздал на десять минут.

— Ну, к чему такая срочность?

Он отвел к гардеробу, пустовавшему по случаю лета.

Мимо прошествовала дама в мехах. Ей сезон явно не помеха, да и манто не для тепла, а призвано подчеркнуть статус и достаток.

Поделилась подозрениями. По мере рассказа лицо Лотеску мрачнело, под конец он тихо выругался и потащил вглубь концертного зала. Едва поспевала за начальником, радуясь, что научилась бегать на высоких каблуках, а платье не со шлейфом.

— Так, Магдалена, он понял?

Хассаби втолкнул в подсобное помещение и закрыл дверь. Беззвучное заклинание, пара движений, и чары надежно защитили от случайных и не очень свидетелей.

Заняла единственный стул. Лотеску остался стоять. Он нервничал и косился на браслет диктино. Видимо, собирался дать некие указания, но пока медлил.

— Полагаю, нет. Я не дура, подстраховалась.

— Понял уже, — вздохнул начальник и потер виски. Неужели приступ? Как не вовремя! Но нет, отнял руки. — Видимо, придется ввести в курс дела, хотя этого мне хочется меньше всего на свете.

— Почему? — расправила плечи обида. — Удобнее использовать и молчать?

Лотеску засопел, открыл было рот, чтобы поставить на место зарвавшуюся секретаршу, но передумал.

— Я вас не использовал, просто политика — грязное дело, вам там нечего делать.

— И все же? — в свое время настойчивость помогла не умереть на улице.

— Хорошо, дважды, — выплюнул хассаби и нервно прошелся по подсобке.

— Что — дважды? — не поняла я.

— Использовал, Магдалена. Сейчас нет. Видите ли, — он осторожно подбирал слова, видимо, решал, о чем умолчать, — мое внимание привлекли некоторые действия. Абсолютно случайно, в силу должности. Ниточка привела к занятым результатам. Убитый фальшивомонетчик копировал вовсе не деньги.

От удивления на миг онемела, хлопая глазами.

— Бумаги? — вывод напрашивался сам собой.

Лотеску кивнул и еще раз помянул шайтана.

— Осторожнее, Магдалена, — предупредил хассаби. — В вашем случае письмами могут не ограничиться.

— Я не боюсь, — чистая правда.

Начальник тяжело вздохнул и покачал головой.

— А нужно. Поверьте, история мерзкая.

— Можно подумать, прежде я работала в белых перчатках! — рассмеялась и вновь нарушила неписанные правила общения с вышестоящими: — Доверьтесь мне, хассаби!

— Розалинда ждет. Не желаю, — он усмехнулся, — объяснять, чем мы занимались наедине дольше пяти минут. Сами понимаете, в женскую голову приходит только секс. Послезавтра, ишт Мазера. А пока развлекайтесь, выкиньте из головы. Вечер обещает стать событием месяца, не проведите его в подсобке.

Кивнула, хотя лично для меня вечер растерял свою прелесть. Спасибо шатену, сорнейскому послу и шпионажу — не сомневаюсь, бумаги копировались с целью замены и продажи оригиналов.

— Садитесь за мой столик, — неожиданно предложил хассаби и снял с двери чары. —

Обещаю свободного полезного кавалера младше шестидесяти. Связи — лучшая валюта, Магдалена, пользуйтесь, заводите. Вы начитанны, думаю, найдете общие темы. Заодно присмотрю, — чуть слышно добавил он.

— Вы полагаете?..

Радовало одно: проносить оружие на подобные мероприятия запрещалось, за безопасностью строго следили. Гости проходят через специальные рамки, от которых не утаишь даже заточку. Логичная предосторожность, без нее городскую элиту давно бы проредили.

— Нельзя исключать, — пожал плечами Лотеску. — Пока угрожали газетной публикацией, которая поставит крест на карьере.

Судя по всему, скелеты в шкафу у хассаби имелись, иначе бы он отнесся к угрозам как к шутке. Зато теперь понятно, отчего начальник не показал письма.

— Ну, меня и вовсе легко смешать с грязью! — рассмеялась, желая подбодрить. — Один Тайрон чего стоит!

Лотеску кисло улыбнулся в ответ. Мыслями он витал далеко отсюда.

— Идемте! — очнувшись, хассаби подтолкнул к выходу. — Так и быть, потанцую, благо Розалинде нужно готовиться к выступлению.

— Вы постарались?

— Тоже считаете ее бездарной?

Определенно, на многие вещи мы смотрим одинаково.

Улыбнулась и пообещала не создавать проблем. Спросят: звонили из Карательной, передали сообщение. И, может, за один стол не нужно? Устроюсь, неплохо проведу время.

Лотеску покачал головой.

— Не желаю сюрпризов. Если все, как я думаю, шатен устроится рядом и начнет пытаться. Странно, он мне не знаком, уж не маг ли из проулка?

— Полагаете, изменил внешность?

— И пришел по чужому приглашению, но тогда...

Хассаби не договорил, заметив администратора. Тот отчитывал молоденького официанта и осекся при виде гостя.

Лотеску потребовал проводить даму, то есть меня, в Малый зал. Опасность не мифическая, раз обеспечил охраной.

Высший свет снова в игре. Интересно, кого обидел король, раз он смотрит в сторону Сорнея?

Руки чесались оправдать запрос в университет. Пусть поищут магов с подходящими данными, благо копию почерка приложу, разумеется, если хассаби отдаст. Только завтра выходной, целый мучительный день ожидания.

Лотеску шантажировали. Занятно! Интересно чем? Подозреваю, пикантные карточки. То ли завел роман с не той женщиной, то ли вышел за рамки привычных отношений.

Хихикнула при мысли о начальнике-извращенце.

Администратор покосился, но промолчал. Подумаешь, гостя смеется без причины, перепила, наверное.

Так, чем мог заниматься Лотеску? Перебирала в голове варианты, примеривая на хассаби. Любовь к мужчинам отменяла сразу: достаточно вспомнить, как он отнесся к ишт

Неврису, моему бывшему непосредственному начальнику. Такое отвращение, смешанное с брезгливостью, не сыграешь, Лотеску волновали исключительно женщины. Несовершеннолетние? Сомневаюсь, встречала я ценителей малолеток, ничего похожего. Любимый тип хассаби — фигуристая, опытная, раскованная. Значит, игры в постели. Кнут, наручники, плетка — по-моему, подходящий вариант.

Малый зал встретил уже не тягучей мелодией вальса, а энергичными современными ритмами. Кивком поблагодарив администратора, смело направилась ближе к сцене, где «зажигали» музыканты. Там веселились те, кого не смущал быстрый темп. Подобные танцы идеальны для «одинок», и я благополучно влилась в общее веселье. Постепенно оно вытеснило из крови тревогу, заставило забыть о чужих секретах. Я отдавалась музыке, жила ей. Задрав подол до колен, отбивала ритм каблукками, изгибалась, кружилась. Не так уж плох праздник, не хуже клуба.

Танцы увенчались знакомством с парой приятных молодых людей. Соревнуясь друг с другом, они ухаживали за мной, носили из буфета шампанское, тарталетки с икрой и канапе на шпажках. Один из команды мэра, второй — сын банкира. Дала обоим код диктино, хотя встречаться не планировала. Однако связи и еще раз связи. Любовницей много не получишь, поиграют и выбросят, а вот позвонить при случае — дело. Хорошо бы свести знакомство с кем-нибудь из ведомства, может, через него прыгнула бы выше по карьерной лестнице. Лотеску продвигать не станет, да и куда? Секретари начальниками отделов не становятся, а я все еще мечтала стать уважаемой персоной.

Театральный звонок известил о начале ужина, и публика неспешно потянулась в Большой зал. Меня провожал Адам — пресс-секретарь мэра. Поразмыслив, отдала предпочтение ему.

Может, сменить род деятельности, устроиться в службу протокола? Опыт имеется, пробивной характер — тоже, Адам рекомендации даст, уж уговорю, распишу себя в лучшем виде.

— Извините, хассаби, вам сюда, — вырвал из мечтаний голос распорядителя.

Вздрогнув, заморгала и только потом вспомнила: Лотеску, зарубил все планы на корню! Сомневаюсь, будто обещанный чиновник окажется приятнее Адама. Можно, конечно, поскандалить, выбрать другое место, но стоит ли? И я, извинившись, последовала за лакеем.

Начальник устроился в ВИП-зоне, близко к сцене. На столе — идеально-белая скатерть, вышитые салфетки, расписной фарфор. Моим соседом по дивану оказался местный Верховный судья, надзирающий за всем Вертавейном. Не спорю, знакомство прибыльное, хотя кокетничать с лысеющим господином совсем не хотелось. Тем не менее улыбнулась, когда судья любезно встал, отдав дань уважения даме.

Лотеску кивнул и представил соседу, расписав чуть ли не как самую умную девушку Нэвила, волей случая оказавшуюся в стесненных обстоятельствах. Не стала разубеждать, выбрав тактику благожелательного молчания.

Поискала глазами Розалинду. Лично мы прежде не встречались, но изопроектор в приемной регулярно демонстрировал ее недовольную физиономию. По мне, лучше бы начальник спал с работницами древнейшей профессии: дешевле, нервы целее, а результат тот же. Место актрисы временно пустовало. Не огорчилась бы, если бы она и вовсе не объявилась.

Тяжелый бархатный занавес надежно скрывал сцену от зрителей. Ну и ладно, потом посмотрюсь.

Я устроилась неподалеку от стола мэра и хорошо видела как его, так и членов его семьи. По воле случая, на расстоянии вытянутой руки оказался достопамятный посол. Сердце забило чуть чаще, но выдержка не дала слабину. Равнодушно разглядывала его и спутницу, разительно отличавшуюся от прочих женщин смуглой кожей и раскосыми глазами. Мысленно сравнила ее с Лотеску. Определенно, южанка с примесью сорнейской крови. Жена — посол не привез бы в Нэвиль подругу.

Отвернулась, чтобы не привлекать лишнего внимания, и уткнулась в лист меню. Он

напоминал воплощение мечты каждой провинциальной девушки. К счастью, волей случая я успела побывать в паре роскошных ресторанов — спасибо начальнику и бывшему любовнику-некроманту — и ориентировалась в блюдах и винах. Хотя о последних лучше спросить соседа. В напитках традиционно разбираются мужчины, заодно польщу самолюбию. В итоге быстро сделала заказ маячившему за спиной официанту и от нечего делать сцепила пальцы на ножке бокала.

— Вам, наверное, непривычны подобные вечера? — подал голос судья, намекая на скромную должность.

— И да, и нет. Служащие Карательной инспекции иногда привлекают внимание бомонда.

Собеседник замолчал. Видимо, осознал ошибку или не понял значения последнего слова. Употребила его намеренно, отработывая авансы Лотеску.

— Магдалена — человек светский, — вмешался начальник и сделал едва заметное движение глазами: не лезь на рожон, — но, безусловно, не бывала на столь грандиозных мероприятиях. Окажите любезность, присмотрите за ней. Сами знаете, женщины пошли самостоятельные, ни за что не признаются в слабостях.

— Зато мужчины частенько выставляют их напоказ, продавая газетчикам, — намекала на недавнюю громкую статью об одном прожигателе жизни.

О нем начали забывать, а сенсационный материал вновь всколыхнул интерес к стареющему ловеласу, принес деньги, которые, как известно, не пахнут.

— В этом зале вы таких не найдете, — заверил судья.

Поддакнула, пропела дифирамбы местной публике, подчеркнув: аристократы всегда славились воспитанием.

Вспыхнули огни рампы, и под звон бокалов с аперитивом появилась Розалинда. Она блистала в алом — занятное совпадение. Длинное боа обвивало плечи. Взмах дирижерской палочки, и актриса запела, не попадая в ноты. Зато красивая, любая позавидует тонкой талии и эффектным формам.

Лотеску беседовал с судьей о проектах новых законов и не смотрел на сцену. Значит, Розалинде недолго осталось, начальник охладел. Возможно, прием по случаю дня рождения мэра станет точкой в их отношениях.

Между столами сновал человек с изображателем. Он периодически останавливался, крутил настройки прибора и делал снимки. Затем они превратятся в портативные голограммы или изобразительные карточки. Я всегда мечтала об изображателе, позволявшем остановить время, но быстро поняла, даже если найду деньги на покупку, придется потратить столько же на обучение премудростям, оборудовать лабораторию. Словом, игра не стоит свеч. К тому же аппарат громоздкий, в сумочке не поносишь, сломать легко, а починить самому не получится — магия как-никак.

Улыбнулась, когда журналист повернулся к нам. Надеюсь, хорошо получилась, pošлю вырезки из газеты родителям и брату.

Скучая, делала глоток за глотком. Обещанная компания досталась начальнику. Он жарко отстаивал свою позицию по вопросу смягчения наказания по ряду магических статей. Хассаби заверял, стоит ослабить хватку, как Амбростен наводнят шарлатаны, госпитали заполнятся жертвами фальшивых мастеров красоты. Судья возражал, напирая на выгоду государства: мол, деньги полезнее заключенных.

— Хорошо, — Лотеску в сердцах кинул на стол салфетку, — облегчайте себе работу, только не взваливайте ее на чужие плечи! Именно Карательной инспекции придется расплачиваться за вашу мягкость, только не факт, что мои сотрудники сумеют найти человека, чей почерк давно растворился. В магическом бизнесе крутятся большие деньги, им ваши штрафы — один ужин в ресторане. Никто лицензию получать не побежит, на контроль не встанет, банально переедут и возьмут другое имя.

— Хассаби, — взяла на себя смелость спасти вечер, — давайте сменим тему.

Потому как иначе мужчины миром не разойдутся.

Я разделяла позицию Лотеску и вовсе не потому, что он мой начальник. Судья смотрит на гадалок и некромантов из кабинета, где не пахнет кровью, для него они абстрактны.

Лотеску глубоко вздохнул и встал.

— Пойдемте, поздравите мэра.

Думала, хассаби банально хотел выпустить пар, но ошиблась, заодно мы пересели. Официант по щелчку пальцев перенес напитки за новый стол, соседний с мэром. Там как раз оставалось два свободных места.

— Эм, а как же госпожа Розалинда?

Нехорошо вышло. Ладно, хассаби, ему по должности положено, отсел, видимо, чтобы поговорить с судьей, но я? Опозорю ведь! Опять же любовница, ее куда девать? Да и сидеть в опасной близости от посла не хотелось.

— Госпожа Розалинда поет, после ее займут поклонники, — отмахнулся Лотеску.

— Хассаби...

— Так надо, — отрезал начальник, пресекая возражения. — Заодно шатена поищите, волоски соберете. Женщине проще.

— Танцы? — предположила логичный способ.

Лотеску кивнул.

— Начнутся ближе к полуночи. Или хочется вернуться? — он бросил короткий взгляд на оставленный столик. — Вряд ли вы найдете общий язык.

— Вы же не нашли, а секретарь — верная тень начальника, — пошутила я.

Хассаби не ответил и, придирчиво осмотрев, подвел к первой паре города.

Терпеливо дожидалась, пока жена мэра закончит журить Лотеску за «измену» с судьей. Значит, таки два места действительно для него со спутницей. Начальник галантно извинился, перебросился парой реплик с мэром и Кренцем, начальником местного Ведомства магии.

— А где Ольгерда? — хассаби поискал глазами знакомую чиновницу.

— Приболела.

— Жаль! — Лотеску действительно огорчился.

Усевшись, начальник активно включился в беседу, вертевшуюся вокруг последних моделей огнемобилей. Кренц советовался, стоит ли сменить или обождать, пока ученые доведут до ума.

Брошенная на произвол судьбы, представилась, чтобы не возникло неловкой ситуации. Мэр коротко кивнул, выслушал короткое поздравление и потерял ко мне всякий интерес. Его гораздо больше волновали машины.

Столик временами дружно взрывался хохотом — мужчины явно ладили, перешли на коньяк и думать забыли о Розалинде на сцене. Она все еще пыжилась изобразить лирическую героиню, картинно прижимая руки к груди.

В собеседники мне досталась супруга мэра и посол. Обоих предпочла бы не видеть и не слышать. Вроде, они не выходили за рамки вежливости, но умный человек поймет. Ничего, служащих инспекции часто унижали аристократы, научилась отвечать. Улыбка и еще раз улыбка, согласие и мягкое опровержение.

Однако хорош посол! Сидит, изображает невинную овечку, а сам вынюхивает, вербует агентов. Жаль, не встанешь и не объявишь во всеуслышание.

Посольская жена молчала, потом вовсе достала диктино и, отвернувшись, принялась болтать с кем-то по приватной связи.

Сорнеец удивился, услышав, что прежде я работала не с бумагами. Охотно поведала о превратностях судьбы, старательно обходя стороной любую конкретику: преступники частенько выведывают подробности ради собственной выгоды. Жена мэра поохала, посочувствовала несчастным, которым приходится рисковать жизнью, и пожелала хорошо выйти замуж. Поблагодарила, хотя поняла намек. Только мещане станут мараить руки, чтобы свести концы с концами, то есть в Карательную инспекцию меня привела бедность.

К сожалению, вечер в концертном зале не подарил зацепок — ни посол, ни мужчины, с которыми я танцевала после умопомрачительно вкусного ужина, к убитому фальшивомонетчику не приближались. Все это сообщила в понедельник Лотеску, когда принесла утренний кофе и газеты.

— Вы в воскресенье с уликами возились? — округлил глаза начальник и украдкой зевнул.

Сегодня он задержался на десять минут, но выглядел потрепанным. На щеке адела царапина — то ли порезался, то ли Розалинда оставила на прощание. Она успела позвонить и оставить сообщение для «козла». Досталось и мне, которую актриса записала в новые подружки. Знала ведь, добром не кончится!

Впрочем, обнаружив свое место занятым, Розалинда недолго тосковала и быстро нашла кавалера, с которым уехала под утро. Лотеску даже не заметил, хотя девица всячески пыталась привлечь внимание любовника. Увы, она так и не поняла: хассаби не ревнует и не держится за женщин, с которыми спит дольше месяца.

— Ну, — смутилась, — немного. Вы намекнули, дело серьезное, да и я не беседу об игрушках слышала.

— Ах да, вам еще рассказать нужно! — поморщился начальник и отхлебнул бодрящего напитка. — Дверь закройте.

Поспешила выполнить указания и замерла, сгорая от нетерпения.

— Собственно, никакой конкретики, дело вообще не наше, — Лотеску явно тянул время, отвлекся на ручку, окно, блокнот. — Некто водит за нос государство и неплохо наживает. К примеру, через подставных лиц недавно перевел себе крупную сумму. Часть попала ему в руки благодаря поддельным векселям.

— Фальшивомонетчик?

Ладони чесались в предвкушении крупного дела. Неужели появился шанс оказаться на передовице не как безымянному секретарю главы Карательной инспекции, а как героине дня. Вот он, способ прорваться наверх. Лишь бы Лотеску не обрубил крылья!

— Именно, — кивнул начальник и отхлебнул еще кофе. — Он сделал свое дело, от него избавились. Украденные деньги должны были пойти на нужды Карательных инспекций. Собственно, и заинтересовался, когда не досчитался дотаций. В министерстве заверяют, деньги выделены, на счете их нет.

— Так виновника легко установить.

— Счет не именной, — покачал головой хассаби. — Чековая книжка. Помните, объяснял разницу в истории с баронетом Эламару?

Кивнула. Я очень хорошо помнила все, связанное с Тайроном.

Чтобы получить чековую книжку, необязательно заполнять кучу документов, достаточно подписи, остальное сделает клерк со слов клиента. Опасно, но риск оказаться за решеткой для преступников еще выше. Счет обычно открывают безличный. Никакой проверки службой безопасности, предъяви удостоверение личности, деньги, и готово. Человек такого уровня наверняка озаботился качественной подделкой, убитый фальшивомонетчик мог смастерить голограмму со всеми уровнями защиты, раз справлялся с векселями. То есть концы в воду.

Специалисты разводили руками. Счета посредников — однодневки, все закрыты, нового движения нет, других операций с них тоже не проводили. Открыты по документам мертвецов, — единственная зацепка! — проживавших в столице.

Волос, отданный на исследование Лотеску, принадлежал магу, который убил мастера по фальшивкам. В базе он не значился, на запрос университет пока не ответил.

У меня тоже пусто. Оставалось надеяться на шатена и попытаться выйти на преступника через письма с угрозами. Нет, они чистые, следы тщательно стерты, но не каждый владеет компроматом на столь высокопоставленное лицо. Жаль, начальник содержимым мусорного ведра не поделился. Понимаю, тоже бы не смогла предать огласке пикантные моменты. Хотя, может, выпытать? Я умею хранить секреты.

— Хассаби, — не знала, как начать, и от волнения жевала губы, — может, вы?.. Ну...

— Что — ну? — Лотеску отставил пустую чашку и неожиданно попросил: — Зеркало на минуту не одолжите?

Ясно, любовница.

— Заметно, но никто не поймет, — язык сработал быстрее головы.

Начальник глянул исподлобья, но ругать не стал. На вопрос почему, ответил:

— Легче уволить. Так что вам от меня нужно?

Замялась. Не лучшее выбрала время — после разрыва с любовницей и собственной наглости.

Однако быстро хассаби порвал с Розалиндой! Еще накануне дня рождения мэра ничего не предвещало, а на вечере неожиданно охладел. То ли девица что-то сказала, то ли скомпрометировала.

Сопоставила факты.

До того, как шатен пообщался с послом, актриса ходила в любовницах, я слышала ее смех на заднем плане, когда звонила Лотеску. Затем он переключился на работу, отправил Розалинду на сцену, сцепился с судьей по скучнейшему вопросу. Видимо, побоялся новых анонимок и превентивно порвал с красоткой. То есть она склонна к эпатажу, а в ее прошлом хватает грязных пятен. Не удивлюсь, подобные Розалинде, в театр попадают через постель. Может, она девушкой для утех подрабатывала, затем встретила богатого и взлетела на подмости. Лотеску у нее далеко не первый, зато начальник при всей любвеобильности чтит нормы приличий и метил высоко. Не сомневаюсь, глава Карательной инспекции — не предел его мечтаний, таким хочется в Штайт. Амбициозный, образованный, пробивной, самоуверенный — типичный карьерист.

— Магдалена?

Задумалась и пропустила вопрос хассаби.

Выслушав, Лотеску покачал головой и ответил категоричным «нет».

— Я подписку о неразглашении дам, — хлопая ресницами, пела елейным голосом, пытаюсь уговорить позволить покопаться в уликах. — Сами понимаете, хассаби, так мы сузим круг подозреваемых.

— Мы его и так сузим. И хватит! — прикрикнул начальник. — Речь не обо мне, если уж так хочется сунуть свой любопытный нос.

Покачала головой. Не верю: сильно нервничает, врет. Глаза бегают, показания не сходятся.

— Там о моей семье, ишт Мазера, — с каждым словом раздражение хассаби возрастало. — И уберите, наконец, посуду, сколько ей здесь стоять!

На минуточку, кофе Лотеску допил пару минут назад.

Во второй раз в жизни попробовала допросить хассаби. В первый дотошно копалась в его магических способностях, решая, не Лотеску ли резал людей на алтарях.

— Изобразительные карточки, голограммы?

— Магдалена! — он аж побагровел.

— Водички? — мило улыбнулась в ответ и собрала посуду. — Дверь заперта, никто не услышит.

— Госпожа ишт Мазера, вы забываетесь! — взбешенный Лотеску встал и потянулся к пресс-папье.

Сердце екнуло. Увольнительный лист! Обычный или с взысканием?

Хассаби неторопливо разгладил лист и поправил сбившийся браслет диктино. Пальцы сжали любимую ручку и замерли над «шапкой» документа.

Сглотнув, напряженно ждала приговора. Не стоило вставать на одну доску с начальником, особенно если он аристократ. Любому терпению приходит конец, а я, посмотрим правде в глаза, иногда дерзка.

— Ну что, ишт Мазера, допрыгались. Мне надоело. Дела — этажному секретарю.

До последнего не верила и, когда Лотеску решительно проставил на документе число, опешила. На всякий случай уточнила, серьезно ли начальник решил выгнать, как Алину.

— Серьезнее некуда. Вы слишком много себе позволяете. Забыли, кто вы? — голос хассаби взлетел, заставив испуганно вжать голову в плечи. — Так я напомним. Сегодняшний допрос — последняя капля.

— Я ради вас старалась, хассаби.

Хлюпнула носом, хотя не собиралась плакать. Честно. Глаза сухие, просто обидно. Одно дело — за шуточки про юбку, другое — за попытку найти преступника. Если уж поделился информацией о счетах, махинациях, то пусть доверится до конца. Не побегу же я продавать пикантные сведения газетчикам! Даже карточки смотреть не стану, если таковые имеются, достаточно пары общих фраз, чтобы вычислить столь осведомленного о личной жизни Эмиля Лотеску человека.

— Меня? — округлил глаза хассаби и положил ручку. Незаполненный приказ казался открытой дверью в безвоздушную камеру, в которой казнили преступников. — Воистину, ваша наглость не знает границ! Вам какую статью написать в увольнительном? Вернее, не так: одну или две?

— Увольняйте по двум статьям, хассаби, и пошли вы к шайтану в друзья! — нервы таки сдали.

Со звоном поставила поднос обратно на стол и развернулась к двери. Раз не доверяет, устроил показательный спектакль, в инспекции мне нечего делать. Работы хватает, устроюсь, тому же Адаму позвоню. Начну с мэрской приемной, потом дорасту до помощника.

Гори оно, пусть затем пожалею, но сейчас иначе не могу и не хочу. У меня тоже есть гордость, она не прерогатива аристократов.

— Ишт Мазера, я вас не отпускал! — прогремело за спиной.

Ха, только что уволил!

Дернула дверь и с досадой констатировала: заперта. Намагичил!

Развернулась к Лотеску и скрестила руки на груди. Ну? Третью статью добавит, путь в мэрию закроет? Хорошо, вернусь в торговлю, помнится, после суда устроилась продавщицей в магазин женского белья и неплохо зарабатывала. Безусловно, не столько, сколько платили здесь стараниями начальника, но на жизнь хватает. В конце концов, на Нэвиле мир не заканчивается, перееду.

— Магдалена, хватит! — Хассаби провел пальцем по царاپине и поморщился: болела. — Спектакль окончен.

— Кому отдать билеты? Тоже этажному секретарю? Полагаю, Анастейша справится с изменением брони.

Извиняться без толку. Уволить уже уволили, в Ведомство магии не возьмут, зачем стараться?

— Никому, — озадачил начальник.

— Но я ведь никуда не еду, — напомнила бывшему работодателю.

— Едете. Извинения, Магдалена, и едете. Я не меняю близкое окружение, достойных уважения людей найти сложно. Касательно сегодняшнего — а вы чего ожидали? Откровений?

— Да, — честность за честность.

Выдержала паузу и скороговоркой добавила:

— Простите, я погорячилась и наговорила лишнего.

Лотеску покачал головой и подошел к бару. Достал ром, доверху налил стакан и выпил, все молча.

— Идите сюда, — глухо позвал Лотеску и убрал бутылку.

Стакан отставил на стол, велел после вымыть.

Остановилась в паре шагов, сверля глазами пол.

— Действительно, нехорошо получилось. Я честно не хотела, хассаби, — покаянно опустила голову. — Вы совершенно правы, такое не для ушей секретаря.

— Забыли! — начальник покосился на стакан, но наполнять снова не стал. — Лишь бы урок извлекли. Лимит моего терпения почти исчерпан. Впредь думайте до того, как говорите, и помните, мы не родственники, не друзья и не любовники.

Кивнула и робко напомнила о звонке в министерство. Ладно, ведомство, местные дела, это важнее.

— Вот поэтому не уволил, — устало улыбнулся Лотеску и сел. — За настойчивость тоже. Только допрос без санкции не проводят.

— Вы на себя не подпишете, — озвучила очевидное.

— Ладно, расскажу, — решение хассаби явно далось нелегко; пальцы сломали карандаш и потянулись за вторым. — Само собой, без подробностей и строго конфиденциально. Действительно магические изобразительные карточки, запись с кристалла и кое-что посерьезнее на Кэрола. Вы его видели, — тяжкий вздох, — вечная головная боль!

Кэролом звали учившего в университете младшего брата начальника. Всего в семье Лотеску четверо детей, хассаби старший, а тот шалопай, любитель ночных клубов и девочек, самый юный.

— Тоже?..

— Нет. Лучше бы женщины, Магдалена, его посадить могут! — не выдержав, Лотеску встал и нарезал пару кругов по кабинету. — Не одна вы видели его за рулем огнемобиля, а тут еще новое увлечение кальяном! Словом, при умелой постановке вопроса Кэрола признают опасным для общества, а мне придется объясняться.

Молчала.

Ну да, судебное разбирательство повредит карьере. Огнемобиль принадлежал начальнику, пусть он не давал его брату, общественность осудит. У Кэрола нет прав, он мог выпивать, курить за рулем — в голове у юнцов ветер. И все, громкий процесс.

— Записи с кристаллов, откуда они?

— Горничная, — сквозь зубы ответил Лотеску и с вызовом добавил, смотря прямо в глаза: — Да, я не всех вожу домой или на съемную квартиру. Довольны?

Кивнула.

— Вполне.

Материала достаточно, можно работать. Если хассаби скажет название гостиницы, вообще чудесно. Не сомневаюсь, он уже добрался до службы безопасности отеля и трудившейся в ту смену прислуги, но лишняя проверка не помешает. Я женщина, а не взбешенный хассаби, со мной могут пооткровенничать, сами того не подозревая. Наша задача — уничтожить кристалл, без него карточки — ничто, подделка. Раз они нечеткие, не проверить. Мало ли, какие мужчина и женщина решили уединиться, лиц не увеличишь. Другое дело — кристалл.

— Хассаби, — вновь вступила на тонкий лед, — можно?..

— Что? — Рука Лотеску вновь потянулась к стакану, но в последний момент он раздумал, вернулся за стол. И правильно, нечего напиваться с утра. — Посмотреть? — за ехидным тоном скрывалась угроза.

— Наведаться в гостиницу. Разумеется, инкогнито.

Начальник махнул рукой и откинулся на спинку кресла. Пару минут он молчал, глядя в пространство, потом пробурчал, уткнувшись в ежедневник:

— Напрасно не повысил, теперь расплачиваюсь. Пусть бы обвиняли, вам же оправдываться.

— Я не стану смотреть. Честно! — захотелось его утешить, подбодрить. — Только самое начало, чтобы понять, тот ли кристалл.

— Полагаете, шантажист — идиот и оставил кристалл в гостинице? — горько усмехнулся начальник.

— Почему в гостинице? — хитро улыбнулась. — Дома, в тайнике, нужно просто забрать.

— Выкрасть? — уточнил хассаби и укоризненно покачал головой. — А как же моральные принципы, закон, наконец?

По блеску в глазах видела, идею он одобрил, поможет. Значит, Синглер к моим услугам.

— Он начал первым, — включила женскую логику и вновь мягко напомнила: — Министерство.

Лотеску кивнул и взглядом указал на стакан. Поставила его на поднос с чашкой и попросила разблокировать дверь. Начальник прищелкнул пальцами и потянулся к пульту изопроектора. Поспешила уйти, чтобы не мешать разговору со столицей.

При мысли о грядущей поездке сосало под ложечкой. Обязательно нужно заскочить к Алине, одолжить щипцы для завивки волос. Может, платья тоже? Вроде, видела у подружки подходящие — еще в бытность работы в Карательной инспекции она любила пройтись по дорогим магазинам. Размер у нас схожий, надо, натяну.

Алина ответила сразу, но не сдержала разочарования при звуке моего голоса. Выходит, ждала звонка другого, зная подругу, мужчины. Уроки не шли Алине на пользу, когда-нибудь кавалеры доведут ее до беды! Помнится, один едва не стоил жизни. Не бывает принцев на огнемобилях! Я вот зазубрила и игнорирую красавчиков в барах.

— Слушай, — лившаяся в раковину вода чуть приглушала голос, — можно после работы заеду? Заодно посплетничаем.

Выдвижной «усик» диктино постоянно сползал, приходилось одной рукой придерживать, другой мыть посуду.

— Угу, о том, как некоторые веселись. Не ожидала от тебя!

Заморгала. Алина злилась. Положим, сорвался совместный поход по клубам, но ничего предосудительного я не совершила. В итоге выяснилась, подруга видела мою изобразительную карточку в газете... в качестве новой подружки Лотеску. И ладно бы в

одной — мы с начальником засветились в нескольких. Репортеры умудрились подловить момент танца, преподнесли все как пролог к интиму.

— Да неинтересны ему секретарши, сама знаешь! — фыркнула в ответ на нелепые обвинения. — Хассаби с любовницей поругался, место за столом освободилось.

— И в постели тоже, — не унималась Алина.

К бывшему начальнику она относилась с неприязнью. Не мне ее винить, сама злилась на Лотеску, когда слонялась по улицам после суда. Тогда казалось, хассаби бросил, свалил все бремя вины на плечи подчиненной.

— За другими не подбираю, — ответила чуть грубее, чем собиралась. — И хватит! Я с ним не сплю и спать не собираюсь. Тебе ли не знать, насколько правдивы газеты?

Алина поддакнула и извинилась. Замявшись, она сослалась на дикую усталость: «Голова с самого утра болит, а еще начальница-самодурка» и попросила перенести встречу на другой день. Понимающе хмыкнула и предложила среду: нужно войти в положение и не мешать строить чужую личную жизнь.

Пока хассаби беседовал с министерством, занялась текущими делами. Помимо проверки презентации, заготовленной по случаю грядущей Недели просвещения, активно занялась поисками шантажиста. С карандашом в одной руке и ручкой в другой, пыталась совместить правку и общение с архивами университета. Изопроектор изрядно облегчал жизнь, без него бы снова боролась с диктино.

Пришлось поругаться. Запрос они получили, но с ответом не торопились. Видите ли, времени мало! Пригрозила ответственностью за неоказание содействия и добилась своего: с каменным лицом девица неизвестных лет, волосы которой напоминали мокрый мех, обещала сегодня же выслать списки. Оставалось надеяться, они помогут, что-то я сомневалась, будто преступник из проулка так легко позволил поймать себя. Я бы искала волка в овечьей шкуре, а то и вовсе труп. Для торговца государственными секретами, казнокрада с большим опытом нет ничего святого, мертвые поделщики так и вовсе лучшие друзья.

Затем пришел черед гостиниц. Выбор пал на тихие уголки за пределами Нэвиля. Вряд ли Лотеску развлекал в городе, у него съемная квартира имеется, сам проговорился. Жаль, не знаю, насколько легкого поведения девушка, тогда бы сообразила, повез ее начальник на озеро или ограничился переписком в пригороде.

Осуждала ли хассаби? Я в чужую жизнь не лезу, нравится ему, пусть делает, лишь бы на добровольной основе. В последнем не сомневалась — при всех шуточках Лотеску не изнасилует, он порядочен, женщину не обидит.

В итоге составила список из десяти гостеприимных заведений. Они расположены далеко друг от друга, разорюсь на извозчиках, надо выпрашивать служебный паромобиль.

Список убрала в сумочку, в потайное отделение, и на всякий случай сунула лист, который подкладывала для мягкости письма, в уничтожитель. Не хватало, чтобы кто-то восстановил записи!

Дальше... Дальше у меня едва не разыгралась мигрень, которой никогда не страдала. Вот скажите, как можно доступно поведать о деятельности Карательной инспекции в школе, сагитировать всячески ей помогать, да еще в стихотворной форме? В каком пьяном угаре придумывали указания? А это только для младшеньких, есть еще старшие, студенты, обыватели, и для всех свои мероприятия. Кому Неделя просвещения, кому — мучения.

В итоге до гостиниц тем вечером не добралась. Осторожно закинула удочку — начальник дал понять, служба безопасности и так занимается, лучше юбки гладить и речи учить. Только вот я не собиралась похоронить себя под кипой бумаг, разум требовал подпитки, да и серьезность дела не давала покоя.

— Хассаби, — я стояла на пороге кабинета Лотеску, напряженно прислушиваясь к голосам в коридоре за дверью приемной; конец рабочего дня, служащие спешили по домам, — отчего вы не хотите допустить меня к расследованию? Думаете, ради денег

продам?

— Не думаю, — начальник рылся в портфеле с бумагами, приходилось общаться с его затылком.

— Тогда отчего сразу не рассказали?

— А так непонятно? — огрызнулся Лотеску и обернулся.

Стушевавшись, пробормотала:

— Право слово, не думаю, будто... Вы человек порядочный.

— И? — Дверь за спиной захлопнулась, больно поддав в спину. — Договаривайте, ишт Мазера. В глазах ведь читается: «Хорошо маскировался, извращенец!»

Потупилась.

А ведь он прав, целый день гадала, чем таким занимался хассаби в гостинице, арсенал из кляпов и плеток ему приписала, заодно затычки разные в чемоданчик положила.

— Вы не... — Щеки пылали.

— А глаза бегают, — поймал на лжи Лотеску. — Вот поэтому и не хотел. Мало того, что неприятно делать личную жизнь всеобщим достоянием, так еще взгляды ваши, мысли. Как далеко фантазия простирается? — он скрестил руки на груди, словно защищался от моих нападок. — Давайте, вы все равно думаете.

Последнее слово начальник выделил голосом, добавив осуждения и презрения.

Он прав, нехорошо. Опять же отношение изменилось, хассаби остро чувствовал отличия. Вроде, я та же, любезная, вежливая, только знаю.

Глубоко вздохнула и выдвинула встречное предложение:

— Лучше вы правду расскажите, а то действительно напридумываю. Вы ничем не рискуете, на меня компромата выше крыши, — быстро провела ребром ладони по горлу. — И с будущим начальником спала, и с некромантом путалась, и...

Кашлянув, не договорила. Вдруг Лотеску не знает?

— Кому вы интересны, Лена? — начальник устало потер виски.

Лена, значит? Он крайне редко называл сокращенным именем, второй или третий раз на моей памяти. А ведь обращение — индикатор общения. Ишт Мазера — холодность и официальность. Магдалена — выделяет среди остальных, доверяет чуть больше. Лена — вообще интимно.

— Голова еще не прошла? — участливо напомнила про мигрень.

— Почти, спасибо. Ладно, может, действительно лучше вам, а не Синглеру, — нерешительно пробормотал Лотеску и закрыл портфель — там хранились заметки по предстоящим мероприятиям.

— Разве он не в курсе? — удивилась я.

Служба безопасности как лекарь, ничего не утаишь. Да и как можно искать неведомо что?

Начальник покачал головой и предложил сесть.

— У вас как с воспитанием, в обморок не упадете? — за наигранной усмешкой пряталось волнение.

Промолчала и ободряюще улыбнулась. Рассказать бы о том, чем мы с Эдом, моим первым парнем, занимались в туалете, но как-то не готова даже в качестве моральной поддержки признаваться в нравственном падении. Эд, к слову, остался недоволен и

променял на более опытную девицу.

— Вот, — в руки ткнулся край изобразительной карточки.

Не спешила ее переворачивать, но Лотеску подталкивал, поэтому взглянула.

Хм, а так тоже можно? Вариация любимого занятия Эда, только в другой позе. Нетрадиционно, пикантно.

— Подумаешь! — вернула карточку напряженному начальнику, ожидавшему вердикта по поводу собственной нравственности. — Только мышцы затекают и дышать тяжело.

Лотеску хмыкнул. Не поверил, будто согласилась бы проделать подобное. Напрасно, если бы доверяла партнеру, решила бы на новый опыт. Но в одном хассаби прав, такие карточки повредят репутации.

— А не могла девушка сама установить кристалл? — раньше подобная мысль в голову не приходила, а тут завертелась, не давая покоя. — За деньги, разумеется.

Лотеску задумался и сунул карточку в уничтожитель.

— Могла, — потемнев, пробормотал он.

— Где вы познакомились? Или вызвали?

Вместо ответа мне отдали визитку одного из «ночных домов» — дорогую, пропахшую духами.

— Предупреждая вопросы: я не постоянный клиент.

— Хассаби, вы вовсе не обязаны...

Какая ему разница, что думает секретарша? На знакомствах в клубах и актрисах разоришься, а тут заплатил фиксированную сумму и доволен.

— Теперь обязан. Странно, но легче стало, — Лотеску слабо улыбнулся. — Возвращаю долг. Помнится, вы мне исповедовались.

Когда? Ах да, в постели. К счастью, не помню.

— Так вот, Магдалена, — начальник остановился против меня, — я предпочитаю не посещать подобных заведений. Не потому, что осуждаю, рисковать не хочу.

— Но девушек проверяют.

— Кто? — рассмеялся Лотеску. — Вы сами верите? Вспомните, как нормативы сдаете. Они точно так же дают взятки. Словом, не жалую и не жалую. Тогда выдался поганый день, желания знакомиться с кем-то никакого, приятель дал карточку — и вляпался по уши. С тех пор только любовницы, — заключил он так, словно проповедовал семейные ценности.

Витавшие в кабинете напряжение улеглось, начальник расслабился, рассказывал о том вечере отстраненно, словно все произошло с другим человеком. Разумеется, в детали не вдавался, но не маленькая, догадалась.

— Я бы начала с друга и публичного дома, — почесала переносицу. — Не желаю никого очернять, но кто еще мог знать, куда, с кем и для чего вы поедете.

— Он мне не друг, а приятель, — поправил Лотеску. — Уже проверил: чисто.

— Значит, бордель. Он как, приличный?

— Хотите пойти? — в глазах хассаби мелькнула усмешка. — На экскурсию в подобные места не пускают, государственных служащих не любят, придется снимать девочку.

— Лучше мальчика.

— Нет, Магдалена, девочку, мальчики на богатых старушках женятся.

Лотеску развеселился — значит, голова окончательно прошла. Таким он нравился больше.

— И напечатают мое изображение на первой полосе, — деланно вздохнула, включившись в игру. — Какой скандал: секретарь отвергла красавца-начальника и спит с девицей!

Сказала и замерла, ожидая реакции. Я опять перешла черту. Однако хассаби сделал вид, будто ничего не слышал, только таинственно улыбался. Окажись на его месте репортер, подумала бы, он решил напечатать скандальную «утку».

— Ладно, давайте серьезно, — Лотеску на мгновенье положил руку мне на плечо. — С улицы вас туда не пустят, устроиться на работу не позволю.

— Но я же не по-настоящему.

— Не позволю, — жестко повторил начальник. — И точка.

И так это прозвучало... Словом, прониклась и зауважала его родителей. Они и на изобразительной карточке казались порядочными людьми, а тут доказательство перед глазами. Повторюсь, при всей червоточинке в характере, Лотеску не позволит женщине пострадать из-за своих проблем.

— Тогда как? — беспомощно развела руками. — Не повесткой же ее вызывать!

— Придумаю. А теперь идите, иначе попадете под ливень.

За окном действительно сгустились тучи, грозя обрушить на Нэвиль потоки воды.

Кивнула и, попрощавшись, направилась к двери. Лотеску деактивировал охранные чары — заметила легкую вспышку. Он их ставил сам, не доверял покупным. Сейчас возьму жакет, попрощаюсь с Анастейшей...

— Магдалена, — полетело мне вслед, — давайте подвезу. Там гроза, промокнете до нитки.

Помолчав, он добавил:

— Хорошая вы женщина!

Смущенно улыбнулась.

Самый искренний комплимент в моей жизни. Из уст начальника — точно. Оба прекрасно понимали, что он имел в виду. А как иначе? Мы в одной лодке, а я бы не варила кофе абы кому.

До гаража добрались в полном молчании и сели в огнемобиль.

— Таки запомнили? — вырuling к воротам, поинтересовался Лотеску.

— Запомнила, — не стала врать.

Речь, несомненно, об адресе и названии заведения. Память — одно из главных качеств любого работника Карательной инспекции.

— Пойдете? — недовольство можно было черпать ложками.

— Пойду, — вновь не покривила душой.

— Магдалена! — укоризненно пробормотал хассаби и сжал мою руку.

Наверное, мы чуточку больше, нежели начальник и подчиненная, во всяком случае, теперь. Слишком многое нас объединяло, и никакого отношения к постели оно не имело.

Отвернувшись, смотрела в окно, на лиловые тучи, спешно пытавшихся укрыться от первых крупных капель людей, и знала: отныне мне доверяли.

Задумчиво оглядела старое здание на одной из коротких улочек в центральной части города. Ни за что не догадаешься, что скрывается за неприметной коричневой дверью! Никаких вывесок, красных фонарей и иных атрибутов «веселых домов», наоборот, со стороны дом походил на обычное жилище. Узенький, он вклинился между двумя многоэтажками. Один подъезд, два этажа, надстройка, возведен полвека назад, не меньше. Местами облупилась краска, но в целом опрятно. Сверилась с адресом, который записала сразу же по возвращению домой в день откровений. Нет, не ошиблась, «Резвая лошадь» здесь.

Хм, старомодный дверной молоток. И кристаллы — за улицей наблюдали.

Ради визита в бордель немного изменила внешность и теперь походила на работницу пера. Поразмыслив, решила не изображать соискательницу сомнительной работы. Во-первых, старовата, во-вторых, опасно, тут Лотеску прав, могли не выпустить.

Детоскоп на случай обыска замаскировала под диктофон. Новейшее изобретение, облегчавшее жизнь не только репортерам, попало мне в руки пару недель назад, когда Лотеску пожаловался на мои навыки стенографии. В итоге обнаружила прибор на столе. Надеюсь, охранники не боги технологий, не раскроют обман.

Предосторожность оказалась оправданной: меня действительно обыскали, стоило только переступить порог обители разврата. Два амбала каждый выше меня на целую голову, мнимый диктофон не отобрали, а вот диктино обещали вернуть на выходе. Хорошенькое начало! Спасибо, подстраховалась, взяла под расписку второй, походивший на обычные часы.

— Простите, таковы правила, — навстречу вышла респектабельная женщина средних лет. — Клиенты не любят, когда их тревожат. Чем обязана?

Цепкий взгляд прошелся по фигуре и остановился на лице.

— Вот, выполняю редакционное задание, — сунула загодя состряпанную бумагу. — Один день девушки легкого поведения. Читателям хочется «жареного». Можно побеседовать с девочками? Сейчас день, вряд ли я кому-то помешаю.

Лотеску снабдил описанием нужной гетеры, даже имя назвал, благо тоже на память не жаловался. Разумеется, сначала поговорю с другими, потом доберусь до нее и выстрою беседу в нужном ключе. Лишь бы только хозяйка над душой не стояла! Хорошо бы еще отдельную комнату и время, чтобы найти «жучки» — не сомневаюсь, они имелись. Импульсный шокер — слабая защита против шкафов-охранников, но он понадобится, если заподозрят неладное.

Хозяйка неохотно согласилась, предварительно устроив допрос: кто дал адрес, почему именно это заведение? Не поленилась, она позвонила моему мнимому работодателю, проверила, числюсь ли в штате. Свои люди подсуетились, на том конце ответили правильно.

Изобразила возмущение, фыркнула: мол, что за недоверие?

— Хотите, пойду в другое заведение. Больно надо зря время терять! Обойдетесь без бесплатной рекламы.

Поправила кепи извозчика, которое частенько носили репортеры, и с чувством поправленного достоинства направилась к выходу. Если силки расставила верно, рыба заглотит приманку. Так и вышло.

— Какую рекламу?

Хозяйка догнала через пару шагов, куда только степенность девалась!

— Обычную. Ой, разве я вам не сказала? — захлопала глазами, мигом превратившись в «зеленую» стажерку. — Простите, я вечно что-то забываю.

На профессионального журналиста я не тянула, да и все имена на слуху, изображала начинающую, но подающую большие надежды девицу. И неважно, что стажировка длится годами, пора бы давно собственную колонку иметь.

Мысленно усмехнулась. В каждом служащем Карательной инспекции пропадает актер. Кем я только не притворялась! Горничная, скучающая вдова, богатая дама, даже гадалкой переодеваться приходилось — все ради торжества справедливости.

Женщина закатила глаза и, кажется, окончательно уверилась, меня не заслала полиция. Бегло соврала про рекламу салона красоты под адресом борделя на отведенных под объявления страницах — целый разворот, и все за статью.

— Разумеется, я не укажу имена девушек, напишу, они из разных частей Вертавейна.

— Идите уж! — отмахнулась хозяйка и на время потеряла ко мне интерес.

Половина дела сделана, осталось найти продажную пассию начальника. Он выглядел смущенным, впервые на моей памяти, когда описывал детали пикантного приключения. Говорил отрывисто, не сидел, расхаживал по кабинету. Разумеется, я не собирала материал для компромата и не собиралась лезть в чужую постель, меня волновали сугубо рабочие моменты. К примеру, привычки, говор девицы, специализация, если таковая имеется, особые приметы. В конце налила Лотеску коньяка и пообещала найти поганца.

— Вам-то зачем? — удивился хассаби.

К коньяку он не притронулся.

— За добро платят добром. Не радоваться же мне!

Помолчав, добавила:

— Ненавижу шантажистов!

Вот так и оказалась в комнатке наверху, где, по словам хозяйки, мне никто не помешает.

Постепенно, по одной, начали подходить девушки. Меня заинтересовала блондинка с большим чувственным ртом — банально, но мужчины во многом предсказуемы. Над губой — родинка. Еще один штамп, наверняка «мушка». Грудь, попа — само собой, тут почти у всех не меньше третьего. Хихикнула, представив процедуру отбора. Стоит хозяйка с трафаретным силуэтом, кто застревает, того берут, остальные — вон.

Включила мнимый диктофон, достала блокнот и приступила к заданию. Всем задавала одни и те же вопросы, аккуратно подводя к нужной теме. Мол, каких мужчин предпочитаете, возят ли куда-то клиенты? Если да, то самый необычный недавний опыт. Надеюсь, Лотеску оставил след — не в сердце, в кошельке, и проститутка проговорится, вспомнит.

Детоскоп пока ничего не выявил, то есть в комнате никто не колдовал, а сотрудницы заведения магией не владели. Импровизированный допрос рока тоже не принес нужного результата. Безусловно, я пополнила знания в сфере интимного досуга, могла бы написать книжку об извращениях, по сравнению с которыми уничтоженный снимок казался безобидной шалостью молодожена, только к шантажисту не приблизилась ни на шаг. И вот, когда уже вконец отчаялась, появилась она — блондинка. Родинка, губы, грудь — мечта подростка, томный взгляд из-под накладных ресниц. Ухоженная, но дешевка, сразу видно, чем зарабатывает на жизнь. Надеюсь, у начальника вкус лучше. Может, еще поэтому стеснялся рассказывать, чтобы не признаваться, как низко пал. Обычно его пассии другие, он мужчина разборчивый, хоть и любит женщин. С другой стороны, ему для перепиха всякая сгодится.

Проститутка представилась — имя совпало. Надеюсь, с остальным тоже повезет.

Когда девица лениво упомянула толстосума, с которым развлекалась на берегу озера, едва не запрыгала от восторга. Как бы теперь на заказчика выйти?

Сначала включим дурочку:

— Ой, наверное, многие дорого заплатили бы за то, что вы видели. Сами понимаете, сливки общества — а тут такое!

Блондинка дернула плечиком и промолчала.

Ладно, пойдем другим путем — спровоцируем.

Наклонилась к девице и, подмигнув, шепнула:

— Неужели никто не предлагал?

— Почему не предлагали? — проститутка флегматично разглядывала длинные ногти.

— И? — наострила уши. — Редакция щедро бы заплатила за пару «жареных» фактов и горячих снимков.

— Деньжат не хватит! — хмыкнула блондинка и встала. — Ну, все, что ли? Мне еще к вечеру готовиться.

— Жаль! В другой газете хвастались, вы им кристалл с одним крупным чиновником согласились продать.

Рисковала, ох, рисковала, но не шокером же признания выбивать! В полиции девица станет молчать как рыба. Правда, кто сказал, что она сейчас не заорет, а знакомые амбалы не выбросят меня вперед ногами?

Самообладание быстро вернулось. Я частенько влипала в гадкие истории и выходила оттуда сухой — в прошлой жизни, когда не варила кофе, а прятала дела в сейфе Отдела по работе с магией.

У блондинки дернулось веко: занервничала!

Жаль, диктофона нет, теперь пожалела, что не захватила, но детоскоп казался важнее.

— Нагло лгут! — порывисто возразила проститутка и, как ошпаренная, выскочила из комнаты.

Неужели решила, будто подставили, отдали запись в газету и раскрыли имя информатора? Тогда на ее месте я бы встретилась с заказчиком или попыталась сбежать из города. Не сомневаюсь, Лотеску пухлые губки по мостовой размажет, в тюрьме стноит, когда узнает правду.

Внутри расправила крылья гордость.

Что бы без меня начальник делал? Тряс бы прислугу, а на вторую участницу ночного развлечения не подумал.

Однако за пташкой нужно проследить. Ладно, диктино не отнимали, воспользуемся и помолимся древним богам, если таковые существовали, чтобы хозяйка заведения, уютно устроившись в кресле, не наблюдала по монитору за неуклюжими попытками секретаря играть в инспектора.

ПокOLEбавшись, набрала Лотеску. Не знаю, как много он рассказал Синглеру, пусть сам распоряжения раздает.

— Она, — односложно сообщила о результатах визита в публичный дом. — Сбежала.

— Далеко не уйдет, — родился бы зверем, начальник клацнул бы зубами. — Выбирайтесь, вас подхватят.

Понятно, хассаби поднял ликвидаторов — кого еще, не полицейских же отправил на задержание. Единственное «но»: brave ребята с парциленами, уничтожавшие особо опасных магов, подчинялись Аларду, а второй зам на дух не переносил начальника. Уж не он ли?..

— Хассаби, — успела до того, как начальник отключился, — нельзя! Пять минут, и объясню. Ничего не делайте, умоляю!

Повисло нехорошее молчание.

Сердце гулко стучало.

Я посмела указывать Лотеску. Наорет, уволит, напомнит о субординации?

— Хорошо, — неохотно, с трудом скрывая раздражение, согласился хассаби, — заберу сам и жду очень веских доводов. На углу Монетной и Прямой перспективы.

Мысленно выдохнула и провела рукой по вспотевшему лбу. Надо же, а я не заметила...

Нужно закругляться. Очевидно, блондинка — последняя собеседница, или хозяйка посылала девушек строго через полчаса, иначе почему никто не вошел, когда любительница больших денег убежала?

Не выходя из образа, выключила «диктофон»-диктино, убрала записи. Вроде, не суетилась, как и положено корреспонденту, а не шпиону. Теперь попрощаться с хозяйкой, забрать диктино и на угол Монетной.

Вопреки опасениям, меня беспрепятственно выпустили, прибор вернули.

Лихо заломив кепи набок, зашагала в нужном направлении, спиной ощущая чей-то взгляд. Наблюдатель явно желал не добра, но пока не объявлялся. Тем не менее, поглядывала по сторонам, чтобы не стать жертвой «несчастливого случая».

Визг тормозов заставил вздрогнуть и вжаться в стену.

Шайтан, разве можно так пугать?! Я ведь зайкой стану.

Начальник без лишних слов втащил на переднее сиденье и свернул к Адрону. Вцепившись в сумку, надеялась не разбиться — пристегнуться никакой возможности.

— Хассаби!

— Потом! — рыкнул Лотеску и накинул ремень, щелкнул креплением — все не притормаживая.

Судя по направлению, мы спешили к вокзалу. Ничего, нагоним блондинку. Быстро же она! Наверняка тоже кому-то позвонила: ногами или на парчелле от огнемобиля не убежишь.

Она и не успела.

Выругавшись, хассаби резко ударил по тормозам. Сумка только чудом не улетела через ветровое стекло, зато голове повезло меньше, нос таки встретился с приборной панелью.

— Опоздали! — ругнулся Лотеску и указал куда-то вперед.

Приглядевшись, поняла: мы едва не переехали резко шагнувшую с тротуара проститутку. Только быстрая реакция хассаби ее не спасла, на мостовой валялся труп. Дозвонилась!

Вокруг быстро собралась галдящая толпа. Расталкивая людей, к убитой пробирались полицейские; медные бляхи горели на солнце. Влипли! Напишут, будто Эмиль Лотеску, глава Карательной инспекции, задавил человека.

Начальник, казалось, не видел и не слышал ничего вокруг. Он вышел из машины и опустил на корточки возле блондинки.

— Магия, — коротко сообщил хассаби.

Ясно, окинул улицу магическим зрением. Мне оно давалось тяжело, только с усилителем и на пару минут, Лотеску, как дипломированный чародей — у него диплом Практического факультета, — управлял им силой мысли.

— Детоскоп тащите и избавьте меня от этого дурака, — начальник ткнул пальцем в полицейского.

Обалдевший от подобной наглости постовой пригрозил участком, но подавился собственными словами, когда ему в нос ткнули удостоверение личности. С аристократами боялись связываться.

Отвела полицейского в сторону и коротко объяснила, кто мы и отчего лучше не вмешиваться, а подчиняться. Мужчина закивал и разогнал толпу. Он старательно обходил возившегося с детоскопом Лотеску, сдается, с удовольствием сбежал бы, если бы отпустили.

— Магдалена! — подняв голову, поманил хассаби.

Присела рядом с ним на корочки и ахнула. Старый знакомый! Может, мы оба видели то, что хотели, но в блокноте красовался почерк мага из проулка, того самого, где погиб фальшивомонетчик.

Замотала головой.

Бред какой-то! Маг убил проститутку! Еще скажите, не парциленом, а чарами. Подобные господа состоят на особом государственном учете, потому как способны уничтожить десятки человек. Они проходят ежегодное тестирование, с ними возятся врачи, чтобы пресечь любое психическое расстройство. Упусти такого из виду — получится некромант. К сожалению, иногда случается.

Разумеется, боевые маги сплошь в Министерстве внутренних дел, ни на какую другую работу их не возьмут. И тут вдруг в Нэвиле...

Может, хассаби ошибся, выдал желаемое за действительное. На сколько минут я отлучилась? При отсутствии регулярной практики и поросших мхом университетских знаниях выстроить почерк даже по четким личным дугам и крупным фрагментам цепочек невозможно.

Скептически покачала головой и, попросив детоскоп, устроилась над погибшей.

— Не верите? — Лотеску, наоборот, встал, сложив руки на груди.

— Простите, хассаби, — глубокий вздох и правда, — вы аналитик, не практик.

— Давайте сразу: кабинетный работник. Нет, Магдалена, такой рисунок я ни с чем не спутаю, — мрачно заверил начальник.

Вынырнув из золотистого свечения, исходившего от блондинки — надо же, действительно маг постарался! — в недоумении уставилась на хассаби. Его слова прозвучали странно, словно за ним стоял короткий эпизод недавнего прошлого.

— Вы его знаете?

Рисковала, но чересчур много темных пятен, пора их осветить, если, разумеется, нужно поймать преступника. Плюс заранее хочу знать, во что ввязалась. В прошлый раз начальник моими руками мстил за давнюю обиду, может, история повторялась? Тогда шантажист — не случайный человек, а вполне конкретный, из плоти и крови, имени которого хассаби по какой-то причине не называл.

— Возможно, — уклончиво ответил Лотеску.

Убрала детоскоп в сумочку и хотела уйти, когда начальник положил руку на локоть и пообещал:

— Расскажу.

— Может, хватит, хассаби? — вырвалась и поправила сбившееся кепи. — Надоели ваши игры, попытки использовать втемную.

— Я не использую, Лена, — снова уменьшительно-ласкательное имя, тихий голос, практически шепот, — я понятия не имею, кому так...хмм... не нравлюсь. Вариантов столько, что кружится голова, и без вас мерзавца точно не найти. Вспомните прием, неужели бросите дело в начале пути?

Лотеску умел задеть нужные струны, вот и теперь мастерски сыграл на слабостях. Как устоять, если тебя так просят, проникновенно, доверительно, как равную, и напоминают о долге перед короной.

Кивнула и снова занялась убитой. При ближайшем рассмотрении оказалась, что она умерла не от заклинания. Уфф, от сердца отлегло! Однако без магии не обошлось — как некогда фальшивомонетчика, проститутку опутали чарами. Судя по повреждениям, она угодила под машину. Только вот когда? Четко помню, как резко начальник ударил по тормозам, только вот действительно ли успел?

— Хассаби, — обернулась к Лотеску, — она была жива, когда?..

— Сложно сказать, — обескуражил он. — Когда упала, точно мертва. Удачно разыграли, верно?

Начальник криво усмехнулся и поманил постового. Тот поплелся, словно на казнь.

— Найдите свидетелей и доставьте в ближайший участок. Классификация — убийство.

Мужчина кивнул и занялся поредевшей толпой. При слове «протокол» люди дружно разбежались, через пару минут исчезли последние зеваки.

Улицу перегородили специальной лентой, теперь ничего не мешало работать.

Краем глаза заметила полицейский наряд. Их видавший виды паромобиль притормозил у аптеки, главный, видимо, инспектор, пытал постового.

Бережно скопировала рисунок заклинания, чтобы затем сравнить с наброском Лотеску.

Личный почерк, своеобразная печать мага, позволявшая установить автора чар, дался поразительно легко. Стереть ничего не успели, от убитой фонило, как от алтаря некроманта, поэтому вскоре схема в блокноте превратилась в портрет убийцы. Начальник оказался прав, тот же тип.

— Следящие и оцепенение? — вопросительно обернулась к хассаби.

Маги заклинания, как орешки, щелкают, а я иногда путаюсь.

Лотеску посоветовал осмотреть шею. Разумеется, трупа. Там нашлось едва заметное алое пятнышко — след от иглы.

Перевела вопросительный взгляд на начальника. Он промолчал. Правильно, нельзя с точностью утверждать, но, по-моему, картина такая: испуганная девица легкого поведения позвонила заказчику, потребовала встречи, денег и теплого укрытия. Мужчина приехал или прислал доверенное лицо, которое вместо платы за молчание наложило чары, вкололо нечто и вытолкало на дорогу. Преступник знал, мы идем по следу, и хотел обставить дело так, будто Лотеску расправился с проституткой.

— Поехали! — начальник потянул за рукав. — Пусть поработает полиция, все равно пока не хватает фактов. Одно скажу: она рухнула как подкошенная. Заклинание активировали на расстоянии.

Теория лопнула, словно мыльный пузырь. Часто заморгала, пытаюсь понять, как такое возможно. Я не слепая, на дороге колдовали!

— Растолкую, — пообещал Лотеску и чуть ли не силой усадил в огнемобиль. — А лучше дам почитать умную книгу, расширьте кругозор.

— А с тем магом что? — взгляд поневоле возвращался к телу убитой.

Мы сдали назад сквозь коридор расступившихся полицейских. Должность Лотеску позволяла не давать показания и спокойно уехать.

— Это я вас должен спросить. — Накаркала на свою голову! — Ответ на запрос уже должен лежать на столе.

Надеюсь, доставили, иначе убью всех сотрудников университетского архива.

До управления добиралась в полном молчании. Только возле знакомого здания на набережной решила потревожить сумрачного начальника.

— Алард.

— Что— Алард? — не понял Лотеску и свернул к подземному гаражу.

— Начните с него, хассаби. После назначения он вас ненавидит.

Отношения между этими двумя напоминали пороховую бочку без фитиля. Вроде, безопасно, но стоит чиркнуть спичкой...

— Уже, — развеял миф о кабинетном работнике хассаби. — Синглер покопается.

— Опасно! — цокнула языком. — Вы настолько доверяете Синглеру?

— Нет, Магдалена, он *настолько* обязан доверять мне.

В воздухе повис невысказанный вопрос. По телу пробежали мурашки. Вот тебе и начальник! Что же у него на Синглера, если тот побоится предать? Воистину, чем выше, тем больше змей.

Никогда не задумывалась, как Лотеску получил вождеденный пост, а теперь закрался червячок сомнения. Нет, начальник его не купил, но наверняка выложил некий козырь, сделавший его идеальным кандидатом.

— На Аларда давно собирают досье, — хассаби припарковал и махнул рукой: на выход! — Я не люблю потенциальных врагов и никогда не подставляю спину. У службы безопасности на каждого найдется компромат, только вот кое-что не видел даже Синглер.

Нервно сглотнула и задумалась, не болтала ли лишнего на работе.

— Так, ишт Мазера, на вас маг. Я займусь счетами. Если вы не забыли, — быстрый взгляд в мою сторону, — у нас есть кое-кто посерьезнее любителя чужих развлечений.

Я помнила, как и обрывок странного разговора в Ведомстве магии. Что нужно сделать, какой скандал разразится? Приберегла вопросы для кабинета. Раз отныне мы одна команда, пора делиться информацией.

Наверху нас встретила этажный секретарь Анастейша. Чуть прихрамывая на высоких каблуках, она затараторила: приходил этот, звонил тот, а еще курьер... Хассаби молчаливо послал ее к шайтану и поднял бровь: Магдалена, разберись. Разумеется, только сначала расследование.

Мигнули и пропали ставшие ненадолго видимыми охранные чары. Коснувшись пластиной замка, Лотеску толкнул дверь и вошел в залитый солнцем кабинет. Тут царил невообразимая духота: очевидно, перед уходом хассаби забыл задернуть шторы. Поспешила открыть окно и по привычке бросила взгляд на улицу. Люди, паромобили — обычная суета, никаких грозных надписей и некромантов. К счастью.

— Вот, — когда обернулась, Лотеску махнул на книжные шкафы. — Почитайте о магии. Выносить из кабинета нельзя, — напомнил он.

Знаю, имперские фолианты — некогда Амбростен назывался Империей и простирался от моря до моря — стоят дороже иного коттеджа в закрытом поселке. Кожаные футляры, тиснение, особая, защищенная от пыли, бумага — мечта букиниста.

С трепетом приблизилась к полкам, гадая, с какой же начать.

Лотеску уселся в кресло и почти сразу набрал кого-то по приватной связи. Тактично сосредоточилась на книгах, потом расспрошу о маге. Так и не поняла, знаком ли с ним хассаби, а если да, отчего не потребует арестовать. То ли начальник снова затеял двойную игру, то ли не докопался до имени подозреваемого.

С благоговением провела пальцем по футлярам. Они отзывались то теплом, то холодом. Рука касалась металлических заклепок, скользила по идеально гладкой коже, с

трепетом обводила контуры рисунков из драгоценных камней. Подумать только, Империи давно не существует, а книги целы. Сколько всего они помнят!

Шкафы под стать содержимому. Антикварные, некогда они стояли в кабинете первого зама, потом переехали наверх вместе с хозяином. Лотеску сильно переделал рабочее место после Барашта, устроил все по собственному вкусу. Он ценил удобство, питал любовь к роскоши — по мебели видно.

Немного страшно: вдруг уроню, поцарапаю? Я счастливая, остальных начальник к шкафам не подпускал, да и мне без разрешения нельзя. Понимаю, такая коллекция! Лотеску трепетно следил, чтобы ни солнце, ни уборщица, ни стихийное бедствие не навредило томам.

— Рубрикатор на третьей полке слева, — подсказал хассаби, заметив мои мучения. — Да, над «Историей инквизиции».

Поблагодарив, вытащила тоненькую книжицу в черном кожаном переплете. С ее помощью отыскала нужный шкаф и занялась делом. Бережно извлекла фолиант в бежевом футляре с имперской печатью и положила на столик неподалеку от бара. Утонув в мягком диване, щелкнула застежками и извлекла саму книгу.

Шершавая бумага казалась живой. Никак не могла отделаться от ощущения, будто касаюсь человеческой кожи. Сейчас такого делать не умеют.

Не дыша, отвела в сторону сургучный кругляш и распахнула том на оглавлении. Вроде, тут о видах магии. Меня интересовали две, чтобы проверить, кто из нас прав: начальник или я. Увы, оказалось, Лотеску. Действительно, у боевой магии исключительно высший класс опасности — С, а тут А.

Полистала дальше, но не нашла ответа на вопрос, как именно убили блондинку, зато перерисовала пару интересных цепочек. Они не походили на обычные — полуторные, прерывистые, с задвоением нисходящей силы.

— Домой взять нельзя, хассаби? — спросила безо всякой надежды.

Не успею закончить до шести, а еще нужно подготовиться к завтрашнему.

— К вам — нет, ко мне — да, — рассеянно пробормотал Лотеску.

Он быстро, порывисто писал. Судя по форменному бланку, не личное. Так и есть, велел отправить в столичную Карательную инспекцию.

— Ну, в чем проблема-то?

Хассаби подошел. Мельком глянул в раскрытую на главе о потоках энергии боевой магии книгу и захлопнул ее.

— Первый шкаф, пятая полка, шестая слева. Стремянка у окна. Могу, конечно, и так рассказать, но, — легкий смешок, — раз обещал самообразование, читайте.

Взмолилась сжалиться и разрешить загадку. В его интересах, между прочим.

— Ладно, — махнул рукой Лотеску и убрал книгу на место. Гулко звякнули стеклянные дверцы шкафа. — Додельвайте с министерством, потом, так и быть, приглашу на чашечку кофе.

Открыла и закрыла рот.

Начальник, безусловно, бабник, но никогда так открыто не предлагал уединиться. Более того, в свой адрес я ничего такого не слышала. Ну, шуточки, ну флирт, так взаимный, игривый, а тут со всей серьезностью.

Облизала губы, выдумывая тактичный ответ.

— Хассаби, я... — Слова никак не давались. — Словом, спасибо за честь, но...

Лотеску нахмурился, а потом расхохотался.

— Ох, Магдалена! — Его прошибло до слез. — Вы что подумали?

— То самое, — мрачно ответила я. — Чашечка кофе обычно заканчивается утром.

— Я вам вина налью и до дома провожу. Честно!

Он продолжал смеяться.

— Лена, — фыркнув в последний раз, хассаби провел рукой по щеке, смахнув слезу, и бросил на меня укоризненный взгляд, — думал, сообразите. Какие рассказы в Карательной инспекции? Дома — в самый раз.

М-да, неловко получилось! Теперь начнет подтрунивать, напоминать.

Извиниться? Можно, только с формулировкой проблемы. Промолчать? Да, лучше изобразить, будто ничего не случилось.

— Ну, я пойду, хассаби? — бочком протиснулась к двери.

Щеки предательски горели.

— Подождите.

Вытянувшись в струну, замерла, задыхаясь от стыда. Самая неловкая ситуация в моей жизни, ну, вторая, хотя первая тоже связана с Лотеску. Только бы не решил, что в постель к нему хочу! Не лукавлю ведь, не собираюсь ни в жены, ни в любовницы.

Начальник подошел. Расстояние между нами смущало: слишком близко. Сладкий парфюм щекотал нос. Чем дальше, тем больше усиливалось ощущение неловкости, в голову лезли разные мысли. Например, что делать, если Лотеску поцелует?

Хассаби молчал, от этого нервничала еще больше. Вцепившись в блокнот, гадала, невежливо ли отступить на шаг. В конце концов, каждый человек имеет право на личное пространство.

— Ладно, идите, — наконец отпустил Лотеску. — И не краснейте так, я не сержусь. Естественное предположение, если разобраться.

— Почему? — язык брякнул впереди головы.

— Ну, учитывая наше многолетнее общение... Вас давно называют моей любовницей.

Выразительный взгляд скользнул по груди, заставив проверить, застегнуты ли пуговицы рубашки. Нет, все в порядке.

— Хотите воплотить слухи в жизнь? — Подняла голову и встретилась с его насмешливыми глазами. — Увы, рабочий контракт запрещает подобные отношения. В свете недавних событий советовала бы хассаби и вовсе сменить образ жизни.

Развернувшись, потянулась к ручке, ожидая услышать: «Вы уволены».

Сожалела ли? Немного, но работать высочайшим развлечением не собиралась. Лотеску мог мне трижды нравиться, только в постель не лягу.

— Вы не так поняли, я пошутил, — хассаби умел удивлять. — Смущение вам не свойственно, вот и воспользовался. Успокойтесь, Магдалена, никакого секса. Закончите к пяти: сегодня я уйду раньше.

В гостиной Лотеску спокойно поместилась бы чья-то квартира. Он жил в многоэтажном элитном доме с консьержем и подземным гаражом. Окна выходили на парк, которым так и тянуло любоваться с опоясывавшего квартиру балкона. Страшно подумать, сколько стоили шикарные апартаменты на пол-этажа! С другой стороны, начальник — человек не бедный, должность и вовсе обязывала жить на широкую ногу.

В отличие от первого раза, сейчас я не дрожала в ожидании приговора, а расслабленно попивала обещанное вино. Его вместе с фруктами, прохладное, из ледового шкафа, принесла домработница. Учитывая совместный ужин в ресторане, выглядело как свидание, только романтике мешали папки на столе и громыхавшая на кухне посудой Грета.

Лотеску переоделся, избавился от делового костюма, и развалился на диване в домашней одежде. Мое присутствие его не стесняло, хассаби непринужденно закинул ногу на ногу.

Ветерок играл с занавесками, солнце отражалось в витринах с еще одной страстью начальника — он коллекционировал разные предметы, связанные с магией. Например, давно неработающие древние артефакты, волшебные палочки и прочие вещи, которыми пользовались много столетий назад.

Я тоже устроилась на диване, благо их в гостиной хватало, и с интересом посматривала на папку без названия.

— Как я от всего этого устал! — пожаловался Лотеску и сделал глоток. — Знали бы, куда вы лезете, Магдалена, быстро выскочили бы замуж.

— Маг, хассаби, — мягко напомнила о цели визита.

Сам ведь пожалеет об откровениях.

— Маг... — задумчиво повторил начальник. — Откройте папку, там рубрикатор. Если не ошибаюсь, наш знакомый под номером «семьдесят семь».

Внутри оказался список работников столичной Карательной инспекции. Нахмурившись, нашла пункт «семьдесят семь» и отыскала нужную страницу.

Хорошо, поставила бокал, а то бы расплескала вино. Он, убийца, именно его я видела вместе с послем! Жадно вчитывалась в описание внешности, изучала личные кольца. Лотеску молчал, дремал.

— Хассаби, но откуда?.. Словом, как вы догадались, что маг из столицы?

— Просто вспомнил один эпизод, — начальник открыл глаза и сел нормально. — Мы встречались, давно, когда еще работал в Штайте.

Он чего-то не договаривал, но выдавала мимика: заострившиеся скулы, сжавшиеся губы.

— Алерно? — напомнила о давнем унижении, за которое сын королевского камердинера расплатился год назад.

— Нет, хотя направление верное. Я начинал в столичной инспекции, сами понимаете, не всем нравился.

Кивнула и осторожно продолжила расспрашивать:

— Он был вашим начальником?

— Причиной моего единственного выговора, Магдалена. Затем наш знакомый попал в штат Карательной, обзавелся лицензией. Как видите, — смешок, — люди не меняют привычек, вот и господин Ронсу взялся за старое. Сверьте, конечно, с карточкой из университета, но слишком знакомые дуги.

Молчала, осмысливая услышанное. Гостиная из комнаты для расслабления

превратилась в рабочий кабинет.

Выходит, господин Ронсу затаил обиду на тогда еще ишт Лотеску и спустя много лет нанес удар. Может, даже хотел, чтобы хассаби его узнал.

— Можно вопрос? — Начальник кивнул. — Даже несколько. Вы ловили господина Ронсу?

— И не подозревал, кто пользуется его услугами. Он помогал тогдашнему начальнику службы безопасности. Собственно, за то и выговор: помешал сбору нужных сведений. Нечего без лицензии работать! — буркнул хассаби и залпом осушил бокал. — Кто бы мог подумать, что он окажется мстительной и падкой до денег сволочью! Только не для себя старается, ишт Мазера, умишка бы не хватило, — презрительно скривился Лотеску.

М-да, какое интересное прошлое всплывает! И не менее интересное настоящее. О работе хассаби в Штайте мы ничего не знали, он и не распространялся, а со стороны — легко и просто, карьера как по маслу. Да и внешне бабник, балагур, только вот кусаться Эмиль Лотеску умеет, не завидую его врагу. Кабинет кабинетом, а соображает быстро и мстит жестоко, сама убедилась, к счастью, по касательной.

Оставила новость про шатена из Ратуши на потом и задала второй вопрос:

— Вас ведь не уволят, какой прок от компромата? Или вы женитесь?

— Прок большой — навечно остаться в Нэвиле. Глава местной Карательной — не предел моих мечтаний. Публикация карточек поставит жирный крест на министерском портфеле. Лена, закройте рот! — тихо рассмеялся Лотеску, разрядив ситуацию.

Выпивка пришлась кстати: сообщение о том, что начальник года через два может уехать в Штайт, пусть не министром, а одним из его помощников стало полной неожиданностью.

— Никому не говорите, — попросил хассаби. — Указ не подписан, претендентов много, просто так никого не назначат, тем более начальника местечковой инспекции. Задавайте третий вопрос.

— Папка. Вы опять меня обманывали? Кажется, — укоризненно глянула на начальника и отхлебнула вина — как всегда, высший сорт, — мы пришли к взаимопониманию. Или снова «спасибо, свободна»?

Лотеску не мог за полдня собрать информацию по сотрудникам столичной Карательной инспекции, значит, опять использовал и вел собственное расследование.

Жизнь — несправедливая штука, Лена, пора привыкать. Вот, хотя бы вина попей, посиди на мягком кожаном диване, поболтай ногами в гостевых тапочках, радуясь возможности скинуть туфли. Они красивы, не спорю, но гораздо приятнее без них.

— Мы в одной лодке, Магдалена, — Лотеску выдержал короткую паузу и неосознанно провел рукой по волосам. — Обманывать вас — рыть себе яму. Вы видели карточку или решили, будто хвастаюсь своей интимной жизнью?

Закусив губу, кивнула. Помню, как он нервничал, сейчас тоже. Напряжение сквозило в позе, взгляде — во всем, хотя бы в том, как начальник всем корпусом подался вперед, стиснул ножку бокала.

— Я вам верю, Лена, единственному человеку, кроме родных, разумеется. Правда, — хассаби хмыкнул и чуть расслабился или сделал вид, будто расслабился, — те карточки я бы им показывать не стал.

— А мне зачем? — вопрос витал в воздухе. — И досье, его нужно заказывать заранее, хассаби.

— Доверие — вещь иррациональная, Лена, — Лотеску очистил апельсин и протянул дольку. — Почему вы? Секретарей выбирают тщательнее, чем жен. В постель можно взять кого-то, вроде Розалинды, а вот к почте я бы ее не подпустил.

Смутившись, уделила внимание вину.

Вечер постепенно терял свою прелесть. Не стоило, наверное, соглашаться посидеть с начальником. Да, я хотела доверия, но подобные откровения — тяжелое бремя.

— Папку доставили час назад курьером. Сами понимаете, существуют иные каналы связи. Меня терзали сомнения, решил проверить, — хассаби барабанил пальцами по столу. — В итоге ниточки сошлись и ведут в Штайт.

— Хорошо, — кивнула, принимая данную версию.

— Это правда, ишт Мазера, — от Лотеску не укрылся мой скепсис. — И да, — он чуть повысил голос, — я не собираюсь с вами спать, хотя вы симпатичная и умная женщина.

— Похоже на комплимент, хассаби, — покачала головой и решительно отставила бокал. — Спасибо за информацию и гостеприимство. Не хочу, чтобы домработница спрашивала, останусь ли на ночь.

Начальник поднялся вслед за мной. Я никак не могла понять, о чем он думает, на лице смешались разные эмоции.

— Хватит уже! — устало протянул хассаби и усадил обратно на диван. — Когда вас волновали слухи?

Честно призналась:

— Меня волнует ваше поведение.

— Хорошо, — раздраженно ответил Лотеску, — можете заплатить за ужин, ничего не пить и через каждое слово повторять: «Как прикажете». Так лучше? Магдалена, — рука легла на мое плечо, — наши отношения давно вышли за рамки начальника и подчиненной. Вы не в первый раз так сидите, что вдруг сегодня нашло?

Молча указала на его руку и бокал. Начальник глухо застонал и посоветовал читать меньше женских журналов.

— Еще лучше кавалера найдите, определенно, одиночество дурно на вас сказывается.

— Может быть, — погруженная в собственные мысли, пробормотала я. — Простите.

— Проехали! — Лотеску убрал руку и, подлив вина, вернулся на прежнее место. — Хотите, можете уйти. Расследованием вы занимаетесь на добровольных началах.

Странно, но уходить не хотелось. После неловкого разговора дышалось иначе, я расслабилась, в полной мере насладились букетом вина. Рассмеялась, вспомнив нелепые предположения. Разумеется, начальник поинтересовался, чему так радуюсь. Рассказала.

— Наконец-то Магдалена ишт Мазера вернулась! — улыбнулся он. — А то я решил, вас покусали подруги. Знаете, своеобразное девичье бешенство.

— Знаю, — фыркнула, вспомнив Алину. — Фата обязательна.

Вместе посмеялись, обсудив повальную женскую особенность видеть в каждом мужчине потенциального любовника или жениха.

Лотеску тоже вынул невидимый стержень, вернулись привычные шутки. Однако усталость брала свое, начальник все чаще украдкой зевал. Нужно быстро обсудить господина Ронсу и откланяться. Однако стоило заикнуться об отдыхе, как хассаби заартачился:

— Рабочий день ненормированный, справлюсь. Папку можете забрать, под личную ответственность. Сами понимаете, — предостерегающий взгляд, — чем грозит разглашение служебной информации.

— Пусть полежит у вас, так надежнее. Хассаби, а тот начальник службы безопасности, где он теперь?

Сомневаюсь, будто господин Ронсу сотрудничал с незнакомцем. В голову приходили двое: тот самый сотрудник столичной Карательной и Алард. Второй зам имел доступ к

общей базе, мог шантажировать мага, а то и вовсе тесно с ним общаться по делам службы. Под началом Аларда ликвидаторы, они всегда в связке со службой безопасности.

— На пенсии. Ешьте, не стесняйтесь, — начальник заботливо придвинул блюдо с фруктами.

Кивнув, взяла дольку апельсина и отправила в рот. Сочный плод таял на языке. Где Грета такие берет, апельсины из нашей лавки годятся только на сок.

— А Алард? Понимаю, мне не положено знать...

— Они с Ронсу не пересекались, во всяком случае, официально.

— Почему вы его не уволите?

Действительно, почему? Второй зам — вечная головная боль.

— Формально не за что, да и приятно.

Видя, что не понимаю, Лотеску пояснил:

— Он столько лет кичился дворянством, пусть расхлебывает.

Усмехнулась. Воистину, Эмиль Лотеску ничего не забывает. Не видать Аларду ни повышения, ни положительной характеристики для перевода, остается два пути: терпеть или уволиться.

Порадовала начальника именем шатена, любившего Сорней больше Амбростена — пресловутым Ронсу. Лотеску ругнулся и взялся за диктино. Через минуту комиссар поставил на уши всю полицию города, если маг не успел уехать, возьмут этой же ночью. Украла вождеденные часы свободы, так бы господин погулял до утра.

Хассаби принес из кабинета вторую папку с надписью «Совершенно секретно».

Сглотнула и, помедлив, потянула за завязки. Второй раз в жизни читаю подобные документы! В первый хассаби показал записи переговоров бывшего начальника отдела, уличающие его в шпионаже. И вот теперь досье на Леонара Аларда. Как родился, вырослел, как проводил время — никаких тайн.

Нахмурившись, листала подшивки документов, разглядывала портативные голограммы и магические изобразительными карточками. Лотеску не мешал. Он включил изопроектор и, удобно устроившись на диване, наслаждался морскими видами. Специальная гарнитура помогала слушать текст, не мешая окружающим.

Начальник оказался прав: на первый взгляд никакой связи с магом и Сорнеем нет. Алард вел обычную жизнь и, кроме пары вялых попыток пожаловаться в министерство на зарвавшегося бывшего «ишта», ничем себя не проявил. Любил бильярд, вяло менял любовниц. Диктино не прослушивали, но по внешним признакам — пустота.

— Хассаби, — пришлось несколько раз окликнуть Лотеску, чтобы он обратил на меня внимания, — о ком шла речь в ведомстве, из-за кого случится скандал?

Намекала на подслушанный разговор, который обернулся знатной выволочкой.

— Да так, — уклончиво ответил начальник. — Счет один заинтересовал. Помните, я говорил о махинациях? Так вот, по стечению обстоятельств столичная Карательная, наоборот, получила прибавку в ассигновании. Часть денег поступила не со счета министерства.

— А с чьего?

Глаза загорелись. Неужели раскроем хотя бы эту тайну?

— Неизвестно. Опять анонимный, опять закрыт. Вот и наводил справки о тамошнем руководстве.

— И как?

— Заберу результаты, узнаю. Ладно, как у нас с Неделей просвещения? — сменил тему Лотеску.

То ли не хотел обсуждать, то ли действительно ничего больше не знал.

Заверила: проведем на высшем уровне.

Взгляд скользнул по экрану с заманчивым изображением. Эх, сейчас бы на песочек, к рокоту прибоя!

— Дам, дам отпуск! — рассмеялся Лотеску, расслышав тяжкий вздох. — В столицу наведемся, закончим с делами и ездайте.

Бросила еще один взгляд на заманчивые дали и снова уткнулась в папку.

— И все же та девушка... — Потерла лоб и подвинула папку к хассаби. — Я не очень понимаю, простите.

— А чего там понимать? — Усталость прошла, Лотеску пребывал в состоянии нервного возбуждения. — Сочетание яда с чарами дают несчастный случай. Девица рванула к сообщнику, тот предпочел ее убить, заодно вновь нагадить мне. Они сидели в машине, он сделал инъекцию, подвоха дрянь не ожидала. Дальше — чары. Достаточно активировать в нужный момент — и все, умирающая жертва идет в нужном направлении и падает под колеса. Кричать не может: мешает подчинение. Дождемся показаний свидетелей, но пока так.

Кивнула и вернулась к столичной Карательной.

— Можно узнать имена руководства? Понимаю, хассаби, мелкой сошке не положено подзревать вышестоящих...

— Меня волнуют двое: глава и его второй зам, — хрустнул пальцами Лотеску. — В связи с господином Ронсу ишт Сонер даже больше.

Традиционно второй зам инспекции курировал Отдел ликвидации и тесно сотрудничал со службой безопасности. Учитывая прошлый опыт попавшегося на убийстве мага, он и сейчас сотрудничал с людьми того же профиля. С другой стороны, связь слишком явная, напрашивающаяся.

— И? — в нетерпении покусывала губы.

— Господин Ронсу уволен три года назад за служебное несоответствие, — начальник уделил должное вину. — Лоджер ишт Сонер занят местными делами, подозрительной активности не проявлял.

— А счета? Может, он заходил в те банки и...

— Не заходил. На записях с кристаллов совсем другие люди, все разного телосложения. Сами понимаете, глубже копнуть пока не могу, хотя хотелось бы, — признался начальник и запустил картинку дальше, в беззвучном режиме, фоном. — Он тоже метит в министерство, есть в списке. Правда, и Роджеру Лауру, — так звали главу столичной Карательной инспекции, — хочется напоследок сорвать куш. У него шаткое положение, король остался недоволен последним отчетом. Плюс господин министр. Абель Бернارد с удовольствием бы всех претендентов на свое кресло устранил. С него станется! — коротко хохотнул Лотеску. — Еще бы, такие деньги, положение, связи. Словом, с одной стороны бывший начальник Ронсу, с другой Лаур, который может приказать любому сотруднику что угодно. Роджер — та еще сволочь, между нами, — хассаби выразительно глянул, призывая не распространяться на этот счет.

Нахмурившись, осмысливала услышанное.

Круг подозреваемых расширился, заказчика надлежало искать в столице. Вот Лотеску, самого важного сразу не сказал! А тут и министерство, и столичная карательная, и таинственный список чиновников, алчущих повышения. Ради такого мать продашь, не

то, что незнакомого человека подставишь.

— Хассаби, — предположение зрело и наконец оформилось, — не передавал ли господин Ронсу послу Сорнея слова нанимателя? Того же, который приказал сделать запись.

Начальник покачал головой.

— У меня другая версия. Вспомните разговор, фразы, которые употреблял господин Ронсу. Мы тогда еще думали о личине. Так вот, посредники говорят иначе. Может, вы неверно пересказали услышанное...

— Да нет, — медленно возразила я, припоминая, — верно. То есть некто прикинулся господином Ронсу, после избавился от маскарада и чествовал мэра.

— Среди гостей никого из столичной Карательной, — опередил вопрос хассаби, — уже проверил.

— Но ведь он мог прибыть в последнюю минуту, купить билет на чужое имя, — не сдавалась я.

— Угу, еще прилететь по воздуху! — с издевкой заметил начальник. — Скорее, его не посчитали нужным внести в списки.

— То есть пригласили лично, — подвела неутешительный итог. — Вы не помните, может, кто не задержался на приеме? Поздравил мэра и уехал, сославшись на дела.

— Меня долго в Большом зале не было, минут сорок точно.

— Тогда спросите охрану, вряд ли гость прокрался через черный ход. И с мэром поговорите, вы в хороших отношениях.

— Мы в никаких отношениях, Магдалена. Запомните, — преподавал урок житейской мудрости хассаби, — дружат с должностью, а не с человеком. Господин мэр не пустит слезу, даже если меня убьют, с той же фальшивой улыбкой поздравит приемника.

Слово за слово, и часовая стрелка миновала цифру «двенадцать». Спихватившись, засобиралась домой. Надеюсь, поймаю извозчика. Домработница ушла, никто не закажет, придется искать самой. Хорошо, банковская карточка с собой, а так бы плелась через полгорода пешком.

— Оставайтесь, — решил проблему Лотеску. — В квартире есть гостевая.

Ну да, собственно, там мне предстояло провести страшную ночь прозрения, если бы спьяну не полезла к начальнику.

— Спасибо, но я вас стесню.

— Нисколько. Устраивайтесь. Как выйдете, третья дверь слева. Одеяла, подушки и прочее в кладовой. Ванной комнатой пользоваться можно, где она, помните.

Кивнула. Пусть мы никогда не обсуждали случившееся, грехопадение таки состоялось, и началось оно именно с ванной комнаты.

Забрав свой бокал, Лотеску ушел. Мой и бутылку оставил — на случай, если захочу полюбоваться ночным парком с балкона. Так и поступила, тактично дожидаясь, пока хозяин апартаментов совершит вечерний туалет.

Странное дело и немного странные отношения.

Стоп, а как же волос? Лотеску утверждал, он принадлежал убийце, а раз фальшивомонетчика прикончил господин Ронсу, начальник вычислил его задолго до гибели мимолетного развлечения.

Смерть блондинки тоже казалась театральной. Положим, маги многое умеют, допустим, Ронсу хотел, чтобы девушка оказалась под колесами огнемобиля хассаби, но откуда ему знать, какой дорогой мы поедем? И почему Лотеску вообще туда свернул? Ответ напрашивался один: спланировал.

— Хассаби? — выглянула в коридор и едва не запнулась о слетевший тапочек. Шайтан бы забрал ковры, из-за которых нельзя ходить в нормальной обуви! — Хассаби, вы спите?

Врываться в чужую спальню, пусть даже постучав, — верх неприличия, поэтому терпеливо ждала разрешения.

— Дурацкий вопрос! — отозвался Лотеску.

Открылась дверь кабинета; полоска света упала на пол.

Ясно, не в спальне.

— Почему дурацкий? — бездумно спросила, размышляя, как бы тактичнее поведать о подозрениях.

За последние дни я минимум трижды обвиняла начальника во лжи, когда-то ему надоест, хассаби вспылит и, нет, не уволит, изобретательно накажет. Лотеску в курсе моей нелюбви к отчетам и разным бумажкам, несложно догадаться, куда меня переведут, — в архив.

— Человек после таких криков спать в принципе не может. Чего вам?

Лотеску стоял на пороге в халате поверх домашних брюк. В руках книга. Судя по обложке, не досье, даже не справочник по магии — беллетристика.

— Нестыковки, — честность пересилила. — Можете кричать, выставить на улицу, вы в своем праве, но хороший работник должен все прояснить.

— Первый час ночи, — откровенно намекнул начальник. — Спите уже!

— Завтра вы не скажете, — упрямо стояла на своем.

Если теперь увиливает, потом и подавно промолчит. Действовать нужно сейчас, благо Лотеску устал, ему сложнее себя контролировать. При подготовке сотрудников Карательной инспекции большое внимание уделяли психологии, теперь я собиралась обратить ее законы против хассаби.

Лотеску нахмурился, даже открыл рот для выговора, но раздумал. Складка на лбу разгладилась, губы разжались.

— Проходите! — начальник махнул рукой вглубь кабинета и посетовал: — Порой жалею, что проявил участие, устроил на работу.

И предупредил:

— Это последние вопросы, после выметайтесь в гостевую и до восьми тридцати не попадайтесь на глаза. Так и быть, до инспекции подвезу, — мстительная улыбка, — подкину пиццы для пересудов.

Домашний кабинет Лотеску отличался от рабочего, уютнее, что ли. Он тоже полнился книгами с имперскими печатями, но куда более древними. К иным прикасаться страшно: превратятся в труху. Начальник держал их в особых витринах.

На стенах — картины. Хассаби предпочитал портреты и пейзажи. Один особенно любила, он висел в простенке. Улыбающаяся женщина в лодке казалась воплощением умиротворения. Кто она, не знала, но точно не родственница Лотеску: у них все смуглые, кареглазые, тут — рыжая красotka.

Разумеется, не обошлось без технических новинок, в частности, выдвижного изопроектора под потолком, который в сложенном виде напоминал плоский светильник.

На столе, близнице стола из управления, стояла изобразительная магическая карточка. Второй экземпляр хранился в доме родителей хассаби. Семья Идриса ишт Лотеску в сборе. Он, супруга, трое сыновей: Эмиль, Артур, Кэрол, и дочь Гортензия. Карточка сделана пару лет назад, еще до замужества сестры Лотеску, иначе бы на нее попал зять. Все разные, со своим характером. Артур самый мягкий, но серьезный. Он архитектор. Кэрол шалопай, тут у него забавный вихор. Начальник и среди родных начальник, хоть

улыбается, присматривает за младшим братом, как бы чего ни выкинул. Он стоит рядом с отцом, а возле матери пристроилась Гортензия. Она тоже серьезная дама, даром на три года старше Кэрола. Родители импозантные, Фрида ишт Лотеску и вовсе красавица, несмотря на возраст и четверых детей. Настоящая королева!

Невольно вспомнила собственную мать. В последнее время она, по словам брата, сильно сдала, да и прежде выглядела старше своих лет. Еще бы, ей приходилось вести хозяйство, следить за детьми, экономить каждый медный рхет, чтобы я поехала учиться, а брат с сестрами не голодали. Нас у нее пятеро, но какой разительный контраст! Томас землемер, Мери еще школьница, Нэнси работает официанткой в привокзальном ресторане, Глория беременна, скоро родит второго.

— О чем задумались?

Не заметила, как подошел Лотеску и бросил книгу на стол. Краем глаза прочитала название — «Письма издадека», очередной нашумевший роман.

— О родных и о господине Ронсу. Вы давно вычислили его, хассаби.

Без приглашения уселась на стул для посетителей и провела пальцем по холодному пресс-папье.

— Откуда такие выводы?

Странно, но Лотеску не рассердился. Казалось, предмет разговора его не интересует — столько безразличия в голосе. То ли тоже думал о другом, то ли выводы секретарши априори пустяки.

— Экспертиза. Пусть Герт не показал результаты, я знала, что вы сдали волос.

— Волос, — подтвердил начальник, — но не Ронсу.

В недоумении уставилась на хассаби. А чей же? Разве не он сам говорил, что волос принадлежал убийце? Его забрали с тела фальшивомонетчика.

— Чей, предстоит выяснить. Увы, — развел руками Лотеску, — я тоже могу ошибаться. Не убийца — заказчик наследил в проулке, только сомневаюсь, будто он приходил проконтролировать работу. Легче сразу в полицейский участок с повинной! Нет, скорее они с жертвой встречались незадолго до убийства...

— ... выпивали, болтали о жизни, — продолжила логическую цепочку и пояснила: — Как иначе волос оказался на руке? Чокались, обнимались.

— Хм, может, вас на полевые работы вернуть? — задумчиво предложил начальник, почесывая подбородок. — Покойный действительно пил перед смертью.

— Нашли где? — с горящими глазами пристала к хассаби. — И имя, скажите, как звали фальшивомонетчика.

— Краус. Густав ишт Краус. Насчет пивнушки пятый участок запросите, они ведут дело. Обычный криминал, Карательная ни при чем. Значит, таки приезжал в Нэвиль, сначала бумаги забрать, потом к мэру, — мрачно пробормотал начальник. — Завтра же из пресс-службы душу вытрясу, список гостей преподнесут на тарелочке.

— Есть еще кое-что, — неловко спрашивать, но нужно. — Люди Синглера вели машину Ронсу? Та девушка... Словом, вы подозрительно оказались в нужном месте. Не хочу обвинять, хассаби, только... — прикусила губу и нервно продолжила: — Вы могли разыграть спектакль.

В кабинете повисло молчание. Тишина звенела в ушах, нарушаемая лишь дыханием.

— Вот оно как! — Лотеску стоял мрачнее тучи. Рука сжалась и с силой опустилась на столешницу. — А не пойти ли вам домой, ишт Мазера, сам справлюсь. Не хотел ничем делиться, но шайтан нашептал. Понятия не имею, ясно вам?! — в тихой ярости добавил он и порывисто забрал книгу. — Да, паромобиль мне назвали, только мозги есть не только у вас, а моя машина не засекреченный объект. Преступник мог нанять кого-то

следить, сам заметил — да мало ли! А теперь спать, пока окончательно не пожалел о былой откровенности. И никаких расследований, только Неделя просвещения.

Кивнула и, пожелав спокойной ночи, выскользнула за дверь.

М-да, открыла рот, называется! С другой стороны, слишком явные нестыковки, недомолвки. Похоже, сегодня я вряд ли засну.

Дни казались чередой нескончаемой головной боли. Едва дожидая до пятницы, в которую наметила встречу с подругой. Ощущала себя выжатой-выжатой тряпкой, от улыбки сводило зубы, от каблучков гудели ноги. Зато министерским понравилось, Карательная инспекция получила почетную грамоту за лучшую организацию просветительных мероприятий.

Шантажист успокоился, больше писем не слал, нигде не светился. Лотеску тоже отпустило, он перестал ходить мрачным, как туча. Казалось, ненавистная неделя ему не в тягость, хассаби с удовольствием поболтал бы еще с дюжиной чиновников и директоров школ. Мне бы его умения! Хотя вдруг он тоже мысленно проклинал собеседников?

О проститутке и господине Ронсу больше не говорили. Лотеску, как обещал, ограничил секретарскими обязанностями. Знала, он кому-то звонил, общался с комиссаром, но при всем желании не могла подслушать: банально некогда.

Словом, к Алине завалилась чуть живая, проводив дорогих гостей и пожелав им больше никогда не возвращаться. Пришла не с пустыми руками — отметить окончание кошмара.

Подруга заметно преобразилась, похудела, сменила прическу. Точно влюблена!

За приготовлением ужина немного поболтали. Оказалось, ее избранника зовут Остеном, он работает в банке. Своя квартира, паромобиль — словом, неплохо упакован. Подумывает о покупке дома в загородном коттеджном поселке, а это уже статус. В подобных закрытых, хорошо охраняемых комплексах жила элита, ценившая комфорт и тайну частной жизни. Оставалась крохотная проблема — молодой человек не собирался заходить дальше необременительных встреч. Однако Алина не сдавалась и, по ее мнению, нашла решение.

Рассмотрела крохотную бутылочку на просвет. Неужели поможет? Сдается, Алину обдурили, иначе бы женщины давно смели столь ценный товар. Шутка ли, радикальное решение проблем в личной жизни! Одна капля, и не тебя выбирают, а ты.

— Дарх отдала, — хвасталась подруга.

Закатила глаза. Если кому-то некуда девать деньги, пожалуйста. С таким же успехом Алина могла выбросить жалование с моста в Адрон.

Серебряный дарх! Да на эти деньги можно прожить месяц, бедно, но не умереть с голоду, а тут какое-то приворотное зелье.

— На Остене собираешься опробовать?

Их отношения длились три месяца и топтались на месте, а подруга жаждала невероятной любви. Ну, и замуж. Последнее, безусловно, больше всего, а заманить мужчину в мэрию очень сложно, особенно, если он при деньгах и должности.

Алина со вздохом кивнула. Мы сидели на кухне и пили: я — вино, она — чай. Подруга худела, мне приходилось заодно, только вот салатик из травы с тыквенным маслом не нравился. Не спорю, я тоже девушка с формами, много раз пробовала худеть, но не мучила организм подобной дрянью. Можно ведь в траву овечьего сыра добавить?

Повертела бутылочку и вернула подруге.

— Слушай, Алина, лучше новое белье купи.

— Не веришь? — насупилась подруга. — А я тебе попробовать хотела дать. Ты все одна и одна...

Кашлянула, едва не поперхнувшись зеленым листом.

Меня только что пожалели или назвали убогой? То есть без водички с мускусом никто на Магдалену ишт Мазеру не клюнет? Спасибо, подруга!

Хотелось рассказать об Адаме, но прикусила язык. Для Алины это так, сотрясение воздуха. Постоянного любовника нет, мужа нет — значит, не считается.

— Спасибо, Алина, — слова подбирала осторожно, чтобы не обидеть, — но тебе нужнее. Вдруг кто-то уведет Остена?

Подруга оставила безумную идею приманить кавалера сомнительным средством и, допив чай, поинтересовалась-таки, куда еду: мельком обмолвилась, что наряды не для Нэвиля. Коротко объяснила и попросила помочь.

— А как же оклад? — прищурилась Алина. — Ты же шикаешь.

Шумно втянула воздух.

Оклад... Алине ли не знать, что при всей щедрости начальника, вечерних нарядов не купишь.

Поломавшись, подруга согласилась помочь. Взамен потребовала подробного отчета и обязательно потанцевать с министром, на худой конец — с его помощником. Не стала ее разочаровывать, пообещала и получила доступ к гардеробной. Алина снимала небольшую квартиру неподалеку от Парка королевы, однако не поскупилась выделить уголок для платьев. Их подруга обожала, скупала на распродажах, иногда и вовсе брала в кредит. Неудивительно, что среди многообразия фасонов нашлись нужные наряды. Я выбрала пару коктейльных, вечернее возьму свое.

Упаковав атласную ткань в специальные чехлы, вернулась на кухню — допивать вино и слушать о волшебных возможностях зелья. Если верить Алине, хлебнув немного, мужчина влюблялся без памяти, мечтал окольцевать и сразу уложить в постель. Кивала и думала о своем. В частности, о глупых мечтах. Я тоже полтора года назад собиралась замуж, и что в итоге? Нет, только карьера. Алине говорить не стану, пусть и дальше верит в сказки, но любой принц, став женихом, превращает принцессу в рабыню. Гарет тоже полагал, будто я ради него откажусь от всего, брошу работу. Поэтому и разошлись, спасибо, не поженились. Хотя, может, Алине нравится полностью зависеть от мужа! Надеюсь, потому как развод — дело затратное и хлопотное.

За два дня до отъезда Лотеску явился неожиданно рано, хмурый, небритый, и молча хлопнул по столу газетой. Едва не поперхнулась и отставила в сторону чашку. Я только пришла, думала спокойно позавтракать, а тут такое.

— Вот, — палец хассаби ткнул в одну из статей.

С замиранием сердца, — когда успела что-то натворить? — глянула на заголовок, неброский, стандартным шрифтом. В небольшой заметке сообщалось о трагической смерти неизвестного мужчины. По словам репортера, тело пролежало в воде несколько дней, опознать труп сложно.

Недоуменно уставилась на начальника — тот чуть подрагивающей рукой наливал себе чаю.

— Вы же любите кофе, давайте сварю.

— Лучше сразу коньяка, — мрачно буркнул Лотеску и воровато огляделся по сторонам. — Ну, как вам?

— Как мне что?

Еще раз перечитала материал, пытаюсь понять, кого выловили в Адроне.

— Ронсу, — подсказал начальник и плюхнулся на стул для посетителей, потирая виски. Похоже, накатывал очередной приступ мигрени. — Мне час назад доложили. Спасибо, собирали на него досье, а то бы похоронили безымянным.

— О-о-о...

Стояла и молчала. Разумеется, мысли имелись, только хассаби запретил заниматься делом шантажиста. И об изменнике велел забыть.

— Ладно, Магдалена, зайдите. — Начальник взъерошил волосы и встал. — Не хотел, но придется, одному мне не справиться. Задавайте свои бестактные вопросы, суйте длинный нос.

Обидно, между прочим!

— Хотелось бы извинений, — наглеть, так наглеть!

— Простите, — сквозь зубы процедил Лотеску, — нервы сдали, бывает.

Кивнула, понимая, на большее надеяться не стоит.

Хассаби нервничал, дергался, долго возился с чарами. После чуть ли не с ноги распахнул дверь и швырнул брелок от огнемобиля на стол. Он завертелся юлой, царапая гладкую поверхность.

— Есть две новости. Одна хорошая, другая плохая, — не в силах сидеть, Лотеску расхаживал по кабинету. — Для вас, — подчеркнул он. — Для меня все новости поганые, даже звонок министра не радует.

— И что вам сказал министр?

Отчего-то это казалось важным — как раз вчера с фельдьегерем доставили пакет из Министерства магии.

— Что я в конце года займу кресло Роджера Лаура. Разумеется, если ничего не случится, и мы не провалим доклад.

Хассаби отчего-то смотрел на меня, будто от секретарши зависело, пойдет ли он на повышение.

Понимающе кивнула и взгрустнула.

Вот и плохая новость, вряд ли начальник возьмет с собой в Штайт, проще найти нового секретаря на месте. Да и после случившегося я бы сама себя в Нэвиле оставила.

Вздыхнула.

Жалко, конечно. В Карательной работать не останусь: одно дело с Лотеску, другое — неизвестно с кем. Хотя почему неизвестно — с нынешним первым замом. Ладно, еще целых полгода, найду новое место. Вряд ли с таким начальником, но все хорошее непременно кончается.

— А хорошая новость какая? — обреченно поинтересовалась я.

Даже не подозревала, что так успела привязаться к Лотеску. Он еще не уехал, а уже тяжело. Стану скучать: и по пикировкам, и по шуточкам, даже по выволочкам.

Отвернулась и смахнула наворачнувшуюся на глаза одинокую слезу.

Ничего, привыкну. Хотела в штат к мэру, вот и выдалась возможность. Тут ловить нечего, повышение не светит, а там море возможностей. Пора выбираться наверх, покупать коттедж. Глядишь, родных перевезу. Родители пожилые, им бы на отдых, в комфорт, а не паровозную пыль глотать.

— Я ее только что озвучил, — недоуменно ответил Лотеску и снова потер виски. — Вообще-то, — обиженно добавил он, — могли бы поздравить. Или скатертью дорога, а, Магдалена?

Под его взглядом стало стыдно. Действительно, думала только о себе, а у хассаби, может, мечты сбываются. Он сам говорил, Нэвиль — не предел стремлений, его место в столице, где настоящая власть и деньги. Штайтская Карательная — самая главная в стране, из нее легко запрыгнуть в министерство. Правда, Лотеску сразу на место помощника рассчитывал, но придется потерпеть, и так два повышения за два года.

— Эм, рада, конечно, — бессознательно выводила пальцем узоры на столешнице. — Удачной работы и всякое такое.

И чуть слышно добавила:

— А вот у меня работы не стало.

— Магдалена! — укоризненно качая головой, вздохнул хассаби.

— Что — Магдалена? — вышло неожиданно зло. — Может, я скучать буду.

Начальник вымученно улыбнулся; лицо на мгновение просветлело, чтобы тут же исказиться гримасой боли. Однозначно, мигрень разыгралась на нервной почве.

— Ничего, — Лотеску кинул быстрый взгляд на диктино: ждал звонка, — с работой поспособствую, не брошу на произвол судьбы. И, — вновь едва заметная улыбка, — могу звонить по праздникам.

Стало неловко, в итоге сбежала за теплым шарфом.

— Вот, — протянула хассаби. — И не беспокойтесь, я вам помогу.

Зная начальника, под плохой новостью может скрываться только расследование с ним в роли жертвы. Он никогда не являлся на службу таким помятым, словно собственный вид интересовал хассаби в последнюю очередь. Плюс жесты, мимика — как затравленный зверь. И все из-за проститутки!

Стоп, или Лотеску докопался до любителей «зеленого» вина? На месте продавца секретов я бы попыталась избавиться от главы Карательной инспекции. Тогда без охраны не обойтись.

Ясно — из кармана пиджака торчал очередной подозрительный конверт. Шантажист вернулся и наверняка теперь угрожал по-крупному, раз начальник метнулся ко мне. Правильно сделал: у меня богатый опыт общения с убийцами.

— Можно? — указала на конверт.

Помедлив, хассаби кивнул.

Сбегала за щипчиками и осторожно вытащила улику. Напрасные предосторожности: Лотеску уже вскрыл конверт. А как же экспертиза?

— Да не даст она ничего! — прочитал мои мысли начальник и напряженно уточнил: — Так, значит, согласны?

Кивнула и вчиталась в незамысловатую строчку: «Пожалеешь!»

Вздрогнула. Похожие письма слал Тайрон, только он не прикладывал пикантных изобразительных карточек... и моих портретов.

— Тогда начинайте, — Лотеску кивнул на портативную голограмму. — Как видите, вы ему отныне тоже не даете покоя.

Вот поганец! Преступник, разумеется. Спасибо, письма счастья не шлет. Узнать бы, в курсе ли шантажист, что мы с хассаби заодно, или просто угрожает очередным разоблачением, вроде близких отношений с секретарем. Они у нас со стороны действительно очень личные.

Лотеску немного успокоился, обмотал голову шарфом и устроился за столом. Глаза закрывались: не выспался, а тут еще головная боль.

— В качестве кого помочь? — данный вопрос волновал больше всего.

Если пешки, исполнителя, то сам и еще раз сам, хватит недомолвок.

— Вы личный помощник, Магдалена, собственно, им и останетесь. Или хотите превратиться в жертву? Боюсь, он устроит, если раньше не посадим, — мрачно пообещал начальник и взмолился: — Коньяка налейте. Голова раскалывается!

— Вы хоть спали? — проявила сочувствие.

Жертвой становиться ой, как не хотелось! Наблюдать, как травят начальника, — тоже. Раз так, придется постараться.

Стукнула дверца бара, звякнул фужер.

Пробежавшись глазами по этикеткам, выбрала коньяк и налила немного, прикрыв доньшко. Лотеску выпил залпом и, запоздало вспомнив про дверь, активировал чары.

— Для всех у нас совещание, — распорядился он.

Кивнула, хотя предпочла бы не объяснять, какие такие дела начальник решает с секретарем за закрытыми дверьми.

Ладно, раз я помощник, можно сесть.

Шайтан, газета осталась в приемной! Вдруг кто-то догадается? С другой стороны, на столе куча бумаг, те же газеты носила хассаби каждое утро.

— Он пропал за день до нашей ссоры, — начал рассказ Лотеску, время от времени сжимая виски. Конверт он убрал обратно в карман, не позволив рассмотреть очередную иллюстрацию своей интимной жизни. — Хозяйка пансиона забеспокоилась, когда не вернулся ночевать. Сначала думала, пошел по бабам, простите, женщинам, но тут нагрянула полиция... Думаю, объяснять, отчего вдруг у мага появились суицидальные наклонности, не нужно?

Покачала головой и, поколебавшись, налила хассаби еще немного коньяка. Начальник благодарно улыбнулся и на мгновение задержал ладонь на моей руке. Осмелев, ободряюще накрыла ее своей и, смутившись, отшатнулась.

— Спасибо за поддержку, — оказывается, Лотеску все правильно понял. — Только вы и остались, — чуть слышно с горечью добавил он.

Предпочла пропустить замечание мимо ушей.

Кому, как не мне, знать, как муторно, когда вокруг одни враги? Я пару недель жила в душном страхе, похоже, Лотеску оказался в том же положении. Шантажист знал его привычки — значит, из первого круга. Подозревая друзей, легко сорваться, подозревать всех и вся. Внутри сжимается спираль, сдавливая сердце.

— Хассаби, — проясню пока мелкие детали, — погибший — дворянин? Вы называли фамилию без «ишт».

— Пес его знает! — махнул рукой Лотеску. — По документам — да, а в списках нет. Мутный тип!

Жутко захотелось снова взглянуть на досье сотрудников столичной Карательной, полистать протокол вскрытия, полицейские отчеты. Чувствовала, разгадка где-то рядом.

— Хассаби, — решила проявить инициативу, — хотите, отменю все на сегодня? Вы больны, какая работа!

— Спасибо, — он неожиданно тепло, открыто улыбнулся. — Справлюсь.

— Тогда Синглера позовем, — не отставала я.

Лотеску покачал головой и на мгновение закрыл лицо руками. С трудом поборол желание коснуться, чтобы успокоить. Я действительно понимала, и он это знал.

Нескончаемая пытка, постоянный страх, разъедающий изнутри, тревога за родных.

— Сколько прислали писем? Штемпеля? Когда они приходили, кто приносил? — засыпала начальника вопросами.

— Таблетку дайте, тогда скажу. Голова раскалывается, сдохнуть хочется! — посетовал хассаби и откинулся на спинку кресла. — Третий час уже.

— Как вы только за руль сели? — ужаснулась я и поспешила задернуть шторы: мигрень печат темнотой.

В голову пришла очередная бредовая идея. Замялась, но предложила:

— От господина Барашта диванчик остался. Там тихо, я на шепот перейду.

— Нельзя, Алард через полчаса придет, — вздохнул Лотеску и, задержав на мне пристальный взгляд, задумчиво произнес: — Никак не пойму, откуда в вас столько сочувствия и понимания.

Пожала плечами и выбежала за водой.

Вопреки протестам, я таки устроила начальника на диване в зале заседаний, посреди цветов. Некогда на далекой, скрытой огромным овальным столом сцене восседал Тайрон, а мы по очереди извинялись за причиненные неудобства. Кто знал, что покойный некромант сам себя подставил, чтобы отвести подозрения?

Некоторое время Лотеску лежал молча. Сидела рядом, вслушиваясь в чужое дыхание и следя за диктино, чтобы вовремя ответить. Потом начальник сел, пригладив волосы, и очень серьезно спросил:

— Вы действительно хотите завязнуть по уши?

Кивнула.

— Хорошо, тогда вот вам информация к размышлению. Добывал по крупицам, чтобы не привлекать внимания.

Оказалось, на дне рождения мэра присутствовал один из подозреваемых — нынешний глава столичной Карательной инспекции. В свете грядущего назначения он виделся идеальным кандидатом.

— Это не все, записка пришла после того, как я добился блокировки счета. Тоже безличного, в Имперском банке Нэвиля. На него поступила круглая сумма. Угадайте, когда?

— На следующее утро после беседы в концертном зале? — я почти не сомневалась.

Вот почему не догадалась, не обследовала тот закуток? Тогда бы выяснила, с кем разговаривал посол. Положим, обычный человек детоскопу не виден, зато маг предстал бы как на ладони, мы бы знали, сидел ли рядом с сорнейцем Ронсу.

— Именно.

Похоже, мозговая деятельность пошла хассаби на пользу. Мигрень отступила, если бы не небритость и помятость, Лотеску казался бы прежним.

— Только преступник прокололся, — довольно ослабил хассаби. — Кристаллы не успели перезаписать, на них отчетливо видно лицо старого знакомого из Штайта.

Кольцо замкнулось. Ронсу. Он заменил покровителя на приеме, вел его дела в Нэвиле, плюс знал Лотеску в лицо. Когда маг стал опасен, от него избавились.

— Нужно осмотреть все мосты, — деловито предложила я. — Нет ли следов волока, резкого торможения, а то и чар.

— Его отравили, — погасил огонь энтузиазма начальник, — и бросили в воду с камнем на шее. Полицейские работают, но пока ничего, магией не пахнет, сам проверял.

Так вот почему хассаби так плохо выглядит!

Открыла рот, но вопрос задать не успела: завибрировал рабочий диктино, который на всякий случай прихватила с собой. Тяжелый, он напоминал кирпич, а не портативное устройство.

Голос собеседника заставил поморщиться, однако я общалась с Алардом максимально вежливо. Тот поинтересовался, ждать ли сегодня Лотеску.

— Слышал, у него неприятности, — вскользь заметил он.

И тут в голове шелкнуло. Говорила, а сама думала, прокручивала факты. Нажав на отбой, с жаром попросила:

— Пошлите меня зачем-нибудь к ликвидаторам!

Лотеску уставился, как на сумасшедшую, пришлось пояснить:

— Хочу кое-что спросить. Я многих ребят знают, они помогут.

— В чем? — все еще не догадался хассаби.

Он снял шарф, и тот пестрой змеей свернулся на диване.

— Раз нельзя добыть диктино Леонара Аларда, можно выяснить, когда он отлучался, какие указания давал. Понимаете, — подняла указательный палец, привлекая внимание к своим словам, — он не мог знать о ваших неприятностях. Неоткуда. Сомневаюсь, будто Синглер проговорился.

— Синглер получал задания и только, — помрачнел Лотеску и вскочил. Глаза потемнели, резко обозначились скулы. — Спасибо, Магдалена, — медленно поблагодарил он.

Я слишком хорошо знала этот тон, чтобы не сообразить, что за ним таится. Похоже, Аларда ждала печальная участь начальника моего бывшего отдела. Его с треском уволили, вряд ли бедняга сумел восстановить репутацию. Добил Итона ишт Невриса суд — шпионаж, пусть даже в пользу Ведомства магии, не прощался.

Вот так одна неосторожная фраза может сделать тайное явным. Я изначально подозревала Аларда и не сомневалась, расшифровка звонков расскажет много интересного. С кем же он общался, чтобы скинуть начальника и занять его кресло?

— Так, — Лотеску развил бурную деятельность, прошелся вдоль кадок с цветами у стены, — займите пока Аларда. Приду через пять минут.

Начальник сунул в руки шарф и быстро набрал код на диктино. Разумеется, в приватном режиме, только, вопреки обыкновению, включил визуальный режим.

— Бритву? — спросила одними губами.

Лотеску кивнул.

Ну вот опять, не желает посвящать в тайны.

Видимо, эмоции отразились на лице, раз начальник нетерпеливо пообещал:

— Потом расскажу, несите!

В приемную вошла с дежурной улыбкой на лице, от которой сводило скулы. Изопроектор разрывался, пищал, трещал, требуя внимания. Служебный диктино тоже подавал признаки жизни.

Леонар Алард подпирал спиной стену. Постоянно недовольный, он зыркнул так, словно мысленно уже уволил.

Внешне второй зам не походил на Лотеску. Нет, он не уродился страшилищем: правильные черты лица при тяжелой челюсти, рост, телосложение ликвидатора, — если бы не вечный ор и мрачное выражение лица, назвала бы привлекательным, но характер никуда не денешь. Если глава Карательной — само обаяние, разумеется, пока не наступишь на хвост, второй зам — ходячий ужас. Он так распекал подчиненных на совещаниях, что слышал весь этаж. Мимо его кабинета неизменно пробегала рысцой и предпочитала решать вопросы через секретаря. Бедная женщина, какие крепкие нервы нужно иметь, чтобы терпеть такое? Неудивительно, что личные помощники Аларда в приемной не задерживались.

— Ну, и когда вы собираетесь приступить к служебным обязанностям? — Начинается! — Вам платят не за шатание в коридорах.

— Простите, я поливала цветы в зимнем саду.

С некоторыми не спорят, а повинно опускают голову.

Зимний сад действительно имелся. Его завел Барашт, а я сохранила. Иногда Лотеску уходил туда думать, благо сад примыкал к кабинету. Прежний глава Карательной инспекции проводил в любимом детище много времени, нынешний деятельный, активный, не любил созерцания. Сегодня бы сад пригодился, но, вот беда, там затеяли небольшой ремонт, и диван перенесли в зал. Цветы тоже убрали, а карликовые деревца в кадках оставили, их-то и поливала.

— Где Лотеску? Или вы и этого не знаете? — голос Аларда стремительно повышался.

Мысленно досчитала до десяти.

Главное не сорваться, главное не сорваться!

— Приболел.

Немного поиграем, хассаби? Сейчас проверим, случайно ли вы оговорились.

— Серьезно? — приподнял брови Алард.

Какой искренний интерес! Можно подумать, он репортер бульварной газеты. Глаза заблестели, даже наорать забыл. А как же: «Давно пора вас уволить! Чаю хотя бы принеси, дура»? Ладно, хочешь побасенку, получишь.

— Кажется.

Изобразила, будто задумалась, и тоном блондинки, желавшей поделиться секретом, прошептала:

— Никому не говорите, но его, похоже, уволят.

— С чего вы решили?

И не кричим, не твердим о служебной этике. Помнится, Алард оттаскал за уши и отобрал диктино, когда, еще на прежней должности, сболтнула лишнего про Лотеску.

— Ну, — замялась, как заправская актриса, рисуя круги носком туфельки, — ему звонили сверху. Хассаби после пил — я мыла стакан. Вчера тоже. Вот он сегодня, наверное, после вечера...

— Госпожа ишт Мазера!

Вздрогнула и обернулась.

Лотеску!

Начальник выглядел как с иголки, умудрился за пять минут из вольного художника превратиться в респектабельного аристократа.

Алард гаденько усмехнулся и сдал с потрохами. Если верить ему, я планомерно портила репутацию руководства.

Сжала кулаки за спиной.

Лишь бы Лотеску не поверил!

Уфф, метнул быстрый взгляд и подмигнул. Понял.

Отвернулась, звеня чашками. Принесу хассаби кофе, заодно найду повод снять с Аларда волос, в хозяйстве пригодится. Не знаю, на что способны полицейские эксперты, но лучше иметь, чем не иметь.

Эх, в диктино бы еще глянуть! А ведь есть способ.

Коварно улыбнулась.

Иногда секретарши такие неуклюжие!

Определенно, во мне пропадала актриса. Куда там бывшей пассии Лотеску!

Чинно вплыла в кабинет со сладким: «Кофе, хассаби». Начальник кивнул, и я поставила перед ним дымящуюся чашку. Потянулась за второй и якобы нечаянно опрокинула ее содержимое на брюки Аларда. Бывает, запнулась о ножку стола, не удержала. Второй зам заорал благим матом, обложил крепким словцом. Кофе залил не только брюки, но и запачкал пиджак. Рассыпалась в извинениях и предложила замыть. Алард отказался и, извинившись, ретировался в туалет. Прокралась за ним и замерла у приоткрытой двери, выжидая.

Ну же!

Судьба смилостивилась: второй зам снял диктино и положил на полочку под зеркалом. После скрылся в кабинке. Значит, прибор тоже пострадал от кофе. Ну да, плеснула я знатно.

Набрав в грудь воздуха, метнулась в мужской туалет, схватила диктино и дала деру.

Сердце ухало в груди, уходило в пятки.

Вдруг я ошиблась, вдруг Алард невиновен? Тогда меня отдадут под суд.

Лотеску ждал на пороге приемной.

— Ну? — набросился он и захлопнул дверь.

Победоносно показала диктино.

— С кем я работаю? — закатил глаза хассаби. — То шпион, то воровка.

Фыркнула. Вижу же по лицу, ожидал чего-то подобного. Глаза блестят, руки чешутся. Сунула в них украденный диктино и перевела дух. Теперь Алард не сможет обвинить в воровстве.

— Так-так, — начальник включил прибор, — сейчас посмотрим, кому звонил мой доблестный помощник.

— Тоже подозреваете?

Нервничая, поглядывала в коридор. Представляю, какая буря сейчас разразится!

— Естественно! — пробормотал Лотеску, углубившись в список звонков. — Кто-то должен знать мои привычки, цвет огнемобиля и всякое такое. Да и больно он радовался, гаденыш!

На пару минут воцарилась тишина. Я кусала губы, хассаби читал чужую подноготную.

Хм, слежка за Алардом ничего не выявила, значит, он не встречался с господином Ронсу. Однако должен, если «сливал» сведения.

И Лотеску, вспомнила теперь его реакцию на шатена из концертного зала. Перед глазами ясно встало лицо хассаби, когда описала Ронсу. Он его узнал, но промолчал.

Одарила начальника гневным взглядом. Потом поговорим, хассаби.

— Есть! — Лотеску поманил к себе. — Вот, глядите.

В недоумении уставилась на код. Цифры ничего не говорили.

— Лаур, — подсказал начальник. — И вот еще, — он перелистал список и вывел на экран второй набор цифр. — Абель Бернард.

Глава столичной Карательной и министр — занятная парочка! Посмотрела время — уже после дня рождения мэра. Одному звонил Алард, другой набрал его сам.

Рык второго зама услышала прежде, чем увидела разъяренного мужчину, и непроизвольно вжала голову в плечи. Умоляюще глянула на Лотеску — тот кивнул и убрал диктино Аларда в карман.

Потенциальный предатель объявился спустя пару минут. Раскрасневшийся, он частил охрану и грозился всех уволить.

Хассаби тоже мог бы блистать на сцене. Он разыграл полное неведение, выяснил детали жуткого преступления, даже посочувствовал. Потом мужчины уединились в кабинете и добрый час обсуждали рабочие вопросы. Все это время провела, как на иголках, но вот Алард ушел. Вроде, не заподозрил, иначе бы набросился с кулаками. Лицо хмурое, злое — привычное, словом.

Выждав немного, заглянула к начальнику. Он должен многое объяснить, да и мигрень просто так не проходит, нужно таблетку дать. Странно, но Лотеску вызывал желание заботиться. Когда он хандрил, я превращалась в заботливую мамочку. Вот и сейчас, как бы ни была зла, прихватила лекарство.

Начальник стоял у окна и наблюдал за утренней суетой. Заслышав мои шаги, он кивнул, но не обернулся.

— Синглер? — озвучила напрашивавшуюся мысль.

Хассаби покачал головой.

— Проверю по другим каналам. Сами понимаете, репутацию себе он подпортил — проглядеть такое! Может, и неслучайно, — мрачно добавил Лотеску.

Значит, начальник службы безопасности под подозрением. Я бы тоже крепко задумалась.

— Хассаби Алард не дурак...

— Если вы о диктино, он у него в кармане.

Недоуменно уставилась на Лотеску.

Как? Когда?

— Логично заподозрить излишне преданного начальнику секретаря, ну и меня заодно, поэтому прибор вернул. Уборщица принесла.

— Какая?

Чем дальше, тем меньше я понимала.

— Которая нашла его в коридоре. Вы ведь выходили из приемной? — Кивнула. — Иногда за пару минут можно сделать очень много. Магдалена, — укоризненно глянул начальник, — я, по-вашему, испортил бы всю игру? Добраться до кристаллов Алард не успел, пока спускался, пропажу вернули. Разумеется, бедолаге досталось, но лучше пожертвовать уборщицей, чем собственным креслом.

— Он все равно узнает, — упрямо мотнула головой.

— Зуб даю, уже подозревает, только не докажет. Нужный кристалл у меня. Зато понервничает, выдаст подельников.

Оставалось только удивиться активности и предусмотрительности Лотеску.

А мигрень-то не прошла — снова прижал ладони к вискам.

— Хассаби, вы больше ничего не хотите сказать? О Ронсу и тайнах, например.

Звякнув графином с водой, налила стакан — запить таблетку.

— Прямо сейчас? — Лотеску на мгновение задумался, прислушался. — Нет, не хочу.

Молчала, сверля глазами затылок хассаби. Начальник оказался тертым калачом, не поддавался на простые методы воздействия, не оборачиваясь, поманил к окну. В недоумении посмотрела туда, куда указывал Лотеску. Ну, наши стоят, ну огнеомобиль отъезжает. Набрал скорость и исчез.

Начальник довольно хмыкнул. Губы тронула хищная усмешка.

— Как легко люди попадают на крючок! — голос сочился ядом. — Сначала проболтался секретарше, что спишь и видишь, как занять кресло ее начальника, потом кинулся праздновать грядущее событие. Сегодня же узнаем, к кому вы бегаете, Леонар.

От последней фразы мороз пробежал по коже. Показалось, или хассаби собирался уничтожить второго зама? Там явно пахло не только увольнением, Лотеску размажет по стенке. Семейство Алард звезд с неба не хватало, никто не заступится, а у начальника связи, раз он так легко уезжает в столицу.

Тихо вздохнув, отвернулась.

Кто займет кабинет, кому придется носить кофе? И уж явно я не смогу обсуждать с ним книги, смеяться, ругаться, не залезу в огнеомобиль и не принесу печенья. Может, в управлении считали иначе, но я не выслуживалась перед начальством, меня волновал конкретный человек. Он в шутку обещал звонить. Хотела бы? Наверное, только зачем? Мы не работаем вместе, не друзья, не любовники — так.

— Чего приуныли? — Лотеску уловил резкую смену настроения и на время забыл о мести. Вернее, это я решила, будто забыл. — Аларда ведут, огнеомобиль его.

Кивнула, забрала с подоконника пустой стакан и отнесла на стол.

Хватит, Магдалена, еще разревись! Мало ли в жизни хороших людей? Думай о важном: маг, второй зам, икс. Тебе нужно последнее звено цепочки — шантажист и предатель в

одном флаконе. Не сомневаюсь, он един в двух лицах, совпадений достаточно, да и господин Ронсу погиб столь удачно.

— Я возьму вас с собой.

Вздрогнула.

Как он догадался?

— Магдалена, ваша кислая физиономия как раскрытая книга, — приглушенно рассмеялся Лотеску. — Фальшивые попытки изобразить радость от моего повышения и вовсе смешны.

Он смотрел с легким прищуром, бесившим чувством превосходства и покровительства. Мол, я все знаю, ишт Мазера, но добренький, помогу.

— Вижу, мигрень прошла, — нанесла колкий удар. — Тогда, хассаби, посвятит меня в детали дела. Лишняя рекомендация не помешает, я не собираюсь после вашего отъезда варить кофе.

Лицо начальника вытянулось.

Невинно улыбнулась. Сбила спесь. Ведь действительно решил, будто мечтаю переселиться в столичную приемную. Нет уж, если уезжать, то в Ведомство магии или в Карательную, но не на административную должность.

— Немного лучше, спасибо, — Лотеску вернулся к столу. — Рекомендации получите, госпожа ишт Мазера, подготовьте текст.

О как, мы обиделись! Только на что? Я действительно не вещь, часть приемной, никогда не скрывала, отчего согласилась работать.

Начальник стиснул ладонями виски и прикрыл глаза.

— Уберите свет, закройте дверь и перебирайтесь ближе. Мне не настолько хорошо, чтобы вытерпеть три сложных разговора подряд.

Выполнила просьбу и, пододвинув стул, устроилась рядом с хассаби. Тот вздохнул, нащупал в кармане конверт с угрозой и озадачил вопросом:

— Ваш знакомый лаборант может тайно провести экспертизу? Чтобы никто не узнал и мое имя не фигурировало.

Крепко задумалась.

— Может, если соврать, будто не по работе. Что нужно?

— Что угодно, лишь бы сузить круг поисков. Мне надоело находить эту мерзость, — он двумя пальцами поддел конверт, — под дверью.

Хм, уже интересно. Лотеску живет в элитном доме, там консьерж, без спросу не войдешь. Опять же кристаллы, чего проще получить портативную голограмму неизвестного. Оказалось, ее давно подготовили — записки кладет мальчишка из цветочной лавки. По его словам, некто попросил хозяина об услуге, якобы носить любовные послания.

— И? — заерзала от нетерпения.

— Женщина, — разметал в пух и прах версии Лотеску. — Ее ищут.

Начальник вынул пикантный снимок, осторожно, воровато, хотя в полумраке вряд ли смогла бы что-то различить, разорвал и убрал обратно в карман. Конверт с запиской передал мне. Оставалось уповать на Герта, вдруг с его помощью выйдем на сообщницу. Я бы проверила заведение, в котором работала погибшая блондинка. К слову...

— Что с другом, который дал вам визитку, хассаби?

— Чист. Лично проверил.

— Но откуда тогда узнали, с кем вы собирались развлекаться?

— Алард, — вторично прозвучало роковое имя. — Мы с Юджином беседовали в закрытом клубе, он играл в бильярд за соседним столом. Тогда не предал значения, теперь точно знаю. Алард звонил кому-то через пару минут после моего ухода. Код незнакомый.

В кабинете повисло тяжелое молчание, только слышалось, как тикают часы — подарок на назначение. Тяжелые, массивные, под старину, они красовались на открытом стеллаже неподалеку от барного шкафа.

— Осторожнее, Магдалена! — неожиданно предупредил Лотеску. — Он может догадаться. Понятия не имею, способен ли Леонар на убийство, но лучше не дразнить.

Провела ладонью по вспотевшему лбу.

Очередной крот в Карательной, и опять не обошлось без смертей.

Тут в голове щелкнуло. «Жучки»! Подчиненные Аларда могли установить их в кабинете, а то и он сам постарался.

— Я сейчас!

Повозившись с замком, выбежала в приемную, оттуда — в дамскую комнату. Проверив кабинки, принялась лихорадочно листать список контактов. Вот, Марк ишт Нару. Он точно не выдаст, плюс знает «кухню» ликвидаторов, сам работал в недавнем прошлом.

— Привет.

Марк явно не ожидал меня услышать. Нет, я навещала, приносила фрукты, болтала, но никогда не звонила просто так, в будние дни.

— Привет.

Ощутила легкий укор совести. Бывший телохранитель питал ко мне чувства, не любовь, конечно, но в свое время хотел встречаться, обрадовался вниманию, а тут я с просьбами. С другой стороны, в сложившихся обстоятельствах действующих сотрудников Карательной лучше не привлекать. Положим, есть знакомые ликвидаторы, но Алард мог их напугать, следить за мной, в конце концов.

— Пожалуйста, выслушай и не перебивай.

Марка оправдал ожидания, не стал задавать глупых вопросов, а дал четкую инструкцию. Взамен попросил после рассказать, во что вляпалась. Ладно, посмотрим, от хассаби зависит. Безусловно, хорошо бы заполучить самого Марка и его паромобиль, но... Может ли проходящий реабилитацию ликвидатор сесть за руль? По идее, да, плюс Марк сам жаждал вернуться. Вдруг Лотеску зачтет помощь, устроит обратно в отдел. Опять же начальнику не помешал бы телохранитель. Они бы сработались: Лотеску стрелять умеет, прикрывать не надо, а вот помочь заметить опасность, вычислить те же «жучки» — очень даже.

Стукнула дверь.

Вздвогнув, пристегнула диктино к поясу и спешно вышла из кабинки.

Тяжело изображать беззаботность, болтать и мыть руки, когда хочется со всех ног бежать обратно, но справилась. Для всех у меня обычный рабочий день, посему пожаловалась на Аларда, мигрень начальника, от которой он на стенку лезет и срывается на подчиненных. Знакомая сотрудница поддакнула, посочувствовала.

Следующий час мы с Лотеску провели за увлекательным занятием. Я ползала, он залезал наверх, потрошил полки. «Жучки» искали обычным диктино — включили на холостой режим связи и водили над предметами. Если пойдут помехи, рядом подслушка. Улов впечатлил. Начальник лютовал и грозил уволить Синглера без выходного пособия, чуть ли не прямоком на вокзал вышвырнуть. Во время мигрени у хассаби действительно

портилось настроение, а тут повод имелся. Даже целых три, один «жучок» и вовсе под столом нашли. Теперь понятно, откуда злоумышленник знал о планах хассаби.

— Алард в плане карьеры не жилец, — скрежетал зубами Лотеску. — Устрою показательный процесс, увольнение цветочками покажется. Я тебе приставку «ишт» обеспечу!..

Далее прозвучало слово, от которого юные барышни зажимают уши и падают в обморок.

Кашлянула, напоминая о своем присутствии. Мало ли, что еще хассаби в сердцах сказать захочется?

— Простите, — спохватился начальник и сунул в ладонь «жучки». — Тоже в лабораторию. Открыто, от моего имени. Пусть знает, — Лотеску ослабил. — Даже интересно, приползет на коленях или попытается сбежать. Свяжите меня с комиссаром и подготовьте список ожидающих повышения. Место второго заместителя вакантно.

Кивнула и крепко сжала «жучки». Наследить не боялась: при заполнении формы в случае несоблюдения стерильности улики указывались, кто их касался.

— Подготовьте, пожалуйста, бумаги на господина Синглера, — продолжил отдавать распоряжения Лотеску.

Похоже, запахло жареным. Неужели начальника службы безопасности увольняют? Он столько лет в Карательной, даже не верится, работа и без Синглера. Понимаю, чрезвычайное происшествие, спецы прозевали «жучки», но не могли ведь они в голову Аларда залезть? Или Синглеру за всеми сотрудниками шпионить круглые сутки, поголовно разговоры слушать, кабинеты обыскивать? Без санкции суда, между прочим.

— Какие бумаги? — настороженно уточнила.

— Пока на строгий выговор и депремирование. Составьте приказ, подпишу. Затем посмотрим. Пока у меня слишком много вопросов.

Кивнула, гадая, чем все обернется.

Замешан Синглер или нет? Соучастие или халатность? «Жучки» ставили ликвидаторы или люди из службы безопасности? Почему охрана не вмешалась и, главное, взламывали ли защиту? Полагаю, нет, Лотеску ставит свою, мудреную, тронь кто, сразу заметит. Синглер бы без шума не справился. Выходит, «жучки» устанавливали в рабочее время посетители кабинета. Низшие чины не могли, Лотеску при них не встанет, не отвернется, тем более не уйдет. Выходит, знакомые лица с планерок. Просто замечательно, с кем я работаю?!

— Господин Ронсу, — вспомнила уже в дверях. — Вы так и не ответили.

— Ответил, — злобно зыркнул Лотеску, включив изопроектор — ясно, собирался говорить с несколькими собеседниками сразу. — Я же говорил о Штайте. Не был уверен, пока вы не восстановили почерк. А теперь вперед, Магдалена, у нас поездка на носу!

И то верно, поезд — послезавтра.

Нервничала, в который раз перебирая вещи. Ничего не забыла? Всегда, когда уезжаешь, кажется, будто самое главное осталось дома. Проверила, надежно ли спрятана банковская карточка, работает ли диктино, хорошо ли зарыла в белье драгоценности. Памятуя о приеме, взяла парадный гарнитур. Он у меня один, выбрать не из чего.

В дорогу оделась просто и функционально. Никаких платьев, жакетов, юбок — брюки, рубашка, ботинки. Мне еще до вокзала добираться, в толпе толкаться. Зал ожидания первого класса, конечно, удобный, но пока в него попадешь! Самой ведь чемодан тащить, извозчик не поможет, а нанимать носильщиков не хотелось: цены у них для хассаби, а я так, при хассаби.

Лотеску предупредил, что немного задержится. В глубине души надеялась, он довезет до вокзала, но не судьба. Отвыкай от хорошего, Магдалена. Плюс не те обстоятельства. Аларда ведь арестовали, занимался сам комиссар. Накануне в инспекции шептались по углам, обсуждали.

Второго зама взяли прямо из кабинета, вывели в наручниках. Лотеску стоял у подъемника, смотрел и улыбался, холодно, гаденько. На требование покончить с незаконием, ответил: «Следствие разберется, не беспокойтесь».

Ругающегося, обещавшего отправить полицейских мести улицы Аларда увели, а в кабинете устроили обыск. Перевернули все вверх дном.

Хмурый, потный Синглер терпеливо ожидал своей участи. Хассаби предупредил, его судьба висела на волоске:

— У меня есть основания сомневаться в вашей благонадежности и компетентности.

Словом, начальнику безопасности придется рыть носом землю, чтобы не покинуть стены инспекции без выходного пособия.

Внимание привлекла трель диктино. Глянула, кто это, и вопросительно подняла брови. Только не говорите, что он вообще не поедет! Билеты не вернуть, гостиница оплачена. И перед министром мне отчитываться? Спасибо большое, одна головная боль! Однако, отвечая на вызов, изобразила самую любезность.

— Магдалена, — судя по звукам, Лотеску вел огнемобиль, — бегом в инспекцию! Возьмите пакет у этажного секретаря и домой.

— Но я не успею! До отправления поезда всего час.

— Всего? — передразнил начальник. — У вас уйма времени, разумеется, если не запикивать в чемодан всю свою жизнь. Но если совсем плохо, заберу на углу Ротанского бульвара и Семицветной через сорок пять минут.

То есть мне туда вместе с чемоданом тащиться? Замечательно! Большое спасибо, хассаби, за заботу, аж два квадранта от инспекции шагать.

Видимо, Лотеску услышал недовольное сопение, раз пошел на компромисс:

— У вашего дома через пятьдесят. Опоздаете, не моя забота.

Сайгаком запрыгала по квартире, закидывая в чемодан оставшиеся вещи. Затем оттащила его в прихожую и, хлопнув дверью, рванула вниз по лестнице. Подъемников в моем доме нет, но ничего, живу на третьем этаже, не задохнусь.

Не стала рисковать и дожидаться парчелу. Если действительно только забрать пакет, успею. Только почему начальник курьера не вызвал, почему я должна носиться с языком на плече? У Лотеску иногда случаются бзики на почве «это должно быть сделано вчера» и «никому больше не доверю». На поверку секретная миссия оказывалась обычным циркуляром министерства.

Вся в мыле влетела в холл Карательной инспекции и крикнула дежурному секретарю: «Пакет на имя Эмиля Лотеску!» Девушка подскочила, быстро набрала нужный код, и

уже через пару минут я мчалась обратно, прижимая к груди коробку. По виду — небольшая посылка, но тяжелая.

Итак, время сэкономила. Пока пройдешь идентификацию, пока поднимешься, разыщешь этажного секретаря в курилке... Надеюсь, не опоздаю, иначе Лотеску уедет один.

Глянула на часы и махнула рукой, надеясь поймать попутку.

Десять минут. Шайтан, шайтан, шайтан!

Глаз выцепил паромобиль Мориса, и бывший коллега превратился в личного извозчика. Я торопила его, силясь остановить бег времени. Пять минут! Сколько можно плестись?! Пора, пора идти на курсы вождения и брать кредит на паромобиль. О, теперь стиль езды Лотеску казался оптимальным, только так куда-то можно успеть.

Стальной огнемобиль увидела издали и едва не высунулась из окна с криком: «Не уезжайте!» Вовремя сообразила, как буду выглядеть со стороны, и раздумала.

Морис без лишних слов поднял коробку с пола и отнес начальнику. Тот поблагодарил скупым кивком и выразительно постучал пальцем по экрану диктино. Жест адресовался всем.

Люблю обувь на плоской подошве! А уж как я ее люблю, когда таскаю тяжести! Вот и теперь хвалила себя за предусмотрительность, пока волокла чемодан. Мужчины помогать не собирались. Морис уехал, а Лотеску дворянин, начальник. Однако жалкий вид возымел действие. Завидев взлохмаченное нечто, воюющее с дверью подъезда, Лотеску отлепилась от водительской дверцы и отобрал чемодан. Поблагодарила улыбкой и потрусила к огнемобилю.

— Причешитесь, — посоветовал начальник, хассаби чемодан в багажник. — Не хочу потом объясняться со знакомыми и газетчиками.

— Опять станут снимать? — ужаснулась я.

Вырви ведьме глаз, без косметики, одета кое-как, раскраснелась от натуги — словом, красавица. Представляю, какую подпись сделают под печатной копией карточки! Уродина года, секретарь главы Карательной инспекции побирается на вокзале. Еще и друзья хассаби пожалуют. Вот зачем им провожать Лотеску? Он не уезжает навсегда, в обычную командировку, не соскучатся.

— Не исключено, — уклончиво ответил начальник и уселся на водительское сиденье.

Щелкнул ремень.

Спохватившись, отложила зеркальце и тоже пристегнулась.

— Разобьется, — Лотеску покосился на зеркало. — Уберите. Красоту наведете в поезде.

Мы рванули с места так, что едва не задымились шины. Потом так же резко затормозили, пропуская перебежавших дорогу пешеходов, и понеслись к вокзалу. Тринадцать минут? Опоздаем? Ха! Лотеску припарковался на стоянке через семь и велел найти носильщика.

Пока улаживала вопросы с багажом, начальник пристроил огнемобиль на хранение. Пришлось догонять Лотеску. Тот быстро, не оглядываясь, шагнул к залу ожидания первого класса, притормозил только у дверей: потребовался билет. Вложила его в ладонь начальника и проскользнула следом мимо сурового человека в форме.

Я впервые путешествовала первым классом, хотя зал ожидания для хассаби видела прежде.

Промелькнули перед глазами мозаичные русалки, ресторан — Лотеску местные красоты не волновали. Вертела головой, любуясь игрой красок. Заодно выяснила, с какого пути уходит состав — расписание повесили на самом видном месте. Крупные буквы вертелись, складывались в слова. Вот и нужный поезд — экспресс до Штайта.

Пара минут, и мы на дебаркадере.

Да-а, платформа первого класса производила впечатление. Тонкие, будто резные, чугунные колонны поддерживали стеклянную крышу. Под крышей вокзала блестели часы, по ним пассажиры могли сверить время — огромные, с позолоченными стрелками и изображениями солнца и луны.

До отхода поезда оставалось три минуты. Он уже стоял под парами. Словно огромный черный зверь, замер паровоз. Возле него суетились люди, доливая воду, закладывая дрова в тендер. На паровозе красовался герб Амбростена и порядковый номер — одиннадцать. Трехглазый, могучий, с колесами в человеческий рост, он вызывал восхищение и трепет.

По дебаркадере сновали газетчики, лавировали между пассажирами носильщики. Наш тоже на месте, успел опередить, пока глазела по сторонам, вносит вещи в купе.

Шайтан, я еду первым классом, в двухместном купе! С собственным санузлом, изопроектором и звонком вызова проводника. И спать не сидя, а на мягком диванчике. Это сон! Ущипнула себя. Больно, значит, не сплю. Может, по купе еще шампанское разносят? Мечты!

Стоило подойти к двери купе, как у второго класса, у каждого свой вход, к нам подскочил кондуктор в гербовой куртке.

— Добрый день! — вежливо поздоровался он, отвесив по легкому поклону, и, сверившись со списком, назвал имена. — Вещи уже погружены, могу ли я взглянуть на ваши удостоверения личности?

Лотеску молча вытащил документ из внутреннего кармана пиджака. Краем глаза заметила, удостоверение совсем новое, а мини-голограмм целых две. Интересно зачем? А еще в удостоверении значился номер страхового свидетельства и образец подписи. Мне ни того, ни другого не полагалось, равно как и бесплатной врачебной помощи.

— Госпожа?..

Кондуктор без труда определил, что я не хассаби, даже обидно стало. Неужели на лице написано, он ведь пока удостоверения не видел. Ну да, аристократки ухоженные, в платьях, строгих костюмах и на каблуках. Прическа — волосок к волоску, а тут растрепанное нечто, само собой, госпожа.

После проверки документов нас пустили в купе. Лотеску разрешил выбрать любое место и, устроившись на соседнем, смежил веки. То ли устал, то ли снова мигрень. Рука подложена под голову — трогательно и незащитно. Спящие обычно все такие, снимают маски.

Прозвучал первый гудок. Дебаркадер на миг заволокло облаком пара.

Ощущая себя юной провинциалкой, рассматривала обстановку купе, щупала бархат дивана, пробовала на мягкость подушки. Так, что мы имеем? Два дивана, столик, намертво прикрепленный к полу, складной табурет, полки, дверь в санузел — совмещенные ванную и туалет. Ничего, душ вполне устроит, а размеры раковины меня не волнуют, лишь бы горячая вода имелась.

Нам положили четыре полотенца: два больших и два маленьких, и пару пушистых белых халатов. А еще дорожный гигиенический набор.

Изопроектор крепился на двери в коридор. Туда я выходить пока не стала, только выглянула. Ковровая дорожка как в гостинице! В купе тоже половички, чистые, между прочим.

Паровоз пронзительно свистнул, маховик пробудил шестерни. Пар вновь на миг скрыл перрон от глаз. Вагон дернулся и пришел в движение.

Торопливо проверила задвижку наружной двери. Уфф, закрыта. Для надежности щелкнула замком.

Рывок вагона привел в чувство Лотеску. Он подслеповато прищурился и повесил пиджак на вешалку.

— Коробка далеко? — начальник имел в виду ту, за которой, сломя голову, бегала в инспекцию.

Поискала ее глазами и подала Лотеску. Он проверил целостность упаковки, имя отправителя и успокоился.

— Подарок министру, — пояснил Лотеску и равнодушно проводил взглядом перрон.

— Но почему в последний день и не курьером?

Меня разбирало любопытство. Что же такое в коробке? И отчего вдруг хассаби выслуживается перед Бернардом? Он отродясь не пресмыкался, тут — тем более. Алард общался с Бернардом, а министр очень не хочет на покой со всеми вытекающими. Может, неэтично подозревать высшее руководство, словно выбор короля критикуешь, но факты — вещь упорная. На месте Лотеску я бы подарила Абелью Бернардю билет на поезд и перевязанную голубой ленточкой стопочку компромата с припиской: «Оригиналы в надежном месте».

— Обстоятельства, раньше не вышло. Вот что, Магдалена, — начальник расстегнул браслет диктино — он носил дорогую модель, с кучей наворотов и встроенными часами — и положил на столик, — до ужина занимайте себя сами. Можете изопроектор включить, пульт в шкафчике. Наушники тоже. Только не будите, даже если позвонят сверху. Мое хорошее настроение в ваших же интересах. После ужина — пожалуйста, поболтаем.

Не дожидаясь ответа, хассаби разлегся на диванчике, подложив руку по голову, и затих. Прислушалась к дыханию: спит. А ведь на улице казался бодрим. Хотя, чему я удивляюсь, Эмиль Лотеску умел собираться в нужные моменты, помнится, даже вдрызг пьяным умудрился вести огнемобиль.

Задумчиво вгляделась в лицо спящего. Зависал в ночном клубе? Не похоже. После такого вид немного потрепанный. Женщина? Уже реальнее. А еще отчеты для министерства, дело Аларда — как раз получим недосып. Ладно, пусть отдыхает, я по вагону погуляю.

Осторожно, чтобы не потревожить начальника, вышла в коридор и замерла у окна, наслаждаясь видами Вертавейна. Его недаром называют озерным краем, вот и сейчас железная дорога вилась вдоль берега. Жемчужная гладь воды отражала небо. Легкая рябь шла от редких лодочек.

Одно озеро перетекает в другое. Вода рассыпается драгоценными камнями среди лесов и полей. Потрясающее зрелище! Особенно в солнечный день. Сегодня как раз такой, и я припала носом к стеклу, пытаюсь впитать красоту ставшего родным края. Пускай родилась и выросла не здесь, но Нэвиль стал домом, я не мыслила жизни без мостов над Адрионом, прогулочных корабликов, яхт и мчащихся на всех парах поездов.

Приоткрыла окно и, рискуя испачкаться в саже, подставила лицо встречному ветру. Хорошо! Свежо и пахнет весной.

Не знаю, сколько я так простояла с глупой улыбкой на губах. Мимо проходили люди. Не обращала внимания, нагло повернувшись к ним спиной. К хассаби! И никто, решительно никто не заподозрил во мне секретаршу, презрительно не погнал во второй класс. Признаться, в душе боялась этого: глубоко въелось социальное неравенство.

Вдоволь надышавшись, отправилась гулять по поезду, небрежно раскланиваясь со встречными хассаби. Посмотрела на вагон-ресторан. Впечатляет! Не хуже «Лабиринта» — излюбленного места отдыха нэвильской богемы. Хорошо, приборы не серебряные, а то спутала бы с дворцом. Ну да, столичный экспресс — не баррийский поезд, тут даже самые дешевые билеты по карману только квалифицированным рабочим, то есть элите третьего класса.

Скользнула взглядом по стопочке меню в кожаных футлярах и сглотнула. Так есть сразу захотелось! Аппетит пропал при мысли о ценах. Карточка не бездонная, в столице нужно

на что-то жить, поэтому буфет. Ничего, продержусь шесть дней без горячего. Можно, конечно, попросить Лотеску угостить, вряд ли он откажется, но неудобно, словно подаяние прошу.

Усмехнулась.

Похожи, похожи мы с начальником, он тоже гордый, никогда ничего не просил.

Несмотря на то, что Нэвиль еще не скрылся за горизонтом, пара человек уже устроилась в баре и неспешно цедила кто коктейли, кто чего покрепче.

Дальше шел еще один вагон первого класса, вагон с обслуживанием, — должен же кто-то круглосуточно обеспечивать удобство гостей? — и начинался второй класс. Туда я не пошла, вернулась в купе.

Лотеску до сих пор спал. Такой забавный! Одна рука свисает с диванчика, ноги чуть согнуты в коленях. Лечь нормально мешали ботинки и правила приличия. Интересно, как мы уживемся в одном купе? Я не привыкла бегать в халате и чистить зубы перед мужчиной. Одно дело, когда отношения, совсем другое — как с Марком. Стесняются даже взрослые девочки.

Достала чемодан и вытащила книгу. Пользоваться изопроектором не решилась: боялась разбудить начальника. Роман оказался занятным — мистический детектив с богиней Смерти, которой до сих пор, в век свободомыслия, поклонялись некроманты. Я увлеклась, переворачивала страницу за страницей и не заметила, как проснулся Лотеску.

— Сидите тихо, как мышка! — начальник украдкой зевнул и, убедившись, что не смотрю — ну, как бы не сморю, — потянулся.

— Вас не хотела тревожить.

— Напрасно. Я просил не будить и только.

Лотеску поправил взъерошенные волосы и бросил короткий взгляд в окно. Проверил диктино и застегнул браслет на запястье.

На лбу отпечатались пуговицы, залегла широкая алая полоса.

Едва заметно улыбнулась и отложила книгу в сторону.

Немного странное ощущение — словно тебя впустили в домашний мир. Хотя почему словно, хассаби и прежде разрешал видеть себя вне рабочего кабинета.

— Какие последуют указания?

Поездка не увеселительная, я секретарь, обязана работать.

— Никаких, — пожал плечами Лотеску и надел пиджак. — До столицы сделаете два-три звонка, но не сегодня.

— Может?.. — неуверенно напомнила о заказчике Ронсу.

— Достало уже! — поджал губы хассаби. — Хоть один день без грязи, сыт по горло. Поэтому никаких магов, министров и комиссаров. Обещаю, сегодня я найду вам развлечение интереснее чтения.

— Только не говорите, что тут ночной клуб есть! — рассмеялась я.

Признаться, саму до ведьминых коллик достало копаться в чужом грязном белье. Понимаю Лотеску, он целый месяц на нервах, пора выдохнуть, а то сойдешь с ума.

— Музыка имеется, клуба нет. Зато недурственно кормят и можно поиграть в бильярд. Вы как, — быстрый, чуть лукавый взгляд, — шары гонять умеете?

Бильярд? Хм, а это интересно. Может, я не ас, но не в первый раз кий вижу. Один из бывших любил бильярд, приохотил, после иногда с Найджелом резалась на выходных.

Пусть он начальник отдела юридической поддержки, но не гнушался дружить с простыми смертными. Опять же ребята-ликвидаторы, пересекались в общей компании, воевали за зеленым сукном. Словом, поиграю, заодно время быстрее пролетит.

Лотеску заметил блеск в глазах и улыбнулся.

— Сколько же у вас скрытых талантов!

— Стараюсь соответствовать начальнику, — вернула комплимент.

Хассаби неожиданно посерьезнел, задумался и тихо заметил:

— И еще один талант — не падать духом. Другая давно бы положила на стол заявление, а вы настроение поднять пытаетесь.

Между нами повисло молчание. Оба понимали, какие слова не прозвучали в купе.

Гудел паровоз, крутились колеса, мелькали за окнами красоты Вертавейна, а кристалл с записью оставался, как и предатель, который передал убитому магу приглашение, торговал секретами и воровал деньги. Открыто, не боясь, уверенный в собственной безнаказанности.

Коснулась руки хассаби и заверила:

— Все будет хорошо.

Он не ответил, только губы дрогнули в горькой усмешке. Очевидно, Лотеску опять утаил часть информации, судя по реакции, безрадостной.

— Возьмите охрану, — опять влезла не в свое дело, но не могла, волновалась.

Угроза из записки, некогда после такой некромант начал убивать близких. Голову сестры в коробке начальник, безусловно, не получит, а вот вспышка парцилена вполне может нанести вред тому же Кэролу. Он бесшабашный, несложно подстеречь. И хорошо, если просто отправят в госпиталь — человек, убивший однажды, не чурается новых трупов, если на кону положение, деньги, жизнь, наконец. За шпионаж и крупные махинации при отягчающих обстоятельствах отправляют в безвоздушную камеру.

— Не надо, — хассаби рассеянно похлопал по руке.

— Я уже Марка попросила.

Втянула голову в плечи, предчувствуя расплату за самоуправство. Однако ее не последовало. Лотеску укоризненно глянул и попросил не трогать парня:

— Пусть спокойно поправляется. Сам разберусь, Магдалена, потребуется, выберу крепких ребят. А теперь хватит! Проголодались?

Кивнула, мысленно прикинув, что хорошего есть в буфете.

Тревога не улеглась, но начальник прав, нельзя постоянно себя накручивать.

— Госпожа ишт Мазера?

Лотеску без труда догадался о финансовых затруднениях и продемонстрировал банковскую карту.

— Ваша? — на всякий случай уточнила я.

Отказываться не стану, чтобы не обидеть, но отдам треть суммы каждого счета. Нечестно заставлять мужчину тратиться на ту, которая после не отблагодарит в спальне. Один раз — пожалуйста, два — тоже, но не регулярно. Мы не любовники. От слова «совсем».

— Нет, деньги государственные. На двоих, — подчеркнул начальник, пресекая попытки саботировать транжирство. — Надеюсь, не против, что карточка у меня? По правилам платит мужчина.

Разумеется, не против, даже приятно. Половлю завистливые взгляды, посижу в компании приятного собеседника, попробую изысканные яства. Но сначала надо переодеться к ужину.

Извинившись, схватила чемодан и юркнула в санузел. Неудобно, тесно, но как-нибудь.

— Магдалена, я подожду в коридоре, — тактично предложил Лотеску.

Стукнула дверь. Действительно вышел. Одной проблемой меньше. Значит, хассаби можно просить выйти.

Задержала штору и разложила наряды на диванчике. Поразмыслив, выбрала зеленое платье, одолженное у Алины. Публика знатная, ужин — значит, форма одежды парадная. Не забыла про украшения, прическу, макияж — словом, Лотеску заждался и решил проверить, не умерла ли я.

— Магдалена, сколько?.. — недовольно начал он, получив разрешение войти, но не договорил.

Взгляд скользил по телу, зрачки чуть расширились.

Стояла и довольно улыбалась. К Алине бегала не просто так — знала о «том самом платье». Вот и теперь сработало, начальник потерял дар речи. Правда, быстро оправился, одарил комплиментом.

— Хотя бы не зря ждал, — усмехнулся он и по традиции остановил взгляд на груди. По той же традиции кокетливо опустила ресницы. Нравятся ему женщины, а глубокие декольте еще больше. — Вы великолепны. Можете, когда хотите!

— А нужно хотеть? — игриво поинтересовалась я.

Старый добрый флирт и словесные игры, от которых порой получаешь больше удовольствия, чем от секса. С последним у меня глухо, поэтому пикировки жизненно необходимы.

— Вам виднее, — без тени улыбки ответил Лотеску.

Нахмурилась, силясь понять, на что он намекал.

— Эмм, хассаби?..

Склонив голову набок, начальник любовался, как диковинной вазой. Он усмехнулся, но объяснить не пожелал. Меня же терзало его странное: «Вам виднее». Вроде, ничего не предлагал, только почему в голове определенные мысли? Глупые, в духе статей из дамских журналов.

Бред, конечно! Здравомыслие и еще раз здравомыслие, Магдалена.

Уже нормальным, деловым, тоном хассаби обещал после ужина подробнее рассказать о командировке.

— Там пара официальных мероприятий и одно светское. И на людях, ишт Мазера, пожалуйста, глазки не строить, иначе не обижайтесь на сплетни, которые поползут по инспекции.

Пожала плечами и напомнила пункт давнего договора:

— Никаких близких отношений.

Лотеску фыркнул и удивленно уточнил:

— Вы решили, будто я?.. Право слово, Магдалена, девять лет терпел, а тут вдруг приспичило?

М-да, неловко получилось.

— Всякое случается, — уклончиво ответила я и потянулась за сумочкой. — Если

мужчина смотрит на женщину определенным образом...

— Каким? Ну извините, — развел руками Лотеску, — не слепой, только приставать по ночам не собираюсь. Или вы на это рассчитывали? Платье провокационное, прежде вы такие не носили.

Начальник пытливо заглянул в глаза. Отвернулась, хотя спать с Лотеску не собиралась, зато он явно убежден в обратном. Надела, называется, платье! Теперь оно казалось в высшей степени распутным: открытая спина и руки, глубокий узкий вырез, образованный двумя широкими лентами струящейся ткани. Ну да, в таком только соблазнять.

— Хорошо, я переоденусь.

Поджав губы, попросила начальника ненадолго выйти:

— Мне нужно нагнуться, не желаю обвинений в развратном поведении.

— Зачем переодеваться, платье шикарное. Мне просто интересно, насколько... эмм... далеко простирались ваши планы?

Да успокойтесь он, наконец?! Чего так задело? Ну платье, ну шуточки — так все старое. Грудь не видно, я проверяла, сзади тоже все по вечернему протоколу. Или, как заяц, виновата тем, что волку захотелось кушать?

— До смены билетов на второй класс, — выпалила я и гордо зашагала к ресторану.

Нашел шлюшку! До поздней ночи, пока не уляжется, в купе не войду, а то и действительно поменяюсь. Найдется же в поезде свободное место?

— Магдалена, — понеслось вслед, — не сердитесь, пошутил я!

— Не смешно! — сверкнув глазами, развернулась.

— Ну дурак, — Лотеску подошел и протянул забытую сумочку. — Вы порядочная девушка, я ничего плохого не подумал. Честно!

Свидетелями нашей перепалки стали пассажиры из соседних купе, спешившие на ужин. Представляю, что они подумали: любовница, содержанка. Меня переклинило. Захотелось, чтобы начальник извинился. Знаю, Лотеску никогда не просит прощения, даже у короля не попросил бы. Помню ведь представление века, когда еще ишт Лотеску публично извинялся перед Тайроном. Никакого раболепия, сожаления, даже головы не склонил, хотя правила требовали. А тут такая мелочь — шутики на интимные темы в адрес секретаря.

Сделала глубокий вдох и уткнулась носом в стекло.

Жизнь — несправедливая штука! До горечи во рту обидно, а ему — мелочь. Хассаби забыл, а ты переживаешь.

Вдох, выдох.

Право слово, Лена, он не со зла, тебе ли не знать. Просто такой человек, немного развязный, самоуверенный, бабник. А тут платье, секретарша, надо перевести стрелки: мол, не я восхищенно смотрел, а подчиненная соблазняла.

— Бутылки «Эсканьола» хватит?

Хассаби пристроился рядом, тоже смотрел в окно, на клонящийся к горизонту золотой солнечный шар.

— А? — недоуменно покосилась на Лотеску.

— В качестве извинений, Магдалена. Вы ведь любите этот сорт шампанского?

— Люблю, — кивнула я, — но покупать не надо.

— Иногда я перегибаю палку, — неожиданно признался начальник и тронул за плечо. — Улыбнитесь, недаром же платье надели. Оно вам очень идет, Лена. Очень, — задумчиво повторил он.

— Спасибо.

Обида прошла, чувствовала, ему самому неудобно и неприятно случившееся.

Помолчали.

Лотеску стоял так близко, что кожу щекотали теплые полы пиджака. Невинная сцена отчего-то казалась интимной, до легкой дрожи, хотя, безусловно, виной всему недавний разговор.

Наконец хассаби отмер, оторвал взгляд от зеленых далей и махнул в сторону вагона-ресторана:

— Прошу! Потратим немного денег Абея Бернарда.

Вечер, начавшийся с недоразумения, прошел замечательно. Словно стремясь загладить вину, Лотеску развлекал выпивкой, едой и танцами. Мы объединились против другой пары и таки их перетанцевали. Потом, прихватив по стаканчику из бара, направились в бильярдную. Логично проиграла, зато повеселилась. В итоге спать ушла первой. Хассаби задержался в курительной, по его словам, позвонить брату. На самом деле не желал стесняться.

В дорогу прихватила пижаму, поэтому выглядела прилично, но на всякий случай по шею укрылась одеялом.

Пикантная ситуация: в одном купе с мужчиной, который не муж и не любовник! Однако первая ночь прошла нормально. Лотеску переодевался в санузле, при мне даже рубашку не расстегнул, хотя спал по пояс обнаженным. С моего согласия:

— Если вас смущает, скажите.

Меня не волновало чужое тело, безумно хотелось спать. В другой раз полюбуюсь и продам красочный рассказ газетам. Словом, вместо ответа начальник получил нечленораздельное мычание.

— Да, слушаю.

Прикусив кончик карандаша, стояла в коридоре и записывала сведения, которые раздобыл Марк. Он безумно соскучился по делу и с энтузиазмом ринулся помогать. Как бы только здоровью не навредил! Разумеется, бывший телохранитель убеждал, что полон сил, но курс реабилитации закончился только вчера, сомневаюсь, будто после нее Марк ишт Нару вернул прежнюю физическую форму. Зато связей не потерял, пропуск в Карательную — тоже, спасибо аресту Аларда! Первый зам, временно курировавший ликвидаторов, увольнительный лист не подписал, может, оставит Марка.

— Ты там сидишь, стоишь?

— Стою.

На всякий случай прислонилась к стене и поправила гарнитуру диктино, чтобы не выронить. Заодно руки освобожу, пусть пока на обруче болтается.

— Знаешь, кто Ронсу провел?

Может, неправильно, может, влетит, но я посвятила Марка в часть деталей, умолчав о сути шантажа. Если уж охранять, то пусть знает, от кого.

— Понятия не имею.

В голове вертелось три фамилии — важные столичные чиновники. Так кто же? Я бы ставила на Абея Бернарда. Да, на него, а не на Роджера Лаура. Глава столичной Карательной — слишком очевидно, а у министра возможностей больше, мог Лотеску место Лаура кинуть, чтобы себя обезопасить, и документы Ронсу справить. Не сам же он себе мещанскую приставку удалил?

Марк выдержал театральную паузу и сообщил:

— Леонар Алард.

Тихо сползла по стеночке, порадовавшись за наличие гарнитуры, иначе бы диктино полетел вслед за блокнотом. Карандаш закатился за край ковровой дорожки, пришлось доставать.

Поправив «усик» диктино, выдохнула:

— Иди ты! Откуда?..

— Записи кристаллов удалили, охрану припугнули, а вот про репортеров забыли. — Не видела, но знала: Марк сиял не хуже новенького огнемобиля. — Они много снимали, далеко не все пошло в печать. Ты тоже есть, — добавил ликвидатор. — Красавица! Обязательно новый номер «Вестей Нэвиля» купи, там статья о Лотеску, и ты с ним на изобразительной карточке.

Последние слова прозвучали звонко, без ревности. Уфф, неужели прошло? В прежние визиты Марк все еще выказывал интерес, сейчас, впрочем, тоже, но если карточка теоретически любимой женщины с другим мужчиной не вызывала негатива, увлечение прошло, осталась симпатия.

— Что за статья?

Гораздо больше собственной персоны волновало, кто и когда успел напечатать очерк о Лотеску. Его упоминали при освещении приема и только. Хоть проси с нарочным газету прислать.

Час от часу не легче! Статью могли заказать, намекнуть на сомнительное прошлое и настоящее — и прощай повышение.

— Большая такая, на целый разворот. Ему, — Марк намекал на начальника, — лучше не читать.

Шайтан, почему сбываются самые худшие опасения?

Так, на станции «Вестей Нэвиля» не купишь, может, у проводника найдется? Пусть свежий номер выйдет в день нашего отъезда, ну пожалуйста! В крайнем случае воспользуюсь изопроектором. Если связаться с секретарем первого зама, можно почитать номер с экрана. Напрасно скрывать, все давно в курсе, в курилке обсуждают.

— Так, Марк, умоляю, скажи, что он злобный монстр, совративший секретаршу!

— Эмм...

Ликвидатор мямлил, чем окончательно выбил почву из-под ног.

— Читай! — гаркнула я, потеряв контроль.

Благородные дамы не кричат, но «иштам» можно.

Наслаждавшаяся красотами природы парочка вздрогнула и укоризненно глянула на меня. Хорошо, Лотеску нет, ушел в бильярдную, а то бы они не такое услышали. Человеку только что загубили репутацию.

Сжала кулаки, до боли вонзив ногти в ладони.

Лишь бы про меня во всех позах, лишь бы про меня! Только никаких снимков! Чиновникам высокого ранга не положено общаться с проститутками, а если вдруг, то не таким образом.

— Сейчас, — от неожиданности икнул Марк, потом спохватился, вспомнил, кто он. — Придется немного подождать, плюс опять же разрешение нужно. Хассаби не понравится.

— Да его и так весь Нэвиль видел, чего стесняться! — сорвалось с языка.

Нервно прошлась вдоль окон и в бессилии ударилась головой о простенок.

— Да-а? — Марк заинтересовался. — Ну-ка, выкладывай!

Знакомый жаждал пикантных подробностей, а я с ужасом осознала, что проболталась.

— Эээ... Как бы... — старательно тянула время, выдумывая правдоподобную ложь. — В статье все написано!

Лучший способ не выдать себя — ни в чем не признаваться. Вдруг следователь, в данном случае — Марк, блефует, а ты преподнесешь на блюдечке доказательства вины. Один раз попалась, хватит!

— Там про беспринципность. Мол, Эмиль ишт Лотеску всегда шел по головам, сейчас честного второго заместителя подставил и всякое такое. Про машины, женщин. Ну, и тебя, — чуть, смутившись, добавил приятель.

С облегчением перевела дух.

Шантажист побоялся вытащить козырь, задействовал «малую артиллерию». Опровержение, повестка в суд — и дело в шляпе. Только почему недоброжелатель медлит, не задумал ли крупную гадость? На месте преступника я бы познакомила короля и всех желающих с записями кристалла. Или его у него нет? Ну конечно, Магдалена, кристалла нет, он у Аларда!

Расхохоталась, напугав Марка. Он даже переспросил, все ли в порядке. Отсмеявшись, заверила: в полном.

— А газета? — приятель по-прежнему беспокоился.

— Обождет. Потом карточку вырежу и, тыкая пальцем, буду рассказывать внукам, как целую минуту пробыла любовницей главы Карательной инспекции.

Роман с секретаршей — самый пошлый из возможных вариантов. Кто его выдумал, не

знает хассаби. Он не стал бы выходить в свет с личной помощницей, трудившейся на полторы ставки. Лотеску, безусловно, бабник, но мужчина с мозгами, за то и цену.

Попрощавшись с Марком, набрала код начальника, попросила прийти.

— У меня для вас новости, — голос прерывался от сдерживаемых эмоций.

Лотеску объявился через пару минут и без лишних слов открыл дверь в купе. Юркнула туда, кратко пересказала беседу с Марком и поделилась собственной догадкой.

— Хотя бы дворянства лишили! — заскрежетал зубами начальник. — Найдут кристалл, лично позабочусь о камере со всеми удобствами. Судья мне должен, не откажет в настойчивой просьбе. Только, — хассаби вернул с небес на землю, — у меня для вас тоже новости. Вряд ли хорошее.

— Опровержение напишу, только текст статьи гляну, — живо догадалась о сути поручения.

— Я не об этом! — поморщившись, отмахнулся Лотеску и присел на диван. — О Ронсу. Проверили звонки Аларда, они общались ровно два раза. Маловато, не находите?

Начальник выразительно глянул на меня.

Победоносная улыбка сползла с лица. Блестящая версия рушилась.

— Но ведь он провел мага на прием... — нерешительно напомнила факты.

— Привел, — согласился хассаби, — и только. Как, по-вашему, можно согласовать убийство фальшивомонетчика, торговать секретами, если не общаться с исполнителем, не иметь доступа к столичным министерствам и ведомствам? Информация утекала оттуда, важная информация — о наших магических наработках.

Ахнула, прикрыв рот ладонью.

Да если сорнейцы получают доступ к новейшему оружию, системам защиты, они запросто затеют войну, и не факт, что мы выиграем. Соседям только дай повод оттяпать кусочек бывшей Империи.

— Впечатляет, верно? — хмурый Лотеску постукивал пальцем по металлическому браслету диктино. — Сведения секретные, доложили сегодня.

— Так вы не?.. А как же — не думать о делах? — укорила начальника.

Думала, он развлекается, сама тайком звонила Марку, а хассаби по уши в расследовании.

— Обстоятельства, — пожал плечами хассаби. — И вот еще что... — Он задумчиво перевел взгляд на окно, за которым раскинулся живописный озерный пейзаж. — Помните следы второго человека рядом с Ронсу? — Кивнула. — Это не Алард. Эксперты не могли ошибиться. Главный преступник на свободе, но забеспокоился, а паника, Магдалена, неизменно ведет к ошибкам.

Хотелось бы!

Закусив губу, отвернулась.

Поездка потеряла былое очарование, в нее ворвалась безжалостная реальность.

— Ничего, — рука Лотеску легла на плечо, — ребята плотно им занялись, из Леонара душу вытрясут.

— А если кристалл найдут?

Не договорила, но начальник сам все понял. Если найдут, посмотрят, уйдет в народ, а дальше — как доказательство в суд. То есть преступник добьется своего.

— Уничтожат, — заверил хассаби и встал. — Синглер лично сделает, только материал

для лаборатории снимет. Правосудию достанется безобидная часть, иначе, — хищно оскалится Лотеску, — я тоже кое-что припомню.

Ага, то самое, про «настолько обязан».

Усмехнувшись, покачала головой. Выходит, у всех работников Карательной инспекции «скелеты в шкафу». А как же проверки, устрашающие инструкции? Так тщательно отбирают сотрудников, и в итоге имеем шпионов, предателей, пособников некромантов и просто наивных дурачков, покрывающих возлюбленных.

Отогнала неприятные воспоминания и попросила банковскую карточку. Не хотела тратить в баре свои, а выпить категорически необходимо. Заодно опровержение получится живее, красочнее.

— Пожалуй, составлю компанию, — буркнул Лотеску и, щелкнув замком, пожаловался:
— Такими темпами станешь алкоголиком!

В некоторых ситуациях алкоголь действительно становится спасением, особенно если иной поддержки не дождешься. Казалось бы, это не про начальника. У него большая семья, родители живут под Нэвилем, только Артур покинул Вертавейн. Однако иногда складывалось впечатление, будто один Лотеску крутится, а до его проблем никому нет дела.

— Вы расскажите, — отведя взгляд, предложила я, — легче станет.

— О чем рассказать? — недоумевал хассаби.

Странно, не рассердился.

— Ну, — замялась, выводя узоры носком туфли, — если потребуется...

— Потребуется, скажу, — Лотеску догадался, куда клоню. — И покажу даже, раз вы такая жалостливая. А теперь хочется не излить душу, а хорошенько выпить. Заодно вспомнить тридцать пять способов казни инквизиции.

— Зачем?

Испугалась, не для меня ли. Оказалось — для Аларда. Начальник предложил поучаствовать:

— Вас он тоже донимал, блюстител чистоты крови! Все они таковы, — по лицу заходили желваки, — медяка не стоят, одна фамилия. Но ничего, — губы хассаби скривились в ухмылке, — станут пресмыкаться, как миленькие.

И неожиданно:

— Вы-то что надумали? Не вечно же за других письма писать.

Замялась, не зная, что ответить.

Ну да, он уходит на повышение, я остаюсь.

Вновь стало тоскливо, словно сердце обжег ледяной порыв. Потом вспомнила о давних мечтах, отчете о раскрытом деле в правом ящичке стола, себе, полной надежд, и себе, нынешней. Я жаждала построить карьеру, решительно шла к намеченной цели, а в итоге даже на первый взнос за дом не скопила. Действительно, пора что-то менять. Время — вещь относительная, женщин после сорока и не повышают, отправляют в архив.

— Мэрия? — неуверенно озвучила недавнюю придумку.

Придержав дверь вагона, посторонившись, Лотеску поднял бровь:

— Все сначала? Снова на самую нижнюю должность, к бумагам? Вы их ненавидите, Магдалена, сбежите через неделю. Ваше призвание — работа с магией. Я поговорю.

Вот так просто — «я поговорю». Вопрос: с кем?

— Я сама, — упрямство родилось раньше меня.

— Сама, — поразительно легко согласился Лотеску, — никто подарков не обещал. Но забыть не забуду. Ведомство или министерство? Первое легче, второе почетнее.

— Где платят больше, — во мне проснулась меркантильность. — Надоело съемное жилье!

— Правильный подход, — улыбнулся начальник и на время закрыл тему будущего языкастой секретарши.

Странно, но выпили мало. Лотеску больше общался с Нэвилем по приватной связи, чем уделял внимания стакану. Я по известной причине тоже на алкоголь не налегала — не в ночном клубе с приятелями. Пальцы чесались вновь набрать Марка, попросить зачитать статью, но этого не потребовалось.

— Лена!

Начальник переключил диктино на визуальный режим и поманил. Пришлось встать вплотную, чтобы разглядеть газетный разворот и закрыть его от посторонних.

По ту сторону экрана Синглер — узнаю его толстые пальцы и перстень-печатку — маленькую прихоть.

Наклонилась ближе, благо Лотеску предупредительно расстегнул браслет и положил его на барную стойку, и вчиталась.

Статейка оказалась злобной и пустой. Мало фактов, много трепа. Упоминали меня, Кэрола, прошлись по честолюбивым мещанам, которые притесняют честных аристократов, крадут их должности. Алард представал невинной овечкой, начальник — злобным монстром. Неизвестный — не сомневаюсь, статью писал не репортер, — выкопал историю с сыном камердинера, припомнил промахи в поимке некроманта, обвинял в казнокрадстве.

— Красота, верно?

Лотеску щелчком выключил визуальный режим и положил диктино экраном вниз, чуть придавив ладонью. Видимо, разговаривать с Синглером он закончил ранее.

— Мерзость! — передернула плечами.

— Мне особенно казнокрадство понравилось, — желчно продолжил начальник. — Свои грехи приписывает.

Хассаби глотнул из стакана и велел бармену повторить.

Смотрела, как золотистая жидкость льется на кубики льда, и понимала: обыватель поверит. Лотеску жил роскошно, не скрывал любовь к комфорту, тратил кучу денег на женщин. Спрашивается, откуда? Но он не крал, зуб даю! Жалование позволяло осуществить любые прихоти, хассаби находил законные способы увеличить его размер.

— Подадим в суд?

Вечер окончательно превратился в рабочее совещание.

— Естесственно! — прошипел Лотеску. — Юристы уже занялись, выдохните, не вам стараться. Когда вернемся в Нэвиль, писака во всем признается. Может продавать последнюю рубашку, за моральный ущерб возьму по полной.

Не сомневаюсь.

Помолчав, дождалась, пока бармен уйдет в подсобку, и, склонившись к уху начальника, быстро зашептала:

— Он боится, боится, хассаби! Вы на верном пути и, — вот и ложка дегтя, — опять оставили меня не у дел. А обещали искренность, доступ к следствию.

— Так рассказывать особо нечего, — рука Лотеску оплела талию, усиливая впечатление

воркующих любовников. Губы практически касались уха. Таким тоном только пошлости шептать, а не трупы и улики обсуждать. — Те же лица, те же вопросы. Сейчас бьемся со счетами, пытаемся заполучить кристаллы, терзаем диктино Аларда и всякое такое. Сами понимаете, улики быстро не находятся.

— А утопленник? — на всякий случай избегала называть его по фамилии. — Диктино нашли? Опросили кондукторов, проводников? Он приехал из Штайта, точно кто-то видел. Невозможно предусмотреть все.

— Невозможно, — согласился хассаби.

Дыхание щекотало обнаженную шею, беззащитную без собранных в пучок волос. Рука прижала чуть теснее, в облако сладкого аромата парфюма — даже в поезде Лотеску оставался безупречным. Странно, но волнение унялось, близость начальника больше не смущала, наоборот, придвинулась, чтобы беспрепятственно шептать на ухо. Пожалуй, хассаби прав, роль любовников идеальна для конфиденциального общения.

Начальник внимательно слушал, обнимал одной рукой и пил. Пальцы поглаживали ниже спины, лениво, но уверенно. Легонько боднула его бедром — не помогло.

— Хассаби! — я тоже умею говорить с придыханием.

— Ммм? — карие глаза хитро блеснули, а рука нагло скользнула ниже.

— Эмиль! — уже громко, с нотками возмущения.

Пусть не обижается на фамильярность, сам вынудил. Однако начальник словно не заметил, заключил в полноценные объятия, прижав к барной стойке, и, склонившись к губам, нагло потребовал:

— Продолжайте, Магдалена. Вы неплохой аналитик.

И, нагнувшись еще ниже, хотя уже некуда, самодовольно добавил:

— Вам нравится.

Вот уж нет! Ну ладно, немного, самую малость. Адреналин приятно щекочет кровь. Знаю, начальник не переступит черту, а ходить по краю — так изумительно. Многие бы покрутили пальцем у виска, посоветовали проучить хассаби, но он прав. Нравится, хассаби.

Бармен понимающе улыбался, а мы жарко обсуждали не планы на ближайшую ночь, а способ докопаться до правды. Лотеску обещал копии счетов и прочей информации по ассигнованиям и, уже в Нэвиле, полный доступ к расследованию. Иными словами, копии полицейских отчетов отныне ложились в мой сейф.

Вместо поцелуев — как виртуозно изобразили! — записки шантажиста. Лотеску припоминал детали.

— Почерк своеобразный, — начальник тесно прижимал к себе, пробудив воспоминания о близости с мужчиной. — С одной стороны, мастерски изменен, с другой — есть в нем нечто знакомое. Мне не дает покоя буква «е», вернее, ее петелька. Вертится, и не могу ухватить, но точно видел.

Нахмурила лоб и потянулась за стаканом Лотеску. Он покачал головой и заказал мне коктейль.

М-да, похоже, поездка в Штайт станет едва ли не самым шикарным событием в жизни.

Поблагодарила кивком и взялась за соломинку.

Шайтан, никогда не пила такой вкусноты!

— Там ведь пером писали, верно? — постаралась воскресить в памяти единственную виденную записку.

— Явно левой рукой и не теми пальцами, — поддакнул начальник и коснулся шеи.

От простого движения — хассаби поправил сбившуюся цепочку — по телу разбежались мурашки. Умеют южане соблазнять, страшно подумать, что было бы, если бы Лотеску действительно склонял к близким отношениям! Я ведь согласилась бы, потому как уже тяжело, очень мужчину хочется.

С облегчением выдохнула, когда бар опустел, и мы устроились за столиком. Отсюда бармен не услышит шепота.

Бурлящая кровь успокоилась.

Ничего, потерпи, вернемся в Нэвиль, найду любовника. А все Лотеску с его играми!

— Только «петелька» занятная. Кривая, характерная. Ничего, если не думать, сразу всплывет в памяти.

Кивнула. Даже не сомневаюсь.

От записок перешли к Ронсу. Я еще раз повторила про пансион и вокзальные кассы — логично расспросить о маге там, не на паромобиле же он из Штайта добирался! И с заказчиком общался явно не посредством спиритических сеансов.

— С поездом — умница! — прежде, чем успела отпрянуть, начальник легко поцеловал в щеку. — Не додумался до элементарного. Как и диктино. Ну, — уже громко игриво предложил он, — берем бутылку и идем в номер?

— Только самого дорого шампанского, — капризно надула губы, как и положено беззаботной содержанке.

Украдкой коснулась ладонью щеки. Так и подмывало спросить — нет, не о поцелуе, тут понятно, хоть и неожиданно, а о том, долго ли пробуду умницей. По моим наблюдениям, наши отношения, рабочие, разумеется, напоминали качели: от полнейшего благодушие до «увольняю без выходного пособия».

— Разумеется, — сладко проворковал хассаби, — для тебя все самое лучшее и дорогое.

В итоге бутылку таки взяли. Зачем, ума ни приложу. Праздновать нечего, а напиться шампанским... Хм, сомнительное удовольствие, особенно в купе с одним санузлом на двоих.

— Шампанское — вам, — прояснил ситуацию Лотеску и, придерживая бутылку, отпер дверь пластиной. — Вместо премии.

Предпочла бы деньги, но дареному коню...

Едва начальник успел поставить ведро на стол, запел его диктино, настойчиво требуя внимания владельца. Хассаби ругнулся: забыл поставить на беззвучный режим, и, отойдя к окну, ответил.

В купе воцарилась немая сцена. Затем Лотеску отмер и стальным тоном приказал неизвестному собеседнику:

— Готовьте документы для обвинения. Уволить вчерашним числом, лишить допуска, внести в базу нежелательных элементов. И выбивайте разрешение на обыск. Даю час, после сам звоню прокурору.

Начальник нервно сорвал диктино с руки и метнул на стол. Пожалела дорогой прибор, не заслужил он подобного обращения.

— Провели почерковедческую экспертизу, — глухо сообщил хассаби, обернувшись ко мне. — Записки писал Леонар Алард. И то верно, у него характерное скругление верха «петель». Жаль, только в поезде вспомнил, — поморщился Лотеску. — Зато остальное — мастерски, ничего общего. Не сомневаюсь, перо выбросил, оставил ручки, только экспертов не проведешь. Ладно, поставщика грязи для газетенки выяснили. Не беспокойтесь, — тон чуть смягчился, — завтра же напечатают опровержение и извинятся перед вами, лично и главный редактор.

— Не надо.

Это у Лотеску болезненное самолюбие, он не прощает оскорблений, а я обойдусь опровержением, зачем человека унижать?

— Надо, — отрезал начальник и привел «убийственный» аргумент: — Я так хочу.

Пожала плечами. Хочет, так хочет, лучше не спорить.

Ладно, если ничего нового по делу не сообщит, достану книгу. Героиня еще не успела разгадать тайну заброшенного дома. Только вот...

— Хассаби, может, обойдемся без огласки? — покосилась на Лотеску, который вновь уткнулся в диктино.

Начальник поднял палец, призывая к тишине, потом и вовсе вышел из купе. Вернулся он нескоро, когда успела позабыть о вопросе и на время отрешилась от проблем. Книга действительно отвлекала, автор сумел закрутить сюжет, только допустил пару погрешностей. Как человек, тесно сотрудничавший с полицией, знала подноготную полицейских участков и любовь дежурных к бюрократии. А тут выписанный на коленке ордер — переделывать заставят по Форме 18БС. В остальном — хорошо, целых четыре подозреваемых и куча улик, которые только путают.

Лотеску плюхнулся на диван и лениво швырнул на стол газету. Странно, он выглядел умиротворенным, расслабленным, словно и не метал громы и молнии. Газета вечерняя — экспресс делал короткие остановки для пополнения запасов воды в тендере и продовольствия в ресторане. Расторопные кондукторы покупали свежую прессу для пассажиров первого класса и клали в салоне — том самом, где играли в бильярд. Любой мог бесплатно взять и почитать.

— Ну, что вы хотели спросить? — хассаби закинул ногу на ногу и снял диктино.

Коснувшись стола, чуть звякнул браслет.

Нахмурилась. Отчего-то не покидало ощущение, что начальник выпил. По виду не скажешь, но вот поведение... Ладно, не мое дело, не пахнет, не пристаёт и ладно. Пьяный Лотеску, к счастью, адекватен и интеллигентен, а еще разговорчив, чем и воспользуюсь.

Заложила нужное место и убрала книгу под подушку.

Засосало под ложечкой.

Как отнесется, не воспримет ли в штыки? С хассаби никогда не угадаешь, когда проснется горячая кровь, с другой стороны, другого случая не представится.

— Можно немного поговорить о деле? — поинтересовалась осторожно, пристально наблюдая за реакцией.

— Можно, — кивнул Лотеску и повесил пиджак на крючок.

Затем расстегнул верхние пуговицы рубашки. Понимаю, хочется расслабиться вырваться из делового доспеха. Я бы тоже с удовольствием переоделась в домашний костюм с поросятами — три очаровательных хрюшки на свободной кофте запускали воздушные шарик, — но нельзя. Он — начальник, я — подчиненная, разные права и обязанности.

— Хорошо, — замялась, не зная, с чего начать. Не ожидала столь быстрого согласия, приготовилась к борьбе. — Мы ищем одного или двоих? Алард и любитель молодого вина связаны?

— Связаны, — кивнул хассаби. — Видите ли, — он хрустнул пальцами, — Леонар Алард давно испытывает ко мне неприязнь. Вы не знаете, но некогда он занимал место первого зама. Разумеется, все подали под другой формулировкой, как ответственную работу. Ликвидаторы — ребята с характером, им доверяют опасное оружие, сами понимаете, что с ним можно натворить без контроля. Опять-таки работа не с гадалками и мастерами красоты, нужны крепкие нервы и быстрый ум. Словом, его перевели, а свободное место

занял приезжий.

— Вы, — догадалась я.

Лотеску родился на юге, но большую часть жизни провел вдали от родных мест: учился, строил карьеру. О родителях знаю мало, Идрис ишт Лотеску — архитектор, вполне мог переезжать из города в город за крупными заказами, хотя десять лет назад обосновался под Нэвилем. Сведения почерпнула из скупой архивной справки.

— Именно, — подтвердил начальник и задернул занавеску, чтобы не слепила луна и редкие огни железнодорожных станций. — Молодой, амбициозный, да еще «ишт».

Лотеску усмехнулся и провел пальцами по лбу. Нервничал. Отчего? Явно не из-за меня, успел сто раз проверить и перепроверить.

— Алард пакостил по-мелкому, потом затих, когда понял, что номер не пройдет. Так, на словах только. Но он труслив, — начальник презрительно поджал губы, — стоило показать характер, напомнить о субординации, успокаивался. Работал хорошо, увольнять не за что. Высочкой меня многие за глаза называли, пускай! Словом, не думал, что у Леонара нет ни совести, ни чести.

Слушала и обдумывала вырисовывающийся психологический портрет второго зама. В деле действительно имелся кто-то еще — катализатор.

— Алард вспыльчив? — рассуждала вслух. — Все высказывал сразу, не держал в себе.

— Не стеснясь в выражениях, за которые затем, давясь, извинялся. Основную мысль уловили, Магдалена, действительно, Леонар Алард при всей неприязни меньше всего подходил на роль шантажиста. Скоро выясним, куда он вляпался и что ему посулили, — Лотеску на мгновение сжал руку в кулак. — Именно сейчас, заметьте, когда я начал копать в банковских счетах.

— То есть шантажист объявился после запросов в столицу?

— Спустя три дня. Преступник забеспокоился, решил остановить. Сами понимаете, информация конфиденциальная, раз некто получил доступ к моей фамилии, он высокопоставленный чиновник, связанный с министерством.

Логично. А еще чиновник, имеющий большие связи, иначе как он столь быстро добыл компромат на Лотеску? Стоп, если сведения предоставил Алард...

— Хассаби, он на вас досье собирал!

Начальник нахмурился и вторично провел рукой по лбу.

— Выходит, — мрачно согласился он. — Вот завистливый гаденыш! Сидел, мысленно хихикал на совещаниях и лелеял мысль о мести. Можно подумать, я виноват в его карьерных неудачах!

— Виноваты, — напомнила о назначении вторым замом другого человека.

— Ой, — отмахнулся Лотеску, — только дурак бы повысил Аларда! Вспыльчивый, недалекий, куда ему со столицей общаться, с прессой? Манеры надо менять, избавляться от солдафонства. Я говорил, он успел посидеть в кресле первого зама и доказал непригодность Барашту. Вот с ликвидаторами у него ладилось, грубость на грубость.

Понятно. Не в начальнике дело, а в самом Аларде, только он никогда не признает недостатков. Да и хассаби мог лукавить, сгустить краски в свете недавних событий. Кому приятно, когда подчиненный лезет в личную жизнь и выставляет ее напоказ, чтобы получить чужое кресло. Бывшему второму заму, наверное, в тюрьме икалось от цветастых эпитетов Лотеску, или Аларда под домашний арест посадили?

— Хорошо, с мотивами понятно, но записки... Не сочтите за дерзость, но вы бы узнали почерк Аларда. Сколько служебных записок перечитали! — я ступила на скользкий лед. — А тут всего-то левой рукой, пером, но «завиток» тот же.

— Узнал бы, — хассаби не обиделся. Он пристально наблюдал за мной, особенно за жестами. М-да, я за ним, Лотеску за мной. Зверинец какой-то! — Денек на размышления, и тайна раскрыта. Собственно, в итоге вспомнил, часика три назад. Только, — начальник глумливо улыбнулся, — Алард написал всего одну записку, последнюю.

— То есть? — нахмурилась я.

Ничего не понимаю, а в мусорном ведре что? Или Лотеску все выдумал?

— Он их вырезал. Из газет. Для верности — в перчатках. Такие продают во многих магазинах, след обрывался. Кожа дешевая, явно покупал специально для гнусных дел.

Ну да, Алард не надел бы вещь плохого качества: не по статусу.

— А газеты?.. — можно же вычислить через разносчиков.

— Сам не покупал. Такие выписывают многие, опять же вы мне на стол кладете. Вот и Алард брал то с работы, то из дома. Таким образом, милая Магдалена, — он чуть наклонился ко мне и понизил голос, — я при всем желании не мог угадать, кто делал аппликации.

— Тогда почему Алард вдруг сменил тактику? — во мне проснулся вредный следователь.

— Намекаете на подставу? — приподнял бровь хассаби.

— Допускаю, — смягчила формулировку.

— Тогда, может, и Кэрл его не видел, когда развозил девчонок? — окрысился Лотеску.

Не любил он, когда шли поперек.

— Я не опровергаю, а всего лишь допускаю. — Как сложно балансировать на канате! — Слишком уж подозрительно.

— Отнюдь, — мотнул головой хассаби и вновь расслабился. — Кто бы ему купил газеты, если подружка пропала? Полиция иногда оперативна, прихватила дамочку. Самому, братъ из инспекции? Рискованно! Обрезки в мусорном ведре не спрячешь, да и в уборной могут всплыть. В буквальном смысле. Алард запаниковал, засуетился — вот результат. Его авторство доказано, Магдалена, — поставил он точку в сомнениях, — и перо, и бумага нашлись. С предыдущими записками тоже ясно — ножницы. У них зазубрина.

Глупо попасться на такой мелочи! Началось с неосторожной реплики, и дальше покатилося по наклонной.

— Хм, — почесала подбородок, — вы говорили, Алард связывался с двумя столичными чиновниками после дня рождения мэра. Слишком явно, не находите? Алард не клинический идиот, вряд ли забыл историю Итона ишт Невриса, которого подвел диктино. Да и не первый год он в инспекции работал, и где — с любителями «жучков».

— Предлагайте, — чуть приподнял голову Лотеску.

В глазах блеснул интерес; ощущала себя примадонной, которой жадно внимали сотни человек.

— Господин Ронсу, — назвала имя таинственного мага. — Он посредник, Алард поддерживал с ним связь, его код в диктино и ищите. Потом сличили бы с детализацией звонков подозреваемых, если такое возможно без скандала. Заодно я бы узнала, кому и какие услуги оказывал покойный. Может, документы и липовые, но он с ними жил, значит, не самовольно выкинул «ишт».

— Здравомыслите, — похвалил Лотеску. — Два ноль в вашу пользу за сегодня. Сначала кассы, теперь диктино Аларда. Был там повторяющийся код, записанный как «Дора». Может, она не любовница.

— И еще, — похоже, я добыю хассаби любопытством, — день рождения мэра. Положим, Ронсу провел Алард, но ведь он спокойно гулял по залам, не вызывая подозрений.

— Знакомая публика, — мигом сообразил начальник. — Вот и займитесь, спросите в секретариате мэра, не знаком ли им Ронсу. Тогда и вычислим главного преступника. Нам нужен тот, чьи распоряжения передавал покойный.

Хотя бы с шантажом покончили, уже хлеб. Оставалась государственная измена и махинации. Но о них поговорим потом — неумолимо клонило ко сну. Со всеми волнениями и обсуждениями деталей заболтались за полночь. Завтра в восемь утра остановка в Андре, не хотелось бы пропустить. Говорят, там вокзал красивый, да и поезд стоит целых три часа, можно прогуляться, полюбоваться стариной.

Прижавшись к стеклу, изучала плывущую перед глазами столицу. Поезд шел медленно, давая возможность рассмотреть окраины. Лотеску добродушно посмеивался за спиной, попутно разговаривая с кем-то по приватной связи. Сегодня он поднялся рано, когда проснулась, начальник уже потягивал кофе в вагоне-ресторане.

Большая часть ночи прошла без сна. Нет, не из-за дурных вестей или волнения, наоборот, Лотеску заверил, беспокоиться не о чем. Полагаю, дело в бесконечных звонках, которые закончились только вчера. Именно тогда, вечером, начальник превратился в прежнего балагура, чем нагло воспользовалась. В итоге сидела на своем диванчике, обхватив ноги руками, и, раскрыв рот, слушала рассказы о Штайте. Лотеску пытался сориентировать в столице, заранее предупреждал, куда соваться не следует, и где от поклонов голова отвалится. А потом впервые обмолвился, что потащит меня во дворец. Я надеялась на министерство.

— Все в порядке, Магдалена, — убеждал хассаби, — вы отлично держитесь в обществе.

— Ну да, — буркнула я, — бросите посреди министров и графов, выплывай, как хочешь.

Вот тебе и прием! Вырви ведьме глаз, кто же знал, что он не в Министерстве магии! Треклятые письма о сем факте умалчивали. Выходит, зря тревожила Алину, ее платья не подойдут. Может, они и красивые, но для дворца нужно нечто сногшибательное и безумно дорогое.

— Не брошу, — с улыбкой пообещал начальник. — Во всяком случае, без кавалера не оставлю. И там ничего сложного: вежливость, доброжелательность, умение держать язык за зубами. Заверяю, справитесь.

— Работа? — уточнила на всякий случай.

Мало ли какая-то проверка?

— Обычный прием, громко именуемый балом, — пожал плечами хассаби. Он покончил с делами и сосредоточил внимание на мне. — Можете смело пить.

— А я там зачем?

Лотеску понятно, он чиновник высшего класса, а я-то с моей судимостью? И это еще полбеды. Где взять то самое платье и драгоценности? С моими только напитки разносить. Пусть там натуральные камни, но во дворце ценят только бриллианты, и не скромные блескучки, а кричащие булыжники чистой воды.

— На приемы ходят с дамой или кавалером, в зависимости от того, лицу какого пола выписано приглашение, — как маленькой, втолковывал Лотеску. На коленях начальника лежал журнал. Яркие картинки манили, но я не решалась попросить. — Собственно, поэтому беру с собой.

— Идти с секретаршей! — скорчила мину. — Решат, будто у вас проблемы.

Хассаби от души рассмеялся.

— Не знаю, насколько у меня все плохо, но спутницу менять не собираюсь. Нечего в гостинице сидеть!

Ну да, вряд ли когда-нибудь я снова попаду во дворец. Лишь бы не опозориться! Учитывая происхождение и должность, на меня сразу начнут коситься, нужно проявить вдвое больше усилий, чтобы выжить в серпентарии.

Не расплачусь, не сбегу, пусть не надеются!

Хмыкнула и покосилась на начальника. Помнится, девять лет он назад тоже собирался выставить за дверь и позвать следующую соискательницу, отобранную службой кадров, но Магдалена ишт Мазера всегда придержит дверь ногой. Словом, справлюсь, если найду деньги. Без них никакая самоуверенность не поможет. В мире аристократов, увы, встречают по одежке.

Вспомнила выписку со счета и приуныла. Придется голодать. Ничего, подышу свежим воздухом, попью больше воды, говорят, она притупляет чувство голода. Заодно похудею.

Лотеску погрузился в чтение и, разумеется, не замечал моих молчаливых стенаний. Правильно, не его дело, предупреждал: возьми наряды, только не уточнил уровень мероприятия.

Мамочки, я увижу короля!

На миг накатила холодная волна, но я быстро уняла панику. Подумаешь, король. Больно ты ему интересна, хорошо, если из-за чужих спин увидишь.

Достала блокнот и произвела нехитрые подсчеты. Досадливо прикусила губу. Вырви ведьме глаз, в лимит не уложусь, на драгоценности не хватит. И даже душу заложить некому! Шайтан, такой шанс, сказка, и опять все портят деньги! Вот какого... так не везет в жизни? Если бы не любовь — всегда знала, романтические сказки кончаются большими разочарованиями, — трудилась бы в должности начальника отдела. Там совсем другое жалование, круг общения опять же. Но нет же, Магдаленочка на хассаби клюнула, красивые ухаживания, яхту. Угу, ты такая замечательная, красотка, не то, что богатые наследницы, как увидел, сразу влюбился. Дура! Прекрасно знала цену словам дворян — и попалась. Скажи спасибо полицейским, что не всплыла распухшим трупом по весне, раньше бы озеро никто не добрался. В итоге сидишь с загубленной карьерой и жалованием секретаря, на которое можно купить только оправу от бриллианта. Ладно, утрирую, учитывая подработку, доход неплохой, но нужен-то хороший.

— Совсем забыл десерт, — неожиданно ворвался в грустные мысли масляный голос Лотеску. Не видела, но знала: он самодовольно улыбался. — Я бы даже сказал, самый сладкий и желанный для женщины. Замечательные слова, после которых проходит головная боль.

Задумалась, по привычке жуя губу. Какие такие слова? Я тебя люблю? Бред, еще скажите, будто мне титул герцогини присвоили. Повышу зарплату? Хотелось бы, но кукиш тебе, и так потолок. Ладно, чего там еще сладкого? Скидки? Едва не покатила со смеху, представив переливающую рекламу: «Грандиозная распродажа для простолюдинов».

У меня мнимая головная боль и вовсе проходила от раскрытого дела, но вряд ли начальник собирался поручить очередное расследование. Или во дворец я попаду-таки не как гостя? Тогда наряд не потребует, сойдет платье Алины.

Лотеску терпеливо ждал, пока переберу в уме варианты, а потом с широкой улыбкой озвучил правильный:

— Плачу я.

Гулко сглотнула.

С какой такой радости? Благодарность за молчание? Так не нужно, любой порядочный человек поступил бы так же.

— Вы — что? — хрипло переспросила, не веря в сказку.

Предполагаемую причину аттракциона неслыханной щедрости озвучивать не стала: мало ли?

— Оплачиваю расходы, — терпеливо объяснил хассаби. — По-моему, честно.

Поджала губы и отвернулась.

Значит, таки взятка.

— Я согласилась помогать бесплатно. Благодарю, деньги мне не нужны.

Пусть я бедная, но каждый медный рхет заработала собственным трудом. Возьму кредит, должны дать, ужмусь и побалую себя бриллиантами.

— Не слышу энтузиазма.

Похоже, Лотеску ожидал бурной радости.

— С чего бы? — Обернулась и сложила руки на груди. Провокационно? Безусловно, но, когда кто-то задевал гордость начальника, он и вовсе выходил из себя, а тут всего лишь маленькая обида секретарши. — Вы только что меня оскорбили.

— Я? — ошеломленно выдохнул Лотеску и уставился как на редкий музейный экспонат.

Потом, судя по всему, догадался. Удивление медленно сползло с лица, уступив место угрюмости. Начальник убрал журнал, пару раз открыл рот, но промолчал. Когда мысленно решила: замнет, хассаби заговорил.

— Это не взятка и не подачка. Я хочу сделать подарок, или я не имею права, Магдалена?

От его взгляда стало не по себе, захотелось стать крошечной мышкой и затеряться под диваном, но, закаленная годами службы, не сдалась.

— Подарки делают женщинам в двух случаях. Который мой?

Воздух в купе стремительно накалялся, но требовалось прояснить все раз и навсегда.

— Третий, — вздохнул Лотеску. — Дружба, Магдалена. Ничего оскорбительного и низкого. Обещаю.

Последнее слово свинцом рухнуло на пол.

Не веря, вглядывалась в его лицо, а он — в мое.

Руки лежали на столе. На первый взгляд, расслабленные, на самом деле — напряженные.

Нервно коснулась волос. Пальцы сползли на колени.

— Эм, разве только по дружбе, — неубедительно промямлила, тушуясь под испытующим взглядом.

Что, шайтан, Лотеску хочет увидеть?

— Желание дамы — закон.

Голос потеплел, вернулась игривость, только смущение отчего-то усилилось. Я так не волновалась, когда впервые заночевала в паре метров от хассаби, видела его без рубашки. Красивый, действительно бегаёт по воскресеньям в парке — лежанием в постели живот не подтянешь.

— Словом, решено, — поставил точку Лотеску. — Осыпать драгоценностями не обещаю, но наряд куплю. От и до. В сумме не ограничиваю.

От сердца отлегло, разом отпустило. Если бы он обещал бриллианты, тогда бы не на шутку встревожилась, а так нормально.

— Вы чрезвычайно щедры к сотрудникам, хассаби, — кокетливо потупилась.

Напряжение лопнуло большим мыльным пузырем, в купе снова ворвались радостные краски дня.

— Только к некоторым, — с улыбкой поправил Лотеску и заботливо поинтересовался: — Ничего не забыли, все уложили? Почти прибыли.

Вещи собрала загодя, поэтому утвердительно кивнула. В голове крутилось бешенное: «У меня будет платье!» Как же мало нужно женщине для счастья!

Поезд замедлил ход до минимума.

За стеклом мелькали трубы фабрик, потянулись унылые серые стены складов — Штайт

начинался не с дворцов. И рельсы, много рельсов. Маневровые паровозы гоняли туда-сюда вагоны. Самый настоящий муравейник, сразу видно — столица.

Вновь прильнув к окну, наблюдала за столь знакомой и одновременно новой жизнью. Штайт во многом походил на Нэвил, но кое-чем отличался. К примеру, в главном городе области Вертавейн не строили семиэтажных домов, к вокзалу вело всего два пути, а не четыре, как в Штайте. Ну и переходы у нас не строили, перебегай рельсы, как хочешь.

Наконец показался вокзал. Ахнула при виде хрустальной крыши, игравшей на солнце всеми цветами радуги, и прикрыла рот рукой: неприлично.

Потянулись платформы. Их тоже оказалось много, насчитала двенадцать. Теперь понятно, отчего путей четыре: на два все поезда не соберешь, перед вокзалом образуется «пробка». Дебаркадеры соединялись крытыми навесными переходами, замеченными ранее над рельсами, только здесь их сделали изящнее и украсили витражами.

Экспресс плавно сбавлял ход. Его подали на первую платформу.

Во всю стену тянулось мозаичное панно с пейзажами Амбростена. Отыскала на нем Вертавейн и, преисполненная гордости, улыбнулась. По сравнению с соседними областями он выглядел солидно.

Бронзовыми буквами сверкала надпись: «Добро пожаловать в Штайт!» Рядом часы. Они показывали одиннадцать утра.

Народу — тьма, яблоку негде упасть. Шум стоял такой, себя не услышишь. Но вот выход для третьего класса остался позади, а вместе с ним — небывалая суета. Поезд полз дальше, к витражным дверям залов для пассажиров первого и второго класса. Тут уже не так многолюдно, и публика совсем другая. Поразительно чисто, ни соринки, ни окурка. Десятки носильщиков дежурят у стен, чтобы прийти на помощь пассажирам. Стену подпирают извозчики: хассаби на парчелах не ездят, пешком не ходят. Наверняка и окошко прокатной конторы имеется.

Паровоз выпустил облачко пара, вагоны резко дернулись и замерли. Заиграл гимн Амбростена, заставив вздрогнуть от неожиданности.

— Успокойтесь, так встречают экспрессы, — пояснил начальник. — Их всего пять. А теперь, — поторопил Лотеску, — вытаскивайте чемодан и давайте адрес гостиницы.

— Зачем?

Разве не я, как секретарь, должна заботиться о багаже и извозчике?

— Затем, — передразнил хассаби. — Дайте и все.

Пожала плечами и, порывшись в походном саквояже, протянула бумажку. Лотеску кивнул и убрал во внутренний карман. Потом осмотрелся, надел на руку диктино и достал чемодан. Видя, что я закопалась, вытащил и мой.

На дебаркадер ступила после начальника. Признаю, трусливо спряталась за его спину: Штайт давил своей мощью. Казалось, жила в Нэвиле, город немаленький, а в первые минуты обалдела от обрушившихся звуков и образов. Казалось, сделаешь шаг — собьют, задавят.

— Ничего, — ободряюще похлопал по плечу Лотеску, — в первый раз всегда теряешься, привыкнете. Сделайте глубокий вдох и вперед.

Он махнул рукой. Тут же подбежал носильщик и шустро погрузил вещи на тележку.

— Пойдемте, — начальник предложил руку.

Оторопела и подозрительно покосилась на спутника. С чего вдруг такая забота? Сначала платье, теперь — под локоток.

— Что-то не так? — прищурился Лотеску.

— Вам видней, — вернула фразу из поезда.

— Магдалена! — страдальчески вздохнул хассаби, едва глаза не закатил. Не стал, потому что дурной тон на людях. — Только скандала на перроне мне не хватало!

Фыркнула:

— Вот еще!

Взялась за дорогую ткань пиджака и, вертя головой, засеменяла рядом с Лотеску.

— Вечные капризы! — ворчал начальник, уверенно продвигаясь к выходу. — Увольняют — плохо. Относятся как к человеку — тоже. Что на вас нашло? Устали?

— Волнуюсь, — не погрешила против истины.

На самом деле, я была благодарна за крошечный доброжелательный жест. Видимо, Лотеску вспомнил, как в юности на него, провинциала, давила столица, и взялся опекать, хотя по правилам мне надлежало идти рядом, а то и позади. Зато так вернулась былая уверенность, более того, ощутила себя хассаби. Не присматривайся, никто бы не признал секретаршу, по всему выходило — жена. Наряд удачно дополнял выбранный образ, порадовалась, что тщательно его подбирала. Далеко не все дамы одеты так же изысканно: шляпка с вуалеткой, белая блуза, приталенный зеленый жакет и юбка к нему. Строго, ничего лишнего, зато можно смело подать руку для поцелуя какому-нибудь барону.

— Обвыклись, уже не скандалите? — ехидно шепнул на ухо начальник, еще больше усиливая видимость супругов.

— Признала ошибку.

И, помедлив, добавила:

— Спасибо.

Хассаби кивнул и придержал, чтобы не налетела на спешившего на перрон господина.

Вопреки ожиданиям, Лотеску не взял извозчика. Начальник хорошо знал Штайт и предпочел сесть за руль сам. По-моему, огнеомобиль для него — нечто большее, чем средство передвижения. Всего один звонок, и к вокзалу подогнали нужную модель. В прокате простым смертным выдавали потрепанные паромобили, а тут блестящая дорогая машина, игрушка для богатых родовитых мальчиков. И я к ней прилагаюсь. Совсем не против, между прочим, очень даже за. Если ездить, то только на таких, с кавалерами, у которых и карточка, и чековая книжка в кармане.

— Так, — закинув чемоданы в багажник синего огнеомобиля, Лотеску глянул на вмонтированные в диктино часы, — что тут у нас? Без четверти двенадцать. Ну, сразу в гостиницу, или показать вам, где чего? — Он вопросительно глянул на меня. — Сегодня свободный день, а завтра к девяти в министерство. И не вздумайте проспать! — грозно добавил хассаби.

Рассмеялась и покачала головой. Можно подумать, это я по утрам давлюсь завтраком! Даже пошутила на тему чужих проблем со временем.

— Прекрасно, — улыбнулся Лотеску и распахнул передо мной дверцу пассажирского сиденья, — значит, разбудите, если просплю. Считайте частью обязанностей.

— Разбужу как? — подозрительно уточнила я.

Хассаби намекает на грядущую совместную ночь или просто на звонок? В свете недавнего поведения ни в чем не уверена. Не обиделся на шуточки для равных, флиртует, деньгами швыряется.

— В дверь постучите. Лена, — он нахмурился, — что происходит?

Закусив губу, отвернулась и выпалила про нервы.

Дурацкое, конечно, предположение, у вас просто хорошие отношения, никакую женщину он в тебе не видит. К счастью, потому как иначе начнутся проблемы. У обоих.

Красивый, красивый мужик, умный, обходительный, свой, но любовницей не стану. Даже за бриллиантовое платье — большая жертва для Магдалены ишт Мазеры, обожающей деньги.

— Ну, гостиница или город?

Начальник оказался умнее, сделал вид, будто не понял.

С облегчением выдохнула и попросила показать Штайт. Должна же я знать, где тут магазины? И дело не только в платье, нужно купить подарки родным, не поймут, если не привезу сувениры.

— Хорошенькая поездка! — буркнул начальник и уселся на водительское сиденье. — То известия одно «приятнее» другого, то недомолвки. Давайте прекращать? Очень хочется хотя бы в Штайте выдохнуть.

— То есть мы не?..

А как же преступник?

— Не. Вам не запрещаю, только осторожнее, реки тут нет, не утопят — закопают.

Намек поняла: платья, прием и отчеты. Может, и правильно. Шантажист найден, а хищения и шпионаж не по части Карательной инспекции. Лотеску наверняка доложил, кому следует.

Памятуя о манере езды начальника, пристегнулась и приготовилась к знакомству со столицей.

Штайт превзошел самые смелые ожидания. Во-первых, широчайшие бульвары. Во-вторых, реклама. Сплошные голограммы! В Нэвиле тоже вешали, не удивишь, но вот проекций на стены жилых домов не встречала. Особенно эффектно смотрелось на глухих стенах шестиэтажек.

Парк не произвел впечатления, наш ничуть не хуже, зато богатые квадранты напомнили старую поговорку: в столице и деньги большие. Аристократы, чиновники высшего ранга, банкиры и промышленники облюбовали места, напоминавшие элитные поселки: закрытая территория, много зелени, беговые дорожки вдоль искусственных прудов. Коттеджи перемежались с аккуратными пятиэтажками с панорамными балконами. Представляю, сколько тут стоит квартира!

Видела деловую часть, самую старую в городе, университет, раскинувшийся на четыре квадранта, и, издали, комплекс королевского дворца. Словом, впечатлений хватило бы на несколько жизней. Я опьянела от увиденного и плохо соображала, когда мы, наконец, подъехали к гостинице. К огнемобиле тут же подскочили швейцар и носильщик. Лотеску дал короткие указания и, обойдя машину, помог выбраться.

Вертящиеся двери впустили в залитый светом вестибюль в минималистическом стиле. Однако простота обманчива, недаром «Чарлах» — один из самых фешенебельных столичных отелей. Стенные панели дороже иной квартиры. Стильное сочетание светлого и темного, много горизонтальных полос, создающих иллюзию бесконечной высоты. Под потолком — люстра, достойная дворца. Сейчас рожки не горят, но вечером она засияет.

Лотеску направился к стойке портье. Он улыбался столь усердно, что казалось, лицо свело в судороге. Белая рубашка, бардовая жилетная двойка, значок с именем, чтобы гость в случае необходимости мог пожаловаться администратору или, наоборот, похвалить.

Чемоданы катили позади нас на открытой латунной тележке. Необходимое расстояние соблюдено, носильщик не беспокоит гостей.

— Номер брони, пожалуйста, — обернулся ко мне Лотеску.

Кивнула и потянулась к саквоюжу.

— Позвольте.

Начальник забрал ежедневник, взглянул на шесть цифр и вернул обратно. Номер брони хассаби назвал без запинки, доказав, что, несмотря на высокую должность, сохранил профессиональные качества.

Портье за пару минут оформил поселение, выдал пластины от номеров и позвал коридорного, который повел нас к подъемнику. Лотеску жил на шестом этаже, я — на пятом. По словам портье, багаж доставят буквально через пару минут. Сервис!

Начальник попросил зайти сразу, как переоденусь, и оставить код местной связи.

Подъемник оказался обычным, только одну стену сделали зеркальной. Как всякая женщина, бросила взгляд на свое отражение и пригладила волосы.

Лотеску усмехнулся, но не стал комментировать.

— Не забудьте! — напомнил он, когда двери подъемника открылись.

Кивнула и попрощалась на час. Уфф, отдохну немного, сменю каблуки на удобную обувь и поднимусь за заданием.

Номер превзошел самые смелые ожидания: двухкомнатный, с огромной ванной. Представляю, как шикарно устроился начальник в люксе! Впрочем, сама скоро увижу. Порадовавшись, что воспользовалась разрешением и заказала номер классом выше, осваивала новые владения. Целая неделя шикарной жизни! Даже шампанского захотелось. Хм, а ведь мини-бар имеется, можно осуществить желаемое. Откупорила запотевшую бутылку и, пританцовывая с бокалом, заглянула в спальню. Там со смехом, едва не облившись шампанским, повалилась на кровать и чокнулась с невидимым другом.

Напиток приятным холодком пробежал по горлу, расплылся теплом в желудке.

Полежала немного и отправилась в ванную. Нужно настраиваться на деловой лад, завтра в министерство. Но, как ни пыталась, постоянно отвлекалась на разные мелочи, вроде тапочек с монограммой отеля или необычного вентиля. В итоге к Лотеску явилась через полчаса.

Номера люкс занимали верхний этаж, их еще называли видовыми. На весь отель всего шесть: пять обычных и один королевский. Амбициям Лотеску соответствовал последний, но я забронировала простой люкс.

К счастью, на шестой этаж пускали без дополнительных пропусков, зато кристаллы записывали каждое движение. Я насчитала десятков, а сколько еще спрятано в кадках с цветами и светильниках!

Медленно шла по ковровой дорожке, разглядывая гравюры на стенах. Они запечатлели столичные виды, как промышленные, так и природные. Но вот и нужная дверь. Постучалась, внезапно ощутив странную робость. Пора, пора бы привыкнуть к роскоши, но «ишт» накладывало отпечаток.

Я не узнала начальника в свободных спортивных брюках и яркой футболке с затейливым орнаментом на груди. Когда распахнулась дверь, хлопая глазами, замерла на пороге.

— Заходите! — Лотеску втолкнул внутрь и закрыл дверь. — Вы не привидение узрели.

— Просто вы без костюма...

Неловкая ситуация! Дома хассаби носил другое: серое, бежевое и уж точно не жаловал шаровары.

— В купе в обморок не грохнулись, а ведь там вообще рубашки не наблюдалось, — рассмеялся начальник и махнул рукой на внутреннюю дверь. Значит, мне туда. — Представьте, я тоже человек. Ладно, займемся делом. Чем быстрее закончим, тем лучше

обоим. Вам еще платье выбирать.

— А прием когда?

За дверью оказался кабинет — стандартный, казенный, на то и гостиница. Зато богато, даже ложный камин имеется. Изопроектор, кожаные кресла, книжный шкаф с десятком разношерстных томов, стол с выдвижными ящиками. Довершали картину зеленые шторы с ламбрекенами.

— В субботу.

Ага, за три дня до отъезда.

Времени действительно маловато. Платье — полбеды, нужны еще туфельки, украшения, белье. Пока все выберешь! А тут еще министерство, совещание, которое предстояло записывать. И если б только записывать — демонстрировать графики и таблицы. Ничего, справлюсь.

Поправила бант на блузке и деловито осведомилась:

— Распоряжения?

Строгая и сосредоточенная, я смотрелась странно рядом с хассаби в одежде для отдыха. Не хватало только сигары или коктейля, только начальник не курил и соломинки в рабочее время не жаловал.

— Стандартные, — пожал плечами Лотеску и кивнул на кресло: — Садитесь, так писать удобнее.

На кожаную обивку опустилась аккуратно, памятуя об ее особенностях. Обошлось без конфуза.

Хассаби отошел к окну, окинул взглядом город. Отсюда, из панорамных окон, он как на ладони. Семизэтажек поблизости нет, ощущаешь себя властелином мира. Можно и вовсе выйти на террасу с чашечкой кофе или бокалом вина.

Отогнала расслабляющие мысли. Все шампанское!

— Министерство, — по очереди перечислял начальник, опершись одной рукой о стол, а вторую заложив за пояс шаровар. — Что, где, когда, регистрация и прочие мелочи. Далее — Дворцовое ведомство. Протокол не меняется годами, но не хочу рисковать. Потом звонок в местную Карательную. Наберете, поговорю сам.

Нахмурилась.

Что за игры? Меры предосторожности? Хассаби наизусть коды коллег знает, во всяком случае, мне так казалось.

— Называться? — на всякий случай переспросила.

Лотеску глянул как на дурочку и протянул:

— Естес-с-ственно.

Ясно, по работе. А я-то надеялась... Ну да, личные вопросы решены, а государственные начальника не касаются.

— И еще, — хассаби на мгновение замялся. — Нужно съездить в банк. Не за деньгами. Придется заплатить, поручение деликатное.

— Кого подкупить? — невежливо перебила.

Зачем толочь воду в ступе, если и так понятно, а исполнительница согласна.

— Подкупить — это статья, вы оплатите услуги. Раз уж влезли в лодку, — начальник кинул многозначительный взгляд, — то поработайте связной. Сами понимаете, мне в банке лучше не появляться.

Значит, соврал, не забыл о заказчике погибшего Ронсу.

— Только, Магдалена, никакой самодеятельности! — жестко предупредил Лотеску. — Вы все прочитаете, обещаю. А теперь, — губы тронула едва заметная улыбка, — приступайте. Поездку в банк оставим на десерт.

О, он хорошо успел меня изучить, вот и теперь выбрал верный стимул.

Остановившись на углу, наблюдала за дверьми центрального отделения Имперского банка. Конверт с пустым чеком спрятала на груди. Очевидно, Лотеску завел специальный счет для сомнительных операций, только не на свое имя. Начальник не дурак, а после дела Аларда не станет «светить» свой почерк. Может, счет и безличный, зато «петли» и штрихи способны выдать владельца.

Собственно, я изучала витрину ювелирного магазина вовсе не из робости, страха или интереса к бриллиантам — в нем отражался вход в банк. Многочисленные полицейские паромобили однозначно намекали: соваться не стоит.

Кажется, вынесли носилки.

Поправила волосы и походкой от бедра направилась к кольцу угрюмых стражей порядка. Рука нащупала в сумочке карточку. Хорошо, что я ее захватила, и несказанно повезло, что стала клиенткой именно Имперского банка! Теперь смогу, не вызывая подозрений, послушать, изобразить бедолагу, которая хотела снять деньги со счета. Интуиция подсказывала, Лотеску пожелает узнать подробности не из официальных источников. Безусловно, случаются совпадения, но сначала фальшивомонетчик, потом проститутка, маг — в живых из всех, связанных с Сорнеем, остался только Алард и то не факт. И под домашним арестом можно не дожидаться суда, не к ночи помянутый Тайрон умел открывать порталы. Сомневаюсь, будто бывший второй зам сумел модифицировать защитные чары, а с обычными, пусть даже дорогими, маг с потенциалом ниже двойки справится. Чародей уровня Лотеску тоже сумеет проникнуть в квартиру, пусть не порталом, через дверь или окно, но важен результат. Словом, на месте преступника я не пожалела бы денег и устранила потенциального свидетеля, как работника банка. Может, у трупов имя на лбу не написано, но ботинки из-под простыни торчат — значит, мужчина. Повторюсь, все смертны, однако один из сотрудников Имперского банка чуть более других.

Выбрав цель — самого молодого, поэтому неопытного полицейского, направилась к нему, умело лавируя в толпе. Зевак хватало, движение на улице застопорилось, никакие увещевания водителей не помогли освободить дорогу.

В дверях банка застыли два важных господина. Один, лысый, постоянно промакивал лоб платком. Видимо, руководство. Ну да, такое чрезвычайное происшествие!

Проскользнув между двумя паромобилиями, остановилась рядом с госпитальной машиной. Длинная, белая, она издали бросалась в глаза. На сплошном, как у грузовиков, борту значилось название медицинского учреждения: Штайтский городской госпиталь. Понятно, везут в самый дешевый, где бесплатно принимали рабочих. Добровольно туда никто не сунется, разве только без документов на улице подберут, во всяком случае, Нэвильский городской госпиталь именно такой. Но трупу все равно, где его вскроют, а полицейские традиционно сотрудничают с муниципальными врачами.

Плотный краснолицый санитар как раз закрывал дверцы, и я сумела разглядеть погибшего. Действительно мужчина, средних лет, борода — все, как говорил Лотеску. Надеюсь, начальник ему не звонил, а то стереть код уже некому.

— Эй, дамочка, сюда нельзя!

На плечо легла тяжелая рука, и меня самым грубым образом оттащили от госпитального паромобилия.

Водитель, ругнувшись, крутанул стартер. Заурчал мотор, выбросив облачко пара, и машина укатила, увозя с собой тело незадачливого информатора.

Обернулась к полицейскому и сразу поняла: тут только наглость, дурочка не прокатит. Вместо юного паренька передо мной стоял его начальник. Бляха сообщала, что он дорос до чина старшего инспектора. Отсюда манеры: прищуренный высокомерный взгляд, привычка жевать табак.

— Я тебе не дамочка. — Раз — удар по наглой руке. — Или проблем захотел?

На прежней должности часто приходилось хамить, грудью пробивать путь в дома, а уж сколько полицейских поминали Магдалену ишт Мазеру недобрым словом! Чувствую, в списке прибыло.

Так, берем на понт. Он не знает, что я обычная секретарша, главное, не позволять брать в руки документы.

— Карательная инспекция! — город упустим.

Вытащила из сумки удостоверение с голограммой и помахала им перед ошалевшим от подобной наглости инспектором. На лице — высшая форма презрения, словно могу одним щелчком пальцев уволить весь участок.

— Что случилось? — деловито осмотрелась и шагнула к крыльцу.

Нужно попасть внутрь, узнать подробности. Лучше от коллег убитого: они за языком следить не стану.

Не там, не там ты работаешь, Магдалена, сыск по тебе плачет. Только вот, зная полицейскую кухню, предпочитаю варить кофе, а не дышать пылью в крошечном кабинете. На огнемобиле там явно никто не катает, на жалование новое платье не купишь. Зато требуют! И уважения никакого, Карательная звучит весомее. Что поделаться, тщеславна. Когда изо дня в день видишь только стружку, да проходящие мимо поезда, поневоле захочешь вырваться. В университете желание стать богатой и успешной только окрепло. За мной никто не стоял, сама поступила и думала, думала, думала... В итоге больше не снимаю угол в рабочем квартале и не ношу платья с воротником по горло.

— Дело вне вашей компетенции, — отчеканил инспектор.

Чтоб тебя!

Имя шайтана рвалось с губ, но я сдержалась и насильно растянула губы в улыбке. Ладно, придется действовать иначе.

— Откуда такая уверенность, уважаемый?

Вроде, официально, а, вроде, и нет. Главное, не переиграть.

Полицейский молчал. Вопрос явно поставил его в тупик. Замечательно!

— Вы препятствуете следствию, — продолжала напирать, на время забыв об улыбке, — Поступил сигнал, я обязана его отработать. Отрядите двух сопровождающих и за работу! После кофе мне. Две ложки сахара, можно без молока. И комнату, где я бы могла поговорить с начальством без посторонних ушей.

Сработало! Наглость любые города берет.

Миновав полицейский кордон, поравнялась с важными мужчинами в костюмах. План не родился, но ничего, иногда импровизация лучше тщательной подготовки. Жизнь — штука непредсказуемая. Тот же Алард, под него копали, а он обманул людей Синглера, нанес удар первым.

Резко затормозила, переменившись в лице.

«Он *настолько* мне обязан», досье на второго зама...

Буркнув слова извинения — чуть задела плечом одного из банкиров, юркнула к стене и судорожно нащупала диктино.

Сколько, сколько хассаби успел ему рассказать и, главное, что? Не Алард ведь подсказал, каким маршрутом поедет Лотеску, не Алард позволил самому себе шантажировать начальника — и еще куча разных мелочей, которые вели к Синглеру. Служба безопасности Карательной инспекции работала четко, слишком четко, чтобы дать сбой.

Глубоко вздохнула.

Парцилен. Надеюсь, хотя бы не Синглер застрелил фальшивомонетчика и сбросил тело мага с моста. Кому, как не такому человеку, знать о методах расследования? Вот и замел следы, мы торкались, копались в подбрасываемых подозреваемых.

Выслушав, начальник резюмировал:

— Паранойя, Магдалена, уже проходили.

— Не доверяйте ему! — встревоженно шипела я, косясь на полицейских. — Тут еще один труп!

— Ладно, — неохотно согласился Лотеску, — положим, первые выводы логичны, уже назначил проверку, но остальное — бред.

— Одного вы уже проворонили, — мстительно напомнила об Аларде.

Хассаби молчал. Ясно представила, как он ерошит волосы на затылке.

— Выбирайтесь оттуда, — наконец мрачно приказал начальник. — Вы тоже смертны.

Вздохнула и покачала головой. Лотеску плохо меня знает, если думает, что отступлю. Во-первых, и так слишком много знаю, опасный свидетель, во-вторых, начальнику больше некому доверять. Я очень хорошо помню, какие чувства испытывает загнанный зверь. Вот и хассаби начал больше пить, дерганый, нервный, а ведь это только начало. Нет, одному нельзя: сойдешь с ума.

— Ясно, — Лотеску таки успел хорошо изучить, раз усмехался. — Тогда выпытайте, сколько сможете, мне там появляться нельзя. И, пожалуйста, не лезьте на рожон, — уже мягче, встревоженно попросил он.

— Конечно, — улыбнулась, хотя Лотеску не мог видеть, нет в моем диктино визуального режима. Приватного тоже, поэтому на свой страх и риск шептала. — Для завтрашнего все готово, спокойно работайте.

Убрала диктино и все с той же глуповатой улыбкой обернулась к банкирам. К счастью, они не ушли, видимо, полицейские не отпускали. Главное, перехватить раньше старшего инспектора. Вот он, уже идет, сверлит взглядом исподлобья. Эффект неожиданности закончился, сейчас меня попросят вон.

— Здравствуйте! — определила главного и шагнула к нему, протянув руку. — Приятно познакомиться. Введете в курс дела?

Мужчина в серо-голубом пиджаке нахмурился и переглянулся со спутником. Руки не пожал. Ладно, не больно-то хотелось.

— Послушайте, — а это уже инспектор подоспел, — покиньте место преступления.

— Уже обсуждали! — рыкнула через плечо. — Глава Карательной уже в курсе, — всегда говори правду, просто не договаривай, — вас ждут бо-о-ольшие неприятности, если и впредь станете мешать.

Похоже, Роджер Лаур — персона со скверным характером, раз полицейский переменялся в лице и, ворча, удалился.

Банковские служащие тоже стали любезнее. Владелец серо-голубого костюма велел заместителю отвести меня туда, где нашли господина Леера. Зафиксировала имя в памяти, вдруг пригодится.

Лысенкий полноватый банкир провел к подъемнику в центре холла, оформленного в серых тонах. Все оборудовано по последнему слову магических технологий — центральный филиал обязан соответствовать. Те же стеклянные стены подъемника, до Нэвиля подобные новинки пока не дошли. А жаль, сколько бы преступлений раскрыли. Пока поднимались, вертела головой, выскивая кристаллы. Направлен ли какой-нибудь из них на подъемник? Если да, злодей попался.

Вышли на третьем этаже, попав в узкий коридор со множеством дверей. На одних висели

таблички, другие остались безмянными. Приложив к одной из таких дверей карточку с голограммой, мой спутник шагнул в большое помещение, на поверку оказавшееся хранилищем. Повсюду ячейки, запирающиеся на кодовый замок. Несколько открыты, но в них не драгоценности — документы. Судя по всему, сведения о клиентах.

Очередной фрагмент мозаики сложился. Господин Леер собирался продать Лотеску сведения о счетах, которыми пользовался преступник, но не успел. Раз начальник планировал отдать кругленькую сумму, было за что. Идеальные преступления встречаются только в книгах, в реальности всегда найдется зацепка.

Интересно, преступник успел уничтожить компромат, или он еще тут, в хранилище?

Мысленно скрестила пальцы.

Пусть в убийстве окажется замешана магия! Если бедолагу, скажем, закололи, придется уйти: подобные вещи вне компетенции Карательной инспекции.

Господин Леер лежал на полу, лицом вниз. Одна рука выставлена вперед и сжимает пропуск. Может, под ладонью еще что-то, пока не видно. Следов крови нет, значит, мой случай.

— Тут ничего не трогали? — с важным видом осведомилась у банкира.

Твердят, негоже женщинам ходить с большой сумочкой, только скажите, где несчастной носить кошелек, диктино, детоскоп и иные необходимые в повседневной жизни вещи? Декольте — вещь хорошая, при достаточной сноровке заменит карман, но у меня не десятый размер, а по дневному времени платья с вырезом до пупа не носят. Поэтому сумка и еще раз сумка, обычная, секретарская, через плечо. Специально покупала такую, чтобы помещалась папка с документами. Для поездок — саквояж, аккуратный и прочный.

Словом, боевой комплект со мной, не придется кусать губы.

— Ничего, — вздохнул мужчина и отполировал лысину носовым платком.

— Тогда благодарю за содействие. Работа кропотливая, прошу обождать за дверью.

Деловито положила сумку на один из выдвинутых ящичков, вызвав недовольную гримасу банкира, и вытащила детоскоп. Жаль, в помещении нет стола, придется писать на коленке.

— У вас нет доступа к секретной информации, — мужчина обвел рукой ячейки.

— У вас тоже, — парировал я. — Или предъявите удостоверение сотрудника Ведомства магии? — Лысый мотнул головой. — Тогда покиньте помещение. Можете запереть, только оставьте код диктино. Напоминаю, препятствие работе служащих Карательной инспекции карается...

— Ладно, — не выдержал банкир, — сморите! Только, — мстительно предупредил он, — при выходе вас обыщут, всю конфиденциальную информацию изымут. И, — гаденькая улыбочка, — жду завизированное начальством распоряжение об осмотре сегодня же.

— Получите, — я умею лгать, не моргнув глазом.

Лишь бы только с местной Карательной не связался!

Банкир ушел. Действительно запер и вручил визитку. Ладно, правила безопасности нужно соблюдать, понадеемся на удачу. Обычно она ко мне благоволила.

Огляделась, прошлась между полками хранилища. В какой же ячейке? Логичнее осмотреть открытые, только сомневаюсь, будто преступник — идиот. Да и господин Леер не в последний момент сведения искал, загодя все подготовил. Он занимался рутинной работой, когда некто подкрался сзади и... Вот с «и» начинаются вопросы, хотя нет, они возникли со слова «некто». Банк — не проходной двор, посетителей не пускают выше второго этажа, чтобы двери открылись на третьем, нужно приложить карточку к считывающему прямоугольнику, иначе подъемник никуда не поедет. После тоже без

пропуска не обойтись. Опять же рискованно: незнакомое лицо в служебном помещении непременно привлечет внимание. И как, спрашивается, преступник скрылся? В помещении одна дверь, три из четырех стенок подъемника стеклянные, холл хорошо просматривается. Ладно, выясню.

Склонилась над погибшим и пощупала запястье. Тело еще не успело остыть. Я не врачеватель, но господина Леера убили от силы два часа назад.

Вздохнув, включила детоскоп. Усилителя магического потенциала нет, попробую без него. Может, там и вовсе импульс парцилена.

Накаркала!

Со вздохом уставилась на место вхождения импульса. Прибор показывал его точно — затылок. Выстрел всего один: убийца — профессионал. Казалось бы, выключай детоскоп и звони толстяку, оказавшемуся начальником отдела безопасности, но я не торопилась.

Чары таки нашлись.

Нет, преступник не открывал порталов, следов не обнаружила, а мелким колдовством промышлял. То ли иллюзию накинул, чтобы сойти за человека с чужой карты допуска, то ли уничтожал документы. Перерисую, разберусь, Лотеску подключу. Не некромантия и хвала небесам!

Экранация заклинания четкая, подчистить следы преступник не успел. Почерк ясный — загляденье!

Ага, не первый уровень потенциала, не дорос. Третий, знакомый до зубовного скрежета: тот же тип наследил на местах прошлых преступлений. И попался именно здесь.

Рассмеялась и покачала головой.

Не думал, что я приду, не думал, что возьму детоскоп, а напрасно!

Заскрипел карандаш. Линии ложись споро, одна цепочка за другой. Нисходящий алеф, удвоение на усилителях — старалась ничего не упустить. Сегодня расшифровать не успею, займусь завтра после министерства. Хассаби получит описание для детальной голограммы. Он знает большинство подозреваемых, может, сразу назовет имя.

Тревожило, что преступник занимал высокую должность, имел связи, раз без труда раздобыл пропуск, а, может, сделал его сам. На такое способна верхушка Карательной инспекции, ведомства и Министерства магии, ну и сотрудники отделов безопасности данных учреждений. Надеюсь, не Синглер поспособствовал. Он не маг, но систему доступа в подобные учреждения знал досконально.

Пока возилась с почерком убийцы, зарисовывала структуру заклинания, успела рассмотреть убитого. Типичный банковский клерк — аккуратный костюмчик, белая рубашка, стриженные виски, гладкие щеки, стандартный ненавязчивый парфюм. Лицо... Лицо как лицо. Труп не ворочала, видела только часть, но сомневаюсь, будто писанный красавец. Молодой еще, жалко. Такие как раз жаждут денег.

Закончив с господином, еще раз обошла хранилище: вдруг что-то пропустила? Памятуя о том, что самое интересное прячется в углах, опустилась на колени. Юбка мешала, но я упрямо заглянула во все укромные уголки и вытащила-таки из-под стеллажа обрывок некоего документа. Сначала хотела сунуть его в сумку, но, вспомнив предупреждение лысого, раздумала. М-да, и с блокнотом, похоже, возникнут проблемы. С другой стороны, нельзя выносить чужое, а мои записи не собственность банка.

Расправила лист и вчиталась. Счета, операции, фамилии, даты. Информации много, боюсь, не запомню, придется прятать. Сомневаюсь, будто бумага просто так залетела под шкаф, она явно из нужного ящика.

Задумалась.

В декольте нельзя, в сумочку нельзя. В других вещах тоже не спрячешь: сканер покажет. Придется изворачиваться.

Аккуратно скомкала лист, заготовив шарик подходящего размера, и сжала в кулаке, чтобы не потерять. В сумочку убирать не стала: в самый ответственный момент забудется куда-нибудь, а времени на поиски начальник службы безопасности не даст.

Больше ничего интересного на полу не нашла, одна пыль. Зато догадалась, какое заклинание применил преступник. В хранилище нет уничтожителя бумаг, контроль на выходе строгий, а документы требовалось ликвидировать. Как, спрашивается? Правильно, применив дематериализацию.

Ладно, а банке мне больше делать нечего, пора в гостиницу. Лотеску, наверное, вернулся, даже если нет, работа найдется. Завтра сложный день, нужно столько всего перепроверить.

Убрала вещи в сумку, проверила, не потеряла ли бумажку, и набрала код лысого. Тот обещал подойти через пару минут.

Так, вроде, полиции не помешала, труп не трогала. Теперь бы только выйти и ценную информацию вынести!

Расслышав характерный щелчок, сунула шарик за щеку, превратившись в хомяка. Главное, не волноваться, иначе бумага размокнет.

— Ну, пойдете!

Банкир зыркнул глазами, но ничего интересного не нашел. Судя по всему, в местную Карательную он не звонил. Замечательно, судьба, я тебя обожаю!

Кивнула, с важным видом забрала сумку и последовала за лысым. Он свое обещание сдержал, проверил вещи, прогнал через «рамку». Она, разумеется, ничего не выявила. Видимо, никому прежде не приходило в голову прятать бумаги во рту, поэтому «рамку» сделали по горло. Она представляла собой передвижной экран на колесиках. Заводишь за него человека, включаешь и видно, что у него под одеждой. Увы, пикантных карточек не сделаешь — показывается не тело, а предметы. Скажем, кольца, цепочки, белье. Последнее, конечно, личное, но ради безопасности можно потерпеть. Я и вовсе обновила гардероб после замечания Лотеску. Никогда бы не подумала, что верно определить размер и выгодно подчеркнуть грудь поможет мужчина. Словом, стесняться нечего, только гордиться.

«Рамкой» не ограничились, проверили серьги. Не вмонтированы ли в них кристаллы? Волосы не трогали: в распущенных ничего не пронесешь, вывалятся.

К величайшему сожалению начальника службы охраны благополучно выбралась на улицу. Разумеется, блокнот вызвал законные подозрения, но ведь там нет конфиденциальных банковских документов. Раз так, имею право.

Ума не приложу, как умудрилась скандалить с бумагой за щекой! Безграничны человеческие возможности.

И все же странно, такой человек и не проверил, работаю ли в Карательной. Не верю! То ли не успел, замучили полицейские, то ли кто-то подыграл. Только как? Понимаю, у Лотеску связи, он многое может, но телепатией не владеет. Я ведь не дурочка, не распространялась без приватной связи о деталях.

Выйдя из банка, поискала «слепую» зону и вытащила бумажку. Она перекочевала в кошелек — самое надежное место.

Решив не искушать судьбу, взяла извозчика.

Полицейские еще не уехали, но беспрепятственно пропустили. До гостиницы тоже добралась без приключений, правда, Лотеску не застала. Он оставил у портье записку с рабочими указаниями, пришлось временно отложить расследование и заняться рутинной.

Министерские коридоры нагоняли тоску, а их обитатели, казалось, не замечали никого, кроме начальства. А еще тут было нестерпимо душно.

Затянутая в строгий серый костюм, словно в футляр, с папкой подмышкой чеканила шаг

рядом с Лотеску. За окном пыhalo жаром солнце, но протокол не допускал вольностей, предписывал терпеть неудобства. Спасибо, блузку с короткими рукавами разрешалось надеть. Ну, как короткими — плечо полностью прикрыто, ни намекa на сексуальность.

Ненавижу чулки летом! Вот в чем минус секретарской работы: обычные сотрудники порхают с босыми ногами, ты паришься в шелковом капкане. А ведь я надела самые тонкие. Тут подстерегала еще одна проблема — «стрелки». На всякий пожарный положила в сумочку запасную пару, но надеялась на лучшее.

Перед поездкой успела переброситься с Лотеску парой слов. Он забрал записи и мятый лист, обещал посмотреть. Вроде, у него какие-то подозрения, новые сведения, хочет проверить. Я хотела бы прямо сейчас, но начальник устал — разговор велся вчера вечером — и мечтал о тишине и покое, а не бойкой секретарше и описаниях преступника.

Но от одного вопроса таки не удержалась:

— Вы помогли, хассаби?

— С чем? — Лотеску развалился на диване.

Судя по виду, он действительно весь день мотался по делам, а не развлекался.

— С банком.

— Ну... — усмешка выдалась слишком красноречивой.

— Заранее предусмотрели или «жучок» прилепили?

Оставила папку с документами на завтра в кабинете и вернулась в гостиную.

— Первое. Я за вами не слежу, хотя, — хассаби резко сел и потянулся за пультом изопроектора, — в связи с обстоятельствами, ради вашей безопасности...

— Все так плохо? — нахмурилась я.

— Возможно, — уклончиво ответил Лотеску и включил прибор. — Хотите, — кивок на изопроектор, — сами узнайте. Устраивайтесь рядом, любительница частного сыска, вместе отчет послушаем. Вы тут мне охрану предлагали... — он помолчал; пальцы замерли на переключателе режимов. — Лучше сами не ходите одна.

Сердце пропустило удар.

Неужели?.. Да ну, бред, не осмелится преступник убить нас!

— Осторожно, Лена, очень прошу, — начальник смотрел прямо в глаза, рука накрыла мою, положила себе на колено. — Особенно после банка. Он догадается и постарается отомстить перед безвоздушной камерой: терять-то нечего.

— А вы? — голос чуть подрагивал. — Почему?..

— Потому, — иногда объяснения хассаби отличались предельной лаконичностью. — В мусорное ведро в свободную минуту загляните.

Дернулась, чтобы проверить прямо сейчас, но Лотеску удержал, ухватил за талию и силой оставил сидеть на диване.

Сладковатый парфюм щекотал нос, тепло ладоней проникало сквозь блузку. Я не двигалась, хотя очень хотелось повернуть голову, взглянуть в лицо начальнику.

Он отпустил сам. Стало прохладно, хотя солнце успело прогреть номер за день. В воздухе повисло прежнее чувство неловкости, как до этого в гостиной Лотеску и коридоре поезда.

Между нами полметра, но мнилось, Лотеску гораздо ближе. Я ощущала его дыхание: частое, прерывистое. Нет, никакой страсти, она другая, тут страх. И боится он за меня, стремится удержать, защитить.

— Что там? — где, уточнять не стала.

— Обещание.

— Одно слово?

Липкий страх прошиб потом, словно я вновь в своей квартире, читаю послание некроманта. «Пожалеешь».

— Три. Ладно, Магдалена, хватит! — встрепенулся Лотеску и нащупал брошенный пульт. — Займемся делом. Напоминаю, меня нужно разбудить в восемь и ни минутой позже.

— А раньше можно?

Из головы не шла записка. Если она встревожила хассаби, там не пустая ерунда.

— Можно, — милостиво разрешил начальник, — в пределах разумного.

Послание я потом откопала и собрала из кусочков: Лотеску в сердцах его порвал. «Готовься. Она тоже». М-да, веселая записка! Сунула в карман, решив при случае поговорить со специалистами. Чем хорош дорогой отель, так это техникой. После министерских мытарств свяжусь с нашими, покажу по визуальному режиму. Оригинал прихвачу в Нэвиль, если, конечно, начальник не отдаст местным умельцам.

Беседа по изопроектору выдалась сухой. Лотеску задавал вопросы, Лукас ишт Блэр, его первый заместитель, отвечал. Блэр поднялся из аналитиков, прежде работал начальником отдела. Ничего дурного сказать не могла: вежливый, немногословный. Всегда все вовремя — идеальный работник. Правда, иногда спорил с начальником, когда тот, по его мнению, не видел очевидного, но всегда аргументировал свою позицию. Внешне — типичный западник, чистокровный нэвилец. Открытое лицо, белокожий сероглазый шатен. Мы пересекались только по работе.

Думала, сию для массовки — оказалось, нет, хассаби поручил ишт Блэру важное задание. И нашел ведь предлог! Ронсу наследил на месте убийства фальшивомонетчика, документы подозрительные, а имелась ли у него лицензия, если да, кто выдал? И завертелось под видом расследования халатности чиновников.

Господин Ронсу действительно никогда не получал дворянства, более того, родился под другой фамилией — ишт Вар. Под ней он бегал по столичным дворам, пока не поступил в университет. Тут внезапно юноше разонравилась фамилия, и будущий маг сменил ее на Ронсу.

— Так сразу? А куда подевалось «ишт»? — Лотеску постукивал пальцем по диктино, не в силах скрыть волнение.

Ну да, понимаю, некоторые мучаются, наверх пробиваются, а тут сын матери-одиночки раз — и в дамках. Что он мог совершить в восемнадцать лет, именно тогда появился Ронсу, чтобы выслужиться до личного дворянина?

— Липовый указ, — ишт Блэр оправдал авансы и основательно покопался. — Тогда проверять не стали, но в дворянских списках Ронсу не значится. Бумагу обещали переслать.

Начальник кивнул и подмигнул. Похоже, у него родилась идея. У меня тоже. Не знакомы ли Краус и Ронсу с тех пор? Тогда бы все сошлось. Не стал бы фальшивомонетчик работать со случайными людьми, встречаться с ними абы где.

Неплохо бы расспросить Лотеску о темных делишках Ронсу. Помнится, хассаби обмолвился, что ловил его, но у мага нашелся покровитель в столичной Карательной. Информатор и подручный — это почти одно и то же.

В любом случае, присмотрелась бы к Роджеру Лауру. Сомневаюсь, будто он недавно узнал о грядущей потере должности, наверняка разговоры о приемнике слышал. Вот и решил опозорить Лотеску, заставить забыть о своих преступлениях, чтобы задержаться на посту. Там, глядишь, своего ставленника протолкнул бы, плюс обезопасился от

обвинений хассаби. Кто поверит тому, у кого рыльце в пушку?

Оставался Синглер. Он мог согласиться помочь за повышение, скажем, перевод в столицу. При его работе тесно общаешься с коллегами, сболтнул как-то о мечте, взяли в оборот. А уж если Синглер еще и обязанным Лотеску себя чувствует... Нет ничего хуже, чем мужчина с долгом на шее, он его ненавидит и жаждет скорее избавиться.

Не стала делиться соображениями, отложила до завтра. Если станем копать в прошлом, провозимся до утра, а в министерство нужно приехать свежими.

И вот я в мрачном здании посреди столицы, спешу за Лотеску и гадаю, устроит ли министра наш отчет. Речь вызубрила хорошо. Совещания приучили барабанить слова, не задумываясь над смыслом. Вопросы? Право слово, министр не станет задавать их секретарю! За деталями — к начальнику. А так покажу, запишу, помогу чай разлить, бояться нечего.

Чтобы поднять настроение, строила глазки встречным мужчинам. Лотеску хмурился, но молчал. Интересно, он как начальник или моралист не одобряет? А сам приветливо улыбается дамам, один раз даже остановился, чтобы пощebetать с красоткой из Ведомства магии.

Все же, как на душе после вчерашнего полегчало! Ну труп, ну угрозы, зато убийца — вот он, за ниточки держим, осталось имя записать.

Вырви ведьме глаз, не позволю портить себе настроение гадкими бумажками! Пора расслабиться, а то командировка напоминает задание повышенной сложности. Впереди прием, покупка платья — куча удовольствий. Из совещания в министерстве тоже можно извлечь выгоду. Например, знакомство с новыми людьми.

— О, уже прибыли? — к нам подбежала девушка в синем костюме. — Министр ждет вас, прошу.

Незнакомка повернулась, намертво приковав взгляд Лотеску. Я тоже оценила пятую точку секретаря министра. Либо девушка хитрит и носит юбку на размер меньше, либо у нее действительно попа как орех. Сама бы такую потрогала. Чувствую, Лотеску не упустит. Как хорошо, что мы не в поезде! Пришлось бы «курить» в коридоре или выполнять никому ненужную работу, пока начальник наслаждается природными дарами. А, может, и не природными — мастера красоты и не такое могут, производители белья тоже.

Потом зайти в купе, заметить смятую постель... Брр! Предпочитаю не видеть ни процесса, ни последствий, лучше цветы новой пассии пошлю.

Мысленно хмыкнула.

Только из-за любви к женщинам едва не пострадал, как уже к другой тянет. Ничему мужчин жизнь не учит!

Блондинка, виляя попой, привела по коридору к высоким металлическим дверям. Она нажала на кнопку, и они отъехали в сторону, открыв проход в огромный зал.

Полукругом выстроились ряды кресел, в торце возвышался президиум на двадцать мест. Сбоку от импровизированной сцены — пульт управления разной техникой. Изопрокторов целых три, помимо них мониторы, генераторы голограмм.

Блондинка уверенно цокала к президиуму. Там уже сидели четверо, еще двое беседовали у окна.

Женщины-чиновницы выглядели сногшибательно. На их фоне мой костюм казался мышиной шкуркой. А еще говорят, будто руководители — скучные старомодные люди!

— Папку! — не оборачиваясь, шепнул Лотеску.

Вложила в руку искомое. Сжала и разжала пальцы, чтобы через минуту расплыться в улыбке и раскланяться с министром и главами других Карательных инспекций. Реверанс делать не стала: не на приеме, а на совещании. Сама удостоилась скупого кивка.

Секретарь — птица мелкая, подай-принеси.

Лотеску показал, где сесть: третий стул с левого края.

Сцепив руки под столом, мысленно повторяла речь и косилась на министра. Так вот он какой! Прежде видеть не доводилось, секретарей напрямую с министрами не соединяют. В летах, но не старый, без седины. Широкоплечий, гладко выбритый блондин, от которого пахло деньгами. На руке — перстень-печатка. Говорит негромко, но властно. Остальные мужчины впечатления не произвели, разве только секретарь шатенки, как поняла, главы Карательной инспекции восточной области. Он так улыбался, до ямочек на щеках. Невольно улыбнулась в ответ и поправила прическу. Пряжка из пучка выбилась, и, вообще, носик бы припудрить.

— Магдалена! — суровым шепотом положил конец флирту сидевший рядом Лотеску и скорчил недовольную мину.

Пожала плечами, и взглядом извинилась перед шатеном. Ничего, потом обменяемся кодами диктино. В кой-то веки меня заинтересовал мужчина. Поздравляю, Лена, прогресс, излечилась от Тайрона Эламару.

Лотеску тяжело вздохнул, словно мученик инквизиции, и написал в блокноте: «Это рабочее совещание, а не клуб знакомств». Интересно! Чем ему так не понравилось мое неформальное общение? Совещание не началось, мы молчали. Помедлив, написала ответ: «Одно не исключает другого, я вам не мешаю, хассаби». Подтолкнула блокнот к начальнику, ожидая реакции. Тот хмыкнул и поставил три знака вопроса рядом с моей фразой.

«Ну, вы ведь так переживаете».

«Самую малость. Могу спросить, как его зовут. Или сразу адрес и счет в банке?»

Закусив губу, обдумывала заманчивое предложение, но озвучить ответ не успела: заиграли гимн. Вместе с остальными встала и изобразила благоговение перед голограммой его величества Сонмекса.

Взгляд поневоле возвращался к блокноту. Как бы подколоть?

Шайтан, обожаю наши игры! А раз Лотеску снова в них упражняется, преступника вычислил.

Чуть ли не первой плюхнулась на место и быстро застрочила: «Узнайте, сделайте милость».

«Взамен?»

Глядя на Лотеску и не скажешь, чем он занят. Глава нэвильской Карательной — сама серьезность, делает пометки в блокноте, а не участвует в дружеской пикировке с секретарем.

«Моя благодарность будет столь велика...»

«Что-нибудь материальное. Знаю я вашу благодарность! Статистика. Мы вторые на очереди».

Кивнула и отыскала в папке нужные бумаги: не начальнику же рыться?

«Душа устроит?»

«И что прикажете с ней делать? Первая буква „э“».

Мы в угадайку играем? Хорошо, как хотите, сбросим напряжение. Вчера хассаби выглядел не лучшим образом, пусть хоть сегодня распрямит внутреннюю пружину.

«Так вы знаете?»

«Знаю, конечно. В кой-то веки вы хоть кем-то прельстились! Рад. Надеюсь, доклад столь же чудесен, как ваше остроумие. Иначе, Магдалена, не только душу заберу, но и телу».

устрою „веселую“ жизнь».

«Не беспокойтесь, не подведу».

Министр долго и нудно вещал об итогах полугодия, а я мысленно перебирала мужские имена. Эрик? Энтони? Эшли?

«Хассаби!»

Не хватало только жалостливого взгляда.

«Обойдетесь! Надо проявить мужскую солидарность и спасти бедолагу. Вы еще тот подарочек, лучше работайте. Или по ночам не спитесь?»

Министр перешел к планам на следующее полугодие. Постаралась сконцентрироваться на его словах, меня тоже касается.

Ну начальник! Сидит с каменным лицом, а сам такое пишет! Как бы осторожно намекнуть, что моя личная жизнь его не касается?

«Спасибо, хассаби, но я сама разберусь. Посмотрите третью страницу: я ее чуть переделала».

«Простите, Магдалена, мне действительно не следовало. Вы правы. Имя молодого человека — Эдгар ишт Хавас. Тема закрыта».

Надо же, уступил, а ведь обычно идет до конца.

Едва заметно улыбнулась и написала: «Я не сержусь. Начальник всегда прав».

Чем плохи эти игры — не замечаешь, когда переходишь грань дозволенного.

Сосредоточилась на работе, благо подошла наша очередь. Направилась к изопроектору, налаживать аппаратуру.

Лотеску встал, официально поздоровался с присутствующими. Он дает указания, я выполняю.

Сначала вступительная часть. Отбарабанила ее и перешла к конкретике, за которую отвечал хассаби. Замелькали графики раскрываемости, статистика преступлений и прочая скупая информация, за которой стояли тяжелые трудовые будни Карательной инспекции. Лотеску ровным голосом пояснял изображения, комментировал голограммы.

Нашей работой остались довольны, хотя оценили на «удовлетворительно».

Дальше пришел черед одной из женщин-начальниц. С удивлением услышала в фамилии «ишт». Неужели не дворянка? То-то она держалась в стороне от остальных! Зато одета лучше многих аристократов. Беднягу распекали за крупное магическое мошенничество. Женщина держалась достойно, не оправдывалась и уверенно заверила: все будет исправлено в кратчайшие сроки.

Стоявший у пульта Эдгар подмигнул мне. Отвечать не стала: неудобно после переписки с Лотеску.

Отчеты сменило обсуждение концепции борьбы с магической преступностью. Я терпеливо конспектировала, тайком сжеживая в ладонь зевки. Совещание затягивалось и обещало погрузить в летаргический сон. Жутко хотелось кофе, но встать нельзя.

Прежде мне не доводилось участвовать в подобных мероприятиях. В столицу ездил Барашт, а принявший после него дела Лотеску отчитался за месяц по визуальной связи. Знала бы, в Нэвиле осталась. Скучища смертная!

Час дня. Народ, давно пора проветриться и выпить кофе!

То ли мысли материальны, то ли выдержка министра таки дала брешь, но он наконец объявил долгожданный перерыв. Я вместе с другими секретарями поспешила накрывать стол в соседнем помещении. Эдгар мгновенно оказался рядом, помогая молоть кофе.

— Твой тоже чай не пьет? — он покосился на пакет с зернами.

Кивнула и потянулась за чашкой. Времени мало, нужно успеть.

«Мой».

Мысленно хмыкнула. Кое-кто сегодня играл в собственника. Подумать только, Эмиль Лотеску, как низко вы пали! Или Эдгар прячет парочку секретов?

Искоса глянула на мужчину, который сноровисто утрамбовывал молотый кофе в пищевой накопитель. Не мужская это работа, наводит на мысли. На любителя себе подобных Эдгар не похож, значит, интересуется женщинами. Начальницей? М-да, может, Лотеску действительно хотел предупредить? Положим, мы частенько перебрасываемся пикантными фразочками, но сегодня он столь явно выражал недовольство моим флиртом, на миг показалось — ревнует. Теперь, поразмыслив, решила приглядеться к новому знакомому.

Эмиль Лотеску не романтик, сомневаюсь, будто он вообще когда-то влюбится. Женится на знатной богатой наследнице, продолжит гулять, сменит не одно руководящее кресло. Я, надеюсь, тоже чего-то добьюсь до сорока. Лет через пять подумаю о ребенке. Найду какого-то Эдгара, забеременею. Лишь бы к тому времени денег скопить, дети — удовольствие дорогое. А брак... Уже пробовала заводить женихов и по расчету, и по любви, результат один и тот же. Ну их!

— В первый раз в столице? Прежде я вас не видел.

— А вы частенько здесь?

Помучавшись, запихнула кофе в накопитель и нажала кнопку. На работе все по старинке, а тут последнее слово техники.

— В пятый раз. — Ага, засиделся в приемной. — Так как?

— Вы угадали, в первый. Жуткий муравейник! — пожаловалась я. — Боюсь, если выйду одна из гостиницы, потеряюсь.

Рассмеялась и с намеком посмотрела на Эдгара. Я тебе повод для свидания даю, догадайся! Заодно пойму, стоит ли тратить время. Все же должность секретаря специфическая, почетно занимать ее при министре, а тут в основном кофе, письма.

Эдгар намек понял, предложил показать Штайт. Разумеется, согласилась.

— Твой не рассердится? — неожиданно поинтересовался новый приятель, укладывая щипцами кусочки сахара на блюдце. — Мне показалось, ему не понравилось мое внимание.

Пожала плечами.

— Пусть сердится, я не его любовница.

И шепотом уточнила:

— Что, действительно сердился?

Ну начальник, каждый день сюрпризы! Что мне с ними делать-то?

— Ага, — живо отозвался Эдгар. — Такой взгляд бросил! Знаешь, этакую смесь презрения и угрозы. Мое, мол.

Отшутилась и задумалась. Положим, наши отношения давно вышли за рамки рабочих, не раз ловила себя на мысли, что походим то ли на супругов, то ли любовников, но воспринимала как игру. Нужно аккуратно поговорить с хассаби, выяснить его намерения.

Может, Эдгар все выдумал? В конце концов, Лотеску ни разу не звал в постель. С другой стороны, чувствовала: что-то не так. Только вот «не так» меня полностью устраивало, в том и проблема.

Ладно, давай рассуждать логически. Он с тобой спал? Спал. Ну, и какой интерес представляет тридцатилетняя судимая девица без связей и денег для амбициозного начальника? Покувыркаться месяцок? Так ты не королева красоты, да и спать, с кем работаешь, — верх пошлости и идиотизма. Лотеску не завел интрижки ни с одним секретарем, а с тобой вдруг? Угу, щас! Вот и успокойся.

Подхватив поднос с чашкой и бисквитами, поспешила в зал. Сначала еда начальству, потом можно перекусить самой, в той же буфетной.

Увлеченный беседой с коллегами Лотеску кивнул и, казалось, не заметил бы, упави рядом звезда.

Романтическая версия с треском провалилась. Вот он, Эдгар, рядом, подмигивает, а начальник не смотрит. Неинтересно ему — тут руку на отсечение даю, повадки хассаби изучила.

Эдгар оказался забавным малым, начитанным, но немного заносчивым. Сразу видно, избалован женским вниманием. С его слов, он отличный организатор, чуть ли не лучший личный помощник в городе. Эдгар не скупился на похвалы себе, подробно рассказывал, как спасал совещания, помогал выйти из щекотливых ситуаций. Слушала, слушала и нанесла удар под дых, поведав о прежней должности. Так, сама не желая, превратилась в самого уважаемого человека в комнате.

О причинах смены должности ответила полуправду: «Хассаби Лотеску очень просил, я теперь на полторы ставки». На мою беду одна из секретарей с улыбкой змеи брякнула:

— Разве вас не судили?

В буфетной повисло тягостное молчание. Все взгляды устремились на меня.

С гордо поднятой головой перешла в наступление:

— Мое имя есть в списке осужденных? Потрудитесь проверить, милочка, а не выдавайте желаемое за действительное.

Я не позволю вытирать о себя ноги только потому, что приглянулся Эдгар. Так себе мужчина, как выяснилось, но для пары свиданий сойдет.

— Но как же дело Тайрона Эламару? — не унималась настырная блондинка.

Ага, так и есть, крутит прядку волос возле уха и тайком улыбается Эдгару. Да не претендую я на него, милая, не строю планов на детей, общий дом. Раскрой глаза, с Эдгаром хорошо веселиться, не более.

— Обвинения сняты. Или вы собрались спорить с правосудием, полагаете, оно ошиблось?

Развернулась к блондинке всем корпусом и сложила руки на груди. Она мгновенно стусевалась и сбежала, а я с легкой грустью подумала, как быстро забывают друг друга люди. Ничего не кольнуло при имени Тайрона, а ведь он меня любил. Как мог. И я тоже. Может, даже больше. Прошел год, и я забыла.

Глотнула кофе, заела воспоминания бисквитом и улыбнулась Эдгару.

Все проходит, ничего не длится вечно.

Вот зачем проводить совещание в таком огромном зале? Сомневаюсь, будто служащие министерства не умеют читать, все равно отчеты подошьют в папки и раздадут. Но нет, их мурыжили в душном помещении, пока главы Карательных инспекций делились успехами и неудачами. Впрочем, мне остаток совещания показался не таким нудным. Может, из-за записок?

План выявления лжемагов вызывал у Лотеску желание его прокомментировать. В блокноте начали появляться записи, порой обидные для докладчика. Начальник не жаловал министра и откровенно надсмехался над его методами работы. Я сначала помалкивала, но потом не выдержала. Как-никак прежде Магдалена ишт Мазера примеряла должность начальника отдела.

Затем пришел черед Эдгара. Он, пытаясь понравиться еще больше, сыпал остротами и умудрялся передавать записки под носом своего и чужого начальства. Обдумывая ответные шутки, благополучно дожидая до пяти вечера, когда совещание, наконец, закончилось.

Поинтересовалась у Лотеску насчет вечера.

— Хотя что-то записали? — значит, заметил, чем занималась в последние два часа.

Вместо ответа показала конспект совещания.

Начальник одобрительно кивнул и милостиво отпустил:

— Хорошо, вы свободны. На свидание идете?

Лотеску покосился на Эдгара. Он деловито собирал папки.

— Хотела совместить с покупкой платья.

— Простите, карточку не дам. Завтра свезу в магазин. Только давайте без переносов, мне не хочется под вас подстраиваться.

Только выдержка помогла не хлопать ртом, как рыба. Хассаби собрался таскаться со мной, выбирать тряпки?

— Эм, хассаби, лучше переведите деньги на карточку.

— Стесняетесь?

Никак не могла понять, что таилось в его глазах. Спокойный тон, каким спрашивают о сводке погоды, но взгляд... Может, у меня снова галлюцинации, но за одним вопросом скрывалось сразу два.

— Нет, просто...

Огляделась по сторонам и осторожно тронула Лотеску за рукав, побуждая отойти в сторону: слишком много посторонних ушей. Начальник извинился, попрощался и спустился с президиума. Руку подал — помнил о крутых ступеньках.

— Я не хочу, чтобы вы опозорились, — ответ поразил. — Видите ли, Магдалена, королевский прием не допускает ошибок.

— Думаете, куплю уродство? — стало немного досадно.

— Я этого не говорил, — попытался сгладить неловкость Лотеску. — Словом, у меня вкус лучше, не обижайтесь.

Пришлось смириться с самым странным походом по магазинам в моей жизни.

— Магдалена!

Голос начальника заставил встрепенуться. Проведя рукой по лбу, с трудом сообразила, где я. Ага, гостиница. Судя по ощущениям, ночь прошла весело. В мятой одежде, наверняка с поплывшей косметикой, ночью только туфли скинула. Лежу поперек кровати. Ладно, хотя бы в своем номере. А на часах... Шайтан!

Подскочила и тут же плюхнулась обратно, позорно уронив голову на подушку. У, похмелье!

Стоп, я не разбудила хассаби, он меня убьет или, хуже, уволит. Умереть как-нибудь смогу сама, а вот найти новую работу — вряд ли.

— Госпожа ишт Мазера!

Пошарила по кровати в поисках диктино. Он случайно включился, раз слышу голос Лотеску.

— Сейчас. Еще минутку! — голос звучал жалко.

Треклетый прибор никак не находился. Куда же я его дела?

Стукнула дверь, послышался шум воды. Кажется, за стеной. Кто-то пробрался в мою ванную. Встать бы, прогнать наглеца, но сил нет.

— Так, — меня приподняли и, удерживая за плечи, приложили мокрое полотенце ко лбу, — что вчера пили? Мешали?

Шайтан трижды!

Хотелось завить и побиться головой о стену, все равно хуже не станет.

Лотеску однажды видел меня пьяную, но вот в таком состоянии — никогда, жалком, противном и совершенно неприемлемом. И когда — посреди рабочей командировки!

— Не увольняйте меня! Пожалуйста! — пискнула, отчаянно борясь с «пилами» перед глазами.

— Пожалуйста, — с готовностью согласился начальник и подхватил на руки. — Только вот в министерстве ждут через полчаса, поэтому экстренные меры. Вы ползете в душ и обещаете не утонуть, я приготовлю одно средство.

— Куда я такая?

Бегло оценила внешний вид в зеркале и пришла к выводу: покойники краше.

— Раньше нужно было думать, — мстительно заявил хассаби и, открыв ногой дверь, усадил на вертящийся табурет.

Подумав, Лотеску снял с крючка халат и полотенца, кинул на бортик душевой кабины.

— Вещи где?

— Хассаби!

Залилась краской при мысли, что он начнет копать в чемодане.

— Лена, вы всерьез, — он особо выделил это слово, — думаете, будто способны одеться сами?

— Как-нибудь! — огрызнулась в ответ. — Может, у меня похмелье, но вы мой начальник, а не любовник.

— Не претендую, — отмахнулся Лотеску и сложил руки на груди. — Лена, давайте без глупостей! Я не собираюсь заменять камеристку, всего лишь сэкономлю время и найду

подходящий наряд. Мы опоздаем, тут иллюзий не строю, давайте хотя бы выглядеть прилично. В этом, — он ткнул пальцем в мой мятый костюм, — в министерство не пустят. Косметику смойте, поедете без макияжа.

— Но...

Вот спасибо! То есть все красавицы, а я уродина?

— Магдалена, не испытывайте моего терпения! — нахмурился хассаби. — И чтобы в последний раз! — пригрозил он и скрылся за дверью.

Заперлась на щеколду и повернула вентили.

Вода сделала свое дело, сразу стало легче. Понежившись немного под теплыми струями, влезла в махровый халат и выглянула в спальню. На кровати валялся «боевой комплект» на сегодня. Лотеску стеснительностью не отличался, не забыл о нижнем белье. Не стала устраивать скандал и, как могла с трясущимися пальцами, принялась одеваться.

Когда воевала с блузкой, в дверь деликатно постучали. Уронив девичью честь на пол, разрешила войти и, пнув лежачую гордость, попросила помочь. У бюстгальтера два крючка, а тут — десять пуговиц, непосильная задача.

Хассаби вздохнул и поставил на стол стакан с бурой мутной жидкостью. Окинул взглядом, оценивая масштаб катастрофы, и скомандовал:

— Встали!

Покачиваясь, подчинилась, по очереди засунула ноги в юбку. Коротко визгнула молния. Лотеску застегнул не до конца, чтобы потом заправить блузку. С ней он справился быстро, вопреки стереотипам о неумении мужчин одеть женщину, правда, свои действия сопровождал нелестными характеристиками и нравочениями.

— Все.

Начальник без тени смущения задрал юбку и одернул блузку.

Зато я стояла красная как рак.

— Ну, чем недовольны? — В руки сунули стакан. — Зажали нос и выпили залпом.

Средство от похмелья показалось живым огнем. Закашлявшись, не сразу смогла дышать, зато в голове прояснилось, только тремор рук остался.

Нахлынула вторая волна стыда. Не зная, куда девать глаза, пробормотала слова извинений, по памяти озвучила программу на сегодня. Как Лотеску, наверное, противно! Тот самый случай, когда женщина в нижнем белье не вызывает желания. Сама себя презирала.

— Причешитесь. И успокойтесь, никому не скажу. Однако не ожидал! От благоразумной женщины! — укоризненно покачал головой начальник и указал на часы: время.

Пару раз прошлась щеткой по волосам и заметалась по комнате, собирая сумку. В спешке чуть не забыла обуться.

— Новости способны воспринимать?

В коридор вышли чинно, словно ничего не случилось.

— Еще раз простите, хассаби.

— Да уже простил! — раздраженно отмахнулся Лотеску. — Еще одно слово — штраф вкачу. Надоело!

— Вы замечательный! — слова вырвались против воли.

Действительно, другой бы наорал и выставил без выходного пособия.

— Стараюсь, — усмехнулся хассаби и вызвал подъемник. — Как, мир перед глазами уже не плывет после знакомства с некоторыми? — ехидно добавил он, когда двери раскрылись, и мы временно оказались отрезаны от внешнего мира.

Нахмурилась.

Знакомства? Опять Эдгар?

Поведение Лотеску начинало настораживать, вызывало агрессивное неприятие. Он не муж и не отец, так какого лезет проверять постель? Хотелось все высказать, но ограничилась вежливым:

— Хассаби, моя личная жизнь...

И тут договорить не позволил!

— Вы определитесь: личную жизнь устраиваете или карьеру? Если первое, то на сколько месяцев?

Измученно захлопала глазами. Это как понимать?

— Брошенные женщины закатывают истерики, — пояснил начальник. — Да и вы не дура, прекрасно понимаете, что за человек Эдгар ишт Хавас. Начальники тоже иногда жалуются на подчиненных, вот и госпожа Лукреция устала от скандалов в приемной. Все с девицами. Именно поэтому я вмешался. Ваша судьба меня чуточку волнует.

Молчала, обдумывая слова хассаби. Действительно, Эдгар показался легкомысленным, но чтобы так? Вот тебе и безупречный работник!

— А что вы говорили обо мне?

Смотрела прямо в глаза, чтобы уловить ложь. Однако, похоже, Лотеску не оговаривал потенциального конкурента: ни один мускул не дрогнул. Значит, таки не ревность.

— Только хорошее, ишт Мазера. Вперед! — начальник подтолкнул к выходу. — Отстанете, добирайтесь до министерства сами.

Заторопилась, старательно сохраняя равновесие на высоких, положенных по протоколу, каблуках.

Лотеску подождал, придержал двери и, сжалившись, подвел к огнемобиле. Его подогнали расторопные служащие.

— Спасибо! — шепнула, когда щелкнул ремень безопасности, и напомнила о том, с чего началось злополучное утро: — Какие новости, хассаби?

— Про кофе не забудьте, черный и очень крепкий, — начальник дал очередной совет по борьбе с похмельем. — Если можете, перекусите. Первые полчаса обойдусь без вас.

— А как же ваш кофе?

Любое совещание по традиции начиналось с крепкого напитка.

— Без вас сварят. Словом, в десять блистать и сиять. Час продержитесь? — хассаби метнул на меня пристальный взгляд.

Кивнула.

У секретарей сегодня короткий день, после высшее начальство совещалось с глаза на глаз. Собственно, теоретически Лотеску мог и вовсе обойтись без меня, но начальник не любил менять привычки, доверять бумаги и изопроектор чужим людям.

Огнемобиль несся по столичным улицам, постепенно набирая скорость. Лотеску не изменил манере вождения, благо Штайт знал, как свои пять пальцев. Создавалось впечатление, будто он и не уезжал.

— Итак, новости, — хассаби говорил, не отрывая взгляда от дороги. — Вы напрасно

подозревали Синглера, зато ваши догадки с вокзалом и пансионом оправдались.

Лотеску выдержал эффектную паузу и таки поделился информацией:

— Наш гость приехал столичным экспрессом. Ему оплатили первый класс, наводит на мысли, правда? В Нэвиле Ронсу остановился в затрапезном пансионе, зато с отдельным входом для гостей. Тоже занято, верно?

— Еще как! — кивнула, догадавшись, куда клонит начальник. — Сомневаюсь, будто у заказчика вдруг резко кончились деньги.

— Совершенно верно, — кивнул хассаби. — Может, догадаетесь, когда пришел экспресс и где находится пансион?

Эх, водички бы! И клещи, чтобы вытаскивать сведения из довольно ухмыляющегося начальника. Интересно, он по слову в час выдавать собирается?

— Полагаю, поезд столичный, Ронсу прибыл аккурат ко дню рождения мэра.

Лотеску довольно кивнул.

Собственно, догадаться несложно. Невиданная щедрость крылась в нежелании сорвать сделку с послом. Мало ли Ронсу опоздал бы или заартачился, что ему шампанское в купе не подали, и сорвался план. А пансион наверняка близко от жилища фальшивомонетчика, чтобы удобнее бегать.

Не угадала.

Расплывшись в широкой улыбке, Лотеску сообщил:

— Помните, куда вы жаждали устроиться? Я вам еще запретил.

Напрягла память и хмыкнула:

— Не взяли бы, там иные параметры красоты.

— Шутки шутками, зато теперь ясно, как Ронсу умудрился так быстро подготовить эффектную смерть девицы: жил рядом с борделем. А вы, — короткий укоризненный взгляд, — меня обвиняли. Там добежать — две минуты, а уж доехать... Неподалеку кафе, где они с блондинкой встречались. Ее опознали по портативной голограмме, а ведь паршивец, — на лицо начальника набежала тень, — рассчитывал на обезображенный труп. Да, Магдалена, — закивал хассаби, — Ронсу мне двойную подлянку готовил. Как на суде бы смотрелось! Связь девицы с магом не докажешь, хозяева увеселительных заведений изобразительных карточек сотрудниц не делают, а мои слова — обычная ложь.

М-да, Лотеску пришлось бы туго. Ему приписали бы не только убийство, но и желание скрыть улики.

— Хассаби, — спросила наугад, — а в комнате Ронсу не нашли образцов вашего почерка?

Начальник вздрогнул; в глазах промелькнула тревога. Испугалась: как-никак, он за рулем, но огнемобиль не вильнул, руки не дрогнули. Интересно, какой у начальника водительский стаж.

— Полагаете, всплывут? — хассаби умел держать себя в руках.

— Значит, были? — ответила вопросом на вопрос.

— Да, — глухо подтвердил Лотеску. — Я уже понял, насколько все паршиво.

— Какие? — не унималась я.

Огнемобиль набирал ход — начальник столь нехитрым способом избавлялся от злости. Только, если так пойдет дальше, кто-то пострадает.

— Хассаби, вокруг люди, — напомнила очевидное. — Вам в камеру хочется?

Промолчал, но услышал, чуть сбавил скорость. И вовремя: едва не воткнулись в грузовой паромобиль. Лотеску в последний момент вывернул руль.

— Служебная записка.

— А?

В ушах все еще свистел ветер, сердце бешено стучало. Еще бы мгновение!..

— У него нашли служебную записку с моей резолюцией.

Медленно кивнула и продолжила пытаться изрядно нервничавшего начальника. Хоть притормозил, а то убьет обоих!

— Больше ничего? Например, фальшивых писем убитой.

— Если успел сделать, всплывут позже. Шайтан!

Огнемобиль резко вильнул и свернул направо. Покачнувшись, едва не рассталась с сумкой.

Скорей бы закончилась эта гонка!

— А нечего по публичным домам ходить, хассаби! — зло прокомментировала я.

— Молчите уж! — окрысился Лотеску.

И то верно, человек ничего такого не совершил, подумаешь, проявил фантазию за собственные деньги, за что его травить?

— Еще не поздно, — неумело попыталась ободрить затравленного зверя. — Если Ронсу никому не передал, то отправил по почте, тогда еще есть шанс.

Лотеску покачал головой.

— Слишком много времени прошло, скоро всплывет. Ждите в газетах.

— Так уже, — напомнила о мерзкой нэвильской статье.

— Это? — рассмеялся начальник. — Цветочки! Поздравляю, госпожа ишт Мазера, вы едете с потрошителем.

Он поджал губы и перевел взгляд на дорогу.

— Итак, Ронсу. — Как Лотеску умел концентрироваться! — Мы допросили прислугу. Интересные к нему заходили гости, очень интересные.

— Откуда известно о непричастности Синглера?

Может, именно начальник службы безопасности передал магу служебную записку, хассаби ведь не сказал, чья она.

Откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Тело мотало из стороны в сторону, если бы не ремень безопасности, давно бы разбила голову или вылетела из огнемобилья.

— Тройная проверка. После Аларда собственной службе безопасности не верю.

— У вас знакомые там, — указала куда-то в небо, — есть?

— Имеются, — равнодушно подтвердил начальник, словно речь шла о рабочей мелочи. — Должность приносит не только уважение, наращивайте связи, Магдалена. К слову, уже надумали, чем займетесь?

— А? — не поняла я.

— Я уеду из Нэвиля, а вы останетесь в приемной? — судя по тону, Лотеску в подобный расклад не верил. — Ничего определенного пока не слышал.

Задумалась, даже открыла глаза.

Дома слились в разноцветные пятна. Огнемобиль закладывал крутые виражи, не забывая притормаживать, пропуская пешеходов.

Мельком глянула на часы на приборной панели. Цифры прыгали, но, похоже, опоздание сведется к пяти минутам. Ну да, памятью о гонке до вокзала, не удивлена.

Однако забористую дрянь приготовил хассаби! Мерзкий привкус до сих пор стоял во рту, но с каждой минутой все лучше и лучше, а ведь в гостинице с трудом переставляла ноги.

— Попробую устроиться в мэрию или в Ведомство магии. Хотелось бы вернуться к прежней специализации, — призналась в сокровенном.

— Так я и думал, — кивнул Лотеску. — Можете собирать вещи.

— Берете с собой? — от смешанной с удивлением радости едва не прокусила язык.

— Обещал ведь, — дернул плечом начальник. — Рекомендации, советы, а дальше все дороги открыты. Нянькой не стану, за ручку не отведу. Безусловно, если боитесь, место секретаря вакантно, мы неплохо сработались, — хмыкнул он.

Не стала спорить и мягко напомнила:

— Ронсу.

О Синглере поговорим позже, узнаю, с чего вдруг такая железная уверенность.

— Ронсу не единственный владелец фальшивых документов. К сожалению, пока не скажу, кто именно притворялся Роджером ишт Милсом, снявшим номер в «Единороге», а затем благополучно покинувшим Нэвиль на поезде, но скоро выясним. Он точно работает в столичной Карательной.

— Почему? — брякнула я, заерзав на сиденье. — И кто такой ишт Милс? Как он связан с Ронсу?

— Дора.

— Кто, простите? — нахмурилась, припоминая, где раньше слышала это имя.

— Дора, — повторил начальник, вырывая на нужный проспект. — Запись в диктино Ронсу. Никакая не женщина, а очень даже мужчина, который однажды наведялся в пансион. Свой диктино он выбросил в мусорное ведро. Расчет сработал: прислуга прикарманила, только ребята из Управления безопасности умеют надавить на нужные точки.

— Вы привлекли Управление безопасности? — чуть слышно пробормотала я. — Но... Они же не станут!

— Станут, — осклабился Лотеску. — Меня нельзя злить, я и под землей достану. Всего один звонок и правильная формулировка вопроса. Речь о государственной измене, после недавней записки я точно молчать не стану.

Поежилась. Воистину за южным обаянием скрываются острые зубы! Но только так можно пробраться наверх, и только таких продвигают по службе, заносят в списки кандидатов на высшие посты королевства.

— И куда звонил ишт Милс?

— Давал распоряжения: что забрать у ишт Крауса, на каких условиях помогать послу. Разумеется, не прямым текстом, но шифровка стандартная, применяется только в нашей среде. Расшифровал сам и быстро. Я ведь, — укоризненный взгляд, — не по клубам шлялся, а работал.

Напряглась в ожидании.

— Чего? — начальник опять играл на нервах. — Фамилии подозреваемых назвать? Все те

же.

— Но голос...

— Изменил он голос, приспособления имеются. По-вашему, руководитель той же столичной Карательной — идиот?

Вряд ли.

— Так, значит, хассаби Лаур?

— Ничего не «значит»! — рявкнул Лотеску, теряя терпение. — Слишком просто! Пусть иногда очевидное — самое верное, тут иной случай. С другими фактами не сходится.

— Какими? — облизнула губы.

— Ну...

Начальник резко замолк и буркнул:

— Потом. Ушей слишком много.

Огнемобиль притормозил у ворот министерства, стало действительно не до разговоров. А жаль! Я изнывала от любопытства, жаждала подробностей, фактов, обелявших главу Карательной инспекции Штайта. С другой стороны, ничего не мешало выпить кофе, отработать положенный час и связаться с Нэвилем. Как секретарь Лотеску, имею право, скажу, начальник попросил.

— Ну, любительница выпивки, ходить в состоянии? — с усмешкой поинтересовался хассаби и лениво предъявил документы охране. — Удостоверение личности, пожалуйста.

Кивнула и потянулась к сумочке. Надеюсь, документы там, не поручусь.

Сверкнула голограмма. Не помню, сама я ее положила, или Лотеску подсуетился. Такой... заботливый. Даже странно.

Начальник забрал удостоверение личности и подал для считывания охраннику. Угрюмый мужчина в форме сверился с базой и пропустил, пожелав доброго утра. Разумеется, не мне, я так, приложение к хассаби. Надоело! Хотелось стать кем-то, получить собственное имя. Может, в столице выйдет? Лотеску дважды обещал протекцию, верила, он свое слово сдержит. Водить за ручку не надо, сама справлюсь, а вот попросить провести собеседование в обход обычной процедуры — да. Я заслужила, столько лет бок о бок.

Хмыкнула.

А ведь мы команда. Кресло зама мне бы подошло. Пусть не первого, второго, справилась бы. В конце концов, ликвидаторы — те же мужчины, я умела находить с ними общий язык. Добавить немного строгости, властности — и готово. Крови боюсь не больше иных мужчин. Нервы не железные, но тот же Алард не образец спокойствия. Работу Карательной инспекции знаю от и до, в магических почерках разбираюсь, настаивать на своем умею. Хм, а, может, действительно смогу? И не только в Карательной — в Ведомстве магии. Пора, пора двигаться дальше.

— О чем задумались?

Мы въехали в подземный гараж. Лотеску снизил скорость до минимума, выискивая свободное место для парковки.

— О жизни, — не видела смысла лгать. — Точнее, ее никчемности. Особенно на вашем фоне.

Начальник тихо рассмеялся, и остановил огнемобиль.

— Не лучший предмет для сравнения, Магдалена. У нас несколько разное происхождение, круг знакомств, пол, наконец.

— Одно у нас происхождение, — сварливо напомнила я, щелкнув ремнем безопасности.

Рискую, но ведь правда. — Формально одно.

— Вот именно, формально, — улыбнулся Лотеску. Странно, он не обиделся, хотя всегда трепетно относился к подобным вещам. — Ваши сестры до сих пор на захолустной станции, а вы здесь. Сомнительная неудача.

— Простите, но я не мечтала стать вашим секретарем.

— Знаю, — начальник галантно подал руку, помогая выбраться из машины. — Обещал ведь, сделаю. Поменьше романтики, побольше ума, и окончите жизнь в собственном кабинете. Не раскисайте, ишт Мазера, тридцать — прекрасный возраст!

Угу, для похорон мечтаний молодости. Видимо, на меня так действовало похмелье, иначе откуда черная меланхолия?

— Хассаби, вы не против, если я сделаю пару звонков от вашего имени? — решила-таки поставить в известность.

— Каких?

Лотеску размашисто шагал по гаражу и одновременно набирал чей-то код.

— Насчет дела Ронсу и компании.

— Давайте.

А как же возражения? Нельзя так просто согласиться.

— Говорил же, мы в одной лодке, — прочитал мысли начальник. — Только осторожно, не подставляйтесь. Хотя бы приемами самообороны владеете?

Стушевалась.

Ну да, служащие Карательной инспекции обязаны проходить специальные курсы, сдавать нормативы, но это так скучно! Так уж повелось, многие девушки, включая меня, предпочитали откупаться шоколадкой.

— Понятно, — разочарованно протянул хассаби. — В таком случае умерьте любопытство.

— Переживаете из-за записки?

Лотеску промолчал и приложил палец к губам. Ясно, кристаллы сохраняют не только изображение.

Странно, но кофе практически не понадобился. После и вовсе сознание не витало в облаках, а тело при должном контроле не выдавало, чем его хозяйка занималась вчера. Отработала, как надо. Скупые жесты, ровный тон, четкая смена листов и картинок на изопроекторе. Со стороны — идеальный секретарь, и только Лотеску знал, какой я встретила утро.

Затем продолжили совещаться за закрытыми дверьми.

Выдохнув, выпила две чашки воды. Сбросила бы и туфли, но я в помещении не одна, приходилось сдерживаться.

Итак, хассаби освободится в четыре, есть время и поработать, и отдохнуть. Решила не перетруждаться, просто выяснить факты. Разумеется, за пределами Министерства магии: там на каждом шагу кристаллы и «жучки».

Свежий воздух взбудрил, прогнав остатки хмеля.

Столица шумела, напоминая большой улей. На пару минут опешила, хотя, вроде, не первый день, а потом смело окунулась в суетливый мир. Отошла подальше от комплекса министерства и достала диктино. Пальцы запорхали, набирая знакомый код. За время работы секретарем успела выучить почти все в Карательной.

Легкий щелчок, треск, и вот на том конце ответили.

— Добрый день, — я сама любезность, — с вами говорит госпожа ишт Мазера, секретарь хассаби Эмиля Лотеску. Не могли бы вы...

— На ваш счет даны указания, — оборвал незнакомец.

Захлопала глазами. Какие указания? Кем? И кто со мной разговаривает?

— Хассаби Лотеску велел предоставить информацию в полном объеме. Предпочитаете в устном или письменном виде?

Задумалась и выдала:

— В обоих.

— Нами проведен анализ звонков с диктино господина Ронсу. Установлено, что в последние два месяца он дважды общался с хассаби Алардом и двадцать раз с неким Роджером ишт Милсом. Личность проверяем, эксперты, в свою очередь, работают с голосом. Возможно, удастся получить истинный, без искажений.

— Магических?

Помнится, Тайрон баловался подобными штучками.

— Совершенно верно, — подтвердил невидимый собеседник. — Звонки производились в Штайт и Нэвиле. Подробную информацию вышлем. Последний совершен предположительно за час до смерти господина Ронсу. Диктино со стертými отпечатками пальцев Роджера ишт Милса найден у горничной гостиницы «Единорог».

— Отчего такая уверенность, вдруг прибор чужой?

— Диктино временно хранит последних стертých абонентов, — как маленькой, разъяснил мужчина. — В списке значился всего один — господин Ронсу.

Вот так номер! Думаешь, будто избавился от улик, а диктино выдал с потрохами.

— Модель самая дешевая?

— Совершенно верно. Вероятно, куплена специально для связного.

Связной! Какие термины, прямо разведка какая-то! Но ведь так и есть, Сорней — не любовница, а формально дружественное, но в действительности совсем нет государство.

— Стоп, — прервала нудного клерка, — а следы магии на приборе не найдены?

Сомневаюсь, будто злоумышленник нанял второго мага, чтобы повернуть все в банке: слишком большой риск! Нет, он действовал в одиночку и знаком с системой безопасности различных учреждений. Отбросив Синглера, обратила бы взор на начальника схожей службы в столичной Карательной. К сожалению, списки остались в Нэвиле, а так бы сличила. Не сомневаюсь, преступник рассчитывал на нерасторопность полицейских. Пока труп Леера доставили бы в госпиталь, пока установили причину смерти... Последняя могла сойти за естественную — подумаешь, приступ случился. Словом, специалистов вызвали бы поздно, и на место преступления приехал бы убийца. На законных основаниях, между прочим. Сомневаюсь, будто бы он обвинил себя, наоборот, выдумал бы результаты осмотра, может, и Лотеску подставил.

Вспомнился проулок, где нашли ишт Крауса. К его смерти приложили руку два человека: маг и владелец парцилена. И если первый — Ронсу, то второй... Какая ж я дура, невозможно засечь такое, если у человека нет магического потенциала!

Выстрел парцилена — импульс, его не увидишь магическим зрением, способ убийства определит только врач.

Хотелось побиться головой об стену. Простейших вещей не замечаю!

Магу проще повернуть дело с иллюзиями, уничтожить следы, спокойно выйти из банка. Обычный человек не смог бы спрятаться. Только вот волос мешал. Тот самый, который начальник отдал на экспертизу. Он принадлежал не магу. Вроде, версия рухнула, только

где доказательство, что волос принадлежал недоброжелателю главы Карательной инспекции Нэвиля? Сняли с трупа? Допустим. Разве фальшивомонетчик только с убийцами общался? Угу, сидел дома, не имел друзей, любовниц, соседей. Бред! Понимаю, случайный прохожий так не наследит — собутыльник вполне. Пропускали рюмки, обнимались, а потом Герт мучился.

Или таки третий? Почему тогда маг живой? Не он же заказчик! Согласитесь, неразумно нанимать Ронсу, если сам умеешь колдовать. К тому же фальшивый дворянин мертв, а господин икс благоденствует. Отчего? Он близкий родственник злоумышленника, в крайнем случае, начальник, иного не дано.

Резко захотелось в Нэвиль, к картотеке Лотеску. Наверняка пришел ответ из университета, села бы, сверила со списками Карательной инспекции Штайта. Рядом положила образцы почерка... Вот почему не взяла блокнот, почему?!

Роджер Лаур, маг ли он? А Абель Бернارد? Министр не похож на овечку, судя по шепоткам в коридоре, его дел хватило бы не на одну газетную статью. Ничего такого не говорили, одни слухи, но вряд ли на пустом месте. Опять же Лотеску, может, он и карьерист, но не станет оговаривать людей.

Занятная цепочка выстраивается! Начальника внесли в списки кандидатов на место помощника министра, и его начали шантажировать. Лотеску поворошил чужие финансовые махинации — напор усилили и быстренько отдали место главы столичной Карательной. Разуй глаза, милая, смотреть нужно выше! Такой человек, как Абель Бернارد, любые документы сделает, легко с защитой банка справится, исполнителей уничтожит и не своими руками. Зачем ему бояться, посадят другого.

Горько усмехнулась.

Рано радовалась, маг из банка — пешка. Не дают приметы заказчика на блюдечке, главы всегда уничтожают улики. Не удивлюсь, если чародей работал без лицензии, попался и угодил в оборот. Однако, может, все же родственник? Что гадать, нужны списки. Разложить на полу, сидеть и думать. Заодно попросить Лотеску задействовать связи, добыть хоть что-то на министра.

— Не располагаю данными, — холодно ответили из Нэвиля.

Не сразу поняла, о чем он. Ах, ну да, я ведь задала вопрос о магии. Жаль, хотелось определенности. Заодно выяснить, с кем говорю. Я знакома с доброй половиной сотрудников, а этого мужчину не помню.

— Не могли бы вы назвать свое имя? — немного встревоженно осведомилась я.

Паранойя в который раз пустила корни в сознание. Но лучше так, чем в мешке на свалке или на алтаре некроманта.

— Ноэль ишт Брат. Что-нибудь еще, госпожа? — нетерпеливо спросил он.

Торопится. Бойтся, что разоблачу, или дела? Мутный тип!

— Да... То есть нет. — В голове созрел план. — Спасибо, вы мне очень помогли.

Отрубила вызов и набрала другой код. Сейчас выясним, кто ты, Ноэль. Заодно выясним, кто друг, а кто враг. Говорите, Синглеру можно доверять, хассаби? Сейчас проверим, заодно первого зама. Сговориться парочка не может, набрать код — минута. От секретаря главы Карательной инспекции нельзя отмахнуться, не принять вызов. Вдруг я с указанием? И все, здравствуй нагоняй от Лотеску. Нет, они ответят. Заранее предугадать вопрос тоже невозможно. Я постаралась, напустила в голос улыбки. Мол, поверила и всякое такое.

Первым набрала Синглера. Начальник службы безопасности подтвердил, Ноэль ишт Брат находится в его подчинении.

Следующий на повестке дня — ишт Блэр. Задала первому заму тот же вопрос и получила тот же ответ. Работает, значит. Ладно.

Убрала диктино, мельком глянула на часы какого-то административного здания и вспомнила. Прием! Поздравляю, Магдалена, явилась бы ты завтра в старых туфлях. Начальник обещал платье, а не обувь, поэтому ноги в руки и вперед. Или в качестве оправдания предъявишь охранникам блокнот с версиями сомнительного содержания? Так тебя сразу под белы ручки и на поезд. Министр вслед белым платком помашет и велит не брать даже полумойкой. Лотеску и вовсе придушит за загубленную карьеру. Какая ему теперь разница, без высокого поста и безвоздушная камера — дом родной.

Кончики пальцев похолодели.

А ведь его могут посадить в тюрьму. Если в деле замешаны «шишки», легко! Поэтому осторожнее с расследованием, лучше займись бельем и украшениями. Внешность женщины — ее вложение в будущее, а длинный нос — в прошлое, причем кладбищенское.

На время оставив в покое магов, утопленников и шантажистов, поймала извозчика и велела отвезти себя на главную торговую улицу — уж там-то найду что-нибудь по карману. Надеюсь, быстро, потому как начальник не жених, не застанет в гостинице в пять ноль-ноль, пошлет на все четыре стороны.

Напрягал этот совместный поход по магазинам, казался неправильным. Но, если разобраться, у нас все неправильное. И разговаривать с Лотеску нужно иначе, и не позволять держать за руку, и... Только вот правила плохо уживались с внутренним индикатором приличий. С другой стороны, ничего дурного мы не делали, зачем прекращать? Тяжело найти идеального напарника, а начальник, если не играл «в темную», отлично направлял мою жажду деятельности.

Оставшееся свободное время мерила, сравнивала и вздыхала. Лимит банковской карты велел умерить аппетиты, пришлось распрощаться с мечтами о колье. Вместо него приобрела цепочку с затейливой подвеской и серьги-«капельки». Такие не заметят мужчины, зато женщины оценят. Я постаралась, сумела заполучить бриллианты, только на прочие аксессуары денег не хватило. В итоге в гостиницу ввалилась с крошечным бумажным пакетом, зато с золотой эмблемой лучшей ювелирной лавки Штайта.

Надеюсь, подол платья скроет туфли, которые прихватила как парадные. Может, для дня рождения мэра они хороши, но во дворце такие носят официантки — на высоком каблучке, бежевые, но из телячьей кожи, а не из змеи, ягненка и прочих аристократических материалов. Хм, а ведь раньше я считала их шикарными. Вот что делают с людьми бриллианты!

Наскоро перекусив в ресторане отеля, спустилась вниз.

Часы показывали четверть пятого, но девушке дозволено опаздывать. Надеюсь, правило работает, даже если женщина — секретарь, а мужчина — начальник.

Лотеску не спешил. Маялась в холле и гадала, не забыл ли обо мне хассаби.

Пока ждала, успела порвать с Эдгаром. Ну как объяснить человеку, что веселый вечер в клубе накануне не повод встретиться у него в номере сегодня? Мол, у него дела, но он выкроит часочек для меня. Разумеется, отбила вызов и стерла код ловеласа. Такие мужчины мне не нужны. Характеристика, данная Лотеску любвеобильному секретарю коллеги подтвердилась. Ничего, развеялась, встречаться с Эдгаром все равно не планировала. Смазливая внешность не повод для секса — это я давно уяснила, а после Тайрона добавила в список красивые ухаживания и дворянство.

Когда уже отчаялась, заметила сквозь большие стеклянные окна знакомый огнемобиль. Начальник извинился и предложил сразу отправиться в «нормальный магазин».

— Заодно и себе чего-нибудь прикуплю.

Интересно, чего не хватает в гардеробе Лотеску? Уловка? Несомненно. Хочет оправдать поход по магазинам. Попутно задалась вопросом, откуда Лотеску известны адреса женских лавок. Видимо, покупал подарки бывшим пассиям. Правда, какие можно сделать на скромное жалование? Карьера хассаби резко пошла в гору именно в Нэвиле.

— Магдалена?

Недоуменно обернулась к нему.

— Вы опять недовольны. Чем? Моим присутствием?

В пронизательности Лотеску не откажешь, ухватил самую суть, только не понял причины.

— Хассаби, а вам удобно?.. Я не жена и не любовница, просто секретарь.

Ощущение неловкости не покидало. Одно дело — забирать заказы начальника, покупать ему галстуки, другое — вот так. Создавалось впечатление, будто у нас отношения.

— Удобно, — улыбнулся Лотеску. — С вами — да.

И, наклонившись, шепотом добавил:

— Я так хочу.

По коже пробежали мурашки. Отвернулась, постаравшись отвлечься от странного мужчины рядом. Он перешел границу, нарушил договоренность: ничего, кроме работы. Сказать или нет? Наверное.

— Хассаби, — нервно оправила воротничок блузки, — зачем это вам? Вы прекрасно знаете...

— Знаю, — усмехнувшись, подтвердил начальник, — поэтому и не предлагаю.

Невысказанные слова повисли в воздухе. Они тревожили, заставили пожалеть о принятом год назад предложении. С другой стороны, хассаби достаточно благоразумен, мы оба благоразумны. Однако что-то внутри меня требовало еще большей ясности. Сама не понимая зачем, спросила:

— А было?

— Было, — поразительно спокойно подтвердил начальник.

Спасибо, не облек в страшную форму «есть». Тогда бы пришлось выйти из огнемобиля и отправиться на вокзал.

Глубоко вздохнула, растянула губы в улыбке и извинилась. Не следовало спрашивать и, наверное, ехать. Много чего не следовало, но прошлого не изменишь. Вот так, не порти себе жизнь, Лена. Незачем его дразнить, иначе окажешься на свалке. Думай о Ведомстве магии, а не о чужих словах. Начальник — мастер обольщения, он и не то скажет. Да и в чем собственно, Лотеску таком признался? Сама додумала.

— Магазины? — приподнял брови хассаби и подразнил банковской картой. — Платья лучше мелодрам.

Согласно кивнула и снова улыбнулась, теперь благодарно. Лотеску с честью выпутал нас обоих из щекотливой ситуации.

Минутная слабость прошла. Сосредоточилась на платье и посмеивалась над недавней глупостью. Хассаби бы оценил. Секретарша в роли возлюбленной!

Обратила взор на мелькавшие дома. При виде богато украшенных витрин перехватило дыхание. Женщина во мне подняла голову и потерла руки. Я ничего не покупала в подобных местах: слишком дорого, а теперь смогу важно расхаживать там, куда забегала только по служебной надобности.

Огнемобиль притормозил у магазина с лаконичной вывеской «Элен ишт Рей». Обычно за такими скрывались штучные дизайнерские вещи.

— Вы действительно?..

Глаза заблестели.

Мир высокой моды!

— Действительно. Выходите, мне еще охранные чары накладывать.

Уняв сердцебиение, направилась к входу и толкнула дверь.

Колокольчик возвестил скучавшим продавщицам о приходе новой посетительницы, то есть меня.

Удивительно, но Лотеску увязался следом, хотя мужчины ненавидят магазины. Не преминула пошутить на данную тему и получила ответ:

— Ничего, потерплю, а то купите несусветную безвкусицу или попытаетесь сэкономить.

— Может, вы и с последней женской модой знакомы? — съязвила я.

— Знаком, — кивнул начальник. — Это один из лучших магазинов Штайта. Если тут ничего не найдете, то вам угодит только портной королевы.

Ох, Лотеску, напрасно вы меня сюда привезли! Похудеет ваша карточка.

Ко мне подскочила продавщица, излучавшая показную доброжелательность. Только открыла рот, чтобы озвучить пожелания, как девицу перехватил хассаби. Он сам собрался выбирать?!

— Так, — Лотеску окинул меня задумчивым взглядом, прикидывая размер и фасон, — нам нужно вечернее платье. Прием высокого уровня, дешевку не предлагать. Подол в пол. Остальное неважно.

Продавщица кивнула и кинулась выбирать наряды. Лотеску двинулся следом, отмечая неподходящие варианты. В моде он действительно разбирался, не действовал по принципу: поярче и откровеннее. Они с девицей увлеченно шушукались, уготовив мне роль пассивной свидетельницы, но я не собиралась пускать столь серьезное дело на самотек и прошла в соседний зал. От помощи второй продавщицы отказалась, сама справлюсь. Может, я и не хожу по дорогим лавкам, но знаю, как такие сладкоголосые сирены вытаскивают деньги из богатеев. На цены решила не смотреть: Лотеску знает, что делает, я четко дала понять, никаких услуг оказывать не стану.

Взгляд сразу выцепил нужное платье: глубокий синий цвет и ни грамма полета фантазии. Оно облегало как вторая кожа. Всегда о таком мечтала! Ткань усыпана кристаллами, превратив в подобие звездного неба.

Бережно провела рукой по наряду и отнесла в примерочную.

Белье пришлось снять: платье его не предусматривало. Неуютно, стыдно, но отражение того стоило. Платье скрыло все недостатки, утянуло небольшой животик. Стразы таинственно переливались, грудь кокетливо вздымалась, линия бедер манила взгляд. Открытая спина не переходила грань приличий. Юбка в пол слегка расширилась книзу, довершая образ. В подобном платье легко представить себя аристократкой, присесть перед королем, подавать руку для поцелуев. Повертелась перед зеркалом и поняла: не сниму, хоть увольняйте!

— Магдалена, — послышался недовольный голос начальника, — мы подобрали несколько вариантов, где вас носит?

— Сейчас!

Заторопилась и, как была, шагнула из примерочной. О платье вспомнила через минуту, но поздно, Лотеску в сопровождении нагруженной нарядами продавщицы возник в поле зрения.

Начальник потерял дар речи, замер и смотрел, не мигая, как тогда, в поезде, только теперь зрачки окончательно слились с радужкой. Показалось, или он не дышал?

Судорожно вздохнув, хассаби ослабил галстук, и обернулся к девице в форменном платье:

— Спасибо, платье мы уже нашли, подберите остальное.

Голос звучал глухо, надтреснуто. Взгляд обжигал, выдавая интерес, выходящий далеко за рамки деловых отношений.

Зардевшись, словно юная абитуриентка, сделала шаг назад, к примерочной.

— Ну, идите же! — поторопил продавщицу хассаби и пересек невидимую черту, отделявшую зал от кабинок.

Забеспокоившись, закусила губу. Я знала южан и понимала, чем может закончиться наше уединение. Успокаивало одно: Лотеску не поведет себя, как подросток, не изнасилует. Только он меня хочет, судя по поведению, сильно. Справится ли?

— Это платье с бельем не носят, — выдала тайну обиженная девица.

— Совсем? — выдохнул Лотеску.

Краска окончательно и бесповоротно залила щеки. Прикрываться не стала: глупо, но не единожды пожалела, что сняла с вешалки провокационную вещь. Стоило остановить выбор на строгом и чинном платье.

— Совсем. Посмотрите, даже тесемочки не спрячешь, — продавщица шагнула ко мне и указала на бедра.

Сглотнула — Лотеску взглядом проверил ее слова, медленно, мучительно чувственно. Словно провел пальцами по разгоряченной коже. Давно забытое чувство всколыхнулось, напомнив о годичном воздержании.

Плотно сжав бедра, старалась не поддаваться. Нужен секс? Найди любого другого мужчину. Или хочешь стать сто первой в списке двухнедельных романов? Валяй, только потом не жалуйся на съемную квартиру и разбитые мечты. Что хотела, то и получила, милая, умные девочки думают о будущем. Содержать себя можно двумя способами: хорошо выйти замуж и найти хорошую работу. Запомни и сходи в клуб, чтобы наутро уехать, не оставив кода диктино.

Не порти отношений с Лотеску, не порти! Где ты найдешь еще одного идеального начальника? Он южанин, они все такие. Подумаешь, хочет, ему любой симпатичной женщины в минимуме одежды достаточно для пробуждения инстинктов, пройдет.

— Понятно, — по губам хассаби скользнула мечтательная улыбка. Дорого бы дала, чтобы заглянуть в его голову. — Но ведь туфли с ним надевают, вот и займитесь.

— Я сама! — пискнула, чтобы не остаться наедине с начальником. Впервые я его боялась. — Плюс вы обещали только платье, не надо никаких туфель!

Продавщица вопросительно глянула на Лотеску. Тот кивнул, и она зацокала обратно в зал. Мы с хассаби остались одни в примерочной. Гулко сглотнула. Захотелось юркнуть обратно в кабинку, но сдержалась, расправила плечи.

— Повернитесь, — попросил Лотеску.

Подчинилась, гадая, чем закончится хождение над пропастью. О, сколько бы слов я теперь взяла назад, но поздно.

Обжигающий взгляд скользнул по пятой точке — будто ладонями сжал. Шайтан проклятый, прекрасно знает, что делает! Как же тяжело!

Так, дышать и не думать о сексе, не думать!

— Похоже, с королевой приема мы определились, — самоконтроль самоконтролем, но хрипотца никуда не делась.

Треклятая продавщица, чего ей стоило смолчать про белье?! Он ведь теперь ни о чем другом думать не сможет. Горячая кровь! Моя реакция только раззадоривает. Лотеску чувствует слабинку, понимает, что если немного поднажать, получит согласие.

— Может, что-то поскромнее? — робко предложила я и рискнула повернуться.

Лотеску стоял, где стоял, но, вопреки предположениям, успокоился. Зрачок уменьшился, желание схлынуло, осталось лишь восхищение. Как он так быстро? Завидую!

По сердцу прокатилась волна тепла, а ведь казалось, я подчинила тело разуму. Наверное, в каждой женщине живет глупая девушка, которая тает от внимания мужчин, подобных Эмилио Лотеску.

— Не стоит. Вы ослепительны, Магдалена! Определенно, синий к вам к лицу. Только посмейте надеть на вечеринку, — он запнулся, но договорил: — по поводу моего отъезда что-нибудь другое!

Ничего страшного, я знаю, что Лотеску уедет в столицу, не расплачусь.

И тут внезапно осознала: начальник никогда прежде не делал мне комплиментов без сексуального подтекста. Желание, витавшее в воздухе, развеялось, однако я по-прежнему осталась в глазах хассаби прекрасной женщиной.

Поправила якобы растрепавшуюся прическу, пряча волнение. Я... я не понимала, что со мной происходит, а Лотеску стоял и улыбался. Губы дрогнули в ответной улыбке.

— Вы восхитительны! — повторил начальник.

Преодолев разделявшее нас расстояние, он вытащил царапавший кожу ценник и очень быстро, прежде чем успела среагировать, поцеловал.

Шумно вздохнув, приложила ладонь к губам. Наверное, поцелуй он иначе, страстно, вызываясь, отреагировала по-другому, благо укротила рвавшийся наружу сексуальный голод. Уж что-что, а давать отпор зарвавшимся мужчинам умела. Однако безнаказанным Лотеску не остался, напомнила о пункте трудового договора.

— Даже не думал, Магдалена, — предельно серьезно возразил он. — Вы не их тех женщин, которые становятся любовницами.

— А вы не из тех, кто женится на бесприданницах, — язвительно добавила я.

— Совершенно верно, — ничуть не обиделся начальник и вышел из примерочной. — Чисто дружеский поцелуй, больше ничего. Поторопитесь, мне нужно заехать за смокингом, ателье закрывается в семь.

Он скрылся в торговом зале, а я осталась стоять. Радостно и грустно одновременно, словно провожаешь сестру в другой город, знаешь, что ей там лучше, а все равно не по себе.

Ситуацию спасла продавщица, которая принесла туфли.

Так и быть, приму в подарок, не беспокойтесь, Эмиль Лотеску, отработаю каждый рхет. И не волнуйтесь, проблем не возникнет, мы оба знаем свое место, верно?

Покупка платьев и туфель лишь на первый взгляд казалась благотворительностью. Вернувшись в гостиницу, я трудилась, как пчелка: писала речь для Лотеску. Как всякому подобному мероприятию, приему предшествовала торжественная аудиенция, на которой предстояло выступить начальнику. Он трижды забраковал текст, но мы таки нашли удовлетворивший обоих вариант.

Оставив умопомрачительное платье для вечера, с утра надела скромный наряд: плечи закрыты, юбка ниже колена. В ушах — бижутерия, на руке — серебряное колечко. Каблуки — строго по протоколу. Стоять на таких тяжело, но я привыкла. Лотеску легче: серо-голубой костюм и пастельная рубашка с контрастным галстуком. Никаких правил насчет длины, высоты и макияжа. Логично, что я провозилась дольше, и начальнику пришлось поторапливать.

Речь написала отменную. Вспомнила все победы родной Карательной инспекции и тактично умолчала о поражениях. Если те упорно лезли наружу, постаралась обратить их в достоинства. Усыпляя бдительность, добавила экскурс в историю, похвалила короля, проповедовавшего имперские традиции порядка, и закончила радужными обещаниями. Перечитав окончательный вариант, Лотеску назвал умницей. Ну да, после стольких переделок! Начальник оказался на редкость придиричив.

— Не дуетесь? — вопрос прозвучал неожиданно.

Разговор случился поздно вечером. Я, в любимых домашних брюках, наплевав на субординацию, устроилась на диване в номере хассаби. Лотеску оккупировал кресло у столика. Судя по одежде, он собирался в клуб. Мне жутко хотелось туда же, но спроситься стеснялась. Начальнику хочется расслабиться, девочек подцепить, опять же сомневаюсь, будто ночные клубы для аристократов мне по карману. Ладно, когда хассаби уедет, спущусь вниз, узнаю у портье, куда можно сходить одинокой женщине. Вчерашнее заведение не понравилось, в нем только выпивка хороша. Знаю, завтра вставать, но после случая в примерочной хотелось сбросить стресс.

Лотеску взбудоражил кровь, заставил вновь ощутить вкус к жизни. Я молодая красивая женщина, меня интересуют мужчины. Хассаби, спасибо вам за это. Честное слово, спасибо. Плотину после Тайрона прорвало, я стала прежней.

— А? — удивленно глянула на собеседника, вынырнув из собственных мыслей.

— За магазин. Я повел себя непорядочно.

— Вы ничего такого не сделали. И абсолютно правы, — вздохнула я.

— Прав в чем? — мы опять ступили на скользкую дорожку.

Предпочла промолчать.

Не дождавшись ответа, Лотеску наклонился и поцеловал руку.

Внутри что-то оборвалось. Я сидела и не знала, как поступить. Никогда прежде хассаби не просил прощения у нижестоящих и уж точно не оказывал почестей, полагавшихся королеве.

— Романтично, — собственный голос показался чужим, — вы могли бы писать книги.

— Предпочитаю поцеловать руку. Надеюсь, не уволитесь. Знаю, со мной трудно, но я не хочу потерять верного секретаря.

— Ну, — замялась, ошарашенная его словами, — с вами не так уж тяжело работать.

Давно пора перевести все в шутку, только нужные слова никак не находились. Алина бы засмеяла, только я не скажу. Никому. Проснусь и забуду.

— Это вам, — он наклонился и протянул пакет. — Извинения.

Внутри оказались духи. Нанесла капельку на запястье — запах мой. Откуда?..

Внимательный мужчина, сообразил, что ненавижу розы, хотя обычно кавалеры идут по проверенному пути.

— Нравятся? — улыбаясь, поинтересовался начальник. — Вы столько для меня сделали, вязались в грязную историю. Духи, платье и туфли — малая плата за риск. Пожалуйста, — лицо его помрачнело, — не гуляйте по ночам одна. В который раз повторяю, надеюсь, услышите.

— А вы?

Что-то не нравилось во всей истории, только сейчас поняла что — отсутствие ответного шага злодея. Мы выяснили про Ронсу, арестовали Аларда, подбирались к местным «шишкам» — и только записка. Мелковато! Складывалось впечатление, будто враг готовит грандиозный сюрприз.

— А у меня парцилен, госпожа ишт Мазера, и неплохая реакция, — хмыкнул Лотеску. Только я давно научилась распознавать ложь, начальник тоже боялся. — Так как духи?

Показалось, или хассаби слегка напрягся, когда нажимала на пульверизатор? Неужели опасался не угодить?

Заверила, духи отменные.

— На платье фианиты и пара бриллиантов, — добавил Лотеску, наслаждаясь произведенным эффектом. — Прекрасное дополнение к аромату.

У меня перехватило дыхание.

Не стразы? Он сумасшедший!

— Вы всем секретарям такое дарите?

Сразу стало неудобно в домашних штанах. Я в номере начальника, а нарядилась, словно принимаю друга. Отныне только строгие деловые костюмы. Не играй с огнем, Лена!

— Разумеется, нет, — фыркнул он. — Только особо настырным.

— Я не могу это принять, простите. Всему есть предел. Дорогое платье — хорошо, с натяжкой, но платье, ценой в состояние! Только духи. Платье завтра же верну в магазин, бирки целы. Туфли тоже. Деньги попрошу отдать чеком, надеюсь, такое возможно. Если нет, переведу вам на карточку.

Встала и направилась к двери. В груди клокотала обида. Бриллианты дарят любовницам, неужели хассаби подумал... А я радовалась, перед зеркалом крутилась, идиотка! Он давно на тебя облизывается.

— Магдалена! — полетел вслед голос начальника.

— Знаете, — резко развернулась и сцепила пальцы так, что побелели костяшки, — лучше не надо, хассаби, а то не сдержусь.

Вдох-выдох и полное спокойствие. Подумаешь, в любимой манере надумал купить женщину! Былые любовницы того и ждали: украшений, ухаживаний, внимания. А я не хочу.

— Вы сами выбрали наряд, я только оплатил, — мрачно напомнил хассаби.

Он принял оборонительную позу, скрестив руки на груди. Отличное настроение мигом улетучилось.

— Я не просила его покупать, — вопреки здравому смыслу, хотелось очень многое высказать. — И целовать тоже. Если вы не в состоянии сдерживать определенные порывы, ищите другого секретаря, только в договоре не забудьте указать: «Оказание сексуальных услуг».

Кровь отлила от лица начальника. Думала, его хватил удар, а потом поняла: удар достанется мне. Сомневаюсь, будто Лотеску позволит уйти самой, руки, конечно, не

распустит, женщин не бьет, а вот ускорение в третий класс пассажирского поезда в родные края придаст.

— Простите? — хассаби, словно бык, склонил голову набок.

— Что слышали, — уже не столь уверенно повторила я и попятилась к двери.

Лучше успеть первой, а то может взбелениться и отказаться оплатить номер.

— Значит, так? — Лотеску опередил и закрыл дверь. Пластину убрал в карман, чтобы жертва, то есть я, никуда не делась. — Сексуальные услуги, оскорбленная гордость. А я-то переживал насчет поцелуя. Уже сожалеете, госпожа ишт Мазера?

О, плохой признак! Лежал бы под рукой увольнительный лист, судя по виду, подписал бы.

— О словах — да, об остальном — нет. Мы не любовники, хассаби, и никогда ими не станем. Раз так, я не могу принять ничего, дороже половины моего жалования.

— Строго до рхета посчитать? — губы начальника скривились в злой усмешке. — Так вот, духи дешевле. Остальное спишите на представительские расходы. И, в конце концов, — не выдержав, взорвался Лотеску, — могу я хоть иногда выказать благодарность?! Благодарность, а не плату за секс, который вам никто не предлагал и предлагать не собирался.

— Хассаби, — потупившись, покачала головой, — вы сами понимаете, такие подарки сотрудникам не делают. Вы бы еще квартиру презентовали.

— Не подарю, не беспокойтесь. — Показалось, или Лотеску заскрежетал зубами? — На платье три бриллианта, три, Магдалена, но, похоже, они будут стоить мне кучи седых волос. Все, теперь никаких премий, а то опять обвините в домогательствах.

Хассаби мастерски угадывал больные места, знал и мое — деньги. Нет, не потребовал оплатить столичные расходы, чего втайне опасалась, а лишил существенной статьи дохода: на премии Лотеску никогда не скупился. В моем случае.

— Что нахмурились? Не нравится? Мне тоже. Оскорбили и довольны.

— Я?! — изумленно выпучила глаза.

— А кто? Камешки на платье вам не угодили! На королевский прием, госпожа ишт Мазера, иначе не ходят. Может, голову включите? — наступал хассаби, тесня к стене. — Вашего жалования не хватит ни на что приличное, даже если в долги влезете. Вот, сделал доброе дело, а в итоге...

Он махнул рукой и нервно прошелся по комнате.

М-да, такой вариант я не рассматривала. Стало неловко. Хорошие поступки нужно поощрять, а не набрасываться с кулаками. Только почему Лотеску не объяснил сразу, зачем обставлять платье как обычный подарок мужчины женщине?

— Что с мэрией? — сухо осведомился начальник и сел на диван. — Или за скандалами не удосужились выяснить?

— Вы о Ронсу?

— Нет, о вашей тетке! Ну, Магдалена!

Сопела и молчала. Ронсу действительно общался с кем-то из мэрии Нэвиля, но я не установила, с кем.

— Так и запишем: лень, игнорирование приказов руководства, — ехидно подытожил Лотеску и потянулся за ежедневником. — Наказывается выговором в личное дело.

— Хассаби! — взмолилась, готовая извиниться за каждое слово.

Мстительный начальник — особая песня. Он способен испортить не только вечер — год.

Я оскорбила хассаби, теперь Лотеску отыгрывался.

— Ужели хассаби? — приподнял брови собеседник. — Не аристократическая сволочь, которая тремя бриллиантами уложила в постель?

Молчала, понимая: спорить бесполезно, оправдываться тоже. Лучше изображать глубокое раскаянье. Полагала, я преуспела в актерстве, но Лотеску раскусил и поникшие плечи, и опущенную голову.

— Не верю. Выговор.

— Я... Я всю ночь с банковскими счетами проσιжу! — ляпнула самое страшное наказание.

Вынесенная ценой риска подавиться бумажка сохранилась и пошла в дело. Она оказалась кусочком реестра банковских ячеек. Тридцать фамилий, одна из них — Роджер ишт Милс. Оставалось вскрыть ячейку и сопоставить с привязанным к ней счетом. Часть работы уже проделала, нашла кусочек цепочки. Среди кучи подставных счетов, с помощью которых утекали государственные деньги, значился и счет Милса. Суммы там дольше часа не задерживались, хотя приходили из разных источников. То ли его заранее предупреджали о переводе, то ли преступник жил неподалеку от отделения банка.

Ячейкой, если верить запросу, ишт Милс тоже пользовался. Кристаллов в помещении не стояло, а их собратьев из фойе и коридора успели перезаписать. Изображение хранили месяц, иногда чуть больше, первый визит Милса случился восемь недель назад. Последний — пять дней назад. Казалось бы, вот оно, только ничего, словно пальто-невидимку надел.

Пять дней назад — заказ посла. Договорились через Ронсу, выполнили, получили оплату.

Не помогло:

— Без вас справлюсь.

— Хассаби!

— Мы не дети, госпожа ишт Мазера.

Сидит, ухмыляется. Придется пойти на сделку.

— Что мне сделать, хассаби?

— Подарить платье моей любовнице, разумеется, как и собирались.

Иногда хотелось бросить в Лотеску что-нибудь тяжелое, сейчас как раз такой случай.

Хассаби похлопал по карману. Ну да, пластина от номера. Мол, прояви сообразительность, иначе не выйдешь.

— Простите, пожалуйста. Я не подумала. Да, я вообще не думаю и согласна на выговор.

Поплелась к начальнику, изображая покорную ученицу, то есть глаза в пол, руки сложены на животе.

— А вы учитесь, Лена, — Лотеску и не думал делать шаг навстречу, хлестал словами по щекам. — Так как с поручением? Помнится, я давал его в поезде.

Развела руками. Не успела. Только вот и хассаби не выполнил все обещания. Спрашивается, где детали обысков «Единорога», беседы с обслуживкой и прочие новые факты? После министерства Лотеску и словом не обмолвился.

Лучшая защита — нападение.

Начальник выслушал и покачал головой:

— Умеете вы выкрутиться! Ладно, извиняйтесь, может, прощу. Столик заказан на

одиннадцать тридцать, у вас ровно пять минут. Успеете, останутся премии. Нет — на законном основании лишь.

Кажется, выпустил пар, развлекается из вредности характера. Вон, руку положил на спинку дивана, смотрит с легкой улыбкой, доброй или нет, не понять, но орать точно не собирается.

— Хассаби, мне очень и очень жаль. Я неверно оценила ситуацию, сделала ложные выводы. И, — вздох, — спасибо за теплое отношение. Я его не заслуживаю.

Последние слова произнесла чуть слышно: действительно очень стыдно. Платье — благородный порыв, а Лотеску не подонок, не стал бы покупать за пару блестяшек.

— Заслуживаете, — возразил Лотеску и взглянул на часы. — Пора! Ступайте спать, Магдалена. С бумагами не сидите, потом. Завтра не будите, встану сам.

— Сможете? — спросила, чтобы разрядить обстановку.

— Лучше не проспите сами, — хассаби колко напомнил о сегодняшнем. — И впредь следите за языком. Мое терпение не безгранично. Папку оставьте на столе. Спокойной ночи, госпожа ишт Мазера.

Вопреки логике, не пошла в номер, а спустилась вниз. Хотелось заесть и запить неприятное послевкусие разговора. Портье посоветовал хорошее заведение. Разговорились. Выяснила, где с моими финансами можно снять квартиру. Работу, тоже найду, без Лотеску. Он прав, пора идти дальше, завтра не глазками хлопать, а связи налаживать. Ведомство магии? Лучше брать выше — министерство. Судимость снята, у меня богатый послужной список, могу рассчитывать не на должность низшего клерка. Дальше все карты в руки. Постараюсь и куплю собственную квартиру, а то и дом в коттеджном поселке. Я грезила о нем десять лет, пора претворять мечты в жизнь. Навыки не растеряла, тряхну стариной и стану-таки начальником отдела, пусть другого. Тогда и о ребенке можно подумать, рожать по съемным углам не для меня. Найдется мужчина — хорошо, нет, никто пальцем показывать не станет. Когда приобретаешь определенный статус, многое прощается.

Выйти замуж — дело нехитрое, а вот обеспечить доход, при котором можно уволиться и родить ребенка, — задачка посложнее. Нужно не промахнуться, чтобы не пришлось жить хуже, чем прежде. Прежде планировала средний достаток, то есть чуть выше, чем имею сейчас. При таком можно спокойно вести хозяйство и не экономить, живя с детьми на жалование мужа и собственные сбережения. Заодно страховка на случай финансового краха — недвижимостью. Сейчас аппетиты изменились. Я окунулась в мир аристократов и поняла, что хочу бывать в нем. Пусть не как равная, а приглашенная, но все же. В замы не выбьюсь, здороваться за руку с мэром не смогу, зато буду стабильно получать приглашения на приемы, иначе зачем жить, уезжать с родного полустанка? Нет, старость я встречу не с грязной посудой в руках.

— Ваш уехал.

— А? — удивленно уставилась на портье.

— Господин, с которым вы приехали.

Паренек смотрел так, будто мы с Лотеску любовники.

— Он не господин, а хассаби, — не задумываясь, поправила социальный статус начальника. — Глава Карательной инспекции Нэвиля, мой работодатель. А своего у него хватает, но уж никак не меня.

Фыркнула. Выдумал тоже!

Год назад, напившись, я искала у начальника помощи, боялась гибели от рук некроманта. Он пожалел, не побоялся, что Тайрон и его отправит в небытие. Хотя уж кто-кто, а Лотеску держал парцилен в бардачке не для красоты. В отличие от меня начальник умел стрелять, по его словам, хорошо. Не проверяла, но оружие хассаби действительно держал уверенно. Помню, как тряслась на сиденье огнемобиля на окраине Нэвиля, а Лотеску и местность под контролем держал, и данные

подозрительного паромобили Синглеру передал, и меня успокаивал. Неудивительно, что в итоге оказались в одной постели. Правда, мягко говоря, нетрезвый, начальник не думал приставать, это я склонила его к сексу. Близость с женщиной дарит чувство защищенности, которого мне тогда не хватало.

С той ночи минул почти год, каждый воспринимал ее как забавный эпизод, не более.

Покачала головой и покосилась на заманчивые огни гостиничного бара. Не выпить ли коктейль на дорожку? Попросила вызвать извозчика через полчаса и поднялась к себе. От спиртного отказалась, еще успею.

Нужно найти что-то подходящее случаю, то есть блестящее и короткое. Кажется, на дно чемодана я положила клубное платье. Взяла просто так, но пригодилось.

Застегивая наряд, неожиданно зацепилась за дверцу шкафа. Нахмурилась. Там ни щекотки, ни щепок — номер не того уровня. Увеличив мощность освещения, пристально осмотрела лакированную поверхность. Взгляд уткнулся в маленькую черную точку. Медленно, очень медленно коснулась ее и резко дернула. «Жучок» остался в ладони — холодный металлический кружляш. Такой в свое время давал Марк. Прибор записывал звуки и передавал их дешифратору.

Зло усмехнувшись, чиркнула пальцем по покрытой мельчайшими отверстиями поверхности. Надеюсь, специалист на том конце оглох.

Теперь ясно, отчего враг спокоен и лениво пишет записки: он в курсе событий. Не удивлюсь, если найду парочку «жучков» в огнемобиле Лотеску и его кабинете. Нужно и свой номер внимательно осмотреть, особенно цветы, светильники.

Лихорадочно пыталась припомнить, что успела наговорить.

М-да, бедный Леер! Его столь оперативно устранили из-за прослушки.

Сидел сейчас кукловод, попивал вино и посмеивался. Плевать ему на Аларда, такому на всех плевать, кроме себя. Отныне не сомневалась, наш противник — не Роджер Лаур. Пусть он проворовался, глава Карательной инспекции Штайта, вызвал неудовольствие короля, но явно не всесильное божество. Возможностей у него не больше Лотеску, столичная прописка не поможет. А вот если взглянуть выше...

Расколов «жучок» плоской подошвой туфель, нервно рассмеялась.

Какие мы идиоты!

Господин Ронсу работает без лицензии, еще учась в университете, получает фальшивые дворянские документы и спокойно по ним живет. Да как — сотрудничает с Карательной инспекцией. Ну да, конечно, какому-то информатору простят серьезное преступление. Только на первый взгляд подложные документы и удаление частицы «ишт» — пустяки, на второй за них строго карают, иначе полкоролевства ходило бы с поделками ишт Крауса. Это преступление против монархии, наказывается десятилетним тюремным заключением. Разумеется, в Карательной проверяли всех штатных и внештатных сотрудников, служба безопасности вычислила бы подделку.

И юному Лотеску запретили трогать Ронсу, да как — с выговором! Простого информатора? Снова трижды «щас»!

Путешествие первым классом, день рождения мэра. Может, Ронсу и провел Алард, но мага приняли, а высшее общество устроило бы скандал, если бы среди них затесался выскочка. Гостя представили, несомненно, уважаемый человек из мэрии, тот, кому он звонил, тот, с кем вел дела заказчик.

Так много встало на свои места, стоило чуточку подумать. А помог маленький «жучок».

Мэрия...

Быстро прошлась по комнате.

Не хотелось подозревать главу Нэвиля, но он первый в списке. Хм, зачем гадать? Код

имеется, справочник тоже, просто взгляни. Одна проблема — документы пока не дошли, а в Нэвиле ночь, никто не продиктует информацию. Может, у начальника есть? Он, конечно, зол, но сам просил выяснить. Заодно предупреджу о прослушке. Ну и о грядущих неприятностях. Не сомневалась, Лотеску ждал большой и гадкий сюрприз, например, внезапно всплывшая переписка с Сорнеем. На месте преступника я бы капитально подставила подобравшегося слишком близко хассаби.

Оставалась я. Мелкая сошка, но ведь угрожали же! Определенно, никуда ночью не поеду. Несчастный случай с подвыпившей девицей — классический способ убийства. Вылетит паромобиль на тротуар и все. Или случайно поперхнусь, отравлюсь — фантазия безгранична.

Сославшись на усталость, отменила заказ и, прихватив диктино, заперлась в ванной. Надеюсь, записывающих кристаллов нет, а то плакала моя конспирация. Включила воду, якобы чтобы принять душ, и набрала Лотеску.

Ну же, ну же, ответьте!

Мгновения тянулись мучительно долго.

Вот какого взбеленилась! Подумаешь, бриллианты, тут на кону жизнь. Не сомневалась, доморощенных следователей преступник не потерпит.

Смешно, но катавасия с нудными отчетами нам на руку. Судя по всему, злодей занят ими по горло, поэтому не трогает. Плюс не хочет привлекать внимания. Вот Лотеску отчитается, тогда... Громко сглотнула. Я хочу пережить это «тогда».

Начальник ответил, когда уже отчаялась, просто сидела на бортике ванной и апатично смотрела на льющую воду.

— Ну? — воспитанием хассаби явно обделили.

Судя по звукам, Лотеску еще не добрался до танцпола: музыка гремит, но не оглушает. Рядом смеются женщины, звенят бокалы. Вроде, кто-то поет.

— Это очень важно, — вопреки желанию, говорила медленно, от волнения встала и сжала свободную руку в кулак. — Отойдите, пожалуйста, в тихое место, где бы нас не подслушали.

Кажется, хассаби понял, не стал задавать лишних вопросов.

— Сейчас, — уже другим тоном сказал он.

Послышался легкий щелчок, связь на время прервалась.

Сходя с ума от волнения, мерила шагами ванную комнату. Шум капель звенел в ушах, мерещились шаги. В случае чего защититься нечем, не расческой же отбиваться! Хотя при верном применении сойдет за оружие. Помнится, нас учили, что ее можно вонзить в глаз.

Метнулась к полочке и сжала гребень. Отпустило.

Безусловно, до панического ужаса, от которого пересыхает во рту, далеко, однако чувства неприятные. Не хочется гадать, послал ли таинственный наблюдатель убийцу, чтобы разобраться с обнаружившей «жучок» секретарем.

— Слушаю.

Голос Лотеску заставил вздрогнуть. Совсем о нем забыла!

Рассказала о находке и коротко поделилась выводами.

— Шайтан! — реакция выдалась немногословной, но емкой. — Сейчас вернусь. Никуда не суйтесь!

Ощутила легкий укол совести за то, что испортила чужой вечер. Лотеску, наверное, даже выпить толком не успел. Как оказалось, это не помешало ему привести бутылку с

собой. Интересно, с какой скоростью начальник гнал по ночному Штайту? Чуть не облегчил противнику задачу, ничего бы инсценировать не пришлось.

— Так, открывайте, — начальник предупредил о своем появлении звонком.

Выбралась из ванной и впустила. Лотеску стремительно втолкнул в небольшую прихожую и, отобрав пластину, запер дверь. Всучил оторопелой мне бутылку «для нервов» и усадил на диван. Как заправский официант, начальник откупорил вино, извлек из бара два бокала и разлил напиток. Рубиновый, густой, он пах виноградом. Хассаби опорожнил фужер залпом, оставил на столик и принялся за поиски. Он действовал мастерски, ловил «жучки» помехами диктино и быстро обезвредил три прослушки.

— Вроде, все, — сообщил Лотеску, швырнув добычу на стол. — Не беспокойтесь, отключил. Может, конечно, на люстре или на шкафу остались, но я туда не полезу. Наверняка ставили под видом прислуги, узнайте, кто убирал номер.

— У вас искать будем?

— Будем, — кивнул начальник и посетовал: — Веселенькая ночка!

Пожала плечами и пригубила вино. Оно обволокло горло, спокойствием растеклось по жилам.

А ведь действительно, рано сдаваться, переиграем поганца. Из принципа, чтобы не остался безнаказанным. Некоторые полагают, будто высокий пост — разрешение на любые злодеяния.

— Так, Магдалена, идемте.

Встрепенулась, встала, потом вспомнила про бутылку.

— А вино?..

— Не время для гулянок, — начальник говорил так, словно предлагала ему уйти в запой. — С утра доклад королю.

— Отменить никак нельзя?

Глупый вопрос, но не сможет ведь выступать. А если сможет, весь день проходит «вареной рыбой».

Лотеску глянул, как на дурочку, и посоветовал загодя подготовить наряд.

— Расспросы и допросы оставим на завтра, сейчас «жучки». Спать одна боитесь?

При других обстоятельствах сочла бы фразу предложением секса, однако теперь она звучала как проявление дружеского сочувствия. Да и во взгляде хассаби ничего такого не читалось, только беспокойство и сосредоточенность.

Пожала плечами.

— Не боюсь.

Заманчиво, конечно, тревожно, но как-нибудь.

— Тогда надежно закройте все двери. Оружие есть?

Покачала головой и засомневалась, не попроситься ли к начальнику на ночь. Никаких романтических поползновений, сугубо вопрос безопасности. Про оружие просто так не спрашивают, значит, не у страха глаза велики, а у кое-кого намерения серьезные.

— Полагаете, нас устроят?

Мысленно перебирала доступные виды самодельных средств обороны: расческа, баллончик, разбитый бокал, бутылка, стул, штопор. Негусто! Если некто добыл пластину служащего гостиницы, для него не составит труда проникнуть в номер, никакие щеколды не помогут. Выходит, спать нельзя. Придется держать под рукой диктино и

надеяться на расторопность блюстителей порядка.

— Допускаю, — смягчил перспективы Лотеску. — Я всегда рассматриваю наихудший вариант развития событий. Вот, Магдалена, — он перешел в атаку, — если бы вы окончили курсы, смогли бы себя защитить.

Ну да, хассаби в свое время подписал разрешение на пользование парциленом, велел меня обучить, чтобы не стала очередной жертвой некроманта, но не срослось, не пошла. Теперь жалела.

Промолчала и вслед за начальником вышла в коридор.

— Огнемобиль? — озвучила еще одно место, где могли установить прослушку.

— Уже.

Мне показали блестящую «петельку».

Хорошо постарались, переиграли по всем статьям!

Приглушенно горели светильники, гостиница тонула в полумраке.

Придержав за локоть, Лотеску потянулся к поясу и достал парцилен. Он холодно блеснул в мягком свете лампы. Щелкнул предохранитель, пальцы умело сжали рукоять. Ствол пока смотрел вниз.

— Вот так, — кивнул начальник и кивком предложил двигаться дальше. — На всякий случай.

В голову лезли десятки каверз и способов убийства. Например, перерезать трос подъемника. К счастью, злодеи мысли читать не умели, и мы благополучно добрались до шестого этажа.

Шаги гулко отзывались в тишине, от них по телу разбегались мурашки. Идеальные декорации для книг ужаса! Тенью ступала за Лотеску, который, как заправский ликвидатор, «сканировал» пространство.

Но вот и дверь номера.

Тихо пиликнул замок, пустив внутрь.

Начальник резко распахнул дверь и прижался к дверному косяку, чтобы уйти с линии возможного выстрела. Однако убивать нас никто не спешил и, обследовав подозрительные места, хассаби поставил парцилен обратно на предохранитель и кинул на столик в гостиной.

С опаской обошла оружие и предложила начать со спальни — излюбленного места для шпионажа.

— Думаете, рассчитывали на очередную пикантную запись? — усмехнулся Лотеску.

— Или на обсуждение секретов после бурного секса.

Остановившись на пороге, осматривала отделанную в коричнево-белых тонах спальню. Несмотря на внешнее спокойствие, ощущала неловкость. Мало ли, вдруг у начальника личные вещи разбросаны?

— Бурного? — глаза хассаби блеснули. — А вы проверяли?

Он рассчитывал смутить, но не вышло.

— Сами показывали, хассаби, — невинно захлопала ресницами и направилась к кровати. Раз уж пошли шутки на интимные темы, с нее и начнем. — И рассказывали.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

Неужели опять оступилась? Но Лотеску ведь разрешил! Безусловно, в общении с

начальством фривольные фразы недопустимы, только подобное в адрес подчиненных тоже не норма. Сколько раз хассаби оценивал брюки, юбки, игриво предлагал скрасить одиночество — так, без намеренья переспать.

Искоса глянула на хмурого Лотеску и догадалась: его смутил намек на изобразительную карточку из гостиницы. Вот ведь, мужчина — и стесняется! На меня не смотрит, уставился на шкаф.

— Эм, скажем, это не мое типичное времяпрепровождение.

Он оправдывался!?

— Какая разница, хассаби, что думает секретарь! — легкомысленно заметила я, чтобы замять щекотливую ситуацию. — Женской фантазии любой писатель позавидует.

В таких случаях лучше свести все к шутке, сделать предмет разговора незначительным, чтобы собеседник перестал испытывать неловкость. Да и сама мучилась, сто раз прокляла язык без костей.

Аккуратно опустила на колени и заглянула под кровать. Фонарик бы!

— Некоторые вещи мне неприятны. Да, представьте себе, — с вызовом добавил Лотеску, — даже совесть имеется. И вылезайте оттуда, отвлекаете.

— Чем?

Медленно водила рукой по каркасу, стараясь нащупать посторонний предмет. «Жучок» маленький, легко пропустить.

— Скажем так, сейчас вы демонстрируете одно из достоинств фигуры.

Закашлялась, сообразив, что видит начальник: обтягивающие брюки, призывно виляющая задняя часть. Безусловно, отвлекает, только как иначе работать? Ничего, сейчас целиком заползу под кровать, перестану смущать.

«Жучок» действительно нашла — в изголовье. Еще один, вмонтированный в крошечный кристалл, Лотеску извлек из светильника. Шутки шутками, а враг действительно надеялся на компромат.

Закусив губу, вопросительно глянула на хассаби. Спрашивать неудобно, но он и так все понял, качнул головой.

То есть совсем ничего? Не верю! Мы в столице не первый день, южные мужчины терпеть не умеют. Или развлекался не в номере? А, какая разница, главное, компромата нет.

— Горничная явно не заслужила премии, — Лотеску намекал на мой внешний вид. — Ступайте в ванную, госпожа ишт Мазера, и хотя бы перья из волос вытрясите. Вы ими пол подметали?

Ну да, вылезла из-под кровати я не в лучшем виде. Отряхнулась, но, видимо, что-то осталось.

Ванная номера люкс оставила неизгладимое впечатление. Тут спокойно можно проводить вечеринки. Хочешь пить шампанское с красоткой — вот ванная, которая явно велика для одного человека. Настоящий мрамор, ступенька, чтобы удобнее забираться. Ну и бутылку поставить можно. Душ тоже имелся, полочка с разными баночками. Часть с эмблемой гостиницы, часть — личные.

Зеркало для макияжа с подсветкой, куча полотенец, разные приспособления, чтобы облегчить жизнь богатым, изопроектор — вдруг захочется развлечений?

Смешок за спиной заставил вздрогнуть.

— Вы как на экскурсии!

— Простите! — поспешно отвела взгляд от полочки.

— Ну вас! Можете потом прийти и любоваться сколько угодно.

Лотеску деловито отстранил с дороги и быстро проверил ванную. Она оказалась чистой, хотя, по мне, на кристалл стоило потратиться. Наверное, просто не смогли замаскировать.

Дальше я много лазала, ползала, тянулась. Начальник подстраховывал, если высоко, забирался на стул сам. Номер он проверял тщательно, мог бы, паркет перебрал. В итоге под конец поисков безумно устала и развалилась в плетеном кресле на террасе. Глаза слипались.

Лотеску стоял неподалеку, перегнувшись через перила, смотрел на город. Столица, как и положено большому городу, не спала, искрилась огнями и голографической рекламой. Ветер доносил звонкий смех, звуки веселья. Если бы не мой звонок, начальник бы тоже хорошо проводил время.

— Допьем бутылку? — неожиданно предложил хассаби и обернулся ко мне.

Освещение на террасе не включали, и его глаза чуть заметно блестели, отражая уличный свет.

Мягкий, приглушенный силуэт, полутона. Все не как днем, некий особый, таинственный мир.

— Завтра рано вставать, хассаби, — бесцветно, лимит эмоций исчерпан, напомнила я. — И вы сами не хотели пить.

— Напиваться, — поправил Лотеску. — Ночь звездная, жалко. Гляньте, Магдалена, «Хвост волка» появился, в Нэвиле его не увидит.

Романтика. И начальник уже будто не начальник, а мужчина, пригласивший женщину на свидание.

— Простите, я ничего не смыслю в астрономии.

Предложит показать, обнимет?

Однако Лотеску нарушил шаблон, рассмеялся:

— Я тоже. Пара созвездий, чтобы пустить пыль в глаза.

— Точнее, нравиться девушкам, — поправила я.

Дерзить не боялась, начальник сам понимал, что разговор напоминал свидание.

— Девушкам давно не нравятся звезды, Лена, — хассаби отошел от парапета. — Вы и вовсе прагматичны, обрадовались бы выписке с лицевого счета. Так вино принести? Не хочу пить один.

Промолчала. Пусть сам решает.

Лотеску отсутствовал минут десять. Забеспокоилась, сбросив сонную апатию, не случилось ли чего. Вдруг он не взял парцилен, а в коридоре подстерегли убийцы? Однако опасения не оправдались, начальник благополучно объявился с вином и вернул пластину от номера.

— Я узнал кое-что интересное у ночного портье, — сообщил хассаби и звякнул бокалами — новыми, чистыми, из бара люкса. — О прислуге. Одной из горничных сегодня нездоровилось, и ее заменяла новенькая, якобы знакомая из другой гостиницы. Работала хорошо, нареканий у старшей смены не вызвала, та разрешила убираться без пригляда.

Надо бы бежать, брать администратора за грудки, но ноги упорно не хотели никуда идти. Смотрела вдаль, на манившие в другие миры звезды, и не двигалась — слишком устала.

— В их интересах уладить конфликт, — Лотеску остановился рядом, чуть позади моего плетеного кресла. На террасе имелось второе, вставать не стала. — Полиция в курсе. Сами понимаете, дело с душком.

Представила, как начальник клацает зубами, как заправский зверь, и пожалела хозяев гостиницы.

— Не бойтесь? В руках преступника козырь, — напомнила о похищенной служебной записке.

— Жить вообще страшно, Лена, — усмехнулся Лотеску, поставил бутылку и подвинул свободное кресло к столику. — Молчать не стану. Нельзя шпионить за чиновником такого ранга.

Согласно кивнула. Тут, конечно, противник переборщил, скандал неминуем. Положим, можно устроить ответный, но любая шумиха во вред репутации.

Тихо зажурчало вино.

— Ну, — в ладонь ткнулся прохладный хрусталь, — за скорейшее прекращение всей свистопляски. С ней даже Штайт не посмотрели. Ладно, завтра выдохнете. Королевские приемы пышные, надолго запомните, заодно начнете строить столичную карьеру. С таким платьем «да» говорят в три раза быстрее.

Хассаби покачал головой и тихо рассмеялся.

Рядом с бутылкой темнел брелок от огнемобиля, начальник положил его поверх карточки от моего номера.

Поднесла бокал к губам, но, прежде чем сделать глоток, ободрила:

— Все образуется, хассаби. Вы просто слишком хорошо работаете, не всем нравятся честные и ответственные. И, — тут голос дрогнул, — если хотите выговориться, я пойму, пережила схожее. Знаю, каково никому не верить, жить в вечном напряжении и сходить с ума от липкого, животного страха, когда изменяет выдержка и отказывает разум.

— Не беспокойтесь, с ума я еще не сошел, — тепло улыбнулся Лотеску. — Спасибо за заботу, Лена.

Не скажет. Мужчины всегда молчат, а мужчины-начальники — вдвойне. Только наедине с собой, когда никто не видит, можно уткнуться лбом в зеркало в ванной, опустить плечи и стать слабым.

— Сколько вы так? Я ничего не замечала, так стыдно...

Действительно совестно. Секретарь обязан замечать подобные вещи.

— Полтора месяца, — неожиданно признался Лотеску и, сжимая ножку бокала, откинулся на плетеную спинку кресла. Оно чуть слышно скрипнуло. — Сначала не придавал значения, сами знаете, сколько умников угрожает, а потом стало не смешно. И стыдиться вам нечего, вы не обязаны копать в дерьме.

Он с силой поставил фужер на столик, едва не расплескав вино, но быстро взял себя в руки.

— Лена?

Повисшая в воздухе недосказанность заставила залпом допить бокал.

Лотеску смотрел на меня, а я ерзала, разрываясь между желанием остаться или уйти.

— Не надо, хассаби! — чуть слышно пробормотала и отвернулась.

— Чего? — не видела, но он улыбался.

— Всего, — обмела рукой террасу. — Мне, — сглотнула, — действительно хочется вас пожалеть, помочь хоть ненадолго выдернуть из спины железный штырь, но не надо.

— Странная вы, Магдалена, — задумчиво протянул Лотеску и вновь наполнил бокалы, — отвечаете собственным мыслям.

Так и подмывало возразить: «Вашим», но сдержалась. Пила вино, молчала и старалась не думать о погруженной в полутьму террасе. Просто прекрасная летняя ночь, звезды, приятная компания. И ничего больше, Лена, ничего.

— Не холодно?

Значит, начальник заметил, как передернула плечами. Действительно прохладно, я не рассчитывала на посиделки на свежем воздухе.

— Сейчас!

По плечам скользнула атласная подкладка пиджака — того самого, в котором Лотеску предстояло завтра защищать управление перед королем. Он висел на спинке стула в спальне. Ну да, дверь открыта, взять — минутное дело.

— Спасибо, — смущенно улыбнулась.

Подняла голову: неприлично бормотать в пол, и второй раз за день ощутила на губах вкус чужого поцелуя, мягкого, осторожного, но не робкого. Бережно взяв за подбородок, Лотеску заставил посмотреть на себя и разбил в дребезги последние иллюзии о сугубо рабочих отношениях. Он целовал... Даже не описать. Не держал толком, не рвался покорять новые вершины, но дыхание перехватило, тело обмякло, и я утонула. Шайтан, понимала ведь, куда скольжу, и допрыгалась! Если сейчас же не уйду, могу загубить жизнь — и все из-за кареглазого южанина, который медленно, но бесповоротно подчинял себе.

Губы дрогнули, возвращая ласку. Пальцы скользнули по его шее, забрались под рубашку.

Обреченно вздохнула и прикрыла глаза. Он сильнее.

Время — плотная вата, больше не течет и не существует.

Только не так, пожалуйста! Откуда вы знаете?! Но Лотеску знал, забрал из ослабевших пальцев бокал, чтобы не разбился, и продолжил сладкую пытку. Как же хотелось сдаться, только крупницы разума удерживали от необдуманного шага.

— Нет!

Раскрасневшись, с трудом высвободилась и вскочила.

— Я ничего такого не делал, — изобразил саму невинность хассаби.

Губы чесались, храня память об умелых прикосновениях.

— Вы устроили свидание, — перешла в наступление, — хотя я не раз говорила: никакого секса, хассаби. Понимаю, ситуация подходящая...

— Я не насилую женщин, Магдалена, — тон Лотеску мгновенно изменился, стал жестким, командным, — и вы хотели. Хотели и ждали. Я всего лишь пошел навстречу обоюдному желанию.

— Не все желания нужно удовлетворять, хассаби.

— Вам виднее, — неожиданно быстро сдался хассаби и, поправив сползавший с плеч пиджак, усадил обратно. — Не бойтесь, пейте спокойно. Когда собираются уложить в постель, целуют иначе, Лена, — назидательно заметил он. — Совсем не так, заверяю, и уж точно не медлят. Считайте случившееся поддержкой, которую обещали оказать.

Однако посиделок не вышло, пусть мы, чтобы загладить память о пикантном инциденте, и нашли нейтральную тему для разговора. Быстро допила бокал и, пожелав Лотеску спокойной ночи, вернулась к себе. Пиджак оставила на кресле.

Утро не желало начинаться, пришлось влить в себя две чашки крепкого кофе. На сборы не осталось времени, Лотеску уже нервировал трелью диктино. Через десять минут он объявился собственной персоной. Начальник выглядел как с иголки, выпавшийся, выбритый, словно не рыскал по шкафам и не пил на террасе.

— Так, стойте, поправлю, — он потянулся к воротничку. — Давайте проверю, что сзади.

Дернулась, заслужив укоризненный взгляд.

Ну да, глупо, мало ли, что творится ночами. Приснилось и точка, благо поведение начальника не выходило за рамки общения с подчиненной. Он ни жестом, ни словом не развил опасную тему, в итоге действительно начало казаться: сбросил напряжение и забыл. Если разобраться, ничего такого не случилось. Подумаешь, поцелуй! Я на первом курсе куда чувственнее с приятелем обнималась. Только вот от воспоминаний замирало сердце. Редко когда мужчина не шел по проторенному пути, угадывал, чего на самом деле хочет женщина.

— Ну вот, все в порядке, — довольно кивнул Лотеску и отступил на шаг. — Идемте, опаздывать нельзя.

— Хассаби?.. — так решила прояснить ситуацию.

— Проехали, не повторится. Нервы. Я дорожу хорошими сотрудниками. Вы как, готовы?

— К чему?

Цокала каблуками к подъемнику и сжегивала зевки в кулак.

— К неприятным встречам. Занятно, — губы начальника тронула кривая улыбка, — кто-то из тех, кому сегодня пожму руку, мечтает меня похоронить. И с горничной не поговорить — прием. Но ничего, завтра после обеда.

Смущенно поинтересовалась, пригладив волосы:

— Я не слишком кошмарно выгляжу?

— Нормально, — отмахнулся хассаби. Сам-то благоухает, сияет. — Сначала торжественная часть, немного поспите. Устройтесь за моей спиной, никто не увидит. Как только все встанут, разбужу.

— Куда встанут? — не поняла и едва не запнулась о ковер.

Определенно, пора завязывать с подобным времяпрепровождением и спать по ночам, даже если возле кровати выстроился десяток наемных убийц.

— Перейдут в Белый зал на высочайший доклад, — терпеливо разъяснил начальник. — Сначала нечто вроде общей презентации в Малом зале. Всякие картинки — спите, короче. Зато в Белом зале постарайтесь хлопать со всеми и не закрывать глаза.

— Хорошо, не мне толкать речь! — содрогнулась, представив себя на месте Лотеску.

— Да уж! — скривился хассаби, пропуская в открывшиеся двери подъемника. — Ненавижу пустую говорильню!

Удивленно взглянула на начальника. Хм, а так и не скажешь — длинные вступления, гладкая речь, умение без усилий развить любую тему.

— Можно подумать, вы любите бестолковые собрания, — перехватил мой взгляд Лотеску. — По правде говоря, — он понизил голос до шепота, — король не смыслит ни в магии, ни в сыском деле, но по протоколу положено отчитываться. Раз в год, что радуется, чаще бы вопросов дилетанта не выдержал. Зато фуршет хороший. Вы сегодня ели?

Подозрительно как-то, отчего он такой заботливый? Заглаживает вину за террасу?

— Я спрашивал у портъе, к завтраку вы не спускались, заказали в номер в восемь сорок. Сейчас девять ноль пять. Значит, успели выпить только кофе. Я прав?

Кивнула. Выпила две чашки и съела маленькую булочку.

— Зато вы отлично выглядите, хассаби, будто проспали всю ночь.

— Почему — будто? — Двери подъемника открылись, и мы зашагали по подземному гаражу. — Я отлично выспался, чего и вам желаю.

— А?..

После случившегося казалось разумным, если бы Лотеску отправился искать женской ласки. Да и грешным делом спускалась в гараж, взглянуть на огнемобиль, — зачем, пес его знает! — но не нашла. Выходит, начальник уезжал. Неужели просто проветрился и вернулся? Или перегнал машину на другую стоянку, подальше от продажной obsługi.

— Ммм? — хассаби ответил столь же информативным междометием.

Тему предпочла не развивать, иначе последует закономерный вопрос: отчего секретаря волнует личная жизнь начальника?

Огнемобиль обнаружился перед гостиницей.

Лотеску снял охранные чары, положил папку с материалами на заднее сиденье — в бардачок бы она не поместилась — и распахнул дверцу. Слово королева, скользнула внутрь, пристегнулась и прикрыла глаза.

Всю дорогу до дворца продремала. За время знакомства с начальником привыкла к его манере вождения, да и напряжение минувших дней брало свое.

Лотеску растолкал у дворцовых ворот, отстегнул ремень и велел закатать рукав.

— Зачем? — испугалась я.

— Для опытов, — пошутил начальник и серьезно пояснил: — Для стимулятора. Я введу маленькую дозу, иначе придется тащить вас на себе.

При мысли об ампуле стало дурно. Болезненная процедура, по усилителю магического потенциала знаю.

Лотеску извлек из потайного кармана ампулу и взболтал.

— Ну, давайте руку. Глазки закроете, отвернетесь. Я не маньяк, честное слово! Хотя, помнится, вы меня подозревали.

Разговаривал, как с маленькой! Это отрезвило. Нашла, чего бояться!

Да, подозревала, начальник частично подходил под описание преступника.

— Спасибо, хассаби, но вам нужнее. Недосып — не чрезвычайная ситуация.

— Когда как. Мое дело предложить, ваше — отказаться.

Думала, введет вещество себе, но Лотеску убрал ампулу. Пола пиджака приподнялась, и я заметила хромированную рукоять парцилена.

Под ложечкой засосало.

Не беспечен начальник, отнюдь не беспечен, не просто так ночью крался по коридору с оружием, снятым с предохранителя. Хассаби не мальчишка, не стал бы играть в войнушку, да и «жучок» под кроватью не невинное развлечение. За начальником следили, пытались подловить на «горячем». Заодно прослушивали меня, рылись в личных вещах.

Былой кошмар возвращался. Одно дело — письма, другое — статьи и люди, спокойно проникающие в закрытый номер. Странно, но прежде, несмотря на предостережения

начальника, не думала, будто враг может причинить физический вред. Посадить в тюрьму — да, убить — нет. А ведь следовало, Магдалена, он оправил на тот свет троих, одного лишь для того, чтобы я не узнала правду.

Цифры с чудом уцелевшего листка расшифровали. Кто бы сомневался, опять замешан Роджер ишт Милс. Кто же тот таинственный незнакомец, которого никто толком не помнит, нигде не работает, за которым не числилось никаких иных документов, кроме удостоверения личности. Не сомневаюсь, оно липовое — преступник наострил их получать и раздавать. Наверняка на него трудился не только Густав ишт Краус — помог же кто-то Ронсу стать дворянином?

Кто же: Лаур или Бернард? Алард общался с обоими, но решительно отказывался выдавать, кто подал блестящую идею утопить Лотеску. Однако я верила в мастерство полицейских, рано или поздно бывший второй зам расколется.

Оба могли навредить: столица — их территория. У обоих в подчинении маги, специалисты по охранным чарам, достаточно власти. И наверняка заведены обезличенные счета, чтобы оплачивать купе первого класса для исполнителей. Только вот Бернард мог гораздо больше и не выставлял свою заинтересованность напоказ.

Оставался маг — тот самый, которого привел Ронсу. С кем он ужинал, и кто его отравил. Где пил, что пил? Одни вопросы! Ответы на них в Нэвиле. Несмотря на все столичные соблазны, рвалась обратно, радовалась, что командировка заканчивается.

Глубоко вздохнула, приводя пульс в норму.

Нужно успокоиться, королю не интересны твои печали. Или собираешься подойди, ткнуть пальцем и без всяких доказательств обвинить чиновника высокого ранга? Смешно!

— Мне положено, — начальник перехватил взгляд и угадал ход мыслей. — С моими магическими способностями и вовсе необходимо.

Хассаби называл себя никудышным чародеем, хотя обладал потенциалом третьего уровня, если точнее, две целых четыре десятых — именно такую цифру он вписал при последней проверке. А ведь еще полтора года назад было две целых шесть десятых. Я на фоне Лотеску — пшик. Задатков к магии нет, болтаюсь с искусственно созданным в университете четвертым без всякой надежды на повышение.

— А это не связано с?.. — не договорила, памятуя о соглядатаях.

Сомневаюсь, будто во дворец пустят с оружием, наверняка прогонят через «рамку», обыщут. Иначе монарха давно убили бы. Или у таких, как Лотеску, особое разрешение?

Хассаби промолчал и укоризненно напомнил:

— Сами собирались в клуб, портье сказал.

Хотелось дерзко ответить, но вряд ли начальник порадует, если охранники станут обсуждать наши своеобразные отношения. И еще меньше, если из-за неосторожной фразы начнутся расспросы иного характера. Те самые, которые могут плохо закончиться.

Нацепила на лицо улыбку.

Я само спокойствие.

Огнемобиль тронулся.

Лотеску дежурно продемонстрировал удостоверение личности, назвал свою должность, представил меня. Вручила документы суровому охраннику — все как обычно.

Начальник уверенно зарулил в королевский гараж и, немного поплутав, припарковался. Утихомилив мотор, наполовину живой из-за бесновавшегося под капотом духа огня, Лотеску забрал папку с заднего сиденья и хлопнул дверцей. Следом вылезла я, оправив смявшуюся юбку. Покончив с охранными чарами, хассаби помедлил и взял под руку: на

каблуках и в сонном состоянии дорога представлялась полосой препятствий.

Стоило сделать пару шагов, как объявился лакей и попросил следовать за ним. Вопреки ожиданиям, он не носил ливрею с галунами — перед нами предстал энергичный молодой человек в обычных брюках и рубашке. Только пиджак красный, удлиненного кроя, с фрачными фалдами и королевским вензелем на лацканах.

Вместилище огнемобилей, иных на данном уровне не держали, показалось обычным, зато дальше сон пропал, уступив место любопытству.

Дворец не походил ни на министерство, ни на ратушу — вообще на что-либо, виденное ранее. Он оказался огромным, даже не так, неимоверно огромным, и чрезвычайно современным. Везде карточки доступа, идентификация по ладони, нити сканирующей магии, мимо которых комар не пролетит. Догадываюсь, сколько по периметру кристаллов!

Запутанный комплекс сооружений соединяли дворы и крытые переходы. Некоторые застеклили со всех сторон, позволив наблюдать за людьми внизу. Лакей с важным видом толковывал о безопасности и прочности данных конструкций, но я трусливо старалась быстрее миновать опасный участок. Стекло не камень, ученые могли сколько угодно химичить, но один меткий удар каблуком... Существуют особые точки, ими пользуются взломщики. Ударишь, пойдет трещина.

Лотеску погрузился в себя и, казалось, не заметил бы, если бы мы шли через стену огня.

Гараж находился вдали от парадных залов, в новой части дворца. Здесь размещались различные службы, трудились чиновники дворцового ведомства, проводили выставки и иные общественные мероприятия. Отчитываться предстояло в старой, исторической части. От нее веяло имперским размахом. Не удивлюсь, если зданию больше ста лет. Тем не менее, неведомый архитектор позаботился об удобстве, в меру своих возможностей, разумеется, вместе со скачком науки и технологии дворец модернизировали.

Какие потолки, сколько света! Окна — словно порталы в иные миры. Везде мрамор, позолота, инкрустации. С удовольствием провела бы здесь пару часов, разглядывая живопись, любясь работой резчиков. Оформление залов не повторялось, у каждого своя изюминка. Логично предположить, что их называли по функции и отделке. Раз так, Белый зал мраморный, а Малый... Сомневаюсь, будто он крошечный, значит, изначально назывался Малым тронным. Читала, в имперские времена посетителей принимали в разных помещениях. Обычных подданных — в одном, послов и аристократов — в другом. Очевидно, тогда и расплодился Тронные залы.

Однако времени на любование прекрасным не предоставили. Лакей двигался быстро, умело лавируя среди людей. Он любезно открывал перед нами двери, нажимал на кнопки подъемника. Лотеску не обращал внимания, копался в диктино, а я ощущала себя принцессой. Никогда прежде никто не спешил оградить от бытовых мелочей и не называл «хассаби», хотя прекрасно знал о статусе. О да, понимаю начальника, обращение ласкало слух, дарило крылья.

Запоздало вспомнила о подарке министру и вполголоса спросила у Лотеску, отдал ли он его. Если нет, нам конец! Хассаби кивнул и приложил палец к губам. Ушей тут хватало.

Новые впечатления на время затмили историю с «жучками». Да и что толку прокручивать события, если фактов нет? Не сбежишь же в полицию посередине доклада! Опять же требуется держать лицо. Личный помощник отвечает не только за сохранность бумаг, но и за репутацию руководителя, порой и всего учреждения. Поэтому сосредоточилась на текущих делах. До приема успею и в салон заскочить, и справки навести. Надеюсь, наши подсуетились, подготовили портативную голограмму. Не терпелось посмотреть на Роджера ишт Милса, выяснить, кто из сладкой парочки заварил кашу. Можно замаскироваться, но рост, пропорции тела, привычки останутся прежними.

Шайтан, а ведь буквально через пару минут я встречу с преступником!

Так, хватит, Лена, он не первый и не последний. Ну, важная шишка и что?

Зал действительно оказался малым лишь по названию. Светлый, переделанный для

торжественных выступлений, он вмещал две сотни человек.

Рядом удачно повесили изопроектор, он и спина Лотеску скроют от любопытных глаз. Устроилась на стуле позади начальника и, дождавшись, когда погасили свет — началась презентация, — скинула туфли. Блаженство! В итоге задремала и позорно проспала бы фуршет с докладами, если бы не Лотеску.

В Белом зале спрятаться оказалось негде. Во-первых, он меньше, во-вторых, залит светом. Никаких стульев, только длинный стол с едой и напитками в противоположном конце. Прислонилась к колонне и прикрыла глаза. Только теперь поняла, насколько устала.

Начальник стоял рядом и беспокойно поглядывал на дальние двери.

— Так, — наставлял он, — его величество задерживается, не забудьте оказать ему знаки внимания. В Малом зале вы благополучно проспали.

— А разве он уже?..

В ужасе заморгала, гадая, заметил ли кто-нибудь мою оплошность. Если да, я пропала. Отказ приветствовать монарха можно приравнять к неуважению власти, а это статья.

— Разве! — шипящим шепотом передразнил хассаби. — Спать надо меньше! Предлагал же стимулятор, нет, она упертая! Ладно, мне нагрубить, стерплю как-нибудь, а тут могут такое припать, учитывая дело Эламару. Угораздило же влюбиться в некроманта и нарушить инструкции!

— Но я не...

Положим, действительно влюбилась в подозреваемого, чего делать не следовало, но стойко молчала о следствии.

— Вы — да, — оборвал оправдания начальник. — Материалы дела помню наизусть. К слову, мне, который из тюрьмы вытащил, лучшего адвоката нанял, судимость снял, никакой благодарности, — ворчливо добавил он.

Что на такое ответишь, только: «Спасибо, я очень ценю вас, хассаби». Не разбирать же спорное высказывание. И благодарить благодарила, да и с лучшим адвокатом вопрос.

Лотеску отвернулся и буквально через мгновение больно ущипнул за руку. От такого и мертвый проснется.

Король!

Постаралась сделать самый глубокий и почтительный реверанс на свете и украдкой взглянула на монарха. Газеты не ввали, черты лица те же, только я представляла короля высоким. Сонмекс оказался по плечо министрам, зато не полный, грузный, как многие низкорослые люди — обычный человек, сероглазый, русоволосый, с короткой бородкой. Северянин: только у них светлая кожа. Король был одет в серый костюм из тонкой ткани. Последний, разумеется, сидит идеально. В петлице — гвоздика.

Монарх устроился в напоминавшем трон кресле и кивнул собравшимся. Далее — короткое приветственное слово. Мол, он рад всех видеть и надеется, мы его порадуем. Мы — это все те же представители Карательных инспекций, которых в начале недели мучил министр. Посторонних в Белый зал не пустили, остались только высшие магические служащие и их помощники.

Покосилась на трибуну неподалеку от короля. Она напоминала эшафот. Не внешне — по ощущениям. С нее, повернувшись лицом к монарху, полагаюсь вещать главам Карательных инспекций. Нэвильская значилась в списке четвертой. Доклады делались в форме дискуссии: руководитель произносит речь, ее критикуют, изредка вмешивается король и в конце ставит оценку работе.

Без ложной скромности, я написала лучшую речь, а начальник ее блестяще вызубрил. Другие читали — он говорил и не только. Лотеску ловко отбивался от каверзных вопросов, задал оппонентам парочку своих и вышел победителем.

Меньше всего ожидала, что меня тоже позовут на трибуну. Думала: все, отстрелялись, и тут Лотеску назвал мое имя. На негнущихся ногах, с комом в горле пересекла зал, ощущая себя неуклюжей коровой под огнем перекрестных взглядов. Не худышка, одежда не на заказ пошита, на каблуке царапина — словом, сто тридцать три повода посмеяться. И такая чувырла с вороньим гнездом на голове — увы, времени на полноценную укладку не хватило, — мозолит глаза королю. А рядом шикарные женщины из чужих Карательных инспекций, с которыми шапочно познакомилась в министерстве. Хассаби, хоть вы постоите рядом, не бросайте! С мольбой покосилась на Лотеску и уловила едва заметный кивок. Вроде, собирался помочь. С другой стороны, если утонем, то вместе, иного не дано.

Ладно, соберись. И костюм на тебе новый, отутюженный, и волосы собраны в пучок, а не торчат в разные стороны. Да, без макияжа, но я не страшилицем уродилась. Словом, поднимай самооценку. Кто мечтал о повышении? Тогда вперед!

Взобралась на трибуну и приветствовала высоких особ. Пока говорила, выравнивала дыхание. Вроде, удалось, вернулась былая уверенность.

Подумаешь, король! Он тот же мэр, только рангом выше. Большой начальник, не более. Главное правильно себя настроить.

Голос Лотеску звучал звонко:

— Позвольте представить моего секретаря — госпожу Магдалену ишт Мазеру. Она с удовольствием расскажет о работе по контролю несанкционированной магии. Госпожа ишт Мазера долгие годы занималась розыском преступников в данной сфере и заслужила не одно поощрение. Она и сейчас удачно совмещает две должности. Побольше бы таких сотрудников, господа!

Зарделась от неожиданных комплиментов и пожевала губы, что частенько делала, когда волновалась. Дурная привычка! И по закону подлости с коротким высоким звуком сработала вспышка изображателя. Надеюсь, на магической изобразительной карточке я улыбалась, а не кусала губу. Понадеемся на лучшее, но отныне — строгий самоконтроль.

Его величество пожелал услышать о буднях инспекции, и я с готовностью описала недавнее прошлое. Тщательно следила, чтобы оно рисовалось радужным: и лаборатория самая лучшая в стране, и рутины нет, и полиция нас обожает. Требуется реальное дело и методы его раскрытия? Пожалуйста. В качестве примера поведала о мошенничестве в сфере красоты, когда одна ушлая ведьма без лицензии меняла клиентам внешность.

Кажется, я произвела благоприятное впечатление: король кивал, улыбался. Замечательно, значит, импровизация — мой конек. Но Лотеску убью! Если это его инициатива, не стану молчать. Или решил отомстить за отвергнутые притязания? Кто их знает, как южане воспринимают отказы. Впрочем, на месте мужчины с уязвленным самолюбием я выбрала бы иную месть, не рисковала бы добрым именем инспекции. Не разбудила бы, а потом уволила за срыв ответственного мероприятия.

Дождавшись разрешения, поспешно освободила трибуну для других выступающих. Их слушала в пол-уха, благо секретари в дискуссии не вступали, терпеливо дожидались, пока начальники переругаются. Баталии велись жаркие, каждому хотелось выглядеть самым лучшим в глазах монарха. Воспользовавшись близостью Лотеску, тихо поинтересовалась, по чьей инициативе оказалась на трибуне.

— Моей, — не стал отпираться хассаби и выпил стакан воды. — Никакого злого умысла, госпожа ишт Мазера, — поспешил добавить он, перехватив мой возмущенный взгляд. — Я на задержания не езжу, а вы прежнюю работу обожали, против воли заразили бы страстью окружающих. Опять же лучше быть разумным человеком, а не мебелью для подачи кофе.

Молчала и продолжала искоса смотреть на Лотеску. Выкрутился или не врет?

— Начальству нужно верить, — повторил он давнюю фразу. — Помните, скоро все изменится, и куда вы? Вот. Собирайте рекомендации.

Верно, хассаби ведь переводят в столицу. Он настроен оптимистично, полагает,

преступника посадят. С другой стороны, только так и стоит жить, иначе лучше сразу в гроб. Сама такая, верю: выберусь. Всегда и везде.

Мельком глянула на трибуну и увидела Роджера Лаура. Улыбка сползла с лица, но я быстро вернула ее обратно.

Глава столичной Карательной инспекции на меня не смотрел, своих дел хватало. Король хмурился и постукивал пальцами по подлокотникам — дурной признак. Тут и оппонентов не требовалось, его величество сам в пух и прах разметал отчет Лаура. Посыпались вопросы о растрате, о малом проценте раскрываемости, мошенничестве. Лаур мужественно отбивался, но стул под ним качался и грозил упасть прямо сейчас.

Присутствующие притихли, жадно ловили каждое слово.

Король говорил резко, местами повышая голос. Лаур парировал вежливо, спокойно, только голубые глаза сверкали. Он производил впечатление надменного дворянина, который не терпел обид, даже если их наносил вышестоящий. Смуглый, тоже брюнет, как и Лотеску, Лаур, тем не менее, не обладал кипучей кровью южан. Если верить скупой информации справочника, он родился в столице, куда его предки переехали при деду Сонмекса. Движения выверены, подбородок всегда высоко поднят — аристократ до кончиков пальцев. Только похож на волка, а затравленный зверь разорвет охотника.

Прислушалась — говорили как раз о мухлеже с финансированием.

Лаур держался более чем достойно, отмел обвинения и перевел стрелки на министерство. Тут пришло время Абеля Бернарда держать удар. Он легко и просто, играючи, отмел «детский лепет хассаби Лаура». Очередной матерый волк! Они даже похожи — легким презрением ко всему и вся.

Битву Лаур выиграл, но кресло проиграл — догадалась по поведению короля. Он подозвал секретаря и что-то быстро нашептал, косясь на главу столичной Карательной инспекции.

Когда баталии стихли, всех нас запечатлели вместе с монархом, даже портативную голограмму сделали. Потребовалось несколько дублей, чтобы придворный репортер остался доволен.

Ну вот, с речами покончено.

Собравшиеся разбрелись, продолжив беседу за фуршетным столом.

Мое маленькое выступление привлекло внимание пары чиновников. Они поинтересовались, приеду ли на вечерний прием, и попросили оставить для них по танцу. С радостью, от деловых связей не отказываются.

Лотеску говорил с его величеством, поодаль от меня.

Любопытно наблюдать за человеком, когда он об этом не подозревает.

Вот король, хассаби рядом. Склонил голову, но не в поклоне, а как бы давая понять: «Я само внимание». Начальник говорил тихо, медленно, чтобы монарх мог обдумать его слова. Пальцы сжимали бокал, но к вину Лотеску не притронулся. Он не жестикулировал и старался как можно меньше двигаться — только подчеркнутая заинтересованность, желание угодить. Значит, существует-таки человек, ради которого начальник наступит на горло собственной гордости.

— Госпожа ишт Мазера?

Вздрогнула и, обернувшись, увидела министра магии. Абель Бернард смотрел недобро, с прищуром, словно догадывался о подозрениях. Стало не по себе. Если игра пойдет в открытую, куда мне деваться?

— Вижу, вы скучаете.

Ну да, конечно, именно поэтому буравите взглядом.

— Вам показалось, хассаби, — режим кокетки включен. — В таком месте не бывает скучно.

От улыбки сводило скулы, ресницы соперничали с древними опахалами. Старательно изображала, будто мне льстило высочайшее внимание, и я всеми правдами и неправдами рвусь провести вечер в приятной компании.

— Это ваш первый визит в столицу?

Министр предложил руку, и мы двинулись по периметру зала, копируя поведение книжных героев из великосветского общества.

Бернард молчал и явно не верил. С каждой минутой ситуация нравилась все меньше, но паниковать не собиралась. Скорее всего, он рассчитывал получить некую информацию или предложить денег за молчание, помощь — словом, услугу. Нужно заготовить вежливый обтекаемый ответ.

Следи за мимикой, Магдалена, внимательно следи!

Абель Бернард — матерый волк, как и Роджер Лаур. Такой не выдаст себя лишним жестом. Его интерес показателен: копаем в верном направлении. Интуиция вопила: вот он, преступник!

М-да, как бы со сладкой улыбочкой не выкопал и не извратил какие-нибудь факты из прошлого, а то и вовсе велел передать Лотеску персональное приглашение на прием. Куда с таких уходят, понятно: либо в отставку, либо в тюрьму.

Мысленно подобралась, прикинула, что могла знать о грязной истории секретарь. Если министр спросит, я готова.

— Да, хассаби, прежде мне не доводилось бывать в Штайте.

Славила столицу и продолжала анализировать ситуацию.

Бернард полагает, будто напал на провинциальную дурочку, которая выболтает подноготную начальника, не сообразит, кто кукловод. Вроде, все просчитал, только вот мы видимся в третий раз, и прежде я оставалась для него пустым местом. А тут вдруг повышенное внимание. Преподнести под соусом «ах, какая женщина!» не выйдет. У него жена и секретарь, достоинств которой хватит для удовлетворения любого мужчины. Нет, милый, «жучки». Стоило их частью уничтожить, частью сдать полиции, как ты зашевелился. В совпадения не верю.

Продолжаем цепочку. Бернард боится. Опять же либо торговал секретами, либо опасался потерять кресло. Пусть Лотеску назначили не на ту должность, на которую он рассчитывал, меня не проведешь, догадываюсь, из списка претендентов на роль помощника хассаби вычеркнул сам министр. Только вот начальника все равно повысили, переводят в столицу. Тут-то и опасность: следующий шаг — министерское кресло. Лотеску добьется, даже не сомневалась. Мотив? Еще какой!

То есть в любом случае Бернарду выгодно опорочить хассаби, устранить опасного соперника. И неважно, вел министр дела с сорнейским послом или ими баловался Лаур, Лотеску собеседнику как кость в горле. Судя по характеристике, данной начальником потенциальному работодателю, тот конкурентов ненавидел. Таких людей, как Абель Бернард, из кабинета выносят только после смерти.

Эх, как бы раскрутить, понять, какая версия верна!

— Тяжело вам, наверное, было уйти на понижение, — министр намекал на переселение в приемную.

— Каждая работа почетна, — выдала очередную общую фразу.

Может не надеяться, слова дурного о начальнике не скажу, о Карательной инспекции — тоже. Если на кого-то и затаила обиду, поделюсь с подружкой.

— Но вам, наверное, хотелось бы вернуться к прежней? — не унимался Бернард.

О нет, он не волк — лис. Обволакивает словами, подталкивает в нужном направлении. Смысл разговора прозрачен — заманить наградой. Мол, вы выступали со знанием дела, глаза блестели, есть вакансия, взамен выполните маленькое поручение. Уверен, записки Лотеску мне не показывал.

— Уже нет.

Конечно, хочу и вернусь.

— Полагаю, это связано с хассаби Лотеску, — министр двусмысленно улыбнулся.

Ах ты!.. Не с одного бока, так с другого. Но не надейся, не вспылю, в инспекции тоже шептались за спиной. Сколько там нашей мифической связи с начальником? Да за столько лет он давно бы охладел.

Сама себе поражалась: ни один мускул не дрогнул.

— У нас чисто деловые отношения.

Образ кокетки рассыпался, но Бернард в него и так не верил, зачем наигранно ахать, обиженно выпячивать губки?

Хм, похоже, министра озадачило мое спокойствие, однако он не думал отступить:

— Тогда вы, наверное, как никто другой, знаете, какой он человек.

— Хассаби Лотеску — великолепный руководитель.

Определенно, выпытывал сведения и собирался купить. Что на кону, раз министр не гнушался общаться с секретарем главы какой-то Карательной? Миллион, два? Или вовсе жизнь?

Лотеску с королем. Далеко, не видит, придется справляться самой.

— Признайтесь, госпожа, — министр перешел на доверительный шепот, — показатели завышены? Начальник попросил «нарисовать», чтобы скрыть оплошность. Не бойтесь, я не первый год на посту, все понимаю. Увы, махинации всегда всплывают, а отвечать придется исполнителю, то есть вам. Несправедливо, верно?

Ага, новый метод. Глупость не прошла, лезть тоже, пряник отвергла, теперь припугнет.

Ну да, процент завышенный, кто ради хорошей статистики не мухлюет? Только Лотеску ничего на меня не сваливал и уж точно трусливо не подставит под удар. Если на то пошло, я всего лишь оформила отчет, а с цифрами возился он.

— Увы, у меня нет других цифр. Полагаю, вам лучше поговорить с хассаби Лотеску, я не занимаюсь аналитикой.

Раздосадованный министр откланялся. Проводив его настороженным взглядом, отошла к фуршетному столу, дожидаться, когда освободится Лотеску. Оставалось только гадать, чем обернется сегодняшний разговор.

Роджер Лаур обнаружился неподалеку. Не один — со своим вторым заместителем Лоджером ишт Сонером. Глава столичной Карательной взял его вместо секретаря. Прежде мы виделись мельком, в то самое злополучное утро похмелья, поэтому, пользуясь случаем, рассмотрела, благо Сонер входил в расширенный список подозреваемых. Высокий блондин, тонкий, напоминавший человека искусства. Мелькнувшие запонки окончательно убедили — метит высоко, этакий Эмиль Лотеску, только моложе. Хрупкость обманчива, я способна понять, у кого под рубашкой пусто, а кто спокойно отожмется от пола. Так вот, Лоджер ишт Сонер мог приструнить ликвидаторов. И улыбочка такая гаденькая, едва заметная, змеиная. Шайтан, так это он мне!

Огненными буквами вспыхнули слова последней записки, мои изобразительные карточки, выпавшие из конверта.

Второй зам столичной Карательной инспекции, как Алард. Как Алард, Лена! Иногда

прозрение накрывает внезапно, как и осознание, что именно нужно искать.

Не выезжал из города, говорите, алиби? Так он готовился, знал, проверим. Ронсу у него в подчинении. Дура, Лена, плохо слушала, когда Лотеску о прошлом рассказывал.

Закусив губу, нервно покосилась на начальника — все еще занят королем.

А если все просто, если второй зам жаждал повышения? Перед ним еще один кандидат, самому не перепрыгнуть. Тут еще Лотеску и всеильный министр, которому хассаби тоже поперек горла. И Ронсу, которого завербовал Бернард и который получает жалование совсем в другом месте. Он официально трудоустроен, действительно помогал. Начальником — Лоджер ишт Сонер.

Ох, что-то выпить хочется!

Потянулась к бокалу и жадно глотнула шампанского. Пузырьки щекотали горло, упорядочивали мысли, охлаждали щеки.

Ладно, допустим, та парочка в сговоре, но улики? Пока вилами по воде. Мне категорически нужно в банк, требуется расшифровка звонков с диктино Ронсу и Аларда — куча всего. Но сначала та самая папка из домашней гостиной начальника. Если уровень потенциала мага-убийцы совпадет хоть с кем-то из парочки, если там сохранился отпечаток почерка...

Жутко захотелось в гостиницу, а лучше обратно в Нэвиль. Там ребята, лаборатория, можно третировать людей запросами и добиваться результатов. Но нельзя. Никогда бы не подумала, что так возненавижу светскую жизнь.

Ишт Сонер все смотрит. Ладно, мне не жалко.

Широко улыбнулась второму заму столичной Карательной. Пусть видит, я не боюсь. Отвернулся. Ну и ладно.

Спокойно, Магдалена, спокойно! Возьми со стола бокал игристого и дожись, пока Лотеску закончит разговор.

Выпила бокал без закуски. Никогда не была алкоголиком, но, похоже, стану, потому что потянулась за второй порцией.

Мысли сменяли одна другую — абсурдные и не очень. Деловые вопросы отошли на второй план, я прокручивала в голове новую версию и все больше убеждалась, что пару минут назад близко познакомилась с обоими подозреваемыми. Пусть доказательств нет, ну, почти нет, логика вопила: больше некому. Министр, безусловно, замешан, но ему нужна «шестерка». Ишт Сонер как куратор ликвидаторов досконально знаком с системами безопасности.

Не удивлюсь, если записи кристаллов нашей инспекции тоже преподнесут сюрпризы. «Жучки» установили в кабинете Лотеску, Алард занимал ту же должность, что и блондин. Сначала решила, будто он прятал прослушку при начальнике, а теперь, припоминая самодовольное лицо Сонера, засомневалась. Может, Леонар Алард и не слишком умен, но догадался ведь подделать почерк. Положим, повышения он не заслуживал, однако Барашт его не уволил, держал столько лет. Лотеску тоже.

Записи кристаллов хранятся месяц, затем стираются и заменяются новыми. Срок еще не вышел, успею посмотреть, кто вертелся возле кабинета Лотеску. Сам он не успел, Неделя просвещения и командировка помешали.

Рассеянно провела рукой по рукаву и сняла волос. Русый. Хотела выбросить, но вовремя сообразила, кому он может принадлежать, и убрала в сумочку. Главное, не потерять.

Все, хватит сказок! Дождись Лотеску, перескажи разговор с министром и оперируй фактами. Женская фантазия порой безгранична, а камеры — не резиновые.

Вновь пришло на помощь шампанское. Пила и старалась не смотреть на Сонера. Блондин нервировал, навевал мысли о скором неприятном сюрпризе. Вроде, ничего не говорил, не подходил, а словно письмо с угрозой вручил.

Шайтан, да скоро там Лотеску?!

Едва дождалась, пока начальник освободится, и увлекла его в уголок. Плевать на чужое мнение, не желаю, чтобы перехватили.

— Важный звонок, хассаби, — соврала для чужих ушей и едва ли не затолкнула в смежное небольшое помещение, по сути, простенок между дверьми.

— Что вы себе позволяете, госпожа ишт Мазера?! — прошипел начальник, нервно оправив манжет. — На людях!

На мгновение потеряла дар речи. Он решил, будто я?.. Подавила смешок — настолько нелепой показалась ситуация. А вот хассаби, кажется, не смешно, смотрит волком. Ну да, не поезд, хотя ситуация почти зеркальная.

— Что именно позволяю, хассаби? — уточнила на всякий случай. — Порочу вашу репутацию?

— Нет, вы ее улучшаете фамильярностью. Ну, что случилось? Надеюсь, важное.

— Вполне, — проигнорировав его злой шепот, перешла к сути. — Лучше пусть думают, что вам секретарь на шею вешается, чем сочиняют некрологи.

Слова произнесли нужный эффект — раздражение Лотеску улетучилось, на смену пришла деловая озабоченность.

Поведала о странном поведении министра и своих подозрениях насчет второго зама местной Карательной. Пока говорила, не сводила взгляда с лица хассаби. На нем сменилась гамма эмоций: от неверия до ярости.

— Значит, не Алард, — заскрежетал зубами начальник. — Чем же я им всем не угодил?

Вопрос явно не требовал ответа, поэтому промолчала.

Лотеску задумался и потянулся к диктино. Включил его на приватный режим и проговорил ровно полминуты. Судя по мимике, отдавал приказания.

— Магдалена, — начальник вновь обратил на меня внимание, положил руки на плечи, — честно и со всей ответственностью: вы видели и слышали то, что сказали? Ничего не выдумали, без «показалось» и прочих женских штучек?

Ответила утвердительно.

— Вам нужна охрана, — огорошил хассаби. — К счастью, надолго мы в столице не задержимся, а прилюдно не решатся.

— Не решаться на что?

Холодок пробежал по спине.

— Если они в курсе, когда побывал в банке, то убить.

Лотеску произнес страшное слово буднично, словно речь об отчете.

Ноги задрожали, но я умела справляться с нервами, не сползла на пол, не вцепилась в руки хассаби. Только кровь отлила от лица, а перед глазами упорно вставали картины прошлого, того, с Тайроном.

— Ничего, — Лотеску, пользуясь тем, что нас не видят, приобнял, — скоро все закончится. Рыба заглотила крючок, мы ее почти вытащили.

Закашлялась, и понятливый начальник убрал руки. Понимаю, он хотел ободрить, но сам ведь твердил о репутации.

— Если спросят, о чем мы говорили, хассаби?

— Отец звонил, семейное дело, — не задумываясь, предложил версию Лотеску.

Видимо, часто прибегал к подобной лжи.

Кивнула и осторожно спросила:

— Новых фактов нет?

— Вечером будут, Магдалена, — улыбка вышла многообещающая. — Ну и завтра заедем в комиссариат, я просил подсуетиться со счетами, надавить на банк. Пора прикрывать лавочку.

Абсолютно согласна.

— Еще раз спасибо, Магдалена, вы бесценный сотрудник.

Смутившись, забормотала про гражданский долг и порядочность.

— Ох, порядочность! — отмахнулся начальник. — Вам ли не знать, как легко продаются люди.

Ну да, меня предал коллега, а Лотеску — один из заместителей. Хорошо, если только он — с Синглером толком не выяснили. Знаю лишь, что начальник его временно отстранил, назначил служебное расследование. Приказ готовила сама, уже в столице, показала бывшему начальнику безопасности и ишт Блэру по визуальному режиму. Немного жалко Синглера, он за пару недель сильно исхудал, но вина налицо. Безопасность шалит, «жучки» в кабинете главы инспекции ставят!

Краем слуха слышала, уволили две смены охранников в полном составе без права поступления на государственную службу и с такой характеристикой, что только улицы мести. Правда, Синглеру грозит более строгое наказание. Если полиция установит причастность кого-то из уволенных к преступлениям, получит повестку в суд. Шестое чувство подсказывало: надежды на благополучный исход мало. Вряд ли Алард действовал в одиночку, потому как чары чарами, знания знаниями, а кристаллы просматриваются. В кабинете Лотеску они тоже установлены, правда, доступ к ним ограничен, не для развлечения в караулке, но их бы подняли, случись ЧП. Разве возня Аларда возле чужой двери не повод? Словом, тылы второго зама прикрывали. Надеюсь, не Синглер, который в силу должности, мог любой кристалл выключить, а потом включить, чтобы не сохранились преступные действия. Все равно на записи маркируется только день, более точное время устанавливается логическим путем.

И что же вечером? Неужели на приеме Лотеску кого-то разоблачит?

Словно прочитав мысли, начальник усмехнулся и попросил приготовиться к неожиданностям.

— Будет жарко, от изображателей не протолкнуться, поэтому приоденьтесь и ничему не удивляйтесь.

Выждал паузу и добавил:

— Вы действительно помогли, связали ниточки. Я проверю одну вещь, и побеседуем с Бернардом. Он давно под подозрением, только подручного не хватало. А еще Ронсу мешался, но нашептали кое-что добрые люди.

— За деньги? — осторожно выглянула, проверила, не подслушивает ли кто.

Уфф, гости заняты королем, стараются обратить на себя высочайшее внимание. Кандидаты в арестанты затаились. Сонер самоуверенно полагал, что выйдет победителем, может, действительно готовит убийство. Бернард обдумывал сложившееся положение вещей. Оно ему явно не нравилось, может, пойдет на радикальное решение проблемы.

В горле резко пересохло.

Плевать на правила о леди, возьму еще шампанского.

Ненавижу карьеристов, идущих по головам! И чиновников, прикрывающих махинации

трусами. Они жаждут страха? А вот не стану бояться! И стыдливо жаться с шампанским в углу тоже.

— Я вам еще нужна? Хочу последовать вашему совету и завести пару полезных знакомств.

Лотеску заломил бровь и, наклонившись, уточнил:

— Надеюсь, не с убийцами?

— Потенциальными убийцами, — поправила я и посоветовала: — Не делайте громких заявлений, хассаби, только разозлите.

Начальник усмехнулся и отступил на шаг.

— Даже не собирался, всего лишь поговорить с одним человеком. Я не самоубийца, госпожа ишт Мазера, и не дешевый позер.

Хорошо бы, только оброненные недавно слова смущали.

С недовольным выражением лица, словно Лотеску нагрузил поручениями, вернулась к остальным. Вроде, никто пальцем не показывает, не до секретарей им.

Поискала глазами министра. Хм, пропал. Не нравится мне это! Но если не можешь ничего сделать, расслабься. Начальник — стреляный воробей, в конце концов, в его интересах закрыть дело, ведь на кону карьера и, вероятно, жизнь.

Да, секретарь — птица мелкая, такую не замечают. Не воспользоваться ли? Наряд куплен, чтобы не мандражировать, проведу свободное время до приема с пользой.

Платье сидело идеально, хотя без белья ощущала некоторую неловкость. Да и холодно, поддувало. К счастью, Лотеску включил в огнемобиле легкий подогрев, поэтому не мерзла. На улице, впрочем, не холодно, это психологическое.

Кожей чувствовала внимание начальника. Пусть он держал руки на руле, а не на моих коленях, знала, взгляд прикован к платью. А все продавщица, которая не смогла сдержат язык за зубами. Теперь приходилось слушать, какая я красивая, оворожительная, соблазнительная, и вспоминать поцелуи на террасе отеля.

Понимаю, любая другая поощрила бы, бросилась в объятия. Каюсь, сама на пару мгновений потеряла контроль, потому как Лотеску умел обольщать, но я жила головой, это спасло. Положим, ошибка не стала бы фатальной, как с Тайроном, однако чрезвычайно пошло и глупо — секретарь с начальником! И ради чего? Понимаю, если любовь и всякое такое, но у хассаби скука и инстинкт охотника, у меня та же скука, но иного рода. Видимо, возраст сказывался. Ну, да дело прошлое. Ничуть не жалею, что ушла.

Секс без обязательств порой прекрасен, только начальник для него не подходит. Он сколь угодно обходителен, красив, уютен, если подобное слово уместно по отношению к человеку, но мне с ним работать. И как, спрашивается? Один раз, ладно, но два? А репутация, карьера? Слухи, бродящие по инспекции, веселят до тех пор, пока не превращаются в правду. Да и не так низко я себя ценю, чтобы стать двести тридцатой любовницей на месяц. Именно поэтому с дворянами не связываюсь. Продаваться за деньги? За бриллианты, протекцию, квартиры, сознавая, что ты ничтожество. Пфф, благодарю покорно! Все в жизни я заработала сама, чем горжусь.

Покосилась на Лотеску и усмехнулась. Давненько меня не сопровождали галантные кавалеры! Несомненно, начальник заставит чаще биться девичьи сердца. Смокинг по фигуре, властность и стать в движениях, неизменный сладковатый парфюм. И этот мужчина придерживает мне дверь огнемобиля. Вот ухаживания я люблю, ухаживания хассаби — вдвойне. Вот такой парадокс. Что поделать, честолюбива, да и хочется покрасоваться перед знакомыми. В данном случае — незнакомыми людьми. Прекрасно сознаю, мне никогда не стать частью мира аристократов, так отчего не вообразить на пару часов, будто стала принцессой? О, это совсем другое, не любовница — спутница.

Выходить в свет с Лотеску мне нравилось. На моей памяти случалось четырежды, и все четыре раза сохранила приятные воспоминания о вечере. Пусть начальник иногда бросал на произвол судьбы, но зато отвозил-привозил, иногда с кем-то знакомил. Для женщины с мозгами достаточно.

— Магдалена, под платьем действительно ничего нет? — лукаво поинтересовался Лотеску. Как он умудрялся вести огнемобиль и флиртовать? — Вдруг, вы смухлевали и надели трусики?

— О да, — рассмеялась я, — нижнее женское белье — ваша слабость! Но, увы, порадовать нечем, там абсолютно ничего.

Подобные игры тоже нравились, пусть и выходили за рамки приличий. В них мы практиковались долгие девять лет. Обидно, но начальник всякий раз выигрывал. Нечестно, он мог в любой момент одернуть.

Наверное, следовало бы промолчать в свете наметившегося, пусть и мимолетного интереса, обсудить новые улики, но не смогла. Хассаби провоцировал, подначивал, а я поддавалась, еще и удовольствие получала. Занятный мужчина, когда не вспоминает о социальном статусе.

— Тогда я точно приглашу вас на танец и на глазах у всего зала проверю.

Хотели смутить? Не выйдет.

— И как же? Прилюдно задерете подол?

— Есть другие способы, — туманно ответил начальник и укоризненно глянул через

плечо. — Госпожа ишт Мазера, вы и на балу собрались обсуждать с аристократией столь, несомненно, важные темы?

— Вы начали первым, — парировала я.

— Подумаешь, пошутил, — фыркнул Лотеску. — Или приняли за чистую монету?

— Вы не потрудились дать четкие указания, хассаби. Прежде вам нравились подобные... словесные упражнения. И не беспокойтесь, во дворце я произведу благоприятное впечатление.

Понимала, глупо, но стало чуточку обидно.

Отвернулась, изучая маникюр.

— Устали?

Не то слово! Хочу перестать следить за движениями, натянуто улыбаться и копаться в бумагах. Я их даже на прием взяла, попросила начальника спрятать. После случая с «жучками» в номере опасалась оставлять столь ценную информацию в сейфе. Чары Лотеску надежнее, охраны он ставил мастерские, взламывать долго. Увы, совершенства не существует, тот же Алард сумел найти ключик. Не сам, как выяснилось, привлек специалиста. Бедняга признался, когда началось следствие. Работал он под началом Синглера, получал мало, а тут жена, трое детей, страсть к собачьим бегам, полулегально проводившимся в рабочих кварталах. Словом, бывший второй зам умел запугивать. Зато стало понятно, что случилось с кристаллами, отчего никто не заметил проникновения. Специалист все сделал четко, получил премию в конверте и настоятельный совет держать язык за зубами.

Все это узнала примерно три часа назад, когда говорила с Нэвилем из полицейского участка. По традиции, от лиц служителей закона скисло бы молоко, но препятствий они не чинили, предоставили канал связи и всю необходимую информацию. Ту самую, которая, скрытая мороком, лежала под жакетом на заднем сиденье.

— А ведь я предупреждал, спрашивал, точно ли хотите участвовать, — напомнил Лотеску.

— И я честно ответила. Так что, хассаби, ввести вас в курс дела?

Впервые начальник знал меньше меня. Нет, ему тоже докладывали, но бумаг из полиции он пока не видел. Я принесла их незадолго до отъезда, тут уж либо накраситься, либо обсудить банковские счета и личное дело Ронсу. Не из столичной Карательной, естественно, из университета. После недавней взбучки они работали быстро, предоставили все через час после запроса, привезли курьером, благо Ронсу, он же ишт Вар, закончил местное учебное заведение. Всего в Амбростене их два, остальные магов не готовят.

— А вы как думаете? Чай не женские секреты. Взамен тоже обещаю кое-что рассказать. Ох, и наведу шороху в инспекции по возвращении! — за шутливым тоном скрывались массовые увольнения, должностные проверки и судебные процессы. — Особенно меня волнует служба безопасности. Так волнует, что переформирую.

Вот оно как! Я-то думала, волна репрессий схлынула, последней жертвой падет Синглер. С другой стороны, закономерно. Кто поручится за чистоту оставшихся работников? Может, они тоже на собачек ставки делают и спят перед экранами.

— А ликвидаторы?

— К счастью, сгнила только голова. Ишт Блэр еще не закончил проверку, но пока выявил только мелкие нарушения. Любимчиков Аларда, безусловно, уволю, остальные пусть трудятся. Можете позвонить ишт Нару, освободится место инструктора.

Просияла от радости и едва не обняла Лотеску в порыве благодарности, но вовремя вспомнила, что он не подружка.

Марк не останется безработным, вернется в инспекцию! Пусть перестанет ездить на

задержания, но сначала нужно восстановиться. Через год-два, когда окрепнет, сможет поставить вопрос о переводе.

— Спасибо, вы не пожалеете, хассаби!

— Надеюсь. По вашей протекции беру.

А я не боюсь, могу поручиться за Марка, он халтурить не станет.

Начальник выключил подогрев и снизил скорость: мы въезжали на старые узкие улочки.

— Итак, новости. Давайте начну я. Выяснили личность пособницы Аларда. Ничего примечательного, с магией не связана, обычная содержанка. Помогала любовнику по доброте душевной.

Кивнула. Нечто подобное предполагала, в противном случае девица бы напакостила. Сомневаюсь, будто бы она смирилась с положением вещей, при котором обожаемый любовник сидел в тюрьме по вине бывшего «ишта». И не далась бы так просто в руки полицейским.

— Она рассказала что-нибудь интересное, хассаби?

Сейчас я не секретарь, а партнер по расследованию, Лотеску не напомнит о субординации. Если на то пошло, Аларда обезвредили благодаря мне.

Как же плетется паромобиль впереди нас! Водитель заснул за рулем? Похоже, становлюсь такой же нервной и нетерпеливой, как хассаби. Опоздаем ведь! Понимаю, Лотеску все рассчитал, недаром поставил условие: либо соберусь к девяти, либо добираюсь сама, но все равно страшно. Лучше помахать рукой уходящему поезду, чем влететь в зал после короля. Спасибо, я успела опозориться, больше не хочу. Особенно в свете будущей карьеры. Я умудрилась познакомиться с помощником Бернарда, очень милым мужчиной. Мы разговорились, сначала о погоде-природе, затем о его начальнике, — не с моей подачи! — о профессиональном. Словом, если все сложится хорошо, не останусь безработной после повышения хассаби. Главное, чтобы Шанси запомнил. А то мало ли, с кем он на банкете общался? Словом, бал — это шанс, и если профукаю его по вине вон той черепахи... Свернул, наконец! От сердца отлегло.

— Откуда? Алард при ней только ругался, живописал, какая я сволочь. Ну, Бернарду звонил, — Лотеску по-змеиному улыбнулся. Это называется «ничего интересного»! — С ее диктино, естественно. Вы ведь помните, он осторожничал, со своего совершил только пару звонков. Но они тесно общались, госпожа ишт Мара подтвердила. Приватного режима в ее диктино нет, а любовник не всегда плотно закрывал дверь, доверял.

— Напрасно! — хмыкнула я. Такое злорадство вдруг одолело! — Женщины — существа слабые, ломаются первыми.

Этому учили на курсах — выходить на преступника через его вторую половинку. Обидно, не обидно, но слабый пол действительно больше подвержен психологическому воздействию, в девяти случаях из десяти любовница сдаст с потрохами, лишь бы облегчить свою участь.

— Как вы, однако, суровы к сестрам! — рассмеялся Лотеску. — А как же женская солидарность?

— Собственный опыт, — стиснув зубы, пробормотала я.

Тайрон мной попользовался, а ведь всегда считала себя сильной, опытной.

— Я тут вашу работу сделал. Вы ведь так и не сподобились навести справки.

О, с каким удовольствием начальник произнес последнюю фразу, аж лучился! Радовало, что распинал беззлобно.

Не дождавшись реакции, хассаби раскрыл карты:

— Речь о собеседнике Ронсу в мэрии. Спорим, никогда не догадаетесь!

Даже пытаться не стану, там трудятся десятки служащих.

Реальность превзошла самые фантастические предположения. На миг потеряла дар речи, переспросила, не напутал ли Лотеску. Немыслимо!

— Наш общий мертвый знакомый общался с мэром, — терпеливо повторил хассаби. Краешки губ приподнялись в довольной улыбке. — И нет, я ничего не перепутал. К сожалению, содержимое разговоров без санкции прокурора не получить, но пока достаточно.

— Вы полагаете, будто мэр?..

Что за банка с пауками! Неужели мэр тоже в сговоре с изменником? Вроде, логично: обеспечил Ронсу приглашением, для видимости как «плюс один» к Аларду, только зачем ему это? Спросила у Лотеску.

— Выгоды никакой, — возразил хассаби. — Мы не друзья, но и не враги, король мэром доволен, я никогда под него не копал.

— А Бернард? Может, они приятели с главой города?

Нужно отыскать мотив, то, что связывало этих двоих.

— Да нет, но сегодня узнаем. От самого министра.

М-да, похоже, Лотеску не отказался от идеи устроить небольшой скандал. Как бы не вышло боком! Может, хассаби забыл, но я-то помнила и победные взгляды Сонера, и украденный образец почерка. Сомневаюсь, будто последний не используют, Бернард берег его как козырь. Пока у нас нет прямых доказательств, только домыслы и косвенные улики, он спокоен, но стоит появиться реальной угрозе свободе, как выложит карты на стол. А мы подошли к черте, министр начал волноваться.

Мэр, значит. Ладно, забудем о нем пока, сосредоточимся на Ронсу. Алард провел его по чьей-то просьбе, но не опекал. Зачем, если маг, пусть заочно, знаком с мэром Нэвиля? Конспирация? Допустим, только вот сорнейский посол с «шестеркой» бы не общался. Помню ведь, они говорили как старые знакомые. Выходит, не в мэре дело.

А тут еще туманная история с дворянством Ронсу. Он получил его на первом курсе. И не просто, а всего за неделю — приказ датирован началом сентября.

Я чего-то не видела, чего-то очень простого и важного.

Фальшивое дворянство, странная опека Ронсу со стороны Карательной инспекции Штайта, беседы с мэром, которые длились много лет. Покойный маг звонил ему два-три раза в год, но неизменно в день рождения. Остальные даты хаотичны, никакой закономерности. Выходит, Ронсу приносил поздравления. Только вот по утверждению Лотеску, они не пересекались до этого года.

Вместе с тем Ронсу-ишт Вар отлично знал высший свет, повторюсь, он не испытывал смущения на приеме, не привлекал внимания. То есть вращался в обществе. Как, только благодаря липовому дворянству? Но не дурак же сорнеец! Дипломат бы навел справки, распознал фальшивку и в лучшем случае выслушал предложение через мелкого служащего посольства.

Голова пухла от противоречий. А еще папка. Просматривая портативную голограмму Ронсу с выпускного вечера, не могла отделаться от странного ощущения. Вроде, он и не он.

Королевская резиденция заставила отложить мысли о преступнике в долгий ящик. Дворец светился огнями, но, вопреки ожиданиям, никаких фейерверков не устроили.

— Это прием, а не народные гуляния, — поправляя галстук, раскритиковал мое невежество Лотеску. — Тут более изысканные развлечения.

Парцилен снова увидела случайно, хотя начальник попытался его спрятать. Нахмурившись, напрямик спросила:

— Усилители потенциала тоже взяли?

— Да, — прежде, чем сообразил, что говорит, ответил хассаби.

Подловила. Люди частенько попадают на вопросах, которых не ожидают.

— Что случилось? — праздничное настроение улетучилось.

— Пока ничего. Обычная страховка. Вы ведь помните об угрозах?

Помню, только в правилах четко сказано: проносить оружие на балы запрещено. А тут вдобавок полный комплект ампул, словно хассаби собирался дать бой дюжине магов.

— Вы меня за идиотку держите, хассаби? — начала нервничать. — Вы о чем-то промолчали?

— Успокойтесь, Магдалена. Надеюсь, ничего не случится, повторяю, просто подстраховался.

Однако я уродилась упрямой и выбила ответ:

— Абель Бернард — маг, опасаясь сюрпризов. Речь скорее о разных штучках с огнемобилем, а не физическом воздействии, но если он «прощупывал» вас, всего можно ожидать.

Маг? Третий уровень, как у Ронсу и мага из банка. Совпадение?

Закусила губу, почти ухватив мысль за хвост. Помешал начальник. Он велел на время забыть о проблемах и веселиться.

— Право слово, какие разборки во дворце! Давно прошли времена, когда людей убивали на глазах его величества, это прямой путь в безвоздушную камеру без суда и следствия.

Хотелось бы верить, хотелось бы! И вам тоже, хассаби, иначе не брали бы такой внушительный арсенал.

Сегодня мы не заехали в подземный гараж, а подкатили к парадному входу.

Проворно подскочил служитель, чтобы распахнуть дверцу и отогнать огнемобиль. Лотеску спустя минуту сомнений таки отдал брелок, но прежде повозился, накладывая чары. Специфические, неполные, чтобы слуга мог управлять машиной.

Парцилен и ампулы остались в бардачке. И то хорошо.

Глубоко вздохнула и под руку со спутником зашагала по ковровой дорожке к стеклянным дверям. Испытание оказалось почище, нежели на дне рождения мэра. От вспышек изображателей грещала голова, от криков репортеров звенело в ушах. Все жаждали запечатлеть гостей, взять интервью или хотя бы пару слов для газеты. Лотеску их нарочито не замечал, шел с видом наследного принца. Я не отставала, только нервно стиснула локоть начальника.

Проверив приглашения — удостоверения личности мы предъявили на первом кордоне охраны, — нас допустили в холл. Тут уже толпились гости: все те же блистательные дамы в мехах, важные кавалеры в смокингах. Только сегодня я не ощущала себя замарашкой, наоборот, плыла как королева. Все дело в платье, стоит забыть о пикантной особенности, как замечаешь восхищенные взгляды, понимаешь, что разговоры смолкают, стоит пройти мимо.

С балкона лилась живая музыка, улаждая слух ненавязчивой мелодией.

Словом, чудесный вечер. Пусть бальный зал огромен, а гости — сплошь аристократы и именитые горожане, ощущала себя в своей тарелке. Ровно до того момента, как увидела Эдгара. Он стоял у окна и тоже поедал взглядом, даже рот приоткрыл. Перехватив мой взгляд, отверженный поклонник поспешит выразить почтение и попытается вымолить прощение. Разумеется, последнего не получил. Вежливо, но коротко дала понять: с такими не общаюсь.

Лотеску окатил Эдгара молчаливым презрением и, когда тот понуро удалился, процедил:

— Сомнительная компания.

Согласна.

— Как он сюда вообще попал?

Прижала ладонь ко рту, когда поняла, что задала вопрос вслух.

— Как и вы, — меланхолично заметил начальник. Странное для него состояние. — Как сопровождающее лицо.

Ну да, босс Эдгара — женщина. Путь бы около нее ошивался, а не портил настроение попытками возобновить ухаживания. Вон, сколько кавалеров вокруг, богатых, именитых, не все отвозят девушку в номера после десерта.

Определенно, с начальником что-то не так. Он сильно нервничал и поглядывал по сторонам, характерно положив руку на пояс, словно на кобуру парцилена. Естественно, оружия там не было, но рефлекс остался.

— Хассаби? — спросила одними губами.

— Скоро вернусь. Не скучайте!

И все, затерялся в толпе, оставив одну посреди пестрой ярмарки тщеславия.

Кусая губы в бессильном недовольстве, отошла к стене, надеясь встретить официанта и перехватить спасительный бокал шампанского. Им можно занять руки, сделать вид, будто сибаритствуешь, наслаждаешься ролью наблюдателя.

Лотеску что-то затеял! Соврал, на балу намечалась заварушка.

Сжала пальцы.

Только бы не полез на рожон!

С другой стороны, хассаби умный, не кинется с пустыми обвинениями. Он привык побеждать, только как бы, на первый взгляд, положительная черта не сыграла с ним злую шутку! Министр — отличный психолог, изучил слабости жертвы, подготовился.

Душу грыз червячок сомнения, обида выползала из глубин души.

Снова не доверяет, не посвящает в планы.

С кем он собрался говорить? С королем, Верховным прокурором? Банковскими документами не поинтересовался, хотя я старалась, выбивала. Мог бы попросить обрисовать ситуацию в двух словах, а не рассуждать о разных мелочах. Выходит, новости для него не новости. Или собственные планы намного важнее.

Тяжкие думы прогнал Габриэль Шанси. Он появился из ниоткуда и пригласил на медленный танец — как раз прозвучали первые аккорды. Помощник министра обворожительно улыбался и, кажется, тоже гадал, надето ли на мне белье. Иначе зачем ладонь невзначай соскальзывала с талии? Пришлось в шутку поинтересоваться, не слишком ли гладок шелк. Кавалер намек понял, вернул руку на место.

Шанси сумел развеселить, на время заставил забыть о министре. Его я видела мельком, когда кружилась по навощенному паркету. Абель Бернард тоже танцевал и казался безмятежным человеком с чистой совестью. Идеально черный смокинг, огни искусственных свечей отражаются в ботинках, играют на коже, как на перламутровых частичках пудры модниц.

— И давно хассаби Бернард пользуется косметикой? — шепотом поинтересовалась у кавалера.

Я много слышала о высшем свете, но чтобы мужчины пудрили скулы!

— Хассаби? — удивленно переспросил Шанси. — В первый раз слышу.

— Но вот же...

Сказала и осеклась.

Внимательнее присмотрелась к министру, благо мы сблизилась в рисунке танца. Бернард нарочито не замечал, занятый дамой — умопомрачительной красоткой с двумя коттеджными домами в ушах. Ее кожа тоже светилась, как у кавалера — словно бриллиантовая россыпь припорошила. Ярче всего сиял нос, а вот министр не пожалел денег на красоту, сияли скулы и подбородок. Странное место для пудры, только это не она вовсе. Догадываюсь, если поставить парочку на яркий солнечный свет, замечу тонкие серебристые нити — следы работы мастеров красоты. Кожа после магического воздействия сверкает, мягко, приглушенно, при обычном освещении не заметишь, но на королевском приеме на иллюминацию не скупилась, поэтому проступали чужие маленькие тайны. Блондинка в зеленом меняла форму носа, Бернард корректировал контуры лица, в основном нижнюю половину. Если бы не работала с мошенниками в сфере магической красоты, не знала бы таких премудростей, но судьба сталкивала. Как иначе доказать факт преступной деятельности без лицензии, если документов нет? Правильно, с помощью живых улик.

— Габриэль, — намеренно перешла на интимное обращение, чтобы втереться в доверие, — где ваш начальник подтяжку делал? Так хорошо получилось! Дорого? Хочу матери на юбилей подарить, пусть подольше останется красивой.

Специально перепутала процедуры, ведь главное сейчас выяснить имя мастера красоты, хоть какие-то подробности, которые помогут понять, зачем Абель Бернард перекроил собственное лицо. Жаль, по сиянию не скажешь, давно ли он это сделал. Корила себя за невнимательность. Вот отчего не разглядывала важных шишек в газетах, считала скучным занятием?

— Простите, ничем не могу помочь, — развел руками Шанси. — Откуда только берутся столь нелепые предположения? Сначала пудра, теперь подтяжка.

— Женщина, что с меня возьмешь! — состроила лицо очаровательной дурочки и кокетливо взмахнула ресницами. — У нас все мысли о красоте, а у хассаби Бернарда такая чудесная кожа, гладкий овал, вот и решила... Глупо, конечно.

Вроде, удалось обратить все в шутку, благо помощник министра тут же развил мысль, что красота и женщины не разделимы, только внутри образовался ледяной комок. Вдруг Шанси расскажет начальнику о неумном любопытстве доморощенной сыщицы? Оставалось надеяться, прошедший год научил разбираться в людях, и я вновь не выбрала волка в овечьей шкуре.

Шанси явно был не прочь продолжить знакомство. Искося поглядывая, где там Бернард, не вернулся ли Лотеску, продиктовала код диктино и в свою очередь записала номер знакомого. Министр, к счастью, не подошел, удалился под руку с блондинкой, только и начальник запропастился. В пол-уха слушала Шанси, улыбалась шуткам и мучилась от беспокойства. Хоть подходи к служителю и проси узнать. Хассаби мог хотя бы сказать, куда его понесло, все не так бы волновалась.

А еще из головы не шло изменение внешности Бернарда. Отчего-то казалось, это важно и напрямую связано с делом.

Словом, светские беседы занимали меня меньше всего на свете, только порадовалась, когда Шанси, извиняясь, откланялся:

— Тетушка не простит, если не станцюю с ней тур вальса.

Пожалуйста, даже если родственнице едва исполнилось двадцать.

Вслух, разумеется, ответила иное, в лучших традициях жанра.

Не успел Шанси отойти на пару шагов, как у него запел диктино. Поставленный на вибрацию, дорогой прибор издал всего пару аккордов, но я услышала и нахмурилась. Лишь бы не Бернард! Похоже, отныне везде будет мерещиться его тень.

Приватный режим. Кто бы сомневался! И выражения лица не видно — Шанси ко мне спиной.

Ладно, надеемся не лучшее, пессимисты долго не живут. С ними возиться не надо: сами гроб сколотят, лягут и примут яд.

Один кавалер сменил другого. Словно мотылька на свет, ко мне вновь притянуло Эдгара. Он пафосно извинялся, рвался пригласить на танец, еле отделалась. Видела блеск в глазах, Габриэль Шанси волновал его больше отвергнувшей ухаживания женщины. Вот за помощником министра и ухаживай.

Новые мужчины, новые танцы. Прежние мысли, прежние тревоги. Ничего не происходило, но меня не покидало ощущение надвигающейся беды. Прошел уже час — спрашивается, чем можно заниматься столько времени на балу, если не танцуешь? Не напиваться же в буфете!

Лотеску нервничал, взял парцилен, ампулы. Хассаби в отличие от меня, не подвержен эмоциям, он упоминал о покушении. Вдруг в зале убийца, и начальник его заметил?

Под ложечкой засосало.

А ведь я следующая...

Стоп, Лена, хассаби прав, на приемах не убивают, дураков нет. Его банально перехватили по дороге, забыла, чьим секретарем работаешь? Он высокий начальник, плюс сам мог добиваться чьей-то аудиенции. Закончится танец, наберешь, выяснишь, а пока расслабься, когда еще сможешь кружиться с лучшими кавалерами королевства? Так и поступила: танцевала, пила, смеялась.

Помни о пессимистах, Лена, не уподобляйся одному из них.

Взгляд выцепил его величество. Монарх по очереди обходил гостей. Остановился он и рядом со мной, сделал комплимент платью и направился дальше. А я стояла, польщенная даже минутным вниманием. Найдется, о чем внукам рассказать.

Пропажа в виде начальника тоже нашлась. Напрасно беспокоилась, живой, беседует с дамой. Тем лучше. Пусть веселится, о Бернарде расскажу потом, заодно поведаю, кто приходил за деньгами и кому принадлежал один из счетов — не все оказались безличными, нашелся в сложной цепочке именной.

— Не скучаете?

Вздрогнула и обернулась.

Как Лотеску умудрился бесшумно подойти и куда дел даму?

Начальник улыбался, только фальшиво, вымученно, явно на публику. Пожаловаться на духоту и выйти на балкон? Заодно посекретничаем.

— Благодарю, не жалуюсь. А вы? Уладили свои дела?

— Вполне, — резко, давая понять, что обсуждать не намерен, ответил Лотеску.

Ясно, предположения верные, разговор не публичный.

Начальник нарочито беззаботно взял под руку и отвел к сервировочному столику. Там галантно предложил бокал шампанского, а сам, пользуясь случаем, осмотрел зал под прикрытием моей спины. Вроде, выдохнул, мышцы расслабились.

Подняла брови. Покачал головой. Не скажет. Может, попросить проводить в дамскую комнату? Возле всегда найдется укромный уголок, где удастся спокойно поговорить.

— Шанси вами очарован, просил отпустить, — не позволил рта открыть начальник, уподобившись провинциальной кумушке. Явно сообразил, попытаюсь выведать подробности, уведу под любым предлогом. — И король подошел — добрый знак, госпожа ишт Мазера. Такие перспективы!

Стояла и молчала. Не нравились мне его слова, ох, не нравились! И поведение тоже. Складывалось впечатление, будто хассаби собирался избавиться. По каким уж мотивам, благим или не очень, не знала, но уходить не собиралась. Опасно, не опасно, обещала помочь и помогу.

— Вы меня увольняете?

Вдруг действительно решил выставить вон? Горько, обидно, но ты категорично отказалась перевести отношения в горизонтальную плоскость, а прежние недомолвки начались именно после поцелуев. Не верится, конечно, что Лотеску на такое способен, но он гордый мужчина, факт, и жестоко мстит за уязвленное самолюбие.

Лотеску покачал головой.

— Вас вынуждают меня уволить?

— Тоже нет. Я устраиваю вашу судьбу. Кто, если не начальник, знает чаянья своих подчиненных! — он издал короткий нервный смешок. — Вы грезили маленькой руководящей должностью, я, увы, назначить начальником отдела не могу, а вот Шанси — запросто. И богатых женихов в министерстве полно, легко найдете мужа или влиятельного покровителя. Каких-то три года — дом с прислугой заведете. И не надо врать, будто деньги вам не нужны!

— Мне муж не нужен и вообще, хассаби, отчего вы занялись сводничеством?

Прищурившись, подозрительно уставилась на босса. Ощущение, что от меня хотели отделаться, только усилилось.

— По доброте душевной, — уклончиво ответил Лотеску. — Нужно помогать ближним, кому камень к шее привязать, кого замуж выдать. Вам ведь понравился Шанси, чего уперлись? Я вас под него не подкладываю, но проявите инициативу, а то увязнете в болоте.

Коварно улыбнувшись, пропела:

— Не проводите в дамскую комнату, хассаби? Нужно припудрить носик, боюсь заблудиться.

Понял, недовольно засопел... и пригласил на танец. Ладно, давайте так, хассаби.

Начальник, в отличие от того же Шанси, вольностей не позволял. Он вообще казался не от мира сего: отстраненный, даже декольте не интересовался, хотя обычно не упускал возможности полюбоваться женскими прелестями. Мы кружили по паркету и молчали. Уже отчаялась, когда Лотеску вдруг интимно наклонился и шепнул:

— Документы. Я не доверяю дворцовым служащим.

— И?

От волнения язык прилип к небу, вопрос скорее прошелестела, чем сказала.

— В порядке. Но в остальном плохо: Бернард подозвал столичного комиссара.

Начальник отстранился и вновь изобразил безразличие.

— Да скомпрометируйте вы меня, чтобы нормально поговорили! — прошипела, раззадоренная недомолвками.

Министр действительно исчез. Держала его в поле зрения, отвлеклась при появлении Лотеску и упустила.

— Как?

— Вы мужчина, вам видней!

Право слово, не в первый раз, чего мнетя! Не самой же прижиматься. В королевстве, конечно, передовые взгляды, но мужчины пристают к женщинам, а не наоборот.

— Мне еще дорога должность, — тем же злым шепотом ответил хассаби и нацепил на лицо вежливую улыбку: мы сблизились с соседней парой.

Поговорили о дворце, великолепной организации бала и с облегчением вновь оказались вдвоем посреди залитого светом зала и моря гостей.

— Я не предлагаю прилюдно насиловать, всего лишь приударить. Так бы могли где-то уединиться и...

— ... и прощай повышение. Госпожа ишт Мазера, думайте иногда! Тут глаз и ушей больше, чем во всем Амбростене.

— И как? Записки вам писать? — со злости сбилась с такта. — Между прочим, я важную вещь узнала.

— Ладно, шайтан с вами! — сдался начальник и таки опустил руку ниже спины.

Приставания вышли деликатными, вряд ли кто-то, кроме меня, их заметил. Половина кавалеров не чуралась флирта, чопорность исчезала вместе с бокалами шампанского. Скоро из каждой гостиной станут кричать: «Занято!» Речь не о повальных оргиях, мы во дворце, здесь репутацией дорожат, зато целоваться не воспрещается.

Сославшись на усталость, увлекла Лотеску после танца подальше от звуков оркестра и плюхнулась на антикварный диванчик. Тесное платье теперь казалось не лучшим выбором, мешало нормально сесть, но я важные вопросы обсуждать собралась, а не возлежать на подушках.

Кратко поведала о подозрениях насчет министра и попросила добыть его изобразительные карточки в молодости, чтобы опровергнуть или подтвердить версию. Хассаби пообещал, при мне набрал кого-то, поговорил пару минут и заверил: улажено.

Рассказать о банковском счете, принадлежавшем некой госпоже Арине Лионель, помешали шаги. Запаниковав, не придумала ничего лучше, чем обхватить начальника за шею и притянуть к себе, изображая поцелуй.

Уфф, прошли мимо!

— Вы либо по-настоящему целуйте, либо никак, — посоветовал хассаби, поправляя галстук. — Или страшно?

Глаза лукаво блеснули.

Паразит, не дождется!

Нагло проигнорировав намек, вернулась к делу:

— Кто такая Алина Лионель?

— Секретарь сорнейского посольства, — не задумываясь, ответил Лотеску.

Если бы в пол ударила молния, не заметила бы. Вот уж удача! Полагала, придется долго копать, а тут так просто.

— Она переводила крупные суммы на три безличных счета, информацию о которых я принесла из банка. Деньги обычно перегоняли дальше, но один раз сняли.

— Где, когда? — встрепнулся начальник.

Он, словно хищник, впился жадным взглядом.

— В Штайте, в одном из отделений Имперского банка пять дней назад.

О, какого труда стоило заставить работников предоставить эту информацию! Как наседали на службу безопасности, как врала, угрожала! Но ведь вышло, даже адрес дали. Съездить не успела: опоздала бы на прием.

— Коттеджных поселков рядом нет? — начальник открыто намекал на получателя

денег. — Не север ли столицы?

Виновато пожала плечами. Не знаю.

Странно, долетавшие до сюда звуки музыки резко стихли. Мы тоже замолчали, не стовариваясь, обернулись к распахнутым настежь дверям.

Я увидела их первыми, Лотеску вторым и сразу потянулся к карману. Ампула с усилителем! Раз, и она вошла под кожу запястья. Больно, очень больно, жжет неимоверно, но хассаби лишь поморщился и, бросив на пол, загнал ногой пустую ампулу под диван.

— Эмиль Лотеску?

В дверях маячил старший инспектор полиции с блестящей бляхой на груди. За его спиной высились двое рангом пониже, с опущенными парциленами в руках.

В недоумении перевела взгляд на хассаби.

Какого?..

— Да, это я, — медленно поднявшись, холодно ответил начальник. — Чем обязан?

— Простите, — видно было, как неудобно и неприятно инспектору, — но я вынужден вас задержать. Отдайте оружие, если таковое имеется, и соблаговолите следовать за мной.

Лотеску качнул головой.

— Постановление на арест.

Он не терял самообладания, зато я не находила себе места. Заказчик фарса известен, но какое обвинение выдумал Бернард?

Инспектор достал из поясной сумки-планшета бумагу на гербовой бумаге и протянул хассаби. Он, хмурясь, изучил ее и вернул.

— Хорошо, господа, выполняйте свою работу, но завтра вам придется приносить извинения. Я немедленно свяжусь с адвокатом.

— В участке, пожалуйста. — Полицейские угрожающе выдвинулись из-за спины инспектора, зашли с двух сторон. — Чтобы не создавать прецедентов, временно отдайте диктино, хассаби. Мы возвратим его в служебном паромобиле.

— Нет, — тон не допускал возражений. — Я отдам его на хранение секретарю. Закон не запрещает.

Лотеску расстегнул браслет и всучил мне прибор. Оторопело уставилась на него, затем на растерянного слугу закона, но встревать не стала. Начну выступать, тоже арестуют, а я нужна начальнику на свободе.

Хассаби отказался идти под конвоем, первым вышел из комнаты. Полицейским пришлось тащиться следом, как свите. Обогнав их, пристроилась рядом с Лотеску.

— Что сделать, принести?

— Смену белья, бритву. Фрак не лучшая одежда для камеры, — усмехнулся хассаби. — Найдете код моего адвоката, господина Мориса Ньера, объясните ситуацию. Вкратце: я убил Ронсу.

— Бред! — раскрасневшись, выпалила я.

— Согласен, но всплыли «доказательства». Завтра в газетах наверняка напишут о крупной взятке, которую я пытался дать министру за должность помощника. Ну и так, по мелочи, планировал убийство мэра Нэвила, для чего попросил Аларда провести его на прием. Но маг оказался честным малым, за что и пострадал. Чудесно, верно?

Лотеску криво усмехнулся.

— Доказательства — письма?

Сразу вспомнился похищенный образец почерка.

Начальник не успел ответить: инспектор попросил не разговаривать, мол, не положено.

Какой позор! Лотеску, как преступника, под шепоток и косые взгляды собравшихся вывели из дворца. К счастью, до того, как его усадили в полицейский паромобиль, начальник успел шепнуть: «Жакет». Догадываюсь, хассаби заботило вовсе не мое здоровье — он намекал, куда дел документы.

Проводив взглядом затерявшуюся в расцвеченной огнями темноте машину, поспешила в гараж.

Синий огнемобиль стоял там, где его оставили, только вот жакета там не было. С другой стороны, как бы я сняла чары и открыла машину? Значит, не там. Так, если жакет не украли, куда он мог деться?

Гардероб!

Заплетаясь в длинном подоле, поспешила обратно к подъемнику. Кровь гулко стучала в ушах.

Подъемник полз нестерпимо медленно, слуги попались нерасторопные, а каблуки — слишком высокие. Едва подавила желание снять туфли и перейти на бег.

Но вот и гардероб: стройные ряды вешалок, ячейки для личных вещей. Он почти пуст, всего пара накидок и зонтик.

При виде меня заскучавший служащий встрепенулся, предложил свою помощь.

— Я сама, спасибо, — вымучила вежливую улыбку и подошла к ячейкам.

Они открытые, ценного тут не оставляют, для этого существуют сейфы.

Пусто, пусто...

Надежда медленно умирала и вновь расправила крылья, когда взгляд-таки выцепил нужную вещь. Бережно забрала жакет, с облегчением ощутив острые углы завернутой в него папки.

— Передайте хассаби Лотеску, я забрала вещи, — главное, не вызывать подозрений, действовать уверенно. — Я его секретарь.

Описала начальника, чтобы гардеробщик не заподозрил в воровстве. Он кивнул: вспомнил и пожелал хорошего вечера. Если бы!

Морис Ньер удивился, услышав мой голос, а я в который раз убедилась в уме Эмиля Лотеску. Почему? Пока листала список кодов в поисках адвоката, наткнулась на кучу интересного. Наивно полагать, будто полицейские сдержали бы слово насчет диктино. Нет, конечно, потом с извинениями вернули, но успели бы перепотрошить, переписать контакты и обратить их во вред начальнику. Молчу про детализацию звонков, которая подвела Аларда. Для нее нужен аппарат подозреваемого или, если это невозможно, диктино второго участника разговора. Именно поэтому первым делом набрала ишт Блэра и строго-настрога запретила отдавать улики. Они в ведении полиции Нэвиля, однако Карательная инспекция, хоть и подчиняется другому министерству, выше рангом, может наложить вето на запрос столичных блюстителей закона. Ишт Блэр придумает повод, некую серьезную магическую аферу.

Коротко поведала первому заму о случившемся. Лучше пусть узнает от меня, чем из газет. Представляю, какие потоки грязи и лжи польются на Лотеску!

Следующий — адвокат.

Ну да, если ожидаешь услышать мужчину, а говорит незнакомая женщина, опешишь, но законники на то и законники, что быстро подстраиваются под ситуацию и делают нужные выводы. Вот и хассаби Ньер не стал задавать глупых вопросов, а выслушал.

— Спасибо, приеду. Постараюсь освободить под залог. Держите меня в курсе, госпожа ишт Мазера.

Уже хотела попрощаться, когда в голову пришла очередная шальная мысль.

— Хассаби Ньер, полагаю, я знаю настоящего убийцу, но у меня нет доказательств. Не могли бы вы устроить пропуск в архив Министерства юстиции.

Адвокат оторопел, а я сжала пальцы.

В архиве хранились копии записок на представление к дворянству, на основе которых выносил решение король, а также копии всех судебных постановлений. Может, сумею разгадать тайну Ронсу. Пусть он фальшивый аристократ, государство бдит, давно бы лишило незаконного статуса, наложило штраф. Разбирательство неминуемо, хочу найти его следы. Заодно выяснить, отчего на нарушение закона закрыли глаза. Тут два варианта. Первый — Густав ишт Краус изготовил идеальную фальшивку, которую приняли за оригинал. Тогда Ронсу бы солгал, что потерял представление, и к делу подшили бы «дубликат». Очень надеялась увидеть под ним подпись Абея Бернарда. Второй вариант — дело замяли постановлением сверху. Тут опять думала на Абея Бернарда.

В любом случае, архив Министерства юстиции подарит пищу для размышлений, поможет выстроить связь между министром и убитым магом.

Дальнейший план ясен: отследить путь Ронсу от Штайта до Нэвиля. Ребята помогут. Кто покупал билеты, заезжал ли маг в министерство или Карательную, с кем общался, с кем пил? Ответ на последний вопрос сто процентов готов, наши без дела не сидели, знают, Лотеску шкуру спустит. Сейчас он в бешенстве, за головой Синглера легко полетят другие, хоть лаборатория в полном составе.

Кстати о бывшем начальнике службы безопасности... Ну, да это чуть позже, сначала ответ Ньера.

— Зачем вам?

Ожидаемый вопрос.

— Помочь оправдать начальника. Можете переговорить с хассаби Лотеску, он объяснит. Хассаби мне доверяет.

— Догадываюсь! — с легким раздражением отозвался адвокат. — Диктино — вещь интимная. Хорошо, пропуск получите. Назовите гостиницу и номер, в котором

остановились.

Отбив вызов, рухнула на кровать и немного посидела, приводя мысли в порядок.

Рассвело, а я еще не ложилась. Все в том же умопомрачительном платье, которое хочется снять и заменить практичным брючным костюмом. Пропало очарование праздника, начались суровые будни.

Хассаби Ньер не обрадовался, когда разбудила. Адвокаты — птицы гордые, особенно дорогие, ценят свое время и отдых. А первый зам привычен, я для него не назойливая муха, а рупор начальства. Ишт Блэр недовольство прячет, хоть и зевает — слышно.

Шесть часов утра.

Медленно оживает город, кипит невидимая работа в гостинице.

Я сижу с завернутой в жакет папкой. Нужно в нее заглянуть, выпить кофе и продолжить работу. Именной счет — это прекрасно, но он лишь ниточка, за которую нужно дернуть и оказаться в приемной министра магии.

Теперь понятно, отчего так победно улыбался ишт Сонер. Его рук дело! Как бы не подбросил чего!

Подскочив, рванула вниз, к портье. Мне нужно попасть в номер хассаби до полиции! Пойду как соучастница? Право слово, захотят и так посадят, поводов достаточно. Например, правая рука убийцы, верный информатор. Ничего не теряю, а вот начальника спасти могу.

Вылетев в коридор, у подъемника сбавила шаг, выравнивая дыхание.

Нужно улыбаться и выглядеть усталой, но довольной, Лена. Вдруг в гостинице еще не слышали об аресте? Начнешь суетиться, точно окажешься в соседней камере.

Если прочие женщины пользовались зеркалом кабины подъемника для наведения красоты, то я строила себе рожи, пока не добилась нужного выражения.

Вот так, медленно, чуть обреченно. Посетуй на начальника, заставившего с утра пораньше работать, пока сам веселится.

Сонный ночной портье особо не вникал, ушел в подсобку и одолжил универсальный ключ от комнат нужного этажа. Еще одно неприятное открытие — в любой номер можно войти. Интересно, Лотеску в свое время тоже воспользовался пластиной obsługi, или я, напившись, дверь не закрыла?

Пообещала вернуть ключ и поднялась наверх.

Легкий щелчок — подошел.

Действовать нужно быстро.

Включила свет, скинула туфли и направилась в спальню. Люди прячут ценное в белье, под матрасом и в мусорной корзине, с них и начнем. Вряд ли люди ишт Сонера изобретательны. Неловко копать в вещах Лотеску, но он извинит. В конце концов, рылся же начальник в моем нижнем белье, когда я мучилась от похмелья? Прочь стеснение и за дело!

Однако посторонние мысли таки лезли в голову. Сложно оставаться безучастной, трогая некоторые предметы. Только вот меня волновало не то, на что они надеваются, а сколько они стоят. Даже завидно стало. Зачем мужчине столь мягкие ткани? Любит себя Эмиль Лотеску и уж точно не консерватор, у которого только черное и белое.

Нужная вещь нашлась на дне ящика, когда уже отчаялась что-то обнаружить — начатая пачка презервативов. Поначалу не обратила на нее внимания. Начальник обета воздержания не давал, логично, что захватил подобную вещь. Помогло дурное любопытство. Стоило посмотреть на название, поняла: чужие. Лотеску такими не пользовался. Откуда знаю? Видела в бумажнике начальника, когда он давался денег на

курьера. Лотеску не смутился, спокойно переложил шуршащие конвертики в другое отделение. Его не волновали подобные мелочи. Словом, хассаби точно не покупал ту коробочку, ни марка, ни характеристики не сходятся. Откуда людям ишт Сонера и Абеля Бернарда знать столь интимные подробности? Преступники прокалываются именно на мелочах.

Аккуратно открыла упаковку и довольно улыбнулась. Не подвела интуиция! Попалась бы юная и стыдливая дева, точно бы не нашла, на то и расчет.

Все-таки на пользу некоторые жизненные ошибки, на пользу.

Из упаковки выпал корешок чековой книжки. Осторожно расправив его, просияла. Как же, помню, один из безличных счетов, на который переводили украденные государственные ассигнования. Преступник явно отрывал его в спешке, потому как не заметил второго корешка, прилепившегося к первому. На нем кроме номера счета сохранилось имя получателя с отметкой банка — Р. Ишт Милс. Клерк попался дотошный, шлепнул печать и попросил продублировать данные. Обычно на формальности закрывают глаза, требуют, если сумма крупная.

Засунула находки в саквояж и занялась отпечатками — не хочу так глупо попасться. Тщательно протерла упаковку полотенцем из ванной, для верности двумя разными, убрала обратно на дно ящика и прикрыла бельем. Затем уничтожила следы на ручках и задумалась: стоит ли искать дальше? Можно, конечно, облазять весь номер, но время идет, у портье могут возникнуть ненужные вопросы.

Скользнула обратно к двери, обулась и выскользнула в коридор.

Так, сначала к себе. Кинуть саквояж на пол и вниз, снова изображать сонную муху.

Портье ничего не заподозрил. Бедняга сонно щурил глаза и мечтал дожидаться сменщика. А мне отдых только снился.

Вытащив «усик», снова оживила диктино.

Если правильно понимаю, Синглер держится за место и захочет вернуть его. Тогда пусть помогает. Заодно окончательно пойму, на чьей он стороне. Выхода нет, придется рискнуть. Наши утверждают, не он помогал сладкой парочке Бернард-Алард претворять планы в жизнь, поверим.

Бывший начальник службы безопасности Карательной инспекции Нэвиля не спал. То ли бессонница, то ли пьянствовал, заливая горе. На звонок ответил быстро и крайне удивился, услышав мой голос. Что за утро сегодня такое, для всех я привидение!

— Господин Синглер, у меня деловое предложение, — решила не тянуть быка за рога. Он единственный более-менее в курсе событий, у него связи, возможности. — Если справимся, поговорю с хассаби о восстановлении на работе с испытательным сроком.

На том конце, в Нэвиле, застыло молчание.

— Не думал, что вы столь влиятельны, госпожа ишт Мазера, — наконец выдавил Синглер.

Слухи слухами, но он точно знал, мы с начальником не любовники: служба обязывала.

— В сложившихся обстоятельствах — да. Хассаби арестовали, — не стала скрывать, — за освобождение можно поторговаться. Так как?

Я могла просчитаться, озлобленный Синглер легко бы послал бывшего начальника, но он не стал, загорелся идеей.

— Мне надлежит приехать? Что делать?

Люблю профессионалов: они задают нужные вопросы.

Коротко обрисовала фронт работ, умолчав о части деталей и выводов. Синглер внимательно выслушал и пообещал: все будет. Не только у Лотеску знакомые в

Управлении безопасности, сегодня же со мной свяжется один из сотрудников.

Еще раз попросив вести следствие тайно, с облегчением откинулась на подушку и прикрыла глаза. Нужно поспать, иначе голова перестанет думать, но сначала спрячу улики. Помнится, в спешке дома зачем-то засунула в чемодан водонепроницаемый пакет для документов, пусть лазают в уборной, ищут.

Замела следы и повалилась на постель, чтобы мгновенно отключиться.

Сон вышел рваным и коротким. Я часто ворочалась, иначе чем объяснить позу при пробуждении? Оно, к слову, вышло резким и неприятным: в дверь колотили. Кажется, ногами.

Кое-как выпуталась из платья, спеленавшего не хуже веревок, и села, пытаюсь понять, что происходит. Ну да, полиция, пришли допрашивать. Не открою, воспользуются той самой универсальной карточкой. Она им, правда, не поможет, все равно придется сносить баррикаду.

— Служебные номера, фамилия, звание, — невыспавшаяся, а посему злая, подошла к двери. — Позвоню и проверю.

По ту сторону слышалось нечто, вроде «шайтанова подружка», и по полу заскользила бляха. Одна, а их минимум двое. Нагнувшись, подняла. Знакомые люди! Видимо, старший инспектор понял, у секретаря арестованного характер и привычки такие же, как у хассаби.

— Цель визита? — открывать по-прежнему не собиралась.

— Именем закона, иначе войдем сами, — у инспектора сдали нервы.

— Смотря, с какой целью войдете, — нагло подперла спиной дверь. — Сейчас девять утра, я устала и хочу спать. Если я не утопила весь дворец, приходите позже.

— Госпожа ишт Мазера! — теперь полицейский молил.

С тяжким вздохом, щелкнула замком и внутренней задвижкой, пнула баррикаду, и та с грохотом разлетелась.

По ту сторону притихли. Не иначе решили, будто попыталась сбежать, пробив дыру в стене.

Повернула ручку и, сложив руки на груди, оказалась лицом к лицу со стражем закона. Он пришел вместе с полицейским рангом ниже, чуть в стороне переминался с ноги на ногу портье. Судя по испуганному взгляду, который бедняга переводил с меня на инспектора, его успели допросить и наговорили про Лотеску разных небылиц.

— Слушаю.

Я сама любезность, даже посторонилась. Проходите, люди добрые, только ноги о стулья не ломайте.

— Это что? — хмурясь, инспектор ткнул пальцем в остатки баррикады.

— Защита от убийцы, — лучшая ложь всегда почти правда. — Вы ведь не удосужились поймать настоящего преступника, а раз ему так не нравится мой начальник, то и до меня могут добраться.

— Вам что-то известно? — глаза полицейского загорелись.

— Наоборот, неизвестно. Ваше имя, например. На бляхе только звание.

Вернула значок законному владельцу и продолжила держать выразительную паузу.

— Монтре, старший следователь Монтре, — неохотно представился полицейский и перешел к допросу: — Так вы опасаетесь за свою жизнь, госпожа ишт Мазера?

— А вы бы не опасались? — Босиком холодно, но потерплю. — Начальника арестовали по

подложному обвинению, тот господин действительно мертв, в газетах писали.

— С чего вы взяли, что обвинение подложное? — прищурился Монтре и подал знак сопровождающему.

Он кивнул и просочился в номер. Вот и обыск, правильно подсуетилась. Без санкции, постановления — незаконно, но кого волнуют такие мелочи?

Диктино Лотеску на руке, непривычно тяжелый, массивный и большой для женского запястья, зато в безопасности. Вряд ли полиция осмелится снять его и просмотреть тот же список контактов: побоятся иска, который непременно удовлетворят.

— Потому что у хассаби алиби, — соврала, не моргнув глазом.

Помогу адвокату, сберегу деньги за залог. Надеюсь, начальник простит, но сам ведь подсказал идею.

— Какое? Откуда вам известно время смерти?

— Мне оно неизвестно, только дата. Говорю же, в газетах писали. Распухший труп, брр! — передернула плечами.

Репортеры действительно не обошли вниманием смерть Ронсу, хвала им за это! Полицейские без труда найдут дюжину выпусков с нечеткими изобразительными карточками и короткими заявлениями нэвильской полиции. Секретарь в таких мелочах точен, не подловишь.

— Хорошо, допустим. Так какое алиби?

— Убивать кого-то, лаская женщину, невозможно, — деланно смутилась. — Мы весь день провели вместе, сначала на работе, затем в более интимной обстановке.

У Лотеску найдется съемная квартира на такой случай, не к себе же он девиц возит. И кристаллов с консержами там точно нет, равно как любопытных соседей. Начальник часто подвозил, сотрудники подтвердят. Будем считать, в тот день тоже, хотя на самом деле на следующий.

Раздосадованный Монтре достал блокнот и записал показания.

Начался традиционный допрос с не менее традиционными ответами.

Портье выдал, рассказал про утреннюю просьбу. Пришлось изворачиваться и соврать про визитку адвоката. Думала, потребует предъявить — нет, поверил. Хорошо.

Дальше беседа велась по принципу: неважно о чем, лишь бы подольше. Догадываюсь, чтобы отвлечь от незаконного обыска. Выходит, веских доказательств вины нет, они их здесь найти рассчитывают. Безусловно, бумаги по делу Ронсу усиливают подозрения, но начальник запрашивал их легально, опять же арест Аларда — никакого криминала. То есть за уши притянуть можно, но хороший адвокат, не сомневаюсь, Лотеску плохому бы не платил, разобьет обвинение в пух и прах.

Интересно, провели ли почерковедческую экспертизу? Фальшивые письма — пока единственный козырь обвинения. Только бы подделку определили, только бы умельцы работали второпях! Увы, пока люди Бернарда работали безупречно, но ведь и хассаби Ньер не лыком шит.

— Можно узнать, — прервала поток вопросов, — на каком основании арестован хассаби?

Подозрения имелись, хотелось бы услышать из уст господина Монтре.

Не угадала, никакой сиятельной особы и попытки уйти от ответа.

— Сообщение доброжелателя.

Анонимка, то есть. Какая прелесть! Может, и короля свергнем на основании доноса?

Шумно выдохнула и сжала пальцы.

Успокойся, его отпустят. Чековая книжка у тебя, а без нее Лотеску продержат под стражей от силы пару дней, если только «доброжелатель» не подбросит новые улики и не приведет «свидетелей».

Полицейский тенью скользнул к инспектору и что-то шепнул. Лицо Монтре посерело, а я с трудом сдержала торжествующую улыбку.

— Что-нибудь еще, господа? Подписать протокол, показать цвет нижнего белья, раз уж вы забрались в чемодан?

Слуги закона смутились. Неужели решили, будто не заметила шебаршения за спиной?

— Спасибо, нет. Пожалуйста, не покидайте Штайт, вы можете понадобиться. Потом заедете в комиссариат, я пришлю повестку.

Утренние визитеры удалились, а я, довольная собой, отправилась досыпать, чтобы со свежими силами взяться за Роджера ишт Милса и развеселую компанию, которая портила нам нервы. Заодно Синглер с ребятами подоспеют, скажут, существовал ли собутыльник Ронсу, или его мастерски сыграл один из высокопоставленных чиновников.

По старой доброй традиции выспаться мне не дали — в темное сознание ворвалась мелодия диктино. Не сразу сообразила, когда мой умудрился сменить монотонную трель на приятный вокализ, потом дошло: прибор Лотеску! Спросонья не сразу попала по нужной кнопке и заученно протараторила:

— Здравствуйте! Это секретарь Эмиля Лотеску. К сожалению, хассаби...

— Он в курсе, — невежливо оборвал владелец диктино собственной персоной. — Госпожа ишт Мазера, будьте так любезны, передайте мои вещи адвокату.

— Конечно, — нахмурилась, сбитая с толку официальным, чуть раздраженным тоном. — Куда и когда подъехать?

— Хассаби Ньер найдет вас сам. И почитайте сегодняшние газеты. Возможно, они вас заинтересуют. Хассаби Ньер сказал, вы увлеклись древностью, а нынешние статьи пахнут нафталином.

Недоуменно засопела.

Начальник сошел с ума? Какие древности, нафталин? Уточнить не успела: Лотеску отбил вызов.

Сон как рукой сняло.

Прошлась по спальне, заложив руки за спину.

Почему говорил таким тоном и так мало, сообразила — стандартный звонок из конвойной комнаты, который положен любому арестованному. По идее, воспользоваться правом можно неоднократно, но в совокупности беседа не должна превышать пяти минут. В конвойной одного не оставляют, диктино казенный, не удивлюсь, если с прослушкой. Позвонить дают после оформления в камеру предварительного заключения. То есть Лотеску выделили место на нарах. Надеюсь, хотя бы в одиночке. Если встреча с Ньером не фикция, помимо диктино передам немного вещей, ту самую смену белья, зубную щетку. Бритву нельзя, запонки, ремни и прочие вещи, которые сойдут за оружие, тоже.

Определенно, лучше диктино окажется в руках адвоката. У него иммунитет, чтобы забрать прибор, потребуется сложное согласование, вряд ли полиция станет так усердствовать при шитом белыми нитками обвинении.

Ладно, с этим разобрались, теперь газеты. Лотеску хотел, чтобы обратила внимание на древности. События прошлого? Нечто, связанное с Ронсу — больше мы ни в чьей жизни не копались.

Тщательно заперла номер и, все в том же вечернем платье, поспешила в холл. Надеюсь, за пять минут улики не украдут.

Сердце стучало где-то в горле. Пару раз едва не упала, запнувшись о ковер.

— Сегодняшние газеты! — выпалила портье, привалившись к стойке.

Бока ходили ходуном от рваного дыхания. Судя по косым мужским взглядам, я попрала утренний дресс-код, оголив более положенного. Пускай! Если поможет раскрыть дело, я грудь всем желающим продемонстрирую.

Так, заметка на будущее: код адвоката. Нам придется плотно контактировать.

Стушевавшийся под яростным напором портье указал на столик со свежей прессой. Коршуном набросилась на нее, схватила в охапку и, провожаемая ошалелыми взглядами, понеслась обратно к подъемнику.

Разумеется, газеты у номера рассыпала, зато папку никто не украл. То ли не воспользовались моей отлучкой, то ли не догадались заглянуть в бачок. Сразу видно, никто не рос в бедной семье, не знал, где прячут записки.

Печатные листы, шурша, полетели на кровать, а я метнулась в ванную, по пути прихватив халат.

Контрастный душ взбодрил, заодно избавилась от кокона платья. Оно чудесное, но совершенно не подходит для активного времяпровождения. То ли дело дорожный костюм!

Волосы — в косу и заколоть, чтобы не мешались, некогда причесываться.

Вдумчиво просматривала газетные полосы, стараясь угадать нужную заметку. Как только Лотеску о ней узнал? Оказалось, никак, банально догадался, что Абель Бернارد не окажется в стороне от скандала. Вот он, сама невозмутимость и честность на изобразительной карточке, рассуждает о подчиненном. Де, пока никаких комментариев, либо ничего, либо хорошее, следствие разберется, но убийца должен сидеть в тюрьме. Больше ничего начальника даже чисто теоретически заинтересовать не могло, только министр магии.

Закусила губу.

Бернард и прошлое. Лотеску намекал на недавнее, или следует копнуть глубже? Ладно, попытаюсь. Досье на министра никто не даст, но, если Синглер очень постарается и очень попросит, Управление безопасности кое-чем поделится. Разумеется, неофициально, на пару часов и под приглядом, но мне хватит.

Стоило подумать о нем, как объявился бывший начальник службы безопасности — затрезвонил мой диктино.

— Госпожа ишт Мазера, есть новая информация, — отрапортовал Синглер.

— Эм, давайте.

Ощущала себя немного неловко, будто стала главой Карательной инспекции: точно так же собеседник отчитывался перед Лотеску. И ведь не играл, не издевался, видимо, очень хотел вернуть должность.

— Хассаби Алард заговорил.

Если бы сейчас с крана в ванной сорвалась капля, услышала бы — настолько обострился слух.

— И?

Во рту пересохло от нетерпения.

— Я узнал через третьих лиц, сами понимаете, копии допросов достать не удалось... Словом, хассаби Алард получил задание скомпрометировать хассаби Лотеску.

Есть!

Вскочила с кровати, едва не выронив диктино. Положим, я догадывалась, но домыслы домыслами, а тут признание.

— Кто? Как? Место Лотеску хотел?

— Вы абсолютно правы. Хассаби Алард не скрывал, что считает себя несправедливо обойденным, я сам, хмм, — замялся Синглер, — слышал. В закрытом клубе он познакомился с Зейном ишт Варом, который именовал себя Зейном Ронсу.

— Дальше можете не рассказывать, — плюхнулась обратно на кровать. — Вместе играли в бильярд, обсуждали женщин, а потом начальство. Алард пожаловались, Ронсу предложил решить проблему.

— Совершенно верно. Ронсу представился начальником отдела кадров Министерства магии, предъявив соответствующие документы, поддельные, разумеется, но очень высокого качества. Он якобы рассказал министру о достоинствах хассаби Аларда, тот согласился назначить его главой Карательной инспекции Нэвиля, но с одним условием.

— Подставить Лотеску, — мрачно закончила я. — Доказательства есть? Могут сказать, будто Алард все выдумал под пытками.

— Есть. Вроде, запись нашли. В закрытом клубе стояли кристаллы.

Глупо. Работал с ликвидаторами — и так прокололся. Но это доказывает знакомство с Ронсу и только. Ну, звонил он министру и что? Всего один разговор, слишком мало.

— Диктино подружки Леонара Аларда, — Синглер вбил гвоздь в гроб карьеры бывшего второго зама. — Со своего он был осторожен, расшифровка звонков почти ничего не дала, хотя говорили о некоем деле, а вот там предложение, четкое и конкретное.

Замечательно, не отопрется! Однако как оперативно сработал Синглер! Связи не пропьешь.

Оставались махинации, измена и ишт Сонер, их к делу не пришьешь. Положим, министр — заказчик шантажа, но ведь это самый мягкий из пунктов обвинения. Второй зам столичной Карательной и вовсе чистенький.

— Пожалуйста, Синглер, узнайте, не пересекались ли Леонар Алард и Лоджер ишт Сонер. Хассаби ему звонил.

— Совершенно верно. Дважды.

Опаньки, а второй раз когда?

Оказалось, тогда, когда мы разыграли пропажу диктино. Запаниковав, Алард набрал не министра, а ишт Сонера. Разговор вышел коротким: «Разбирайтесь сами, я умываю руки». И все. Фраза принадлежала не Аларду, как логично предположить, а ишт Сонеру. «Он меня подозревает, вы обещали содействие». — «Разбирайтесь сами, я умываю руки». Мало, но зацепка. Надеюсь, по диктино подружки велись куда более длинные и подробные разговоры.

Поблагодарила Синглера и, обнаглев, решила прояснить еще пару моментов.

Ронсу оказался заядлым путешественником, прибыл в Нэвиль не накануне праздника, как мы предполагали, а успел побывать тут дважды. Первый приезд совпал с началом расследования Лотеску. Именно тогда покойный познакомился с Алардом. Как попал в закрытый клуб? По рекомендации постоянного члена. Кого? Нет, не министра, — ишт Сонера.

Дальше Ронсу вернулся в столицу, очевидно, для получения инструкций, и прибыл тем самым экспрессом, о котором мы знали.

Первую поездку покойный совершил по прежним документам — ишт Вара, а мы сосредоточились на Ронсу, поэтому она сразу не всплыла. Однако стоило показать служащим вокзала портативную голограмму, копнуть глубже, правда выплыла.

Синглер заверил, досье на Ронсу окажется в руках к вечеру. Он действительно кое с кем поговорил. Ладно, подожду, а пока неплохо бы прогуляться в архив Министерства юстиции. Раз так, понаглюю и сама свяжусь с хассаби Ньером. В конце концов, если его диктино прослушивают, то и прежний разговор записали.

Разумеется, Ньер не обрадовался и вежливо послал: мол, занят. Но я женщина настойчивая, добилась своего, то есть встречи на моих условиях. До нее три часа, как раз успею в банк. Хочу посмотреть на отделение, где сняли деньги.

Вызвала извозчика, и уже через полчаса стояла перед дверьми Имперского банка. Оно располагалось в тихом квадранте с малоэтажной застройкой. Много зелени, заезды в подземные гаражи — сразу видно, здесь обитали богачи. Начальник оказался прав, отделение на севере столицы, в аристократической части. Везде полицейские, охрана. Глянешь не туда, мигом подойдут, доходчиво попросят любоваться птичками, а не стеной вон того дома. Словом, порадовалась, что не пожалела денег на извозчика. Выглядела я презентабельно, поэтому бесстрашно толкнула двери и вошла в отделанный черным мрамором холл. Обстановка подсказывала, обычные смертные отделением не пользовались. Мелочь? Отнюдь. Наш неизвестный богат и знатен. Любой из подозреваемых подойдет, а уж сколько у них знакомых! Ладно, попытаю сотрудников.

— Можно вас на минуточку? — шагнула не к клерку, а к охраннику. — Где найти начальника отделения или, в крайнем случае, начальника службы безопасности?

Вот так, нахрапом, пока не раскусили.

Скрестила пальцы на удачу. В конце концов, в газетах моя должность не написана, мало ли, кто оказался рядом с Лотеску во время ареста? Репортеры таки постарались, подловили в зале. Ненавижу прессу! И обожаю одновременно. Не только за то, что на печатной изобразительной карточке вышла идеально, но и за помощь в раскрытии прошлых дел. Репортеры, сами того не желая, иногда побрасывали идеи или факты.

— По какому вопросу? — набычился охранник.

Вместо ответа сунула ему под нос служебное удостоверение с голограммой так, чтобы он различил название ведомства, но не успел прочитать город и должность.

— Полагаю, достаточно? — о да, я умею быть наглой.

Наша скромная группа у дверей привлекла внимание администратора. Дама с улыбкой, которой бы позавидовала любая актриса, подошла, осведомилась, в чем проблема.

— Проблемы у вас, — демонстративно закатала рукав, обнажив краешек диктино начальника.

Прибор прибавлял солидности, намекал на высокую должность. Если показывать осторожно, с умом, никто не заметит, что браслет велик, а модель мужская.

Я побоялась оставлять в номере что-либо ценное и сейчас напоминала ходячий сейф.

— О-о-о! — округлила ротик сотрудница, мгновенно растеряв приторную вежливость, которой маскируют презрение. — Безусловно, мы окажем содействие.

Даже так? Давайте проверим.

Чуда не произошло, банковские сотрудники доступа к счету не дали, не согласились назвать имя человека, снявшего деньги, даже взглянуть на кристаллы. Везде неизменное: «Сожалеем, но без ордера никак». Казалось, будто бьюсь головой об стену. Вроде, не мешают, сотрудничают, но толку! Ладно, вдох-выдох, не кипятись, зайди с другой стороны.

— Скажите мне точное время операции.

Женщина замялась, покосилась на руководителя. Он кивнул, и она скрылась в недрах служебных помещений.

Это не конфиденциальная информация, банковские работники обязаны ее предоставить.

Они и выдали листок с точным временем. Теперь оставалось добраться до кристаллов соседних домов, тех, с которых просматривается нужная дверь. Полагаю, Синглер подействует. Легче всего надавить на хозяина магазина через дорогу. Но и теперь я кое-что могу, подозреваемые и соображения имеются.

— Дайте, пожалуйста, адресную книгу Штайта.

Сотрудница молча сняла с полки и положила на стол два толстых тома. Придется заглянуть в оба: «Б» и «С» в разных концах алфавита, а между ними куча интересного.

Попутно попросила карту Штайта — без нее не разберусь, кто где живет.

Прикрываясь рукой, зашелестела страницами. На «Б» постигла неудача, Абель Бернارد проживал в другом месте. Безусловно, министр мог снимать особняк, гостить у подружки — сотни возможностей. Теперь «С».

Достав ручку, быстро переписала адрес.

Неужели судьба смилостивилась? То ли Сонер дурак, то ли... Да откуда ему предвидеть, что я найду бумажку, вообще попаду в хранилище? Леер мертв, документы уничтожены — концы в воду. И только крохотная ниточка нарушила планы. Плюс мое умение пролезать туда, где не ждут.

— Благодарю, — вернула справочник, — вы мне очень помогли.

Банкиры недоуменно переглянулись. Они явно ожидали другой реакции — досады, раздражения.

— Могу я оставить карту себе?

— Да, конечно, — начальник отделения согласился бы на что угодно, лишь бы избавиться.

Еще раз поблагодарила и направилась к выходу. Спину сверлили тяжелые взгляды. Пускай! Если захотят предупредить клиента, я им ничем не помешаю. Однако и на улице не покидало ощущение, что за мной наблюдают. Пару раз останавливалась, резко меняла направление движения, но подловить шпиона не могла. Может, он и вовсе плод воображения.

Если верить справочнику, Лоджер ишт Сонер обитал в коттеджном поселке неподалеку отсюда. Извозчика брать не стала, решила прогуляться. Заодно сэкономлю, столичные цены кусались.

Около получаса неспешным шагом, и я у забора нужного элитного поселка. Купить дом в таком — недостижимая мечта, порой их стоимость превосходила доход трех поколений служащих средней руки. Свой маленький мир, оазис спокойствия с круглосуточной охраной, тенистыми бульварами, зелеными лужайками, тщательно спрятанной от всех личной жизнью за собственной оградой, белые домики. Мне довелось побывать в одном из них — у родителей Лотеску. Начальник банально не знал, в каком безопасном месте оставить на пару часов, пока не освободится телохранитель. Тогда удалось мало что рассмотреть, но мечта когда-то обзавестись своим коттеджем только окрепла.

Местный охранник оказался любезнее, впрочем, он видел симпатичную женщину, а не сотрудницу Карательной инспекции — я благоразумно не махала документами.

Живет ли в поселке господин ишт Сонер? Да, только к нему нельзя без записи. Вот если господин предупредит, тогда он, охранник, пустит.

— Жаль! — тяжело вздохнула, изобразив сожаление, хотя внутри все пело. — Я с таким трудом достала адрес. Лоджер привлекательный мужчина, ну, вы понимаете?

Охранник хмыкнул в усы. Замечательно, принял за поклонницу и точно не заподозрит. Пусть рассказывает об очередном разбитом сердце, сделаем второму заму столичной Карательной приятное перед долгими месяцами тюремного заключения.

Крайне довольная собой, поспешила в гостиницу, на встречу с Ньером.

По дороге вспомнила о билетах. Экспресс в Нэвиль отходит послезавтра в полдень, вряд ли Лотеску позволят уехать, раз так, нужно вернуть деньги. Но это после, сначала адвокат и допуск в архив. Чувствую, там поджидают открытия. Жаль, с начальником не поговоришь, не пришлось бы копаться в пыльных документах. Хассаби ведь догадался, намекал на Бернарда, раз настоятельно требовал просмотреть газеты.

— Хорошо, госпожа, — скривил губы портье, когда вновь попросила универсальный ключ, чтобы собрать передачу узнику. Он явно замышлял гадость, и она не заставила себя ждать. — Срок бронирования скоро истекает...

Ясно, плати или катись на все четыре стороны. Только куда? Почти все деньги потратила на украшения, карточка хассаби далеко.

Внешне и виду не подала. Подумаешь, проблема!

— Хорошо, завтра скажу, продлевать ли бронирование и на какой срок. Надеюсь, это возможно, или номера обещаны другим постояльцам?

Мой — да, зато люкс свободен. Выходит, придется всеми правдами и неправдами выбивать деньги на апартаменты. В конце концов, Лотеску не отстранили, пусть люди Бернарда давятся, но компенсируют командировочные расходы главы Карательной инспекции Нэвиля. Лишь бы министр увольнительный не подписал! Тогда все. Причем, по всем фронтам, и гостиница — самое безобидное. А ведь он может, знаком с амбициями хассаби. Хочешь растоптать Эмиля Лотеску — лиши его власти. Радовало одно: пока не предъявлено официальное обвинение, а начальник просто задержан, Бернард не имеет права. Но как только завертится маховик дела, он мгновенно избавится от врага под благовидным предлогом. Подследственным на высоких должностях не место, чтобы не позорили Министерство магии.

Всего пара дней, Лена. Если правильно помню, под арестом держат максимум трое суток, потом либо отпускают, либо выдвигают официальные обвинения. Та бумага, которую вручили Лотеску, — основания для задержания, не более.

Потерла виски и сделала пару глубоких вдохов. Плевать на портье, пусть видит, что нервничаю. Решит, насчет денег переживаю. Они, в сущности, ерунда, человек дороже.

Ты справишься, Лена, ты вытащишь его. Некогда Лотеску помог в деле Тайрона, пришла моя очередь. Может, у «иштов» нет денег и маститых адвокатов, но Бернард рано расслабился. Слишком рано.

— Итак, мне нужно попасть в номер начальника. Проводите или дайте универсальную пластину.

Портье кивнул дежурившему в холле носильщику и попросил проследить, чтобы я ничего не украла. Тут не стерпела и пригрозила подать в суд за оскорбление — научилась у Лотеску.

— Пусть лучше перенесет мои вещи в люкс. Еще неизвестно, кто кого обкрадывает. Помнится, посторонние беспрепятственно проникли в номер. Не испортить ли репутацию отеля, не сообщить ли в газеты? Сомневаюсь, будто после такого именитые постояльцы доверят вам свою частную жизнь.

Угроза подействовала, портье без лишних слов выдал дубликат пластины. Он побледнел и с опаской косился на диктино — вытащила, чтобы не пропустить звонка. Знатную выволочку устроил хассаби, раз один намек на недавние события позволил переселиться на верхний этаж.

Беглый осмотр показал: апартаменты обыскали. Нет, вроде, ничего не пропало, но то ящик не задвинут, то чемодан посреди спальни. Вещи не разбросали, убрали обратно — статус арестанта обязывал, только не зря я совершила утренний забег!

Задумалась, что пригодится мужчине в камере, и принялась за дело. В итоге, когда позвонил Ньер, напоминая о встрече, успела подготовить символический узелок.

До того, как расстаться с диктино начальника, переписала несколько кодов. Парочку мне знать не полагалось, но связи правят миром, и действовать я собиралась от имени Лотеску. Одного Синглера мало, мне нужно Управление безопасности. Шифровка нехитрая, мигом раскусила, кто таинственный Алекс — отчего-то всех разведчиков называют именно так. Если бы приятель, хассаби бы добавил фамилию, а тут просто имя.

В ближнем окружении Лотеску Алексы отсутствуют.

Так, еще казначейство — нужно решить денежные вопросы.

Вроде, все, можно идти.

Адвокат хассаби ждал в холле. Он демонстративно стоял у выхода, намекая на занятость. Передала ему вещи и диктино, взамен получила плотный конверт без подписи.

— Допуск, — коротко пояснил Ньер. — Смотрите, не потеряйте! Брал под свою ответственность.

Кивнула и, волнуясь, спросила:

— Как хассаби Лотеску?

— Хорошо. Надеюсь, сегодня выпустят под залог. Обвинения смехотворны, официальных не выдвинут.

— Он в тюрьме?

Воображение живо нарисовало комнату размером четыре на четыре без окна, с искусственным светом. Жесткая койка, скудные удобства.

— В камере предварительного заключения, — поправил адвокат. — Что-нибудь передать на словах?

Он странно на меня посмотрел, словно намекал на что-то.

— Только пожелания скорее выйти на свободу.

Может, адвокат заметил мою нервозность? Человек нередко выдает себя в подобных ситуациях: комкает носовой платок, щелкает пальцами, кусает губы. Я действительно переживала за хассаби. Как он там, привыкший к комфорту? Слово в клетке, с нависшей угрозой потерять все. Не найду ли, открыв сегодняшнюю газету, сухое упоминание о снятии с должности? От Бернарда всего можно ожидать. Закон высшим сановникам не писан, не рискнет ли министр? Мол, хассаби попытался задействовать административный ресурс, мешал предварительному расследованию.

— Хотя нет, — спохватившись, так решила оставить послание. — Скажите, что я не боюсь, он поймет.

Может, звучит странно, зато так начальнику станет спокойнее.

Ньер кивнул и уехал, а я, поднявшись наверх, вскрыла конверт. В нем действительно оказался именной пропуск — очередная пластина, только с голограммой. Замечательно, быстро перекушу и за дело.

Не чувствуя вкуса еды, запахнула внутрь нехитрый обед в ресторане отеля. Дорого, могла бы сэкономить, прогулявшись в другой квадрант, но время. Министр не станет ждать, пока решу финансовые вопросы. Да и какие мелочи — обед, когда меня могут скоро выселить из гостиницы.

Немного схитрила, поговорив с администратором, уговорила зачесть плату за мой номер в счет люкса. Все равно перебралась в апартаменты начальника, пусть комната не пустует, заселят кого-то. Так выиграла еще один день.

Сумочку собирала тщательно. Блокнот, шокер, нож, тайком взятый в ресторане — все для самообороны. Разумеется, ручка, карандаш, удостоверение личности. Прочие документы — в декольте, чтобы никакие псевдогорничные не нашли.

Обошла люкс, проверила, не осталось ли чего секретного и компрометирующего, и вышла за дверь.

До архива добиралась на извозчике, но взяла его не возле гостиницы, немного прошлась — всплыли в памяти книги, в которых героинь похищали сообщники злодея. Теперь придется проявлять осторожность.

Только села, как внимания потребовал диктино. Незнакомый код заставил подобраться, приготовиться к худшему.

— Госпожа ишт Мазера? — вместо приветствия сухо осведомился мужчина.

Прокуренный низкий голос лишь усилил подозрения. Судя по тону, собеседник — служитель закона, посему не разменивается на вежливость.

— С кем имею честь? — выпустила колючки.

— Госпожа Магдалена ишт Мазера? — мой вопрос проигнорировали.

— Да, это я, — сдалась в заочном противостоянии.

— Где вы сейчас? В гостинице?

Промолчала. Ему надо, пусть и ищет.

— Наш сотрудник будет ждать вас у Королевского театра в половину пятого вечера. Не опаздывайте.

И все, неизвестный отбил вызов.

Вот так, чихать он хотел на мои вопросы и на мои планы, должна и точка. Раз так, со мной говорил не полицейский: только одно ведомство не просило, а отдавало приказы.

Ладони вспотели.

Управление безопасности! Никогда прежде не встречалась с его сотрудниками и не горю желанием, но придется. Вот почему Синглер сам... Стоп, а вдруг это не Синглер? Звонивший человек явно не «шестерка», вряд ли бывший начальник службы безопасности знаком с капитанами и генералами управления. Лотеску? Хотелось бы верить, что не Бернард.

Ну, чему случиться, того не миновать. Назвала новый адрес и приготовилась к встрече с судьбой.

Королевский театр производил смешанное впечатление. С одной стороны, величественное здание, соответствующее статусу главного дома искусства королевства, с другой — слишком много всего. Тяжелое, массивное, аляповатое — словом, архитектор страдал проблемами с чувством меры.

В задумчивости стояла возле наемного паромобила, вертя головой. Подняться на ступени? Войти внутрь? Хоть бы какие-то указания дали!

Нужный человек нашел меня сам. Он словно возник из ниоткуда, отделившись от постаментов колонны из песчаника.

— Добрый день. Вам просили передать.

Только успела открыть рот, как человек исчез. Безликий, захочешь описать, не сумеешь.

— Еще куда-нибудь? — подал недовольный голос извозчик.

Ничего, тебе платят, хоть весь день за рулем проведешь.

Сотрудник Управления безопасности передал не папку — портфель для бумаг. Открывать при посторонних не стала, обожду до архива. В заведениях, подобных Министерству юстиции, можно найти уголок без чужих глаз и ушей. Кристаллы не в счет, но лучше явные, чем «жучки».

Архив занимал два здания, соединенные стеклянным переходом. Чтобы попасть внутрь, требовалось пройти серьезный досмотр. Портфель отобрали и положили в сейф. Взамен выдали кодовую пластину от ячейки. С собой разрешил взять блокнот, ручку и носовой платок. Остальные вещи тоже убрала в сейф, в свою ячейку.

Пропуск избавил от личного досмотра, но сумочку все равно проверили уже знакомой по

банку «рамкой».

Временную карточку оформлять не стали, однако удостоверение личности пригодились. Гол로그램 тщательно сличили с оригиналом, данные документа переписали, после чего строгая девушка в форме выдала схему обоих зданий и нажала на кнопку. «Вертушка» провернулась и пропустила в чрево архива.

Итак, архивариус на первом этаже.

Запрос обработали быстро, и, вооруженная библиографическими карточками, направилась к подъемнику.

Дальше потекли долгие часы монотонной работы. Поднять очередную стопку газет, просмотреть, положить на место. Так снова и снова, пока не попадались изобразительные карточки министра. Увы, он не менялся с годами. Уже совсем потеряла надежду, собралась уходить, когда глаз выцепил скромную заметку о выпускном бале столичного университета. Ничего интересного, если бы не большое изображение новоиспеченных специалистов. Под ним — список имен, в том числе Абель Бернард. Ишты остались безмянными, а дворян на копии карточки перечислили. Второй слева в третьем ряду. Ни на что не надеясь, взяла лупу, которую любезно выдавали всем посетителям, всмотрелась в лицо. Карточка нечеткая, только никакие дефекты не сделают блондина шатеном.

Нахмурившись, проверила еще раз — шатен. Длинные волосы, собранные в хвост.

Переписала выходные данные выпуска. В газете тоже есть архив, где хранятся изобразительные карточки, можно заказать копию. Не на бумаге она четче, да и крупнее, лучше рассмотрю Бернарда. Одно очевидно — в молодости министр выглядел иначе.

Значит, не показалось на приеме!

Хм, уродств не видно, зачем ходить к мастеру красоты? И, главное, цвет волос... Лотеску считал это важным, то есть дело не в моде.

Ронсу — шатен. Тоже шатен. Связь, связь, Магдалена! Вряд ли министр жаждал обладать уникальной шевелюрой.

Сдала подборки газет и покосилась на часы. Поздно уже, всех выгоняют, но если попробовать? Пригрожу неведомой шишкой из Управления безопасности, для убедительности покажу код в диктино.

Странно, но мне продлили пропуск до полуночи. Безо всяких вопросов, просто глянув на фамилию. Подозрение, что в дело вмешались высшие силы, переросло в уверенность. Просчитался Бернард, злой Лотеску и из камеры достанет.

Теперь меня интересовали представления на дворянство. В каталоге фамилии Ронсу не нашлось, поэтому искала по годам, благо точно знала промежуток — высчитала. Сведения на руки не выдавали, разрешали смотреть копии на изопроекторе. Они вмонтированы в рабочие столы, не приходится задирать голову, опять же соображения конфиденциальности. Нечего посторонним видеть, какая бумага и чья подпись заинтересовали. Изображения можно увеличивать, вертеть под любыми углами — словом, удобно.

Нужная бумага нашлась быстро. Записка на представление к дворянству датирована началом обучения Ронсу. Резолюции нет, вместо нее подпись. Проверила — на остальных король распорядился утвердить или отказать. Бумага с водяными знаками, как положено, только не покидало чувство, что она фальшивка, как и документы покойного мага. Густав ишт Краус легко мог скопировать подпись монарха, проставить не только на указе. А вот резолюцию оставить побоялся: у короля крайне сложный, неразборчивый почерк. Зато составитель писал четко, имела возможность убедиться.

Хмыкнула, любуясь ровно выведенными буквами. Точно такие же остались на доске, на которой, словно учитель, Абель Бернард набросал задачи на следующий год. Безусловно, нужно провести экспертизу, но вряд ли она покажет иное.

Министр — в ту пору еще глава столичного Ведомства магии — просил сделать дворянином Зейна ишт Вара как подающего большие надежды специалиста, оказавшего неоценимую помощь Амбростену. Много пафоса, общих слов, король бы никогда не подписал. Бернارد бумагу ему и не показывал, обратился к ишт Краусу или кому-то еще. Затем, когда Ронсу справил новые документы, она оказалась в архиве Министерства юстиции с пометкой: «Приказ утерян». Архивариус не следователь, проверять подлинность сведений не стал, просто подколот.

Довольно улыбнулась. Петля-то затягивалась!

Однако записка породила новые вопросы. Самый главный — почему ишт Вар стал Ронсу, а не Варом? Выходит, старая фамилия ему претила, хотелось начать новую жизнь. Какую, рассказали бы в комиссариате, заодно бы и о прошлой просветили, но туда мне вход заказан.

До полуночи еще осталось время, извозчика мне любезно заказали, поэтому, выключив изопроектор, решила ознакомиться с содержимым портфеля. Внутри оказалась портативная голограмма, две изобразительных карточки и копия ежегодного освидетельствования на магические способности. Отложила ее на сладкое.

Голограмма запечатлела знакомого по заметке о выпускном юного Абея Бернарда. Не пришлось никуда ездить, ничего запрашивать, сиди и смотри. И чем дольше всматривалась, тем больше хмурилась. Стоило взять следующую магическую изобразительную карточку, брови и вовсе сошлись на переносице. Последнюю изъяли из личного дела Ронсу, того самого, которое показывал Лотеску. Пока голограмма и карточка лежали порознь, ничего не замечала, но стоило положить их рядом...

Заказчик и исполнитель оказались похожи — те же скулы, абрис лица, форма ушей, волосы. Не знала бы, назвала родственниками. Теперь министр выглядел иначе, мастера красоты постарались. Что примечательно, убрали только общие с Ронсу черты, сохранив пропорции лица.

Отложив вторую карточку, отыскала имя мага на карточке освидетельствования — Абель Бернارد. Захотелось нервно рассмеяться. Видимо, сегодня день озарений. И хоть бы одно приятное! Думала на кого угодно, но отметала очевидное. Сама же твердила: чем меньше соучастников, тем лучше. А тут вдруг неожиданно в банке объявился маг. Вот зачем министру привлекать еще одного человека? Чтобы потом снова убить, Бернارد ведь избавился от всех свидетелей. От всех, Лена! Фальшивомонетчик мертв — раз. Ронсу отравлен и сброшен с моста — два. Сотрудник банка, ведавший счетами и ячейками, которые использовали в преступной цепочке, убит — три. Оставался только маг, только он и есть Абель Бернارد. Вот, полюбуйся — третий уровень.

Воистину, иногда люди слепы! И халатны, как в моем случае. Одни и те же грабли. Какой начальник отдела, перебирать бумажки — самое то для тебя! Я не сделала элементарного: не раскопала прошлое Ронсу, не изучила вдоль и поперек его портативную голограмму. Завтра первым делом в университет. Там выясню, в каком родстве состоят Бернارد и покойный маг. Безусловно, существуют люди со схожими чертами лица, двойники, но тут иной случай. К примеру, мы с Томасом не копия друг друга, у брата иной нос, только одну кровь видно сразу. Здесь то же, родство не дальше третьего колена.

Взъерошила волосы и убрала голограмму на место.

А ведь столько всего объясняется, если Ронсу и Бернارد — родственники. И почему убитый доверял, и почему запросто общался с мэром, с гостями на празднике, отчего получил липовое дворянство. Наверняка будущий министр и тогда еще ишт Вар встретились на посвящении в студенты. Глава Ведомства магии толкал речь, затем милостиво разрешил запечатлеть его с первокурсниками, так и встретился с неудобным родственником. Умный юноша припас козырь в рукаве, наверняка нечто постыдное, способное разрушить карьеру, приобрел новую фамилию, должность. Добавить историю Лотеску — складывалась полная картина.

Вряд ли Ронсу догадывался о подстраховке Бернарда с дворянством. По документам — аристократ, по факту будущий министр не рисковал, не подал представление на подпись, всегда мог откеститься от документа. Помилуйте, вы же видите, подпись фальшивая,

неужели думаете, будто остальная часть подлинная? Когда Ронсу стал не нужен, его убрали. Самым надежным способом — собственноручно.

Яд в вино подсыпал Роджер ишт Милс. Его изобразительную карточку, смонтированную на основе записей кристаллов, передали в качестве третьей подсказки. Сомнения в том, что никакого ишт Милса никогда не существовало, отпали. Обрежь выпускнику университета волосы, добавь бороду — получишь Абеля Бернарда. Разумеется, его никто не узнал, потому что от прежней внешности министр давно избавился, причем, еще до встречи с Ронсу. Оставалось только гадать, как последний узнал в темном блондине бывшего шатена, и чем юный маг в свое время объяснил преобразование. Ставлю на катастрофу. А волосы... Ну, побочный эффект, рано поседели.

Наверное, глупые фантазии, но рыбам Ронсу скормили не от большой любви к садизму, а чтобы пострадало лицо. Маловероятно, что кто-то примется копаться в изобразительных карточках тридцатилетней давности, но лучше не рисковать, верно?

Потерла виски.

Вдруг я ошиблась, спутала Бернарда и Ронсу? Последний не похож на специалиста высокого класса, а магические убийства совершены мастерски. Почерк волшебника отражает настоящий облик человека. С тем же Тайроном — портрет показывал иные глаза, те, с которыми он родился. Вдруг Ронсу держал парцилен, а убивал министр?

Хватит, Лена! Ты делаешь Абеля Бернарда злодеем мирового масштаба. Оперировать фактами, оставь фантазии для писателей.

Словом, день прошел продуктивно.

Только сейчас поняла, как устала и хочу завалиться на кровать.

Усмехнулась. Когда еще удастся полежать в постели Эмиля Лотеску без него самого! Хотя сейчас не отказалась бы от уютных объятий. Уткнуться носом в пропахшую сладковатым запахом кожу и заснуть. Подойдет любой иной парфюм, не принципиально, просто к этому привыкла, он стал синонимом стабильности, безопасности. Если разобраться, на службе у хассаби жила как за каменной стеной. Размякла, потеряла хватку. Ничего, перевод Лотеску в столицу, если он состоится после мутной истории с шантажом и нелепыми обвинениями, встряхнет. Амбиции у нее! Да ты бы всю оставшуюся жизнь кофе варила, задания новых сотрудников проверяла и с начальником зубоскалила.

Как там хассаби, удалось ли адвокату добиться освобождения под залог?

Да, как все поменялось! Теперь я на свободе, а он — обвиняемый. Только меня посадили под домашний арест, а Лотеску в камере.

Расписалась у сонной дежурной и забрала вещи из сейфа. Краем глаза уловила, как гаснут за спиной огни. Ну да, я последняя, задерживаю работников, которые тоже мечтают попасть домой. Странно, что вообще разрешили засидеться. Интересно, кто тот мужчина из Управления безопасности, без него точно не обошлось. Раз помогает, значит, они тоже копают под Бернарда. Хорошо!

Меня на миг обуяла животная ярость. Захотелось, чтобы министр оказался в темном тюремном коридоре. Не в костюме с иголки — в робе. Руки за головой, ноги на ширине плеч, пока конвоир открывает дверь одиночной камеры без окна. Абель Берnard заслужил.

Свежий воздух ударил в лицо, мурашками пробежался по телу. Ночью заметно похолодало, не помешал бы жакет.

Дошла до ограды и огляделась в поисках извозчика. Странно, ни одного паромобиля, хотя служащая заверила, вызвали. Может, не успел подъехать или не пропустили на территорию? Ничего, прогуляюсь немного, все равно посторонних на ночь выгоняют, ворота запирают.

Флегматичный охранник проверил пропуск и выпустил наружу. Я оказалась в западной части большой площади, от которой тремя стрелами разбежались два проспекта и улочка

поменьше. В нужный квадрант Штайта вела последняя, и, здраво предположив, что извозчик мог остановиться на углу, на стоянке парчел, направилась туда.

Тишина, покой. В административном квадранте безлюдно, только мигают огни фонарей.

Низкие каблуки повседневных туфель стучали по плитам тротуара, отбивали мелкую дробь по мостовой.

Погруженная в собственные мысли, пересекла площадь, но извозчика не обнаружила. Теперь пожалела, что не взяла у сотрудников архива код. Ладно, наберем того, кто меня привез. Меня постигла неудача, никто не отвечал. Ну и что теперь делать? Беспомощно огляделась, надеясь увидеть свет фар, и скорее почувствовала, чем увидела движение справа, за мусорными контейнерами, приготовленными для вывоза на свалку. Обернулась — ничего. Может, кошка, или ветка качнулась. Отчего-то зачесалось плечо.

Смирившись с перспективой долгой пешей прогулки по незнакомой местности, перехватила удобнее портфель и зашагала по улице. Ничего, заодно согреюсь, ночной столицей полюбуюсь.

Все бы хорошо, только спину буравил неприязненный взгляд. Сначала решила: показалось, но ощущение, что за мной наблюдают, с каждым шагом лишь усиливалось. Останавливалась — отпускало, стоило продолжить идти, неизвестный снова объявлялся. Невольно прибавила шаг, мечтая скорее выбраться в жилые квадранты. Они начнутся вот за тем перекрестком — съемные квартиры в пяти-шестиэтажных домах. Все новые, с барельефами над подъездами и, наверное, жутко дорогие. Только богачи там не жили, арендовать жилье — удел служащих низшего и среднего звена.

Показалось, или мигнул огонек зажигалки? Оборачиваться и проверять не стала, открыла сумочку и нащупала шокер. Пусть это окажутся бандиты! Только интуиция упорно твердила, воры жертву не выслеживают и уж точно не курят.

Щелчок. Я бы не услышала его, если бы не звенящая тишина.

Сердце ушло в пятки. Может, я проигнорировала оружейные курсы, но отлично знала, как парцилен снимают с предохранителя, задают режим. Звук тот самый! Значит, плечо чесалось от светового луча. Неизвестный примерялся, брал «на мушку», а теперь выбрал, убить или просто ранить.

Глубокий вдох — и я сорвалась на бег. Неслась со всех ног, петляя, словно заяц.

Нельзя останавливаться, нельзя двигаться по прямой!

Кровь пульсировала в висках, адреналин зашкаливал. Рваное дыхание резью отдавалось под ребрами, но я упорно наращивала темп. Уверена, не всякий ликвидатор летел бы в ту ночь по пустынной улице с такой скоростью, а ведь они ребята тренированные, не то, что девица, сдававшая нормативы за шоколадку.

Ноги стремительно тяжелели, наливались свинцом. Воздуха не хватало, скоро не выдержу, остановлюсь, и это конец. Нельзя замедлять темп, нельзя отдыхать — усталость раздавит гранитной плитой, упадешь и больше не поднимешься. И я бежала, не могла, но бежала на пределе возможностей.

Импульс пронесся возле уха, едва не задев мочку. Словно поднесли головешку.

Далеко ли убийца, нагоняет? Боюсь, да. Он-то двигался по прямой — заведомо выигрышная траектория. И уж точно не задыхался до боли в боках.

Сердце бешено колотилось, появилась одышка.

В очередной раз слетев с тротуара на мостовую, споткнулась и едва не растянулась на дороге. Ноги устали, едва сгибались. Хотелось рухнуть на брусчатку и, дрожа, судорожно дышать, дышать, дышать...

Ну же, еще немного, перекресток рядом! Ты спрячешься за деревом, наберешь полицию, позовешь на помощь.

Не вышло. Силы покинули меня. Мобилизовав последние резервы, юркнула за припаркованный у почтового отделения паромобиль. Неужели кончено? Бока ходили ходуном; я дышала носом, ртом — чем могла. Ноги тряслись, руки, которыми вцепилась в машину, чтобы не упасть, тоже.

Вот он, убийца. Мужчина — темный силуэт на фоне фонаря, не спешил. Чуть поблескивал парцилен. Он направлен прямо на меня. Всего одно движение пальцем, импульс сорвется и вопьется в тело, разрушая ткани на своем пути. Отчего-то не сомневалась, выставлен режим поражения, а не тяжкого вреда. Я не нужна ни Абелью Бернару, ни Лоджеру ишт Сонеру живой, особенно сейчас, когда знаю слишком много.

Приглушенно захрипела, раздавленная собственным бессилием. Страх заполнил все мое существо, на мгновение парализовал. Широко распахнутыми напряженными глазами наблюдала за приближающимся убийцей. Он меня видит, еще пара шагов, и можно выстрелить. В отчаянье, помешательстве разума, рванула дверную ручку паромобилья. Зачем? Может, хотела спрятаться — естественное желание жертвы. Странно, но дверца поддалась, и я действительно забралась, даже рухнула внутрь. Сжалась в комок на водителем сиденье и, повторяя сухими горячими губами: «Пожалуйста!», судорожно пыталась отыскать в сумке диктино. По закону подлости он упал на пол. Пришлось наклониться. Плечом задела бардачок, он приоткрылся, и из него вывалился... брелок с ключом. Разбираться, кто изобразил добрую фею и послал столь щедрый подарок, не стала. Плевать, что не умею водить, лучше разбиться, чем умереть от импульса парцилена.

Задержав дыхание, прикрыла глаза, припоминая, как начальник заводил машину.

Так, нужно вставить пластину в рулевую колодку.

Силой воли подавив нарастающую панику, со второго раза попала в нужное отверстие и пригнулась. Вовремя. Убийца, хоть не сомневался, что никуда не денусь, попытался свести даже гипотетические шансы к нулю. Импульс легко прошел сквозь стекло, обуглив ткань обшивки.

Ну же!

Никогда прежде я так истово не молилась всем богам прошлого, даже шайтана не забыла. Он, наверное, и помог, вспомнил давнюю поклонницу — двигатель ожил. Вдавлив педаль в пол, направила паромобиль на убийцу. Либо я его, либо он меня.

Неповоротливая в руках новичка машина медленно набирала скорость. Убийца успел выстрелить еще раз, зацепив плечо. Такой боли я еще не испытывала — словно пронзили каленым прутом. До крови прокусила язык, чтобы не заорать.

Увы, первоначальный план осуществить не удалось. Глупо надеяться, будто человек без прав с первого раза подчинит машину своей воле. Вот и мне не удалось. Паромобиль мотало из стороны в сторону, он двигался рывками. Ума не приложу, как вывернула руль, не врезалась в стену дома. Зато убийцу напугала, выиграла пару драгоценных минут. Но вот он снова вскинул парцилен, и, дико завизжав, уступив инстинктам и мысленно попрощавшись с жизнью, я выкрутила руль до упора и навалилась на педаль. Машина заскрежетала, опасно накренилась и, неуправляемая, понеслась прочь. Куда? Не знаю, да и неважно, лишь бы уйти из зоны поражения.

Последующие полчаса, может, чуть больше или меньше, я потеряла ход времени, превратились в бесконечную борьбу, которая завершилась аварией. Как ни пыталась сбросить скорость, уйти от столкновения, таки воткнулась в столб. Искря, он повалился на крышу паромобилья, прогнув ее над пассажирским сидением.

Кончено. И к лучшему — наступит хоть какая-то определенность.

Только сейчас сообразила, что в свистопляске смерти успела пристегнуться, и истерично расхохоталась. Хвала рефлексам, иначе бы давно вылетела под колеса.

Дрожащими, плохо слушавшимися пальцами щелкнула креплением. Ремень скользнул по телу, словно змея. Он потревожил раненное плечо. Боль вновь вонзила зубы в тело, слезами вырвалась наружу.

Я должна, должна, я справлюсь!

Диктино, где мой диктино? Нужно вызвать полицию. Вряд ли судьба спасет дважды.

Прибор в руках завибрировал. Вскрикнув от неожиданности, выронила его. Диктино продолжал надрываться. Но вот подняла, глянула на код звонившего и разрыдалась. Всклипывая, нажала рычажок. Меня трясло, как в лихорадке, вновь не хватало воздуха, хотя я больше не бежала.

— Госпожа ишт Мазера, где вас носит? — раздался усталый и такой родной голос. — Сдали ключи от своего номера, переехали в мой. Ничего объяснить не желаете?

Хочу, но слова застряли в горле.

— Что-то случилось? — мгновенно насторожился Лотеску.

— Вы... Я...

— Магдалена, где вы? Быстро взяли себя в руки и огляделись! — прикрикнул начальник.

Метод выбрался правильный, достучался до разума. Сбивчиво, односложно, но сумела назвать предположительный квадрант, только под конец расклеилась, всхлипнула:

— Он меня убьет до приезда полиции! Вы не успеете ничего передать адвокату.

— Да к, — крепкое словцо, — адвоката! Меня под залог выпустили, сам найду.

Так хочется дожить, хассаби, так хочется!

Разговор оборвался, а я все еще судорожно сжимала диктино. В груди теплилась надежда.

Время тянулось мучительно медленно. Баюкая раненое плечо, напряженно глядя в темноту, гадая, кто подоспеет раньше: убийца или спасение?

До полиции я не дозвонилась. На дворе глубокая ночь, я не знаю ни адреса, ни кода ближайшего отделения, а в комиссариате не отвечали. Безусловно, Лотеску сделает необходимые вызовы, но пока они доберутся...

Руку пекло, боль добралась до грудины. Неужели действие импульса распространилось по крови? Но ведь паралича нет, ранение по касательной.

Сжавшись на водительском сидении, боялась лишний раз оглядеться.

Пар над капотом уже развеялся, мотор утих. Бедный владелец, сколько денег потратит на ремонт, если вообще можно что-либо сделать с искореженным металлом. Удар пришелся на пассажирскую сторону и вышел таким сильным, что дверь прогнулась, а стекло треснуло. Сама я обзавелась парочкой синяков и ушибов.

Надеясь отыскать что-либо полезное, осмотрела бардачок.

Все же какая удача, что дверь оказалась открытой! Но вскоре я поняла, мое спасение обернулось несчастьем для другого человека. Никакой случайности, никакой халатности — вот удостоверение на извоз, документы, лицензия. Где-то там, неподалеку от почты, остался владелец паромобиля, которого с нетерпением ждала в архиве. Извозчик не доехал самую малость.

Брелок с ключом-пластиной наверняка запасной. Его часто кладут в бардачок, если работают с напарником.

Может, выбраться наружу, а не ждать, пока злой убийца исправит оплошность? Только ноги ватные, далеко не убегу.

Горько усмехнулась. Вот и попадешь на первые полосы газет, как хотела.

Темнота казалась враждебной. Фонарь, в который врезалась, естественно погас, до ближайшего — десяток шагов. Целая вечность!

Никто не встревожился, не вышел посмотреть, что произошло, хотя дом рядом жилой. Может, пустует, а, может, люди не хотят неприятностей. Я бы отодвинула занавеску, выглянула и вызвала полицию. Хоть бы действительно вызвали!

Плечо нарывало. Странно, но боль не позволяла окончательно утонуть в панике. У меня стучали зубы, дрожь волнами прокатывалась по телу, но я все еще не потеряла способности мыслить здраво, только результаты раздумий не радовали. Из оружия только шокер — ничто против парцилена.

Обострившееся зрение уловило в сумерках приближавшийся силуэт. Вот и пришла смерть. Сглотнуть бы, только во рту пересохло. Попробовала закричать — получился мышинный писк.

Оцепенев, бессильно наблюдала за тем, как убийца постепенно вырисовывался посреди пустынной улицы. Он снова не спешил, точно знал, жертва устала и исчерпала лимит везения.

Знакомое тепло защекотало висок. Значит, в голову. По крайней мере, сразу.

Вот почему ленилась, не получила права? Не один раз быгодились, и теперь по собственной дурости!..

Удар сердца. Еще один.

Теперь я хорошо его видела, хотя на улице по-прежнему темно. Бесформенный плащ, широкополая шляпа — все, чтобы полностью скрыть приметы. По такому портрету никого не найдешь.

Вновь блеснуло дуло парцилена.

Судорожно вздохнула. Надо закрыть глаза, но не могу.

Пространство сужается до предела, до нас двоих, время, наоборот, растягивается, даже мгновение длится часами. Только вот падаю не я — он. Убийца, выронив парцилен, валится на колени. Оружие с легким звяканьем отлетает к сточному желобу.

Как, почему? Ничего не понимаю и жадно дышу, словно утопающий, выбравшийся на берег. И кричу, что есть мочи, кричу неизвестно откуда прорезавшимся голосом, когда вижу второго мужчину. Он возникает из темноты; в руках тоже парцилен. Мужчина склоняется над убийцей, приставив дуло к горлу, проверяет пульс и выпрямляется.

— Магдалена! — знакомый голос прорывается сквозь пучину страха, но я все еще не верю.

Тогда мужчина отходит в сторону, под фонарь, и я захлебываюсь вырвавшимися наружу рыданиями.

Кончено! Спасена!

Все еще рыдаю, когда Лотеску медленно, чтобы не напугать, подходит к паромобилю. Он выглядит осунувшимся, в той рубашке и брюках, которые передала с адвокатом. Дальше образ начальника расплылся в одно большое радужное пятно — слезы застлали взор.

— Магдалена, с вами все в порядке? — в голосе звучит тревога.

Хочу ответить и не могу. Сдвинуться с места тоже. Оцепенение спало, меня била крупная дрожь. Холодно, словно на дворе зима. Плечо, наоборот, горит, дотронуться невозможно.

— Все хорошо, он мертв. Все кончено, Лена, тихо! — хассаби разговаривает как с маленькой, тепло, ласково. — Не надо бояться.

На меня пахнуло ночным воздухом — Лотеску открыл дверь паромобиля. Вот ведь, даже не заблокировала. Дура, эмоциональная дура, которая наплакала целое озеро и не в силах остановиться.

— Вот так! Все хорошо, все хорошо.

Охнула, когда меня выдернули с сиденья и осторожно поставили на ноги.

— Это я. Тихо, т-ш-ш!

Лотеску прижал к груди, провел ладонью по волосам, попутно ощупывая, не набила ли шишку, не порезалась ли стеклом. Слышу, как он недовольно ссезживает воздух. Ему неприятно оттого, что мне больно. А мне все равно, главное, не одна.

От хассаби пахло чем-то затхлым, дешевым мылом и чуточку потом, но я все равно, наплевав на приличия, потянулась к нему, обвила руками. Казалось, если отпущу, снова окажусь под прицелом парцилена. Плохо соображая, что творю, расцеловала начальника в иступлении схлынувшего напряжения и уткнулась носом в шею. Пускай ругает, пусть увольняет, не могу иначе. Не могу не цепляться за воротник, не прижиматься, не вдыхать сохранившийся-таки на коже флер сладкого парфюма.

— Все хорошо, — в который раз повторил Лотеску и вместе со мной уселся на сиденье покореженной машины. — Мы сейчас быстро дадим показания, составим протокол и поедем спать. За номер не сержусь, — зачем-то добавил он.

Какой номер? Подняла на него глаза и часто заморгала. Потом сообразила: я переселилась в люкс хассаби, разбросала там свои вещи. Бедолага даже не помылся после камеры, сразу ринулся ко мне. А ведь мог бы остаться, уставший, вымотанный.

Зашелестели колеса, взорвали ночную тишь голоса.

Вздрогнула: на миг показалось, к убийце прибыло подкрепления.

— Свои, — шепотом успокоил Лотеску.

Заерзала на коленях начальника, но он не отпустил, вложил в пальцы носовой платок, чтобы привела себя в порядок.

— Сп-п-пасибо! — чуть слышно поблагодарила за спасение и утерла глаза.

Лотеску промолчал, прислушиваясь к разговорам полицейских. Я узнала их по раскраске паромобилей — приехало сразу два — и блестящим в лучах ручных фонарей бляхам.

— Его застрелил я, — обращаясь к старшему, спокойно признался начальник. — Счет шел на мгновения. Оружие для экспертизы можете взять, место входа импульса назову.

— Пока не надо, хассаби, — деловито отозвался инспектор.

— Показания дам позже, все равно под подпиской о невыезде. Госпожа ишт Мазера напугана, ее нельзя оставлять одну.

Собеседник Лотеску кивнул и отошел к своим.

Полицейские суетились возле убийцы, что-то мерили, записывали, фиксировали изображателями.

— Зачем?.. Вам нельзя!

Осознание накрыло удушливой волной.

Лотеску под следствием, а тут чистосердечное признание в убийстве. Его же казнят!

Ком подступил к горлу, снова стало трудно дышать, словно невидимый кто-то откачал воздух из легких.

— Тихо! — склонившись к самому уху, прошептал хассаби и наградил легким поцелуем в щеку. — Я взрослый мальчик, Магдалена, соображаю, что делаю.

Внезапно он напрягся. Пальцы переместились с талии на плечо и чуть надавили. Закусила губу, но не вскрикнула.

— Вы ранены? Магдалена, шайтана вам в мужья, почему вы молчали? — накинуся Лотеску.

От былой ласки не осталось и следа. Начальник обозвал идиоткой и потребовал врача. После вызвался осмотреть мою рану, без тени смущения расстегнул блузку и осторожно высвободил руку.

Фонарик слепил глаза, прикосновения напоминали пытки, которым некогда подвергали магов.

— Повезло, ничего страшного, — резюмировал Лотеску и приказал: — Чтобы впредь первым делом говорили!

Надеюсь, не придется, острых ощущений хватило до конца жизни.

— Антисептик, перевязка и обойдемся без госпиталя. Или хотите для верности? Я не медик...

— ... зато прекрасно разбираетесь в оружии. Спасибо, хассаби, выкарабкаюсь.

— Так, другие повреждения? — Лотеску взял за подбородок, заставив смотреть в глаза. — Либо говорите сами, либо найду я.

Ничего вразумительного ответить не смогла, поэтому луч фонаря скользнул по полуобнаженному телу. Спинка кресла и фигура начальника надежно загораживали от сторонних наблюдателей, а действия хассаби не волновали вовсе. Пусть хоть целиком разденет!

— Вроде, обошлось. Только это, — Лотеску легонько надавил на правый бок, — беспокоит.

— Все равно в госпиталь не поеду! — капризно возразила я.

Подумаешь, ушиб! Поболит и перестанет, по сравнению с ранением и вовсе комариный укус.

— Лучше скажите, — вместе с вернувшимся спокойствием во мне проснулся аналитик, — как вы здесь очутились?

— Ногами, Магдалена. Вы дали расплывчатые координаты, а искать испуганного человека лучше не из окна машины. Подкрадываться к преступнику тоже, иногда у пешего преимущество. Как видите, я очутился на месте раньше полиции, с ней бы вы точно оказались в морге. Заодно гарантировано избавил нас от выстрела в спину.

Логично.

Тяжело, но нужно заставить себя спросить:

— Что с извозчиком? Убили?

— Труп у почты, — равнодушно ответил Лотеску и, заметив приближающего полицейского, ссадил с колен.

Ну да, непристойно, вредно для карьеры. Только тянуло прижаться — без хассаби так холодно.

Дальше начались обычные вопросы, на канцелярском официальном языке — первичный допрос потерпевшего. Только под тяжелым взглядом хассаби полицейский не хамил, не подвергал сомнению каждое слово. Потом Лотеску и вовсе прервал его недовольным: «Хватит! Госпожа ишт Мазера устала, завтра подпишет все бумажки». Поблагодарила его взглядом. Я действительно мечтала о тиши номера и таблетке болеутоляющего.

Лекарь приехал быстро, осмотрел ранение и успокоил: царапина. Он дотошно объяснил, почему даже крошечный импульс вызывает столь неприятные ощущения, ввел в плечо специальный препарат и перевязал. Под нажимом Лотеску врач поделился болеутоляющим и снотворным.

— Все, в гостиницу! Немного прогуляться сможете? Я огнемобиль у участка бросил.

Огнемобиль? А, ну да, его перегнали в гараж гостиницы.

Словно кукла на ниточке, поплелась за начальником. Могла бы, уснула прямо на ходу, такая апатия и усталость накрыли. Когда пару раз запнулась, едва не расквасив нос, Лотеску подхватил на руки. Так и заснула. Не помню, как добрались до отеля, как очутилась в постели. Сквозь дремоту пробивался шум воды, а затем нечто теплое, к чему я инстинктивно прижалась.

Утро началось с открытий. Во-первых, я ночевала не одна — вон смятая подушка. Теперь понятно, кого обнимала. Во-вторых, начальник меня раздел, потому как сама оказаться в трусиках и футболке с чужого плеча не могла.

— Доброе утро! — послышалось из ванной. — Вот так и начнешь ценить повседневные удовольствия! В тюрьме с горячей водой туго. Как себя чувствуете?

Лотеску появился минутой позже, полуодетый, но добрый, с полотенцем через плечо.

Пошарила рукой под одеялом и попыталась, не вставая, разглядеть содержимое мусорного ведра. Начальник вел себя слишком по-домашнему, напрашивались определенные выводы. Сдается, традицию мы таки соблюдали, переспали.

— Ничего не было, — легко разгадав причину моего беспокойства, весело отозвался хассаби. — Дальше поцелуев не зашло. Я не пользуюсь чужими слабостями, Лена.

— Я и не думала, — потупила взор и вывела на одеяле спираль. — Вы порядочный.

— Порядочный извращенец! — усмехнулся Лотеску, разрядив атмосферу. — Лежите, сколько хотите. Инспектор зайдет в три, сейчас, — он бросил взгляд на часы, — десять. Когда сможете, расскажете, до чего докопались. У меня тоже новости.

— Но как можно, сидя в тюрьме?..

Прикусила язык, сообразив, что вновь вышла за грани дозволенного.

— В тюрьме никак, но маховик запустился до ареста. Думаете, — начальник присел на край постели, — Бернард просто так собирался упечь меня за решетку, спешно подготовил приказ об увольнении? Да в уничтожителе он, — успокоил хассаби, легко прочитав по лицу невысказанный вопрос. — Дело резонансное, дошло до короля, Бернард побоялся до официального обвинения, благо на сцену вышло Управление безопасности. Вот он и занялся вами.

Ну да, если нельзя убить главу Карательной инспекции, пусть и местечковой, можно расправиться с секретарем, благо министр не дурак, знает, кто собирает Лотеску информацию. Выяснил про архив, понял: маячит суд и отрядил убийцу.

— Тот, человек которого вы... Словом, он часом не ликвидатор?

— Откуда?.. — ошеломленно уставился на меня хассаби.

Пожала плечами.

— Интуиция. Если в деле замешал второй зам Карательной, наемника привлекать не станут, проще заказать своим.

— Да-а, страшная вы женщина, Магдалена! — уважительно протянул начальник и встал. — Рану показывайте, перевязать надо.

Широко распахнула глаза, когда Лотеску достал из комода бинты и порошковый антисептик. Когда?.. И он?.. Да я сама наскоро повязку сооружу.

— Снимайте футболку! — скомандовал хассаби. — Стесняться не надо, повторяю, памятуя о вашей рассеянности, ничего нового не увижу.

Сразу вспомнились события годичной давности, когда начальник произнес примерно то же самое в ванной, когда вытаскивал заснувшую меня из воды.

— Мужчины всегда видят новое, — парировала я, но футболку стянула, благоразумно прикрыв пикантную часть тела.

— Поздно, все старое, — хмыкнул Лотеску и присел рядом.

На некоторое время воцарилось молчание.

Начальник сначала смотрел, затем осторожно коснулся плеча. Странно, но острой вспышки боли не последовало, напрасно челюсти сжала.

— Могу порадовать: заживает. Еще денек с повязкой ходите и все. Только резких движений не делайте. В некоторых случаях импульс лучше револьверной пули, огнестрел, пусть и по касательной, так быстро не вылечишь.

Лотеску перевязал быстро, сноровисто. Сразу видно, человек не только курсы первой медицинской помощи прослушал, но и зачет по ней сдал. Мы, не работавшие с оружием сотрудники Карательной инспекции, только расписались для галочки.

— Вот так, — начальник убрал остатки бинта в ящик, — можете одеваться. Ванная в полном вашем распоряжении, только плечо не мочите. Я пока закажу завтрак на террасу. После четырех стен жутко хочется простора, — чуть смутившись, признался он.

Хотелось расспросить о тюрьме, но вряд ли Лотеску приятно вспоминать о суточном заключении. Надумает, сам расскажет.

— Залог большой заплатили? — задала-таки один вопрос.

— Порядочный, цена свободы меня не волновала. Ничего, верну. Обвинение рассыплется в пух и прах. Вам как, — лукавая улыбка, — не страшно жить бок о бок с последственным?

— Ни капельки, — улыбнулась в ответ.

Уфф, ночное, кажется, отпустило, а ведь казалось, страх навечно поселился внутри. Но Лотеску такой обаятельный, нельзя не ответить взаимностью: улыбку за улыбку, смех за смех, шутку за шутку.

— Тогда после завтрака навестим мать Ронсу. Вы молодец, — начальник говорил и одновременно, повернувшись спиной, одевался, — хорошо покопались. Пока спали, посмотрел записи, сделал пару звонков — и вот. Или выходите из игры?

— Ведьмин глаз им в суп, не отступлюсь!

Именно так, из принципа упеку высокопоставленных преступников в одиночки и приду поглумиться на судебное заседание.

— Вот и славно, — просияв, обернулся Лотеску; рука замерла на манжете рубашки. — Вы меня изрядно напугали, Магдалена, — неожиданно признался он, чуть прикусив нижнюю губу, и отвел глаза. — По сути, вас чуть не убили из-за меня, не удивился бы, если бы послали в дальние дали. В обязанности личного помощника не входит сбор доказательств под стволом парцилена.

— Тогда вы дурно обо мне думаете, хассаби, — покачала головой и вылезла из-под одеяла.

Странное ощущение! Неправильности, что ли. Вот я, босая, в его футболке, вот он, в брюках и расстегнутой рубашке, только стыдно начальнику. Может, закралась крамольная мысль, я одна видела Эмиля Лотеску таким. Не начальником — человеком, давним юношей, которого еще не испортила власть.

— Лена, не порите чепухи! — отмахнулся хассаби и, встrepенувшись, застегнул пуговицы. — Надо было-таки озаботиться охраной, а не давать советы об осторожности. Сегодня же займусь данным вопросом.

— Не надо! — взмолилась я, вспомнив о прошлом опыте общения с телохранителями.

— Сам решу, — расставил точки Лотеску. — Раненый зверь опасен, не желаю рисковать.

— Когда вы рядом, мне не страшно.

Сказала и смутилась: он помог неправильно понять.

— Напрасно, — хассаби умел удивлять. — Сейчас не тот случай. Хотя, — Лотеску едва заметно улыбнулся, — опасность заставляет вас молчать и наконец-то подчиняться, поэтому, ладно, вертитесь рядом.

Ясно, вопрос прошлой ночи закрыт. Следовало, конечно, нормально поблагодарить, без начальника лежала бы в морге, но раз не хочет, то не стану.

В душе не задержалась, быстро привела себя в порядок и поспешила на террасу, где уже накрыли завтрак.

— Семейная идиллия, а, Магдалена? — Лотеску глянул поверх газеты, намекая на мой внешний вид.

Шайтан, надо было переодеться, а не выбегать в халате!

— Я быстро, хассаби!

Неудобно-то как! Действительно, как с любовником или супругом. Она разливает сливки из молочника, он лениво потягивает кофе, изучает прессу.

— Не нужно, я не стеснительный, переживу. Давайте лучше поделимся сведениями и обсудим план действий.

Мать Зейна ишт Вара, по вторым документам — Зейна Ронсу, жила в рабочем поселке, километрах в десяти от Штайта. Туда добрались быстро, с ветерком, предварительно уведомив надзирающего офицера о пункте назначения — таковы правила для отпущенных под залог. Подследственному разрешилось выезжать в столичные пригороды, получив специальное разрешение. Лотеску ненавидел препятствия, о покорности и вовсе не слышал, поэтому просьба превратилась в приказ. Так или иначе, желаемое он получил.

Рабочий поселок производил удручающее впечатление, по сравнению с ним окраинные кварталы Нэвиля казались элитным жильем. Покосившиеся деревянные бараки, редкие трехэтажные кирпичные здания, часто с выбитыми окнами. Под ногами хрустел гравий, а в воздухе клубилась пыль, которую ветер приносил из карьеров.

— М-да, — огляделась по сторонам, — на месте Ронсу я бы тоже порвала с прошлым. Как он вообще в университет поступил?

— Как все — экзамены сдал, — Лотеску особенно тщательно наложил охранные чары на огнемобиль. — Прежде госпожа ишт Вар жила в столице, работала закройщицей в ателье.

— Отчего же так опустилась?

Вряд ли в поселке найдется престижная работа.

— Сейчас узнаем. Сегодня многое прояснится.

Надеюсь, а то вопросов больше, чем ответов. К примеру, почему Ронсу не бедствовал, а мать прозябала.

Элия ишт Вар снимала комнату в квартире с общей кухней в одном из кирпичных домов. По словам Лотеску, господин ишт Вар отсутствовал — то ли вовсе, то ли умер.

В темном коридоре пахло кошками. Шла и вспоминала первые дни в Нэвиле. По каким только углам не бродила в поисках крова! Но в таком точно бы жить не стала.

По счастливой случайности Элия оказалась дома. Она совсем не походила на сына — сухонькая, рано поседевшая блондинка с огромными голубыми глазами, придававшими лицу неизменно удивленное и немного кукольное выражение. Когда распахнулась дверь, госпожа ишт Вар накрывала стол для нехитрого обеда.

Лотеску вежливо постучал по косяку, привлекая внимание.

Женщина вздрогнула и обернулась. Заметила, как она побледнела, когда взгляд скользнул с лица на одежду начальника — боялась богатых.

— Чем обязана, хассаби? — однако голос не дрожал.

— Элия ишт Вар, верно? — Женщина кивнула. Руки комкали край полосатой блузы, заправленной в длинную синюю юбку. — Нам нужно задать вам пару вопросов.

— Да, конечно, — рассеянно пробормотала хозяйка и любезно предложила чаю.

Лотеску отказался, я не побрезговала. Желудки «иштов» не столь нежные, переживу.

Начальник достал из внутреннего кармана две изобразительные карточки и положил на стол рядом с сахарницей. Вытянув шею, узнала одну — министр времен студенчества. Вторая незнакомая, но, судя по разительному сходству с Бернардом, на ней Ронсу. Оба молодые, совсем юноши.

— Кто эти люди, госпожа Вар?

Женщина молчала. Губы ее подрагивали, уголки рта трагично опустились, пальцы с удвоенной силой терзали блузу.

— Не бойтесь, госпожа, — Лотеску прибег к обаянию, — я не сыщик и не полицейский.

— Тогда зачем вам?..

Элия решилась посмотреть на него; в глазах дрожали слезы. Сердцем жалко, умом понимала, надо надавить.

— Ваши слова могут спасти жизнь одному хорошему человеку и отомстить за другого, — вступила в игру. — Пожалуйста!

Госпожа Вар тяжело вздохнула и ласково провела пальцем по ближнему изображению.

— Это мой сын Зейн. Я давно его не видела, с тех пор, как стал студентом. Сначала заходил, звонил, потом дорогу забыл. Даже когда заболела и не смогла работать, не навестил, — с горечью добавила женщина и показала свои руки. — Видите? Куда с такими в приличное место?

Кожа ее покрылась странными пятнами, будто следами от ожогов. Подозреваю, последствия некоего заболевания. У бедных нет денег на мастеров красоты, вот и остались отметины на всю жизнь.

На всякий случай тайком обтерла чашку. Может, прав Лотеску, что не стал пить?

— Хорошо, а второй?

Начальник убрал карточку Ронсу.

Гаденыш, покойный маг, достойный напарник министру! Бросил мать, когда запахло деньгами и дворянством.

Элия молчала, хотя по всему чувствовалось, она узнала Бернарда. Когда хассаби собрался поторопить, госпожа Вар таки ответила, отведя глаза:

— Это его брат. Заезжал пару раз, справлялся, как я. Хороший мальчик, — тяжкий вздох, — как его отец.

В маленькой комнате рабочего поселка словно взорвалась бомба. Мы оба: Лотеску и я, — стояли, пораженные невероятным открытием. Зейн Ронсу и Абель Бернард — братья?!

— Ваш сын незаконнорожденный, верно? — порой начальник забывал о такте.

— Верно, — призналась Элия. Чего уж там, дурак бы догадался. — Мы... Его отец — дворянин, заказывал жене костюм для верховой езды. Одна девочка отлучилась, меня попросили вынести заказ и вот, — она развела руками. — Он о Зейне ничего не знает, да и зачем? Две дочери, жена-умница, сын большие надежды подавал. Сами понимаете, хассаби, мы для вас так, развлечение. Вы бы, небось, тоже даже в любовницы не взяли, — с горечью заключила женщина.

Если госпожа Вар надеялась смутить Лотеску, она просчиталась, начальник и бровью не повел. Нагло выставила его в коридор, справедливо полагая, Элия не станет откровенничать с мужчиной-аристократом. Хватит того, что она сумела переступить через давнюю боль, призналась.

Через пару минут знала все: как ныне здравствующий Бернард-старший соблазнил, как исчез после пары свиданий. Обошлось без прощальных записок и кошельков. Никаких ухаживаний, просто задирал хорошенькой девушке юбки на съемной квартире и дарил цветы. Только для определения отцовства у магов достаточно сравнительной экспертизы, никакие свидетельства любовной связи не нужны. На эту блесну покойный Ронсу поймал будущего министра, этим выторговал дворянство и безбедную жизнь. Репутация — самый ценный товар, напиши газеты о приключениях отца Абея, дойди они до короля, министр распрощался бы с карьерой, а Бернард-старший — с местом при дворе. Только шантажисты всегда платят по счетам, вот и урожденный Зейн ишт Вар оказался в Адроне.

Со сменой внешности все понятно — заметал следы. Осталось только выяснить, под каким соусом министр ее обставил и доказать, что он был совершенно здоров.

Сердечно поблагодарила Элию. О сыне рассказывать не стала, хватит с нее, пусть лучше

считает живым.

Нехорошо, конечно, улыбаться, когда другим грустно, но кончики губ сами ползли кверху. Приятно сознавать, что дело стремительно двигалось к концу.

— Теперь мастер красоты и банк, хассаби, — уже в огнемобиле озвучила оставшиеся пункты плана.

— Сначала полиция, — напомнил Лотеску. — Вы уж не подведите, не изобразите убийцей.

— Всенепременно, хассаби. Принцы на белом коне убийцами не бывают.

— Предпочитаю машины и точно не похож на наследника престола, — фыркнул начальник, выруливая на дорогу в столицу. — А если серьезно, нужно доказать делегированную самооборону, то, что вас собирались застрелить. Обязательно на ранение напирайте. В качестве благодарности оплачу номер и позволю спать под боком. Может, — ехидный взгляд, — даже помогу бороться с женской ипохондрией короткими летними ночами.

Тепло улыбнулась в ответ. Прежний Лотеску вернулся, а то с утра он меня напугал. Ладно, ночью — успокаивал испуганную женщину, но потом сама предупредительность и забота. Хоть бы пригрозил выговором за самоуправство с номером! Нет, будто так и надо, живи, Леночка. Но теперь все, видимо, придется собирать вещи. Хотя, может, упрощу оставить спать в гостиной? Бравата бравадой, а с мужчиной за стенкой спокойнее.

— Эм, а где ответная колкость? — выждав, недоуменно спросил начальник. — Мол, шли бы вы, хассаби, давно здорова.

— Потом придумаю. Не каждый день убивают, войдите в положение.

Шутила, а сама боялась, вдруг из-за поворота выскочит паромобиль, подрежет? Страх просто так не проходит, кислотой въедается в душу.

— Нужно купить успокоительное, — оказалось, Лотеску непросто обмануть. — Без возражений, Магдалена! После допроса спать. И чтобы до утра никаких дел! — пригрозил он тоном, не терпящим возражений.

— Но как же вы без секретаря, хассаби?

Хотелось вспылить, напомнить, я не вещь, чтобы мне указывать, но умом понимала, начальник заботился о душевном состоянии.

— В тюрьме обходился и сейчас обойдусь. Магдалена, — устало попросил Лотеску, — не упрямитесь! Вы пережили серьезное потрясение, деятельность — это хорошо, но в разумных пределах. Лучше хорошенько выспитесь, иначе загремите в госпиталь. Я видел, как ломало здоровых мужчин, ликвидаторов, а вы хрупкая женщина.

Хотя мы подъехали чуть раньше, в гостинице уже дожидался полицейский. Беседовали в номере — Лотеску настоял. Обычные вопросы, честные ответы. Ну, почти. Мотивов преступления я не раскрыла, зато предположила, меня заказали недоброжелатели хассаби. Кажется, инспектор почувствовал, что я чего-то недоговариваю, но давить не стал.

Воспоминания минувшей ночи всколыхнули тревогу, приходилось часто прерываться и пить воду.

Начальник устроился чуть поодаль, слушал. Как обещала, дала показания в его пользу, заверила, без хассаби бы не выжила.

Затем мужчины оставили меня одну, ушли беседовать в кабинет.

То ли сказало напряжение после допроса, то ли я переоценила свои силы, но вдруг накатила такая усталость! Свернулась калачиком на диване в гостиной и задремала. Разбудило меня звяканье ложечки. Кое-как разлепив глаза, увидела Лотеску. Он стоял и

помешивал бурый напиток в стакане.

Судя по освещению, поздний вечер. Сколько же я проспала?

— Выпейте, — начальник протянул стакан, — и в кровать.

— А? — недоуменно уставилась на него, но проглотила напиток.

Травы. Значит, успокоительное.

— Неужели вы думали, госпожа ишт Мазера, — отчитал Лотеску, — будто останетесь ночью одна? Психологические травмы коварны, рецидивы после сильных потрясений неизбежны.

То есть мы снова проведем ночь в одной постели, или начальник устроится в гостиной?

Смущенно вращала ложечку в пустом стакане.

Неужели не удалось снять номер?

Вслух спросила иное:

— Как же ваша репутация?

— Переживет! — отмахнулся начальник и отобрал стакан. — Ничего, одну ночь потерпите. Пока вы спали, — хассаби сменил тему и присел рядом, пришлось спустить ноги на пол, — со мной связался Синглер.

Напряглась, ожидая выволочки за самоуправство, но начальник, наоборот, похвалил:

— Учитесь управлять людьми. Стимул — великое дело. Только связями больше не хвастайтесь, — Лотеску бросил на меня косой взгляд, вогнав в краску, — а то вдруг оборвутся. Синглер, конечно, промолчал, но догадаться несложно. Так вот, он едет сюда и кое-что раскопал. В частности, почему Абель Берnard вдруг стал блондином.

Замерла, снедаемая любопытством. Неужели станет в отместку тянуть? Нет, рассказал:

— Вскоре после выпускного вечера будущий министр попал в аварию. Якобы его подрезал подвыпивший лихач на проселочной дороге. Свидетелей никаких, огнемобиль восстановлению не подлежал. Сам Берnard чудом выбрался. Лицо сильно пострадало, но мастера красоты помогли, рубцов не осталось, только внешность изменилась.

— А на самом деле? — ерзала от нетерпения.

Ни на минуту не поверю, будто будущий министр сидел за рулем, когда машина летела в кювет или врезалась в дерево.

— Вот Синглер и выяснит, — подмигнул начальник. — В столице Берnard объявился уже забинтованным, значит, мастера красоты нужно искать неподалеку от места псевдо-аварии. Полагаю, нелегального. Он, конечно, по вашему профилю, — быстрый взгляд в мою сторону, — но давайте дадим Синглеру шанс? Право слово, интересно, как он расстарается ради моего расположения.

Бывший начальник службы безопасности превзошел себя: явился в гостиницу с показаниями прижатого к стенке мастера красоты. Синглер подключил другие Карательные инспекции, предложил бартер — улучшение статистики взамен на признание. В итоге на столичном вокзале ему передали запечатанный конверт. Похоже, кто-то мечтал о премии, раз подсуетился.

Как мы и думали, Бернард был совершенно здоров, когда вздумал изменить лицо. Оставалось загадкой, как он выяснил адрес мастера. Разрешить ее теперь тяжело, разве только министр расскажет. Словом, он объявился на пороге с ультиматумом: операция или тюремная камера. Само собой, мастер красоты предпочел первое.

Признание оформили по всем правилам, подпись задержанного присутствовала, процедуру опознания Бернарда по изобразительной карточке провели — словом, в деле появилась полновесная улика.

Лотеску советовал не расслабляться.

— Все это пшик, министр отметет и забудет. Давайте лучше окучивать ишт Сонера. Сомневаюсь, будто он случайно живет рядом с нужным банковским отделением, — я рассказала о поездке в элитный квадрант. — И больно чистый. На него пока вообще ничего.

— А как же Алард? — напомнила об участии второго зама столичной Карательной в шантаже.

— Адвокат отмажет, — раздраженно махнул рукой хассаби. Он копался в справочнике, искал чей-то код. — Отделается увольнением и штрафом. Нет, мы обязаны его посадить, его и Абея Бернарда. Желательно, надолго. Я бы, — хищно оскалился Лотеску, — не возражал против сурового наказания. Измена, убийство — славный набор для смертной казни.

Начальник сейчас походил на маньяка: тот же холодный блеск в глазах, та же решимость и жажда крови.

Синглер, скромно устроившийся в углу кабинета, кашлянул, привлекая внимание.

— Есть еще кое-что, хассаби.

Прибыв в гостиницу, бывший начальник службы безопасности с разрешения Лотеску осмотрел люкс, выставил своеобразный караул из двух ликвидаторов. Их командировал ишт Блэр. Похоже, мужчины спелись на почве желания угодить начальству. Мои вещи в номере Синглер тактично оставил без внимания. Да, я по-прежнему жила с хассаби, но ни мусорному ведру, ни простыне не удалось бы опорочить репутацию Эмиля Лотеску. Если первые две ночи я провела с ним в одной постели, — никакого секса, даже поцелуев! — то в последующие ночевала в гостиной. Из раздвижного дивана вышла неплохая кровать. Переехать в другой номер хассаби не позволял по соображениям безопасности и постоянно носил с собой парцилен.

— Что? — Лотеску поднял голову, оторвавшись от записей.

Ему приходилось бороться на два фронта: доказывать собственную невиновность и пытаться посадить министра. С утра Ньер как раз занес материалы по делу, начальник их изучал.

Почерковедческую экспертизу провели, подделку доказали. Я от прежних показаний не отказалась, смущенно расписывала бурные фантазии на постельные темы. Хассаби похвалил за находчивость, обещал выписать премию. В первый раз отказалась: я бескорыстно.

— Тогда двойную, за высокие моральные качества.

Словом, для Лотеску пока все складывалось неплохо, официальное обвинение не предъявили, а пятничное судебное заседание наверняка поставит точку в затянувшейся

комедии.

— Подвижки с ишт Милсом, хассаби. Обнаружены следы магии.

Подскочила, потирая руки в предвкушении.

Магический почерк индивидуален, не подделаешь.

— Тот же, что на месте убийства ишт Крауса? — забыв о субординации, выпалила я. — Ишт Милс накладывал иллюзию с усилителем?

Синглер покосился на Лотеску. Начальник кивнул: говорите, секретов нет.

Нам, то есть нэвильской Карательной, удалось не только добыть кристаллы, запечатлевшие Роджера ишт Милса, но и установить, каким поездом он прибыл. Хитрец вышел на предыдущей станции, в город добрался на прокатном паромобиле, который взял Ронсу. Глупец, неужели он не понимал, что шантажисты долго не живут! Став связным между братом и сорнейским посольством, маг окончательно подписал себе смертный приговор.

Обратно мнимый Милс добирался схожим образом, заматая следы, но не все предусмотрел. Иллюзии у магов такого уровня не держались долго, сел на поезд один человек, а ступил на столичный перрон другой. Пусть министр выкупил купе второго класса, пусть поезд прибыл вечером, опознать его можно.

И почерк. Главное правило преступника — не примать магию без надобности. Бернард его нарушил, за что и поплатился. Он накладывал иллюзию в паромобиле, не сумел все подтереть, сохранились фрагменты личных колец.

Череда случайностей, недоработок — и новая улика.

Лотеску жмурился, словно кот, объевшийся сливок. Мысленно он уже отправил Абея Бернарда в безвоздушную камеру.

— Хорошая работа, — похвала, однако, вышла скупой.

— Могу я надеяться, хассаби? — замер в ожидании Синглер.

На что, уточнять не требовалось.

— Вы очень сильно меня подвели, — начальник особо выделил слово «очень», — ничего не обещаю, только новую аттестацию. По ее итогам решим.

Синглер понимающе кивнул. Ну да, былой должности и прежнего доверия не видать, но аттестация — это надежда на работу по прежнему профилю. Хассаби словами не разбрасывается, значит, остыл, счел наказание достаточным. Жаль, деталей закрытой проверки не знаю. Хотелось бы ознакомиться, чисто из любопытства, ведь пару дней Синглер ходил в соучастниках.

Бывший начальник службы безопасности ушел, ребята в коридоре остались. Неприятное соседство. Лотеску вышел к ним, поговорил и через пару минут вернулся.

— Ну как, Магдалена, оправились?

Судя по вопросу, мне собирались дать задание.

Начальник выглядел на редкость энергичным. Сведения Синглера подействовали на него не хуже стимулятора.

— Слушаю, хассаби.

Достала ежедневник и замерла, словно легавая при виде добычи. Жутко хотелось скорее покончить с грязной историей. Старательно загоняла страх подальше. Бернард рассчитывал, что запрусь в номере запивать вином успокоительное, ослабил бдительность, нужно нанести удар.

— Хотел предложить наведаться в банк. Полагаю, мне, — хищный оскал, — они не

посмеют отказать. А если вдруг, подследственные — люди с неустойчивой психикой, заставлю.

Усмехнулась, представив выражение лица клерков, которые чуть ли не выпроводили меня из отделения Имперского банка. Постановление, ордер, значит? Будет вам один злой и влиятельный южанин.

— Кого мысленно расчленили?

Видимо, улыбка вышла кровожадной, раз Лотеску обратил внимание.

— Да так... На звание «Маньяк года» потяну.

Все же с каким еще начальником могла бы так шутить? Заодно еще больше подняла хассаби настроение.

К знакомому отделению Имперского банка в богатом квадранте подъехали эффектно. Лотеску специально позерствовал, производил впечатление. И верно, наше появление не осталось незамеченным. Служащие засуетились, когда начальник едва ли не с ноги открыл дверь и, проигнорировав охранника, направился напрямик к стойке старшего администратора. Я едва поспевала за ним, подмечая резкость, порывистость движений хассаби. Кого-то сегодня ждала большая взбучка — слишком хорошо изучила язык тела Лотеску, секретарю иначе нельзя.

— На каком основании вы покрываете государственных преступников и чините препятствия государственным служащим? — это вместо приветствия. — Кристаллы слежения за двадцать первое число, внешние и внутренние, данные по операциям с данного счета, — подсуетилась и продублировала на вырванном из ежедневника листе информацию о нужном вкладе. — Исполнять!

Начальник рявкнул так, что даже я присела от неожиданности.

И никаких документов, никаких объяснений, только приказ.

— Кофе мне и помощнице, — продолжал распоряжаться Лотеску. — На выполнение задания четверть часа.

— Но, послушайте... — старший администратор пришел в себя и попытался воспрепятствовать дерзкому посетителю. — По какому праву? Кто вы?

— Четверть часа, — безапелляционно повторил хассаби и подтолкнул меня к ближайшему стулу. — Не советую, — обернулся он к охраннику, набиравшему код по внутренней связи. — Вылетишь с работы через минуту и попадешь под «колпак» Управления безопасности. Ну как, господа, — Лотеску обвел тяжелым пристальным взглядом присутствующих, — есть желающие поспорить, усомниться в моих полномочиях?

Таковых не нашлось.

Клерки сорвались с насиженных мест, заносились по филиалу, натываясь друг на друга. Смотрелось потешно.

Начальник тоже мысленно наслаждался поднятым переполохом. Он развалился на стуле, закинув ногу на ногу, и неторопливо попивал кофе.

— С подчиненными всегда так, госпожа ишт Мазера, — уже миролюбиво заметил хассаби. — Пока не крикнешь, не пошевелятся. Учитесь.

Куда мне! У Лотеску многолетняя практика, а я так, редкие спектакли разыгрываю.

Одиноким посетителем, на свою беду оказавшийся в отделении в неподходящее время, поспешил уйти. Думала, хотя бы взглядом выразит хассаби недовольство — нет, побоялся, предпочел слиться со стенами. Ну да, начальник нагнал тумана, его считали чуть ли не главой Управления безопасности. Его сотрудников опасались, предпочитали не связываться.

— А вы говорили: лавочники, опрос прислуги близлежащих домов, — потешался Лотеску над моими предложениями по добыче улики. — Сейчас на тарелочке принесут, еще портативную голограмму любезно сделают.

— Не бойтесь наказания за самоуправство? — шепотом, беспокойно поглядывая по сторонам, спросила я. — Все же мы из Нэвиля.

— Я? — короткий смешок. — Когда мне пытаются подписать смертный приговор, я ничего не боюсь, Магдалена, опасаться нужно другим людям. Расслабьтесь!

Банковские служащие справились и в условленное время попросили хассаби пройти в комнату управляющего. Вопреки опасениям, тот расстилался ковриком, заглядывал в рот, даже завидно стало. Я изворачивалась, хитрила, а начальнику все за пару фраз досталось.

Раскрывать тайну вкладов не хотели, но стоило Лотеску демонстративно начать набирать код на диктино с выражением «на сколько лет бы вас посадить?», как служебная этика волшебным образом отошла на второй план.

Потирала руки в предвкушении, когда управляющий, трижды повторив, что позволит взглянуть, но вынести никак нельзя, подал толстую папку.

Вырви ведьме глаз, счетом активно пользовались! Более ста операций за неполный год. В основном гоняли между счетами, запутывая следы, но ниточки остались.

— Вот! — палец хассаби ткнулся в очередной ряд цифр.

Присмотрелась, нахмурилась. Простите, не помню. Обезличенный счет. Ну да, операции систематические, раз в месяц, словно жалование.

— Магдалена, перепишите.

Лотеску отмел возражения управляющего движением руки и спросил в лоб:

— Мне лень смотреть бумажки, счет завел Лоджер ишт Сонер?

— Совершенно верно, хассаби, — запинаясь, подтвердил банковский служащий.

Намечавшаяся лысина на макушке блестела от пота. Я его понимала и чуточку, в глубине души, сочувствовала, но собственная рубашка всегда ближе к телу.

— С кристаллами можете не спешить, — смиловившись начальник, — полагаю, до официального изъятия пройдет пара дней. Подготовьте портативные голограммы людей, снимавших и клавших деньги на счет господина ишт Сонера с указанием точного времени. Его самого тоже. Благодарю за сотрудничество.

Лотеску встал и направился к двери.

И все?

Меня постигло разочарование. Мы ничего не изъяли, переписали данные одного счета, оставили выписку в банке, как с таким скудным материалом ловить преступников?

— Потом, — одними губами пояснил начальник.

Разумеется, не банковский разговор.

Хассаби молчал, пока не покинули квадрант, потом припарковался у ограды общественного сада и отстегнул ремень.

— Прогуляемся? — он приподнял брови.

Кивнула.

После истории с «жучками» лучше не откровенничать в огнемобиле. Люкс мы заново проверили, машину нет. Нужно попросить охранников, раз уж они появились. Кстати, где brave ребята? Ага, вон, тоже остановились, но на углу, держат в поле зрения.

Общественный сад встретил буйством красок, ароматов и звуков. Липовый цвет перемежался с запахом жареных каштанов и миндаля, духи — со свежестью воды фонтанов, чирикание птиц — с веселым детским смехом. Суровые гувернантки с неизменными часами на цепочке выгуливали шаловливых подопечных, куда-то спешили служащие, улыбались друг другу влюбленные пары на скамейках.

Лотеску взял под руку, изображая кавалера, и повел к пустующей беседке за большим фонтаном. Двенадцать струй с напором вылетали из горла бронзовых лебедей и сливались в единую завесу воды, с шумом обрушивавшуюся в мраморную чашу. Идеальное место для конфиденциального разговора.

Села. Начальник остался стоять, загораживая от сторонних наблюдателей.

Телохранители бродили по аллее. Они присматривают за нами первый день, а уже раздражают. Не люблю контроля в любой его форме.

— Там счет Абеля Бернарда, — без предисловий начал хассаби. — Один раз ишт Сонер перевел ему очень крупную сумму. По датам ни на что не похоже, полагаю, взятка или доля в деле. Зато остальные операции понятны. Некто со счета, который вы записали, платит Сонеру, он отдает Бернарду пятую часть. Однако второй зам в накладе не остается. Каждый месяц, начиная с того, в котором мы не досчитались финансирования, ему с разных счетов приходят мелкие суммы. В совокупности они составляют ровно столько, сколько не дополучают другие Карательные. Занятно, верно?

— И глупо. Каким надо быть идиотом, чтобы так подставляться?

— Вовсе нет, — покачал головой Лотеску и тоже сел. — Это я знаю, сколько денег украли, до последнего дарха. Должность такая, обязывает. А вот вы, к примеру, сообразите, что нужно сложить вот ту сотню вон с той тысячей, если между ними три недели разницы?

Хассаби выиграл, если бы прицельно не копала, не догадалась бы. Оставалось выяснить еще кое-что.

— Счет министра настоящий?

— Лена! — Лотеску посмотрел как на полоумную. — Вы еще предложите ему с повинной явиться! Счет завел Роджер ишт Милс и уже закрыл. Словом, идеально, искали бы мы несуществующего человека, только прокололся министр, после сообщения Синглера не отвертится. Так что...

Хассаби усмехнулся и выразительно глянул на меня.

— Помнится, вы говорили, что я страшная женщина, так вот, вы страшный мужчина! — после головокружительно открытия напрашивался только комплимент.

— Скорее упрямый и злопамятный.

А по лицу вижу: понравилось, сильный пол тоже любят ушами. Ничего, закончим дело, вернемся в Нэвиль, устанете слушать о своей смелости, уме и находчивости. Может, заодно характеристику приукрасите, чтобы маленькую Магдалену взяли на приличную должность. Безусловно, можно обнаглеть и позвонить помощнику министра, но что-то подсказывало, после разоблачения патрона Габриэль Шанси сразу отобьет вызов.

— Хорошо устроился ишт Сонер! — размышляла вслух, чтобы хассаби поправил, если ошибусь. — Воспользовался шатким положением Лаура и пополнил свое благосостояние.

— Заодно подставил, — огорошил Лотеску. — Когда запахло жареным, Сонер спешно подкинул начальнику денег, да сколько! Последняя строчка выписки. Все равно ему их не видать, так пусть хотя бы Лаура потопят, хотя куда больше! Роджер тоже не чист на руку, промышлял мошенничеством. Строго между нами. — Кивнула. — К делу не относится, поэтому не лезьте, и так вскрылось.

— То есть, — подвела итог, — мы доказали связь ишт Сонера с Бернардом, причастность обоих к шантажу, оговору и убийствам. Осталась измена.

— И мы удачно на ней сыграем, Лена. Есть у меня одна задумка...

Лотеску мечтательно улыбнулся и тронул за рукав, привлекая внимание к мамочке с коляской. Время откровений закончилось, теперь только о погоде.

— Ясно, так я и думал, — донесся из кабинета приглушенный голос Лотеску. — Проверьте остальные и наведайтесь на квартиру Ронсу. Может, он не успел передать все, что забрал у ишт Крауса. Если у обоих пусто, то я знаю, где искать.

Подслушивать дальше не стала, прошла мимо. Хватит того, чтобы мы живем в одном номере. Утром и вечером юркаю в ванную и так же быстро, чтобы не встретиться с начальником, выскакиваю в гостиную, временно ставшую моей спальней. Порой, когда в очередной раз натягивала белье на бортике ванной, посещала раздраженная мысль: «Переспал бы он со мной, легче бы стало». Ну да, исчезло бы смущение и куча бытовых неудобств. Спрашивается, зачем хассаби ограничивать свою свободу? И заговаривала на эту тему, не о сексе, разумеется, о переезде, но нет, «вам одной небезопасно». Упрямый!

Заседание по делу Лотеску состоялось вчера. Официальное обвинение не предъявили: суд учел предоставленные адвокатом доказательства. Я в качестве свидетельницы живописала о бурных взаимоотношениях, заверяла, начальник защищал от убийцы, словом, внесла свою лепту в прекращение фарса. В показаниях не путалась, хотя сторона обвинения пыталась подловить. Но дудки, опишу даже тапочки в прихожей Лотеску. Словом, проверку прошла, благо слова подкреплялись фактами.

Вновь попала на газетные полосы и снова как подружка. Глупо было надеяться, будто репортеры пропустят такое событие и станут разбираться в тонкостях чужой личной жизни. В данном случае статьи на руку хассаби, а любовница... Пускай, не невеста же.

— Магдалена, вы переоделись?

Похоже, Лотеску собирался поделиться новостями.

Ответила утвердительно. И оделась, и накружилась, вниз спустилась, письма, газеты забрала.

— Тогда зайдите.

Хассаби сидел за столом. Перед ним — раскрытый ежедневник. Старые добрые времена вернулись. Деньги на счет Лотеску тоже. Как бы государству ни хотелось обогатиться, с залогом пришлось распрощаться.

Подписку о невыезде тоже отменили, мы могли уехать в любое время. Жаль, билеты на поезд пропали, но это сущая мелочь. Начальник обмолвился, обратно поедем так же, первым классом.

— Разумеется, если вы не пресытились моим обществом. Мы с вами как соседи по студенческому общежитию, — пошутил он.

— Всем бы такие хоромы! — вспомнила, где приходилось ютиться во время учебы.

— Ничего, — улыбнулся хассаби, — скоро вновь насладитесь одиночеством. На неделе сниму вам отдельный номер. Понимаю, надоел.

Кому кто, еще большой вопрос, но от щедрых предложений не отказываются.

Снова потекли рабочие будни.

— Помните счет, который просил переписать в банке?

Кивнула.

— Он именно, принадлежит той милой девушке, о которой вы рассказывали, секретарю сорнейского посольства.

— То есть она переводила ишт Сонеру деньги? — нахмурившись, недоверчиво спросила я.

Не бывает, не бывает столь просто, где-то подвох! Сорнейцы не идиоты. Или таки расслабились, почувствовав безнаказанность? Сколько они покупали чужие секреты? Полгода, год? Судя по счету, дольше. Тогда, возле тела Леера, я откапала только имя связанной с преступлениями особы, теперь доказали соучастие.

Лотеску показал записанные под диктовку данные и велел навестить барышню.

— Просто взгляните, вдруг действительно обманка.

Убрала листок в ежедневник и задумчиво наморщила переносицу. Пришла в голову одна идея, пользовалась иногда в прежней жизни.

— Хассаби, можно одолжить охрану?

Начальник удивленно поднял брови. Он знал о моей неприязни к ребятам такого рода.

— Рассказывайте! — Лотеску не обманешь, почувял подвох.

— Да так... — не хотела раскрывать карты, вдруг не выгорит? — Пара парциленов, одно удостоверение...

— Только без дипломатического скандала! — предупредил хассаби. — Учтите, вытаскивать не стану.

— Какой скандал, все в рамках законодательства. Я ведь не в посольство вламываюсь.

Умильно захлопала ресницами и мысленно сжала кулаки. Если начальник запретит, вся слава достанется Управлению безопасности, а то и вовсе птичка упорхнет. Сорнейцы наверняка заволновались, предпочтут отослать девчущку на родину. А так не полиция, она не заподозрит, откроет. Ликвидаторам бряцать оружием не позволю, возьму их для подстраховки.

— Ладно, — любопытство пересилило, Лотеску разрешил, — действуйте. Интересно, куда завела вас фантазия.

— Мне потребуется удостоверение столичной Карательной, — обнаглев, выдвинула условие. — Любое, лишь бы с моей голограммой.

— Больше ничего? — ехидно уточнил хассаби. — Поддельные документы, например.

— Потом, сначала удостоверение. Пожалуйста!

Запрещенный прием — перейти грань между подчиненной и женщиной, но обычно действовало. Декольте скромное, юбка по колено, приходилось брать лицом. С удвоенной частотой захлопала ресницами и надула губки. Не хватало только назвать Лотеску зайчиком или котиком.

Начальник отреагировал странно: расхохотался. Да как до слез!

— Ну и клоунада! Идите в актрисы, Магдалена, станете «звездой». Насчет документа подумаю, поберегите мышцы, а то задеревенеют. И, раз не желаете ехать прямо сейчас, займитесь прямыми обязанностями. Дела в раздрае, обратные билеты не заказаны, куча людей ждут звонка.

Хассаби хлопнул в ладоши.

— Работать! Праздники кончились.

— Можно подумать, я тут отдыхала? — обиженно пробормотала в ответ.

Право слово, курорт! Сначала ползаешь возле трупа, потом пишешь официальные речи, под конец и вовсе леденеешь от ужаса под прицелом убийцы. Праздник какой-то, море развлечений!

Порывисто раскрыла ежедневник на чистом листе, едва не вырвав ляссе, однако голос прозвучал ровно, спокойно:

— Итак, ваш распорядок дня. Полагаю, сначала чтение корреспонденции.

— Не дуйтесь, — начальник неожиданно обнял за плечи, невинно, по-дружески. — Еще насладитесь столичной жизнью. Что я, зверь какой-то, мордовать бедную девушку? И небольшая поправка: вместо писем и газет едем в Карательную, заодно насчет удостоверения выясним.

Вот ведь!.. Издевался!

Дернула плечом, всем своим видом показывая, какой Лотеску шайтан. А ему ничего, смеется.

Столичная Карательная инспекция встретила тишиной. Складывалось впечатление, будто сотрудники разом ушли в отпуск. Рабочие места не пустовали, только люди, вопреки обыкновению, не курили у крыльца, не чаевничали шумной компанией. В коридорах и кабинетах витало напряжение, особенно сильно оно ощущалось в приемной.

Секретарь Роджера Лаура во все глаза смотрела на Лотеску, лихорадочно приглаживала прическу и пыталась тайком подкрасить губы. Немногочисленные посетители выражали нервозность иначе: один за другим ретировались за дверь. Словом, грядущее назначение хассаби ни для кого уже не новость, сотрудники боялись перемен и сокращений.

— На месте? — начальник кивнул на дверь кабинета главы инспекции. — А замы?

Нахмурилась, силясь понять, что он задумал. Устроить очную ставку? Из цикла: вот он, я, любуйтесь.

Секретарь на оба вопроса ответила утвердительно и доложила о визитере. Лотеску прошел в кабинет, а я осталась в приемной.

Шатенка неумело изображала кипучую деятельность, но потом не выдержала, засыпала вопросами. Сложно сказать, за кого она меня приняла, раз уважительно заглядывала в рот и сто раз заверила в собственной компетентности.

Начальник задержался в кабинете Лаура недолго. Он как раз выходил, когда в приемной появился ишт Сонер. Я не видела его, сидела спиной, догадалась по злорадной улыбке, тронувшей губы хассаби.

— Лоджер ишт Сонер, если не ошибаюсь? — помнится, Алард удостоился схожего тона, в котором издевка переплеталась со скрытой угрозой. — Как же, слышан, слышан! Полагаю, вам не о чем беспокоиться, таким людям всегда найдется место.

Ага, Лотеску забыл уточнить где: в тюрьме или на кладбище.

Второй зам все понял, я тоже, только секретарь пребывала в счастливом неведении.

— Благодарю, хассаби, — глухо ответил Сонер.

Куда только подевалась наглость самоуверенность? Помнится, на фуршете второй зам столичной Карательной смаковал победу.

— Не за что. Мэр Нэвиля высоко о вас отзывался. К сожалению, спешу, — развел руками начальник, — а так бы с удовольствием обсудил положение дел. Зато у вас есть время привести их в порядок.

Лотеску поманил, и я, сдержанно попрощавшись, вышла вслед за хассаби. В подъемнике не выдержала, прошипела:

— Зачем вы его спугнули?

— Не спугнул, а облегчил нам задачу, — поправил начальник. — Не только в вашу головку приходят светлые идеи. Увидите, все очень быстро закончится.

И строго добавил:

— Заодно не преступим закон.

Ясно, удостоверения мне не видать.

Лотеску поделился планом действий в очередном садике. Похоже, у нас входило в привычку секретничать среди зелени.

Начальник сознательно провоцировал ишт Сонера:

— Он не дурак, понял, что попался. Нужно, чтобы не затаился, не залег на дно, вот и кинется заметать следы, выведет на сообщников. Люди из Управления взяли ишт Сонера под наблюдение. С министром сложнее, тут пригодитесь вы.

— Я? — широко распахнула глаза.

— Потом, — таинственно ответил хассаби. — Не хочу спугнуть удачу. Если выгорит, Бернард не отопрется, а вы получите отпуск за счет государства. Выбирайте отель.

Судя по размеру приза, мне предстояло засунуть голову в пасть тигру.

Остаток дня прошел буднично, монотонно. Лотеску засел в гостинице и будто потерял интерес к расследованию. Он диктовал письма, обсуждал с заместителем насущные вопросы, набрасывал смету расходов на будущий квартал, чтобы запросить под них ассигнование. Я же сидела как на иголках. Незнание убивала.

Нужный звонок раздался ближе к ночи, когда мы ужинали.

Лотеску включил приватный режим и вышел из ресторана. Вернулся скоро, буквально через пару минут, и велел собираться. На вопросы не отвечал, отделался недовольным: «Потом!» Зато одежду хассаби подбирал мне тщательно, сам рылся в чемодане. Пробовала возмутиться, проигнорировал.

— Этот жакет не походит, — поджал губы начальник, придирчиво оценив внешний вид. — Волосы завить, собрать в высокий хвост. Глаза густо подвести, чтобы сделать уже и скрыть истинный цвет.

— Но...

Приготовления напоминали сцену из шпионского романа.

— Я пока раздобуду новый жакет и сумочку. И вот еще, она носит бежевую помаду.

Он так и сказал: носит. Редкий мужчина разбирался в тонкостях косметических терминов.

Интересно, кого мне предстояло сыграть? Интуиция подсказывала, речь о сорнейке, которую собиралась навестить днем.

Кудри, значит? Ладно, проверим, насколько люксовый сервис для VIP-постояльцев.

Вызванный портье парикмахер без лишних слов выполнила каприз госты и привел шевелюру в надлежащий вид. Тут объявился начальник с ярким бумажным пакетом. Когда-нибудь он расшибется, нельзя так быстро ездить! Приличные магазины в соседнем квадранте, а ведь еще надо выбрать, упаковать.

Служащего Лотеску выставил, всучив серебряный дарх за труды. Совместными усилиями: мое исполнение, его руководство, — преобразование завершилось, из зеркала смотрела незнакомая женщина.

Никогда бы не надела розовый жакет! Помада тоже не нравилась, макияж вызывающий. А еще в посольстве служит!

— Едем знакомиться с барышней. Полагаю, она уже заговорила, — хассаби взял брелок от прокатного огнемобиля. — Хватит, набегались, сегодня ночью поставим точку.

От узницы меня отделяло толстое стекло. Понурившись, она сидела на одиноком стуле посреди белой комнаты. Я бы в такой сошла с ума.

— Ну как? — усмехнулся Лотеску. — Там ощущения еще хуже.

Начальник кивнул на комнату за стеклом. Оно ударопрочное, можно сколько угодно биться, царапаться. Никаких пластин, потайная дверь открывалась отпечатком пальца.

— Брр! — передернула плечами. — Напоминает тюрьму для особо опасных преступников.

— Камеру смертников, — поправил начальник. — За ними тоже круглосуточно наблюдают.

Откуда?..

Оторвав взгляд от брюнетки за стеклом, обернулась к хассаби. Лотеску стоял рядом, практически вплотную и сравнивал меня с задержанной. Оставалось только гадать, как Управлению безопасности удалось обойти дипломатический иммунитет. Или взяли наглостью? Мол, допросим, а потом подавайте протесты, извинимся.

Секретаря задержали поздно вечером, в лучших традициях тайных служб. Перед сном люди расслаблены и особенно беззащитны. Госпожу Лионель прихватили у подъезда дома, в котором она снимала квартиру. Агенты сработали четко, бесшумно запихнули в темный огнемобиль и привезли сюда, в Управление безопасности. Жуткое местечко! Пока шла по бесконечным коридорам без единого окна, с рядом одинаковых безликих дверей с кодовыми замками, сто раз пожелала никогда больше сюда не возвращаться.

— Не сидел, успокойтесь, — улыбнулся хассаби и, положив руки на плечи, развернул к госпоже Лионель. — Смотрите внимательно, запоминайте мимику. Сейчас ее будут допрашивать, мы тоже послушаем, а после поедем на квартиру, чтобы организовать встречу.

— Какую?

Идея Лотеску заранее не нравилось. Пахло ловушкой и приманкой.

— Маленькая оргия с двумя мужчинами, — практически коснувшись уха, шепнул хассаби.

Повела плечом, напоминая о правилах приличия. Руки убрал. Вот так, на людях лучше не заигрывать, если не желает после мучиться с опровержениями.

— Между прочим, для всех мы любовники, — шутливо напомнил Лотеску. — Вы так попойтельно рассказывали о свидании, что сам поверил. И в личных вещах успели порыться.

Ну да, пришлось рассказать и показать подброшенную улику. Найти ее иным способом, чем перерыть нижнее белье, я не могла, и начальник теперь периодически подтрунивал, повторял, честная девушка обязана выйти замуж за опозоренного мужчину.

— Оргия, — вернула беседу в прежнее русло. — Со старыми знакомыми, полагаю?

— Верно. Надеюсь, госпожа Лионель окажется убедительна, и явятся оба.

На всякий случай уточнила, в каких троих отношениях. Не желала бы подрабатывать «феей любви» ради признательных показаний.

— Для вас только бизнес, никакой постели. Согласны?

Надо же, не прошло и года, начальник соизволил задать самый важный вопрос! Интересно, можно ли отказаться?

— Ну же, госпожа ишт Мазера, совсем маленькая оргия, — сладким голосом уговаривал

хассаби. — Хорошо оплачиваемая, с помощниками за стенкой.

И тут же нормальным голосом, без паясничества:

— Магдалена, надо. Где я еще найду брюнетку с мозгами? Или хочется в морг? Так Бернард отправит, если сейчас не посадим.

Знаю, поэтому соглашаюсь.

Снова прильнула к стеклу, гадая, что творилось в голове госпожи Лионель. Судя по всему, она сознавала серьезность своего положения. Эх, поговорить бы с ней! Приманка должна знать детали, иначе рыбка не попадется.

К нам подошел знакомый человек в штатском, тот самый, который привез сюда. Стандартная внешность, одежда, такой легко сольется с толпой.

— Начнем? — обратился к нему Лотеску.

Человек кивнул и потянулся к встроенной в стекло панели, когда я озвучила безумную идею. Сначала она не нашла понимания, но упрямство и умение убеждать входили в базовую комплектацию вредной секретарши. В итоге с мыслями «шайтан с ней!» мужчины согласились.

Сотрудник управления приложил палец к считывающей панели. Она мигнула, и проход открылся.

Госпожа Лионель встрепенулась, вскочила, накинулась чуть ли не с кулаками.

— Как вы смеете?! — она задыхалась от гнева. — Сегодня же узнает король и всех уволит!

— Возможно, но через шесть часов, — спокойно ответил мужчина в штатском и знаком попросил нас поторопиться, чтобы закрыть дверь. — Пока вам придется ответить на ряд вопросов. Сотрудничество зачтется, вы сможете спокойно покинуть территорию Амбростена. В противном случае вас посадят в тюрьму. Шпионаж — грязное дело.

— Я не шпионка!

Щеки секретаря сорнейского посольства пылали.

Хм, а меня неплохо загримировали, нарядили — похожи. Не точная копия, но за сестер сойдем. При правильном освещении, не сомневаюсь, в квартире создадут нужное, и вовсе один в один. Главное, поменьше говорить, вряд ли смогу долго копировать высокий голос госпожи.

Задержанная тоже заметила сходство, замерла посреди гневной тирады и бестактно ткнула в меня пальцем:

— Это кто такая?

— Наш сотрудник, — не моргнув глазом, соврал спец по безопасности и достал из внутреннего кармана серого пиджака блокнот.

Чем больше госпожа Лионель слушала, тем больше теряла былой пыл. На смену агрессии пришел страх.

— Итак, выбор за вами: сотрудничество или тюрьма, — подытожил суровый мужчина.

— Вы не докажете! — она умела держать лицо.

— Докажем, — возразил собеседник. — И припишем ряд менее тяжких преступлений. У нас есть доступ в вашу квартиру, госпожа Лионель, мы знаем, где живет ваша сестра. Девочка может закончить карьеру, толком ее не начав.

Губы секретаря задрожали, но она все еще не сдавалась.

— Вы блефуете.

— Хорошо, я позвоню при вас.

Мужчина потянулся к диктино, но задержанная взмахом руки остановила его:

— Стойте, я согласна! Не желаю отвечать за чужие преступления. Я всего лишь связная.

Похоже, сестра — слабое место госпожи Лионель. Интересно, чем она занимается? Полагаю, артистка — вряд ли сорнейку взяли на государственную службу. Наверное, актриса. Ну да, пойдут слухи о сомнительном родстве, вышвырнут из труппы.

— Она учится на мастера красоты, — шепотом пояснил Лотеску. Мы с ним скромно устроились в уголке. — Поступила два года назад. Раньше жила с сестрой, сейчас отдельно.

Теперь понятно. Специальность престижная, поступить невероятно сложно, а вылететь — проще простого. Без диплома лицензию не получишь, а без нее любая Карательная подрежет крылья.

Странная история! Оставим ее на совести Управления безопасности. Ребята явно недоговаривают, но какое мне дело до семейства Лионель?

Человек в штатском слово сдержал, позволил задать арестованной пару вопросов практического свойства. Часть она проигнорировала, на часть ответила, но картина прояснилась, я обрела почву для легенды.

— Пойдемте! — хассаби вновь тронул за плечо. — Они тут до утра, а у нас дела.

За время допроса он не проронил ни слова, нетипично для Лотеску. Внимательно слушал, временами записывал.

Не поворачиваясь спиной к задержанной, сотрудник отворил дверь.

— Выберетесь, хассаби?

— Вполне, — кивнул начальник. — Я хорошо ориентируюсь в пространстве, спасибо.

Снова бесконечные коридоры, покрашенные в мерзкий зеленый цвет, ровный мертвый свет. Он словно нагнетал атмосферу, готовил к заключительному акту пьесы.

Справлюсь ли я, не геройствую ли? Вдруг тот же Сонер явится с парциленом? Тогда конец, никакие ликвидаторы не спасут.

Вернулась старая вредная привычка — я жевала нижнюю губу.

Пальцы то ли дело сжимались и разжимались — сказывалось внутреннее напряжение.

— Все будет хорошо, мы подготовились, — попытался успокоить Лотеску.

Промолчала. Ему ли не знать, сколько проколов случается в идеальных планах? Но обратной дороги нет.

Тот же безликий огнемобиль отвез к многоквартирному дому госпожи Лионель.

Тускло мерцали фонари у подъезда; лишь в немногих окнах горел свет.

Нервничая, косилась на угрюмых ребят — мою защиту. Шайтан, во что я ввязываюсь!

Лотеску остался в управлении. С ним чувствовала бы себя спокойнее. Видимо, еще не стерлись воспоминания о защитнике в ночь убийства, в минуту опасности тянуло прижаться. Мысленно фыркнула. Хватит, отлипай от хассаби. Вечно на шею вешаешься, мужик уже начал благодарности ждать. Будто не вижу!

В сумочке лежали два неприметных прибора: диктофон и преобразователь речи. С помощью последнего я симитирую интонации госпожи Лионель. Надеюсь, правильно запомнила ее мимику, манеру выражаться, а то рандеву закончится, не начавшись.

Сделала пару глубоких вдохов и щелкнула ремнем безопасности. Зачем тянуть, лучше осмотреться.

— Помните, мы рядом, — напутствовал человек в штатском и предупредительно, обойдя огнемобиль, открыл дверь. — Сигнал опасности не забыли?

Кивнула. Хотя, по-моему, проще заорать, чем глубокомысленно заявить: «Мне душно!»

Сорнейское посольство заботилось о сотрудниках, снимало квартиры в элитных домах. Этот, правда, оказался без консьержа, хотя комнатка имелась. Подозреваю, его увезли для дачи показаний. Хм, я бы создала видимость, будто консьерж ненадолго отошел, иначе преступники забеспокоятся. Поделилась соображениями с провожатыми, те, вопреки ожиданиям, согласились.

В коморке вспыхнула настольная лампа, поверх клеенки легла газета. Рядом — карандаш. Складывалось впечатление, будто служащий гадал кроссворд и отлучился по естественной надобности.

Госпожа Лионель жила на четвертом этаже. Казалось, подъемник полз туда целую вечность. Но вот двери открылись, и я оказалась в холле на пять квартир. Моя — третья справа, засада оккупировала соседнюю.

Мигнув, опали охранные чары. Щелкнул замок, и я вытащила пластину из считывателя. С замиранием сердца распахнула дверь и в полном одиночестве переступила порог чужого жилища.

Хм, не похоже на уютное гнездышко. Вроде, растения, картины, диван с цветастыми подушками, но все безликое, холодное, как в гостиничном номере. Словно секретарь посольства заплатила дизайнеру за создание видимость жилища, в котором никогда не ночевала. Ни одной личной вещи, все выверено, симметрично.

Квартира для явок? Тогда обыскивать бессмысленно, документы хранятся в настоящем жилище. Госпожа Лионель не великий стратег, я бы искала любовника, сестра — слишком очевидно. Хотя... Иногда верные решения лежат под носом.

Время до встречи есть, успею поделиться соображениями. Пусть шипят, что воспользовалась диктино, сами виноваты, знали, безмолвной приманки не выйдет.

Поколебавшись, устроилась на подоконнике, чтобы видеть улицу перед подъездом, и набрала Лотеску. Начальник решил, будто испугалась, начал подтрунивать, но быстро умолк. Мои соображения показались ему разумными, хассаби похвалил и обещал лично потолковать с задержанной. Мир праху ее выдумке!

Убрала диктино в потайной карман — прежняя работа приучила делать такой в повседневной одежде, — и включила преобразователь, крайне осторожно, чтобы не сбить настройки. Поглядим, как работает эта штука.

Собственный голос напугал. Нет, я знала, он изменится, но не настолько же! Понятия не имею, как за пару часов специалистам Управления безопасности удалось создать столь мастерскую фальшивку. Главное, следить за интонациями и высотой, не произносить слишком длинные предложения.

Стрелка часов медленно, но верно подползала к минуте «икс».

Ладно, шокер в сумочке, ребята за стенкой, выберусь. А если нет, стану вредным призраком, испорчу жизнь Управлению безопасности.

Уловив отблеск фар, впилась взглядом в неясный силуэт. Сердце билось так, что казалось, выскочит из груди.

Кто же, кто из двоих?! И ко мне ли вообще? Вдруг припозднившийся жилец? Но тогда бы он загнал машину в гараж, а не... Отъехал? Так и есть, машина мигнула фарами и исчезла.

Недоумение смешалось со страхом. Не в силах сидеть, металась по комнате, и подскочила на месте, услышав звук отворяющейся двери. Волосы встали дыбом. Шайтан,

даже в горле пересохло! Так, спокойно, спокойно, ты его ждешь. Для тебя он не убийца. Вдох, выдох и улыбка.

— Доброй ночи, Арина, — голос принадлежал Абелью Бернарду. — Что за срочность? Не могли обождать до утра?

Судя по всему, ночной звонок потревожил министра, нарушил его планы.

— Обстоятельства, — скопировала подергивание плечиком настоящего секретаря посольства.

Во рту — настоящая пустыня.

Ну же, Лена, он тебя не узнает, корсет затянули знатно, уменьшили грудь на размер, если не больше. Свет подходящий — интимный. Вроде, и собеседника видно, и щелкнуть выключателем не хочется. Надеюсь, не хочется, иначе конец, Бернард узнает, никакой макияж не спасет.

— Слушаю!

Министр развалился на диване, закинув ногу на ногу.

Ага, ясно в каких они отношениях. Бернард не уважает хозяйку квартиры, она для него пустое место. Может, переспали пару раз, не удивилась бы. Арина Лионель — девушка красивая и точно без ожиданий вроде квартиры и бриллиантов.

— А где Лоджер? — на свой страх и риск назвала второго зама столичной Карательной по имени. — Его это тоже касается.

И напряглась, ожидая реакции.

Пан или пропал.

— У него проблемы. — Ага, значит, ишт Сонер для хозяйки действительно просто Лоджер. — Разве он не говорил?

— Лоджер стал таким скрытным! — постаралась уйти от неудобного вопроса.

— Еще бы, когда сотрудник попался на неприятном деле! — хмыкнул министр и попросил: — Налейте чего-нибудь, чувствую, разговор долгий.

Шайтан, где тут бар? Проколюсь на элементарном!

— Сейчас, только стаканы принесу.

И заодно кухню обыщу, вдруг что в леднике залежалось?

В нужный момент судьба повернулась лицом, подкинув початую бутылку вина рядом с одиноким кусочком сыра. Оставалось только достать бокалы, но с этим проще, наверняка в мойке. Так и есть, госпожа Лионель не успела помыть после свидания.

— Вот, — со сладкой улыбкой водрузила на столик выпивку. — По-моему, лучше вино. Мне тоже не помешает подлечить нервы. Полагаю, — чуть понизила голос, — вскоре придется вернуться в Сорней, ухаживать за внезапно заболевшей родственницей. Лучше переждать, слишком опасно. Но сначала давайте покончим с прошлым делом. Посол постоянно дергает, — пожаловалась министру, надеясь, что он поддержит разговор.

— И кто же вас тревожит, Арина? — Бернард попытался заглянуть в лицо.

Вот зараза, не хочет признаваться!

— Полагаю, те же, что Лоджера. Еще не добрались, но хватит того, что интересовались счетом. Хорошо, он безличный, а клерк в банке очарован моей красотой.

Отчего-то, роли пустоголовых кокеток удавались мне лучше всего. Тут бы засмеяться, только я понятия не имела, как смеется госпожа Лионель.

— Смотрите, Лоджеру не понравится, — шутливо пригрозил министр, только вот, ручаюсь, думал он совсем о другом.

И точно:

— С Лоджером лучше порвите, он на крючке. Обрубайте связи молча, еще лучше смените код диктино. Его наверняка посадят.

Картинно охнула.

— Со мной тоже не ищите встреч. Передайте послу, копии чертежей он получит по почте. Деньги пусть передаст лично. Когда и как сообщу. Не через вас, Арина, — развел руками министр. — Вы по уши в Лоджере, скорее всего, тоже пойдете на дно. Извините, ничем не могу помочь. Уничтожьте упоминания обо мне, если не хотите неудачно подвернуть ногу на лестнице.

— Но, как?..

— Всего хорошего, Арина, — с напором повторил Бернارد и встал.

К вину он не притронулся, оно сиротливо колыхалась в бокале.

— Но я надеялась... Нельзя же так! — возмутилась, как всякая женщина на моем месте.

— Напрасно. Вас взяли в оборот. На допросах советую молчать, тюрьмы тоже небезопасны.

И все, министр ушел, бережно притворив за собой дверь.

Хватит ли сказанного для признания? Сомневаюсь! Вот если бы явился ишт Сонер... Они с госпожой Лионель любовники, второй зам не столь скрытен и опытен, при некоторой сноровке добилась бы самооговора.

Задумалась, смогла бы лечь в постель с блондином. Представилась картинка: мы рядышком, я вожу пальцем по плечу второго зама и прошу: «Милый, покайся во всех грехах, у меня тут диктофон включен».

Нет и еще раз нет! Никакого секса ради секретов. Управленцам надо, пусть сами милуются.

Если бы курила, затянулась бы, а так оставалось вино. Выпила оба бокала и заняла прежний наблюдательный пост на подоконнике.

Интересно, насколько ишт Сонер крыса? Рискнет ли приехать? Если любовник, точно с ключом, нужно подготовиться, чтобы не заорать, когда бесшумно войдет и обнимет.

Ага, что-то человеческое во втором зама осталось. Но осторожничает, машину бросил поодаль, явился пешком. Сомневаюсь, будто кто-то еще вдруг решился наведаться в нужный подъезд в три часа ночи. Время-то какое хорошее, точно ни с кем не встретишься, если обойдешь стороной ночные клубы. Таковых в квадранте нет, ишт Сонер ничем не рисковал. А любовница? Подумаешь, 마리новалась в неизвестности пару часов.

В душу закрался страх: не звонил ли он госпоже Лионель, не общался ли с министром? Последний мог заподозрить неладное, слишком быстро сбежал. Но уже поздно, пока не войдет, не узнаю.

По новой наполнила бокалы и присела на диван, изображая влюбленную женщину. К губам приклеилась фальшивая улыбка. По спине стекла капелька пота. Ишт Сонер по роду службы носил парцилен. Сами понимаете, к чему приведет один неверный шаг.

— Арина? — позвал из прихожей блондин.

— Я уже устала ждать, — капризно отозвалась и переложила сумку под руку.

Там шокер, так спокойнее.

Ишт Сонер вошел не сразу, сначала огляделся, словно ждал, не выскочат ли из засады полицейские. В руках он действительно сжимал парцилен. К счастью, опущенный, на предохранителе, но под ложечкой засосало, вернулся прежний ужас. Я словно вновь оказалась в разбитом паромобиле, отсчитывая последние мгновения жизни. Задрожали руки, но я справилась, не позволила панике захлестнуть сознание.

— Убери его, пожалуйста, — покосилась на оружие. — Что на тебя нашло?

— Никому нельзя доверять, — мрачно отозвался второй зам и резким движением отдернул штору.

Плохо дело, он точно включит верхний свет, и я пропала. Нужно скорее отвлечь, раскрутить.

— Мне говорили, у тебя неприятности, выпей.

Встала и подала ему фужер.

— Кто говорил? — ишт Сонер не спешил пить.

— Наш общий знакомый. Он заезжал час назад. Бернард советовал скорее порвать с тобой, утверждал, тебе нельзя доверять.

— Вот как? — горько усмехнулся мужчина и, к моему облегчению, убрал парцилен. — Что он еще говорил? Как запахло жареным, остался в белых перчатках!

Ишт Сонер грузно плюхнулся в кресло и забрал бокал.

— Использовал и выбросил, — сквозь зубы пробормотал он и сделал затяжной глоток.

Я воспрянула духом. Похоже, тут нас ждет богатый улов.

— Он всех использовал, Лоджер. Мою страну тоже.

— Кто бы сомневался! — горько рассмеялся собеседник. — Посулит исполнение мечты и выкинет. Завистливый дурак из Нэвиля, мечтавший о чужом кресле, уже поплатился, только я считал себя умным.

Ишт Сонер нахмурился и, допив вино, нагнулся, поставил бокал на столик.

— Можно ему отомстить, — подталкивала в нужном направлении. — Ты ведь в курсе его дел?

— Это мысль! — прищелкнул пальцами ишт Сонер. — Напоследок, пока не посадили, устроить Абелью Бернарду чудную публикацию в прессе. Я ведь и про брата знаю, про то, чем он семейку шантажировал. Ронсу не выдержал, проговорился. Напыщенный петух! Его в Карательной только из милости держали, из страха перед Бернардом, без него Зейн Ронсу — ноль без палочки.

Заботливо вновь наполнила бокал. Алкоголь на голодный желудок делает человека разговорчивым, а озлобленного человека — источником фактов для обвинения. Сама только делала вид, что пью, на самом деле портила обивку дивана под подушкой.

Похоже, ишт Сонер хотел набраться. Он легко приговорил остатки вина в бутылке и потребовал еще. Второй зам не замечал, как прыгал, менялся голос мнимой любовницы, разум застила злость. Он смаковал план мести министру, выдавал его секреты. Они касались Сорнея и Лотеску. Я поддакивала и потчевала гостя найденным в гостинной виски. Все бы хорошо, гладко, только близился рассвет, кончался заряд в преобразователе, а ишт Сонер и не думал засыпать. Если не вмешаться, в пьяном угаре он пристрелит Магдалену ишт Мазеру, которую, по его словам, давно следовало укоротить на голову.

Повезло, что второй зам уже где-то принял на грудь, иначе бы заподозрил обман. А выпил бы больше, полез с поцелуями. Одно дело, случайная знакомая, другое — любовница, тут человека не проведешь. Шпионки, которые выведывают секреты в постели — привет недавним мыслям — бывают только в книгах. В реальности... Ладно, не

думай о плохом!

Только вот по спине растекался знакомый холодок, сердце билось так часто, что начала задыхаться.

Догадался ли Бернард? Сумею ли выпроводить ишт Сонера до первых лучей солнца? Думай, Лена! Хотя бы за солью сбегай, сахаром — чем угодно, только бы добраться до соседней квартиры.

Мелодия диктино заставила вздрогнуть. К счастью, второй зам не заметил: смотрел на стакан.

Сердце упало в пятки, когда ишт Сонер ворчливо произнес роковое имя.

Парцилен, где парцилен? Заткнут за пояс брюк, даже гуттаперчевая акробатка не украдет.

Так, дыши, дыши и веди себя естественно. Медленно встань. Ты идешь за льдом на кухню, только и всего. Не суетись, не улыбайся, не показывай страха. Дальше по обстоятельствам. Сумеешь выбраться в коридор — хорошо, нет — плохо, зови на помощь, самое время произнести кодовое слово.

Увы, ишт Сонер устроился так, что к входной двери незаметно не проскользнешь. И посмотрел странно, с прищуром. Рука напряглась, легла на пояс. Пусть не на парцилен, но Бернард по приватной связи говорит неприятные вещи. Раз так, не стоит медлить.

— Что-то мне душно, — для правдоподобия расстегнула пуговку. — Заодно воды выпью.

Ну же, ребята! Или вам платят за хладные трупы?

Время будто замерло, превратилось в тягучую массу.

Кровь стучала в ушах, а в голове противным дятлом билась мысль: «Раскрыли!»

Ишт Сонер поднялся. Каких усилий стоило не отшатнуться, повернуться спиной. Захочет убить, убьет, а так хотя бы лица не видно — не сомневалась, преступник сейчас включит полный свет. И верно, лампы ослепили, прогнали из комнаты остатки ночи.

На кухню, Лена, там ножи! Шайтановы работники безопасности, с того света прокляну, отравлю существование, ни один медиум не поможет!

Лихорадочно заметалась в поисках оружия, пока еще стараясь соблюдать тишину. Ровно до того момента, как ишт Сонер появился в дверях.

— Ну, ничего не хочешь сказать? — усмехнулся он и погладил хромированную рукоять.

Не нашла ничего лучшего, чем сдернуть с крючка сковородку и укрыться за ней, как за щитом. Разумеется, для импульса легкий сплав не преграда, но вдруг исказится, ослабнет? Спасал же кузов огнемобиля от выстрела с дальнего расстояния! Стекло импульс пробивал легко, а вот в металле терял часть силы.

— Сегодня ваш бенефис, — со страха обнаглела.

Вернулись собственные интонации, все равно ишт Сонер в курсе, что настоящую Арину Лионель арестовали. Хитрый лис Абель Бернард, засомневался и проверил. Аплодирую стоя, лежа, надеюсь, не придется.

— Снимай парик, сучка. Приборы на стол!

Щелкнул предохранитель, знакомое тепло поползло по руке.

Нет, да что же это такое, не может человеку вечно не везти! Или работа в Карательной, съемная квартира и есть лимит везения на жизнь? Несправедливо, на джек-пот явно не тянет, раз так, свой я сейчас сорву, потому как умирать категорически не собиралась.

— А где волшебное слово, кобелек?

Ишт Сонер опешил.

Что, ожидал слез? Прости, все на ночной улице выплакала, когда твой подчиненный наставил дуло.

Нет, определенно, если останусь жива, такую жалобу на Управление безопасности накатаю, по миру с волчьим билетом отправлю! Если... Вырви ведьме глаз, без всяких «если»!

Три действия произошли одновременно: ишт Сонер навел парцилен, я удобнее перехватила сковороду, на кухню ворвались ребята из засады. Дальше — снова замедленный показ слайдов. Второго зама ударили по руке, завалили на пол. Парцилен выстрелил, я завизжала.

И снова ток времени восстановлен, только никак не отдышаться.

Привалившись спиной к холодной панели, смотрела на ругавшегося ишт Сонера. Он грозил связями, пустить обидчиков по миру, но лишь напрасно сотрясал воздух.

Запоздало вспомнив о сковороде, положила ее на стол.

Неужели кончено? Но остался министр, он точно уберет ненужную свидетельницу.

Словно прочитав мои мысли, вперед шагнул знакомый человек в штатском — старший группы.

— Благодарю за помощь, госпожа ишт Мазера. Доказательств достаточно, полагаю, сегодня утром мы получим ордер на арест и предъявим официальное обвинение обоим. А теперь верните, пожалуйста, диктофон и преобразователь.

Кивнула и дрожащей рукой потянулась к сумочке. Ее я носила с собой, прижимала, как родную. Еще бы, иначе прощай, чужой голос.

— А можно мне?.. — сглотнула, внезапно ощутив соленый привкус во рту. Прокусила язык и не заметила. — Словом, отвезите меня в гостиницу.

— Конечно. Только никуда не уезжайте до суда.

Бочком протиснулась мимо ишт Сонера и, не удержавшись, плюнула ему в лицо.

— За покушение, урод, и за суку.

Еще бы каблуком ударить, но хватит, моральное унижение сильнее боли.

Внизу, у подъезда, поджидал знакомый огнеомобиль — успели подогнать. Плюхнулась на переднее сиденье и устало прикрыла глаза. Не хочу думать, ничего делать, только спать.

Чужие пальцы застегнули ремень безопасности, и я уплыла в предрассветную столичную мглу. Страшная сказка закончилась, можно больше не опасаться писем под дверь, «жучков» под кроватью и дула парцилена у виска.

В гостинице поджидал приятный сюрприз — собственный номер. Люкс, с точно такой же террасой, как у Лотеску. За время отсутствия туда успели перенести вещи. Только вот эмоций не осталось, поблагодарю и полюбуюсь видами уже завтра, а сегодня, не раздеваясь, рухнула на постель и забылась беспокойным сном.

Эпилог

— Жаль покидать столицу?

Мы сидели на террасе номера Эмиля Лотеску и пили вино. Закатное солнце ласкало руки, гладило щеки.

Завтра экспресс унесет обратно в Нэвиль, к привычной жизни. Марк уже звонил, обещал встретиться. Это хорошо, не хочу напрягать хассаби, хватит того, что он опять вынесет чемоданы на перрон. Мой за время пребывания в Штайте изрядно пополнел, надорвалась бы. Марк, безусловно, помог бы, но он еще не полностью восстановился, ему нельзя носить тяжести.

— Нисколько, — ответила чистую правду.

Столица встретила неласково, показала большие возможности, но намекнула, что жестоко накажет за каждый промах. Да и воспоминания со Штайтом связаны неприятные.

— То есть переводку не делать? — по-своему истолковал мой ответ начальник и посмотрел так лукаво.

Хассаби официально заступает на должность главы столичной Карательной инспекции в октябре, как только Роджер Лаур сдаст дела. Громкий судебный процесс заставил короля вмешаться, лично перетрясти кадры и в министерстве, и в ведомстве, и в инспекции. Головы так и летели! Кого просто депримировали, кого понизили в должности или уволили. Пятеро пошли под суд. Трех признали соучастниками и дали от двух до пяти лет тюремного заключения, остальным не поздоровилось. Адвокат Бернарда делал все возможное, затягивал процесс, но над бывшим министром стугутились тучи. Поговаривали о безвоздушной камере.

Ишт Сонеру тоже пришлось несладко, обвинения разрастались, как снежный ком. Думаю, ему удастся избежать смертного приговора, ведь он лично не убивал и не крал государственные секреты, но общение с сорнейцами и организация покушения на меня вышли боком, этак лет на двадцать пять. По-моему, ничуть не лучше смерти. Сидеть в одиночке, не видя людей и солнечного света, в вечном молчании — мало кто не сойдет с ума и доживет до освобождения.

Алард уже обустроивался в тюрьме. Суд над ним завершился три дня назад. Бывший второй зам Карательной инспекции Нэвиля дешево отделался: солидный штраф в пользу Лотеску, публичные извинения, два года лишения свободы. Повезло, что не столь тесно общался с министром, не якшался с послом Сорнея, а то бы попал под раздачу. С другой стороны, карьера загублена, бывшие знакомые не подадут руки. Ну, стоило оно того? Так бы стал первым замом, когда Лотеску ушел на повышение.

Сорнейскую дипмиссию выслали в полном составе, предварительно изъяв все бумаги. Соседи пробовали возмущаться, но их поставили перед выбором: война или смирение. Они предпочли второе.

Высший свет прибывал в шоке, в гостиных не смолкали разговоры о монстре-министре. А я стала звездой. Устала считать, сколько интервью дала, скольким репортерам улыбалась. Надоело! В итоге сбежала на гостиничную террасу, подальше от шума. Скоро обо мне забудут, потечет былая размеренная жизнь.

Зато Лотеску наслаждался вниманием к своей особе. Правильно, он и магические изобразительные карточки созданы друг для друга.

— Секретарем не пойду, — наглеть, так наглеть.

— Ведомство? — приподнял брови начальник и наполнил бокалы. — Скажем, в Отдел контроля.

— Ругаться с вами? — покачала головой.

Отдел контроля Ведомства магии тесно связан с Карательной инспекцией, проверяет ее

действия.

— Ваше привычное занятие, — подмигнул Лотеску. — Да и со мной вряд ли придется, уровень не тот, а подчиненных не жалко. Ну, за ваш будущий успех, Магдалена! Уверен, собеседование вы пройдете. Можете указать меня в качестве поручителя.

Чокнулась с хассаби и задумалась.

Действительно, чего я хочу? Бумажной работы, собственный кабинет или расследования? Пожалуй, пришло время заняться тем, чем действительно хочется. Отдел контроля — неплохое местечко, только без адреналина в крови. Никаких преступников, только халатные служащие Карательной инспекции.

— Может, мне остаться в Нэвиле, хассаби? Только сменить отдел. На должность начальника не претендую, но ведомство... Я тут подумала, там одни формы, отчеты — скука!

Лотеску добродушно рассмеялся и покачал головой.

— Узнаю Магдалену ишт Мазеру! Разумеется, никто вас на скучное собеседование не позовет. Не нравится Отдел контроля, есть второй вариант, заверяю, не заскучаете. Если постараетесь, будет вам и магия, и полиция, и курсы самообороны, на которые вы пойдете, — он чуть повысил голос. — Лично проверю.

— На каком основании? Я не ваша подчиненная.

— Основание я найду, Магдалена, способ тоже, — с гаденькой усмешкой пообещал начальник. — Вы ведь до последнего тянуть станете, а помощник министра — это вам не глава Карательной.

Вот она, мотивация. Он прекрасно знал, как заставил начать бегать по утрам и ходить в тир.

— То есть вы уверены в скором новом повышении? — уцепилась за фразу о помощнике министра.

— Я уверен в вашей лени. Сначала отложите занятия до конца года, потом — до конца десятилетия, пенсии. Смотрите, — шутливо пригрозил Лотеску, — стану министром, персонально перепишу должностную инструкцию.

— Вы добрый, пожалеете.

— Я? — начальник фыркнул и закинул ногу на ногу. — И не пожалею, Магдалена, с недостатками, если они мешают карьере, нужно бороться. Но, — на всякий случай предупредил хассаби, — никак переводок, собеседований до моего отъезда! Потерпите, недолго осталось. Потом тоже переберетесь в столицу, отделаетесь от меня, — тихий смешок.

— Из Нэвиля уезжать не хочу, привыкла, — глядя на медленно зажигающиеся огни, призналась я. — Глупо, наверное.

— Тогда поработайте немного в своем бывшем отделе, воскресите навыки и весной, уверенной в собственных силах, приезжайте. Получится или нет, зависит только от вас. Я могу посодействовать, но, думаю, не стоит.

Верно, предпочитаю честно полученные должности. Не пройду собеседование, так не пройду, зато никто не станет шептаться за спиной.

— И не стесняйтесь звонить, Лена. Я всегда помогу, — наклонившись, он по-дружески похлопал по руке.

Знаю, хассаби, знаю. Вы уже помогли, пусть и не догадываетесь как.

Подхватив бокал, встала и облокотилась о парапет. Под ногами распростерлась столица — чья-то мечта и чье-то проклятие. Встретимся ли мы снова? Возможно. Зато я вернула то, к чему стремилась. Любимая работа и понимающий друг — не так уж мало, верно?

Пусть должность пока скромная, а против дружбы социальное происхождение, все преодолимо. Может, через пару-тройку лет встретимся с Лотеску на одном приеме, а какой-нибудь репортер подпишет магическую изобразительную карточку: «Помощник министра и вторая помощница главы Карательной инспекции Нэвиля». А, звучит? Или начальница пресс-службы столичного Ведомства магии, если преступники или новый начальник доконают. Отчеты без ложной скромности писала прекрасные, без труда построю карьеру в той области. А ведь если бы в свое время отказалась, не пошла в секретари... Вот тебе и кофе варить!

Допила бокал и обернулась к Лотеску.

— Билеты на столе в кабинете. Не забудьте сдать прокатный огнемобиль.

— Умеете вы испортить вечер! — укоризненно покачал головой начальник, а у самого в глазах плясали смешинки. — Дались вам эти билеты, когда на тарелке остались пирожные. Ваши любимые, между прочим.

— Я ответственный секретарь, — развела руками и заняла прежнее место за столиком. — Могу еще список дел на завтра зачитать. Вы задолжали кучу звонков, хассаби.

Чистая правда, Лотеску вечно где-то пропадал, развлекался, а не работал. Отдуваться приходилось мне, даже о повестках в суд напоминать.

— Магдалена, ежедневник отберу! — нахмурившись, пригрозил начальник. — Чтобы о работе больше ни слова, а то заставлю оплачивать номер.

Пустое, я же вижу, глаза улыбаются. Но действительно, хватит звонков и деловых встреч.

Допила бокал и потянулась за пирожным.

Мы болтали о разных мелочах, смаковали вино, а над террасой стремительно сгущалась темнота. Завтра начнется новая глава моей жизни, пока можно ни о чем не думать, наслаждаться моментом в приятной компании. Не следить за тем, что говорю, не вслушиваться в шаги, нервно не ждать пиликанья диктино, а спорить о том, кто из писателей лучше. Наши мнения решительно не сходились, но я не собиралась уступать Лотеску, пусть он дворянин.

Да, определенно, я теперь другая, не приезжая провинциалка, не студентка или бедная учительница, уже чуточку хассаби во всех смыслах этого слова и собираюсь ей остаться.

Бывших сотрудников Отдела по работе с магией не бывает! Вот и Магдалене ишт Мазере не сидится на посту секретаря. Пусть и платят хорошо, и работа не такая нервная, как прежде, но тянет ее раскрывать дела о незаконной магической практике. Разумеется, Магдалена не смогла пройти мимо, когда доверявший прежде начальник вдруг начал прятать письма. Да тут еще странная экспертиза...

А в королевстве достаточно людей, готовых на убийство во имя сохранения собственной тайны. И на чины они не посмотрят.

книги для любого настроения здесь

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

www.ast.ru | www.book24.ru

vk.com/izdatelstvoast
[instagram.com/izdatelstvoast](https://www.instagram.com/izdatelstvoast)
facebook.com/izdatelstvoast
ok.ru/izdatelstvoast

ISBN 978-5-17-104334-6

9 785171 043346